

ДРЕВНИЙ САУРАН

Ербулат Смагулов

УДК
ББК
С

Смагулов Е.А. Древний Сауран. - Алматы, 2010. - 358 с.: илл.

Данное издание представляет собой публикацию материалов трехлетнего (2006-2008 гг.) археологического исследования городища Каратобе, расположенного в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области, – памятника, который обоснованно отождествляется с остатками известного средневекового города Сауран, в ранний период его существования. Городище рассматривается как важная составная часть «Сауранского археологического комплекса памятников». В публикации систематически описаны и проанализированы данные по топографии памятника, а также многие категории различного рода находок. Полученные при раскопках материалы и наблюдения всесторонне характеризуют высокоразвитую городскую культуру средневекового Казахстана.

Книга предназначена для археологов, историков, искусствоведов, и всех, кто углубленно интересуется историей культуры средневекового Казахстана.

ISBN 121212

Смагулов Е.А., 2010
Смагулов Е.А., Сала Р. фото
Турганбаева Л.Р., Бектиярова Д.С., дизайн, 2010
АО «АБДИ Компани», 2010

Содержание

	ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1.	САУРАН НА СТРАНИЦАХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ. ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТНИКА	19
1.1.	Следы на страницах древних книг. Письменные источники о древнем Саурани	22
1.2.	Следы на земле. Топография городища Каратобе	28
1.3.	Каратобе как часть «Сауранского археологического комплекса»	38
1.4.	Топография Миртобе	49
1.5.	Кяризы Саурана	57
1.6.	Монгольское завоевание и культурный слой. Некоторые проблемы археологии средневекового города	
		2.1.
Глава 2.	ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ	2.2.
2.1.	Описание раскопа 1 2006 г.	2.3.
2.2.	Продолжение работ на раскопе 1 в 2007 г.	2.4.
2.3.	Описание строительного горизонта 2	2.5.
2.4.	Описание строительного горизонта 3	2.6.
2.5.	Описание участка у крепостной стены	2.7.
2.6.	Разрез восточной крепостной стены	
2.7.	Работы 2008 г. на участке у крепостной стены	
		3.1.
Глава 3.	ИТОГИ РАБОТ НА РАСКОПАХ 2 И 3. ШУРФЫ	3.2.
3.1.	Раскоп 2: первые загадки	3.3.
3.2.	Раскоп 3: несбывшиеся надежды	
3.3.	Стратиграфические шурфы: когда «переехал» город	
		4.1.
Глава 4.	ЖИЛИЩЕ САУРАНА	4.2.
4.1.	Жилище в застройке города XII-XIII вв.	4.3.
4.2.	Позднесредневековое жилище XVI-XVIII вв.	4.4.
4.3.	Жилище раннесредневековой эпохи.	122
4.4.	К вопросу о происхождении жилища «отрарского типа»	232
		123
		456

Глава 5.	НАХОДКИ: СЛЕДЫ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА	5.1.
5.1.	Изделия из железа	5.2.
5.2.	Изделия из кости	5.3.
5.3.	Изделия из камня	5.4.
5.4.	Изделия из бронзы. Бронзовая домашняя утварь	5.5.
5.5.	Ювелирные изделия. Украшения	5.6.
5.6.	Детали ремней и поясов	5.7.
5.7.	Находки неясного назначения	5.8.
5.8.	Изделия из стекла	5.9.
5.9.	Нумизматические находки	5.10.
5.10.	Эпиграфические находки	
Глава 6.	ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ	6.1.
6.1.	Инструментарий гончара	6.2.
6.2.	Керамические чернильницы	6.3.
6.3.	Тандырные керамические декоративные плитки	6.4.
6.4.	Алтари-очажки	6.5.
6.5.	Тазар	6.6.
6.6.	Керамический унитаз	6.7.
6.7.	Дастарханы	6.8.
6.8.	Крышки.	6.9.
6.9.	Светильники-чирог	6.10.
6.10.	Бытовая посуда	123
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123

Введение

Запустение некогда цветущего средневекового города Сауран можно рассматривать как следствие тяжелейшего испытания, выпавшего на долю казахов в годы джунгарского нашествия. Отток населения и порушенные межрегиональные экономические связи привели к гибели целого ряда городов Туркестана. Покинутые городские постройки, жилые кварталы, мечети, бани, медресе и усадьбы приходили в ветхость и разрушались. Строительный материал, кирпич и камень, растаскиваясь населением окрестных аулов и кишлаков, и постепенно ветер забвения заносил руины пылью беспомысленности. В это время сведения о казахах, их землях, культуре, образе жизни становятся известны русской и европейской науке и неудивительно, что на страницах первых ученых описаний казахи предстают как извечные кочевники, пребывающие все время в пути, «следуя по приволью воды и травы», с остановками на зимовках, где они укрываются от лютых холодов в жалких лачугах или «утепленных» юртах. Усилиями поколений историков соседних стран, а потом и отечественных, эти представления о культуре казахов стали «культурологическим стереотипом», подпитывавшимся к тому же поиском самобытности. Этот поиск, однако, все время уводил к кочевью, юртам, кумысу, социальной и политической вольнице...

Науке и ее представителям жить и мыслить в системе биполярного мира привычней и легче. По правилу дихотомической оппозиции (черное— белое, чет—нечет, холодное—горячее, мужское—женское), кочевничеству противопоставляется оседлость, городам — кочевья... Однако история культуры народов показывает, что такие представления не достаточны для адекватной реконструкции истории культуры, например, казахского народа. Аналитический обзор истории культуры племен и народов той части Евразии, которая теперь именуется «Казахстан», показывает, что и здесь кочевничество и оседлость находились не в «понятийной» оппозиции, а в реальной взаимной «дополняемости». Особым этапом отечественной истории является эпоха средневековья, когда в благоприятных районах появляются поселения и города. Естественно, что наиболее крупные города — «долгожители» процветали в особых точках на трассах караванных торговых путей. Благодаря вездесущим купцам они становились известны во всем мире; их названия сохранили авторы средневековых сочинений.

Можно с уверенностью сказать, что ни один из известных средневековых авторов, писавших о событиях на среднеазиатских окраинах Великих евразийских степей, не мог обойти вниманием этот город ввиду той важной роли, которую он играл в истории Средней Азии¹. Как

¹ См.: Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2006.

показывают современные историко-топографические и археологические исследования, от исторического средневекового города Сауран сохранились два разновременных городища – Каратобе и собственно Сауран (рис. 1). Они, с прилегающими пригородными усадьбами, агро-иригационными планировками и конструкциями, некрополями, за-городными садово-парковыми комплексами и пр. составляют основу «Сауранского археологического комплекса»².

И если сегодня убедительно доказано, что эти два городища являются памятниками истории культуры одного средневекового города, то еще недавно существовала проблема локализации раннего городища Сауран. Поскольку на городище Сауран в основании свиты культурных напластований не были выявлены строительные горизонты и сопутствующие им материалы, датируемые более ранним временем, чем XIII-XIV вв., а в письменных памятниках Сауран упоминается как минимум с IX в., то встает вопрос о местонахождении этого раннего, или древнего, города.

Вообще же история археологических исследований на городище Каратобе, т.е. на Сауране домонгольского периода, весьма непродолжительна. Впервые памятник был обследован Южно-Казахстанской Археологической экспедицией (под рук. А.Н. Бернштама) в начале 50-х годов прошлого века. Тогда это городище не связывалось с историей Саурана, и исследователи, как выше было отмечено, полагали, что ранние слои лежат под поздними слоями Саурана³. Лишь руководитель экспедиции А.Н.Бернштам в своей фундаментальной статье как-то попутно, но прозорливо отметил, что ранний Сауран мог располагаться на Каратобе⁴.

В 1986 г. городище вновь было обследовано экспедицией Свода памятников, и на основании полученных наблюдений была пересмотрена датировка верхнего рубежа существования городища и описание его топографии. И уже в Своде памятников ЮКО 1994 г. возобладала точка зрения А.Н. Бернштама, и на Каратобе было локализовано городище древнего Саурана⁵.

В 1998 г. Туркестанской археологической экспедицией (ТАЭ) была произведена шурфовка городища Сауран и городища Каратобе и получены объективные стратиграфические свидетельства исторической преемственности городища Каратобе и городища Сауран, что

² Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Известия МОН РК, 1, 2007, с.126-136.

³ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958, с. 107, рис. 47.

⁴ Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, сер. археологическая, вып. 2,1949, с. 83-84.

⁵ Байпаков К.М. Городище Каратобе // Свод памятников истории и культуры. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994, с. 307; Байпаков К.М. Средневековый Сауран // Города Туркестана. Алматы, 1999, с. 85.

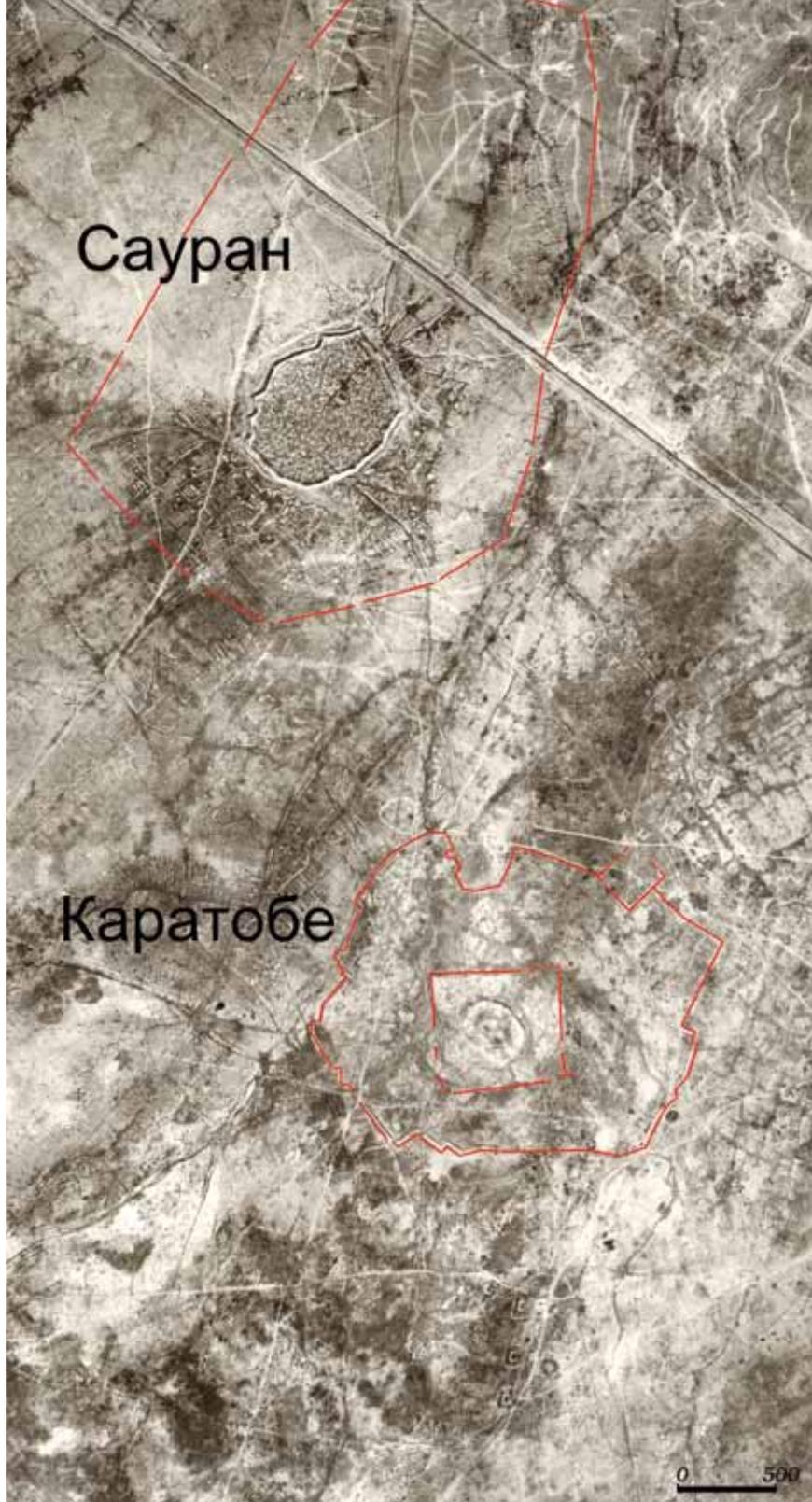

Рис. 1. Центральная часть «Сауранского археологического комплекса» на аэрофото начала 2-й половины прошлого века

Рис. 2. План архитектурного ансамбля северной половины центральной площади Саурана XIV-XVII вв.

окончательно сняло вопрос о локализации Древнего Саурана⁶.

С 2004 г. на позднем городище Сауран в рамках Гос. программы «Культурное наследие» Институтом археологии им. А.Х. Маргулана развернуты широкомасштабные исследования культовых и общественных сооружений, формировавших архитектурный облик города в XIV-XVIII вв. (жума-мечеть, медресе, ханака и пр.), исследованы северные городские ворота с «предворотным комплексом», мечеть-намазгох у северного некрополя, ряд пригородных усадеб⁷ (рис. 2). Но городище Каратобе не вошло в число номинантов Гос. программы, и широкомасштабные археологические исследования, имеющие перспективу консервации и музеефикации объектов Древнего Саурана, здесь были начаты лишь в 2006 и продолжены в 2007, 2008 гг. на средства ОФ «Олкетану» (г. Тараз). Результаты и материалы этих исследований уже частично опубликованы⁸.

Топография. Ставя задачу исследования некоего социо-географического явления, каковым является крупное городское образование, желательно иметь общее пространственное представление о топографии его наземных следов. Наилучший способ получить такое представление на сегодняшний день дает анализ аэрофотоснимков местности под разными углами освещения в со-

⁶ Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты Туркестана. Алматы, 2006, с.11.

⁷ Ақымбек Е.Ш. Ортағасырлық Сауран қаласының орындағы кесік // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 23-24 ноября 2006 г., с.63-67; Акылбек С.Ш. Медресе Саурана // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летию юбилею г.Астана. Астана, 2008, с. 321-329; Байпаков К., Смагулов Е., Ержигитова А., Туякбаев М. Исследования городищ средневекового Саурана // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2005 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2005, с. 304-307; Байпаков К.М., Акылбек С. Медресе средневекового Саурана // Археология степной Евразии. Алматы-Кемерово, 2008; Байпаков К.М., Акылбек С., ЕсжанЕ., Шохаев К. Медресе Саурана // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2007 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2008, с. 281-283; Бейсебаев А.И. Культ святых у современного населения в окрестностях средневекового Саурана // Тезисы докладов научной конференции молодых ученых «Ахинжановские чтения-2004», Алматы, 2004; Ержигитова А.А. Продолжение исследования архитектурного ансамбля Сауранского Регистана // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2007 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2008, с. 289-292; Смагулов Е.А. Город Сауран: перспективы исследования, консервации и музеефикации // Отан тарихы, № 1-2, 2000, с.100-109; Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Архитектурные памятники Саурана

четании с наземными пешими маршрутами по объекту (рис. 2). Этот вполне традиционный археологический метод позволил нам несколько иначе, чем ранее, увидеть топографию памятника. Искаженное прочтение топографии средневековых городищ – систематическая и типичная ошибка авторов фундаментального обобщения итогов работ ЮКАЭ в 40-х гг. прошлого века⁹. Что обусловлено было, видимо, общим уровнем развития методики фиксации и интерпретации историко-топографического материала. Причем искажения обычно были в сторону умаления масштабов городищ. Так, например, ранее мы обратили внимание на то, что значительно была преуменьшена площадь средневекового г. Туркестана – городища Ески-Туркестан¹⁰.

Теперь топографию городища Каратобе можно описать как три, ограниченных крепостными стенами, пространства, почти строго концентрически вписанных друг в друга. Первая (или наружная) крепостная стена, охватывающая площадь примерно в 3,5 км², имеет общую протяженность около 4-х км. Внутренний город был окружен стеной длиной в 2200 м, ограничивающей почти правильный квадрат. Овальную «цитадель» в центре квадрата охватывала стена протяженностью около 1000 м. Т.е. по своим масштабам для предмонгольского времени город Сауран был, действительно, одним из крупнейших городских центров на юге Казахстана и по своим основным параметрам (занимаемая площадь) вполне сопоставим, например, с древним Отраром.

Как показали наши исследования, верхний рубеж интенсивной городской жизни на Каратобе – XIII в¹¹. Значит, описанная выше топография городища характеризует город IX-XII вв., т.е. саманидского и караханидского времени, – периода наивысшего расцвета городской жизни в Средней Азии, включая и юг Казахстана, всплеска роста городов и вообще оседлой культуры в регионе. А последний (самый верхний)

// Музеи Казахстана, 2006, 8, с. 24-26; Смагулов Е.А. Крепость в степи // Промышленность Казахстана, 12, 2005, с. 94-95; Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Известия МОН РК, 1, 2007, с.126-13; Смагулов Е.А. Архитектура Саурана // Промышленность Казахстана, 1, 2006, с. 96-97; Смагулов Е.А. Средневековый Сауран: на перекрестке проблем и мнений // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летию юбилею г.Астана. 2 июля 2008г. Астана, 2008, с.190-197.

⁸ Смагулов Е.А. Некоторые итоги исследования Древнего Саурана (городище Каратобе) // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. Алматы, 2008, с. 284-288; Смагулов Е.А., Столярова Н.П. Городище Каратобе - древний Сауран // Материалы международной научно-практической конференции «Древний Тараз и тюркская цивилизация». Тараз, 2007, с. 105-110; Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследование Древнего Саурана // Известия МОН РК, №1, 2009, с. 236-256; Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследование Древнего Саурана 2 // Известия МОН РК, № 1, 2010.

⁹ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана..., с. 92-94, 107.

¹⁰ Смагулов Е.А. Обзор стратиграфических данных и наблюдений по топографии средневекового Туркестана // Известия МОН РК, НАН РК, серия обществ. наук, 2000, 1, с.15, сн. 28.

¹¹ Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран..., с. 62-67.

строительный горизонт относится нами ко времени монгольского завоевания и последовавшему за ним краткому периоду.

Выявленные топографические особенности свидетельствуют, что город на этом месте был заложен и первоначально строился по четкому градостроительному и архитектурному плану. Предварительная характеристика его основных топографических элементов и структурных частей (концентрическая зональность, продуманность фортификации, обеспеченность водой и пр.) говорят о высоком уровне проявленного здесь градостроительного искусства¹². Такое впечатление возникает, если попытаться рассмотреть под поздними наслоениями очертания раннесредневекового города. Уже можно считать вполне установленным, что средневековый город имел древнее (раннесредневековое) ядро, на руинах которого в VIII-IX вв. была основана цитадель, позже застроенная жилыми кварталами шахристана.

Ход работ. Для изучения на широкой площади стратиграфии и планировки верхних культурных наслоений (ВСГ) центрального холма городища, под которым следует предполагать цитадель древнего города, нами был начат в 2006 г. «раскоп 1» (P1) в ЮВ углу холма. Площадь раскопа по уровню ВСГ составила более 3500 м² (рис. 3, 4). Здесь выявлена плотная застройка жилыми массивами, состоящими из одно-

Рис. 3. Центральный холм Каратобе с основными раскопами 2006-2008 гг.

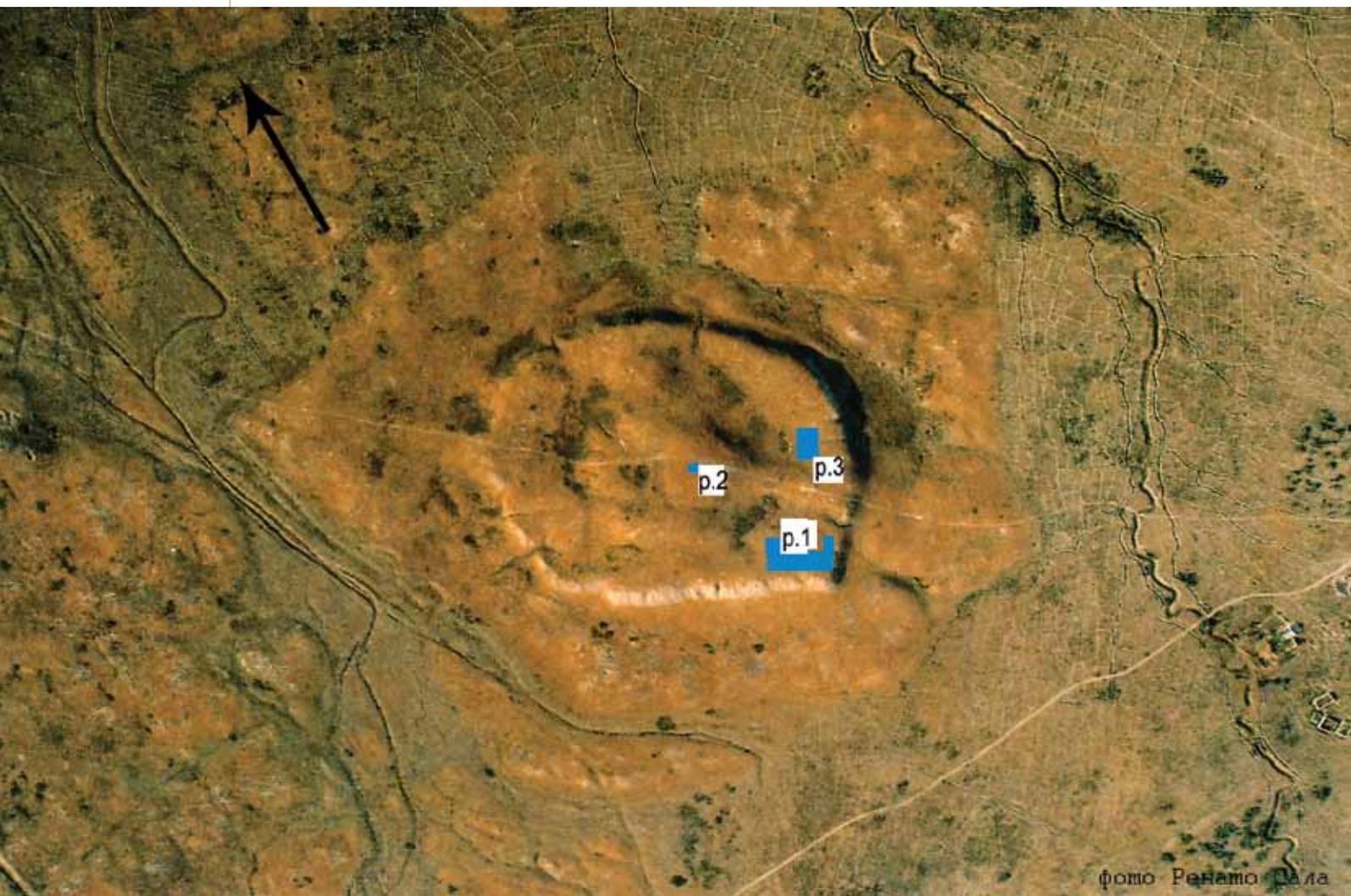

Рис. 4. Схема вскрытых разновременных участков на раскопе 1 2006-2008 гг.

трехкомнатных домов. Некоторые из них могут быть интерпретированы как жилища достаточно зажиточных представителей городского населения. Во всех домах зафиксированы суфы с тандырами, встроенные в стены камины, закрома. Массовую категорию находок составляет поливная посуда, датированная нами по имеющимся прямым аналогиям XIII в. К ней относится посуда с зеленой, желтой, красно-коричневой поливкой с желтым рисунком. В это время широко распространена керамика с процарапанным орнаментом и росписью крапинами, потеками зеленого, ядовито-желтого, марганцевого цветов, в самых различных вариантах. Основные формы глазурованной керамики и даже некоторые рисунки в декоративном репертуаре гончаров Саурана аналогичны рисункам на поливной посуде известных ремесленных центров Средней Азии, что свидетельствует об их подверженности общерегиональной «эпохальной» моде и о связях художественно-декоративных традиций Туркестана (Южного Казахстана) и Мавераннахра.

На самом холме «цитадели» Каратобе в его центре различимо пологое возвышение овальной в плане формы диаметром около 40-50 м. На нем, как на самой высокой точке холма городища, некогда стоял триангуляционный знак (тригопункт). В юго-западном секторе этого холма нами был заложен «Раскоп 2» (P2) площадью 15x15 м (рис. 3). Он имел целью выявить и исследовать предполагавшиеся здесь остатки монументальных построек цитадели. Однако полученные результаты не подтвердили этих предположений. Как показал данный раскоп (P2), в самой возвышенной центральной части городища продолжительное время (X-XIII вв.) существовал холм образованный золи-

¹² Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Известия МОН РК, 1, 2007, с.126-136.

стыми мусорными прослойками общая толщина которых составляет не менее 4,5 м. Т.е. в центре города существовала долговременная мусорная свалка! Данный феномен требует своего объяснения, которое невозможно получить, значительно не расширив и не углубив Раскоп 2. Поскольку осуществить это в последующие сезоны не представлялось возможным, данный раскоп был временно законсервирован.

В полевом сезоне 2007 г., Раскоп 1 в ЮЗ углу цитадели Каратобе был расширен вплоть до склонов холма. На одном из участков раскопа были сняты конструкции ВСГ и вскрыта планировка нижележащего строительного горизонта (Р1, уч. 2, СГ2). При расширении раскопа до восточного склона цитадели возникла задача исследовать остатки участка восточной крепостной стены, проследить ее стратиграфическое положение и конструктивные особенности.

На участке площадью около 500 м² к востоку от внутриквартальной улочки конструкции ВСГ были сняты и вскрыт участок застройки по уровню СГ2 (Участок 2). Далее по восточному склону была вскрыта верхняя планировка участка № 3, но стратиграфически, надо полагать, она соответствует СГ2 участка 2. Ниже по склону зачищены остатки крепостной стены, которая оказалась застроенной жилыми постройками в период ВСГ. На участке протяженностью около 20 м выявлен наружный фас этой стены и пристроенные к ней снаружи постройки. С целью изучения конструкции крепостной стены в 26 м от ЮВ угла цитадели начат ее стратиграфический разрез шириной в 1 м (Разрез № 1 крепостной стены) (см. схему, рис. 4).

Поиск остатков монументальных общественных сооружений на цитадели¹³ выявил концентрацию плоских необработанных камней на участке в 50-60 м к северу от Р1. Было выдвинуто предположение, что здесь могут быть следы некоего крупного сооружения, в котором плоские камни могли быть основаниями под базы колонн. Для проверки предположения на этом участке был разбит раскоп (Р3) площадью 300 м². В результате работ здесь был вскрыт по уровню ВСГ участок плотной рядовой жилой застройки¹⁴.

Поскольку Разрез 1 на восточной крепостной стене показал хорошую сохранность строительных конструкций, подстилающих ВСГ и СГ2, то в сезоне 2008 г. на участке вокруг западного конца «Разреза 1» были сняты остатки конструкций СГ2 и раскоп на площади около 360 м² был углублен до уровня СГ3 и СГ4. В результате здесь был вскрыт ряд помещений с культовыми очагами-алтарями в центре, которые, безусловно, относятся к раннесредневековой эпохе.

Задачи. Целью данного издания является подведение промежуточного итога трехлетних научно-исследовательских работ на городище Древнего Саурана и издание некоторых комплексов накопленных материалов, характеризующих быт и культуру крупного средневекового города на юге Казахстана. В 2005 г. в преддверии начала широкомасштабных археологических работ на городище Сауран нами был подготовлен и издан альбом-монография «Средневековый город Сауран»¹⁵. Здесь были обобщены итоги и материалы археологических

исследований Саурана, приведены известные сведения письменных источников, обоснована актуальность и перспективность археологических исследований города. Все это избавляет нас от необходимости повторения уже известного и позволяет уделить больше внимания тому новому, что получено за прошедшие годы.

Все работы на городище Каратобе проводятся на средства и при всесторонней поддержке ОФ «Олкетану» (г. Тараз). Меценатская деятельность этого Общественного фонда в гуманитарной сфере и по сохранению и возрождению культурного наследия сегодня широко известна республиканской общественности. Тем более, нам приятно выразить особую благодарность учредителям фонда и его директору Баймурзину Ерболату за активное содействие в реализации данного научно-исследовательского проекта.

В работах на городище Каратобе в качестве начальников раскопов, инженеров и лаборантов в разные сезоны участвовали: к.и.н., с.н.с. Н.П.Столярова (г. Ташкент), с.н.с. М.К. Туякбаев (г. Туркестан), стажер-исследователь А. Жумабаев (г. Бишкек), с.н.с. А. Ержигитова (г. Шымкент), н.с. А. Сулайманова (г. Бишкек), лаборант-художник У. Кумисбаева, (г. Шымкент), инженер Б. Гребенников (г. Алматы). За рулем экспедиционной «ГАЗели» были таразец Жумабек Кулисбаев и туркестанец Талап Жарылкапов. Нами использованы аэрофото городища, выполненные Р. Сала, а также фотографии О. Белялова, которым я выражаю свою благодарность.

¹³ Кстати, эта задача на городище Каратобе не выполнена до сих пор. Причина в том, что руины оставленного города рядом со строящимся новым Саураном стали, естественно, для строителей источником качественного обожженного кирпича. Вероятно, вереницы арб свозили на стройки Саурана добытый из каратобинских руин кирпич, тем самым стирая следы мечетей и медресе...

¹⁴ Работами на РЗ руководила Н.П. Столярова.

¹⁵ Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2005.

Карта местности Туркестанского оазиса

глава **1**

Сауран на страницах
письменных источников.
Топография памятника

1.3.

- 38 Каратобе как часть «Сауранского археологического комплекса»

1.4.

- 49 Топография Миртобе

1.1.

- 22 Следы на страницах древних книг. Письменные источники о древнем Сауране

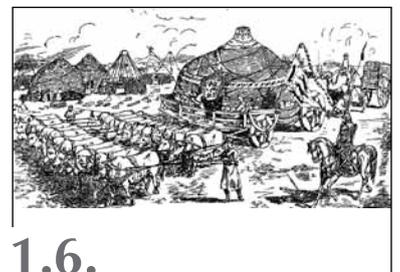
1.5.

- 57 Кяризы Саурана

1.2.

- 28 Следы на земле. Топография городища Каратобе

1.6.

- 68 Монгольское завоевание и культурный слой. Некоторые проблемы археологии средневекового города

1.1. Следы на древних страницах

Сведения о наиболее ранних исторических событиях, связанных с городом, отражены, как нам представляется, в таком своеобразном источнике, как «Насабнама» южноказахстанских ходжей – изустных преданиях, записанных примерно в XI-XII вв. Последнее обстоятельство никак не умаляет значение и достоверность данного письменного источника, требующего, конечно, критического к себе отношения. Однако не будем забывать, что вся ранняя арабская историческая традиция покоится на сведениях устных племенных преданиях письменно зафиксированных спустя несколько веков после описываемых в них событий¹⁶. В этом сравнительно недавно опубликованном источнике приведены данные которые позволяют оценить роль города Сауран в эпоху исламского завоевания края – в 1-й половине VIII в. О Саурани говорится, что прежде он был известен под названием «Сулхан» и сообщается о нем как о месте, где были ожесточенные бои мусульман с неверными, после чего здесь был отстроен новый город (вероятно, реконструирован прежний). В частности, в этом источнике сообщается, что после ожесточенных боев мусульман в районе Сайрама с войсками Туббат-дара, вероятно, местного правителя-язычника, и их разгрома, тот бежал в район Саурана: «Хадрат Шах 'Абд ал-'Азиз-баб в этой сайрамской битве стал мучеником. После этого Туббат-дар падишах в сторону Сулхана, который теперь племена тюрков называют Сауран, бежал...». Захватив Сузак на северных склонах Каратау, мусульмане подступили к Саурану: «После этого Исхак-баб, осадив город Сулхан и несколько суток провоевав, сорок тысяч неверных христиан убил. Семь тысяч мусульман стали мучениками. Туббат-дар падишаха с двумя другими падишахами из народа христиан убил. После этого хадрат Исхак-баб земли Туркистана, [как то] Йаси, и Суйри, и Карнак, Икан и Темир-Куфкан, и Багистан, и Йетти-канд, и Алтмыш, и Отрар, и Сыгнак, и другие из областей и селений, и всех людей, расселившихся от моря до [другого] моря, которое тюркские племена называют Тенгиз, – всё и вся обратил в ислам». Похоже, завоевание Саурана ознаменовало подчинение южноказахстанского региона, Туркестана, арабо-мусульманскими войсками и начало обращения основной массы местных городских жителей в ислам. *Но окончательное утверждение ислама потребовало еще немало времени: «После этого (после завоевания Саурана/Сулхана - С.Е.) [он (Хадрат Исхак-баба)] три крепости (стены), которые сто-*

¹⁶ Бартольд В.В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии // Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, с. 380.

**ят одна вокруг другой, то есть, опоясывая друг друга, воз-
двиг, и семь соборных мечетей построил, и восемьдесят
лет с неверными магами воевал»¹⁷.**

В свете этих данных становятся понятными истоки южноказахстанских фольклорных преданий о множестве «святых-мучениках», связанных с такими древними городами, как Сайрам, Отрар, Сауран, бывшими, как оказывается, в VIII в. оплотами борьбы с мусульманской экспансией, а после завоевания ставшими форпостами распространения новой веры и культуры. К тому же, появляется ориентир поиска аналогий в происхождении некоторых инноваций в средневековой культуре региона. Например, такому фортификационному приему, присутствующему в планировке внешней крепостной стены городища Каратобе – Древний Сауран, как устройство «оборонительных стен с углами», который мог быть занесен из Византии, где он был широко известен как позднеримский фортификационный прием.

Очевидно, что значительная и особая роль, которую сыграл Сауран в VIII в. в деле распространения ислама предопределила его особое положение в регионе. Географ Якут в своем сочинении «Словарь стран», составленном в начале XIII в., пишет, что Сауран является одним из пограничных городов, не платящих хараджа наравне с Испиджабом¹⁸.

Географ Макдиси сообщал, что «Сауран большой (город), окруженный 7 стенами, одна за другой, а в нем есть рабад, соборная мечеть (находится) во внутреннем городе. Он – пограничная крепость против гузов и кимаков...»¹⁹. В другом месте он же писал, что Сауран входит в число городов Испиджаба. В первой половине X в. в сочинении Истахри, переработанном в 976 г. арабским географом ибн Хаукалем, который в «Книге путей и стран» писал: «...а этот Собран город, в котором собираются гузы для (заключения) мира и перемирия и для торговли, когда они в мире; это укрепленный город»²⁰.

Некоторые исследователи на основании этого сообщения склонны считать, что не только город Сауран, но и вся территория правобережья среднего течения Сырдарьи и бассейна Арысы, вплоть до г. Тараза, в это время входила в состав государства огузских Ябгу²¹. В городе Фарабе, расположенном неподалеку от Саурана (к юго-востоку), по сообщению ибн Хордадбеха (середина IX в.), одновременно с мусульманами (арабами) находились отряды турок карлуков, но не гузов²². Из цитированных выше источников мож-

¹⁷ Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., с.138-140.

¹⁸ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории... с.100.

¹⁹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. Арабские и персидские источники. М.-Л., 1939, (далее: МИТТ), с. 185.

²⁰ МИТТ, т. I ... с. 183.

²¹ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации ... с. 249.

²² МИТТ, т. I ... с. 144.

но заключить, что в IX–X вв. город Сауран не входил в состав государства огузов, а наоборот, как говорил Макдиси, был «пограничной крепостью против гузов». Этому не противоречит и сообщение Истахри, что гузы собирались сюда «для (заключения) мира и перемирия», а также и замечание анонима Худуд ал-Алема, что «Собран город очень богатый — место гузских «купцов»²³. Последнее указание, по мысли переводчика цитированного текста С. Волина, не включает сколько-нибудь ясного определения — принадлежал ли город огузам или огузские купцы стекались сюда в мирное время для закупки товаров для кочевников. Мы же считаем, что в X в. Сауран был на средней Сырдарье пограничным укреплением «саманидского Мавераннахра»²⁴.

В начале XI в. город Сауран и его округ, как, по-видимому, Фараб, Испиджаб и другие города и округа юга Казахстана, вошли в состав государства Караханидов, подчинивших себе в это время большую часть территории Средней Азии.

Во время борьбы сельджукидов с караханидами сельджукид Алп-Арслан, по сообщению ибн ал-Асира, в 1065 г. совершил поход на Дженд и Сабран, причем для этого он «...переправился через Джейхун (Сыр-Дарью) и направился в Дженд и Собран, а они около Бухары... когда он переправился через реку, его встретил меллик Дженда, выразил ему покорность и преподнес ему крупные подарки»²⁵.

Из этого сообщения следует, что Сырдарья в то время шла по старому руслу, известному сейчас под наименованием Жанадарья, на правом берегу которой расположены развалины Дженда. В противном случае Алп-Арслану не пришлось бы переправляться через Сыр-Дарью. Был ли при этом Сауран занят Алп-Арсланом из сообщения ибн ал-Асира неясно.

Хотя прямых указаний о том, кому принадлежал в это время Сауран, в восточных источниках не имеется, но нужно думать, что районом средней Сыр-Дарьи, с Саураном и Джендом, в это время владели караханиды Мавераннахра. Основная масса огузов к этому времени вообще оставила присырдарьинские земли, поэтому и владеть Саураном в это время они не могли.

После завоевания каракитаями (1141 г.) северо-восточной части государства Караханидов город Сауран вошел, очевидно, в состав их государства.

В числе городов, захваченных в 1207/08 гг. хорезмшахом Мухаммедом и в 1219/20 гг. Чингиз-ханом, город Сауран не упоминается. Из этого можно заключить, что и хорезмшаху и монголам город сдавался без боя, поэтому, по-видимому, и не подвергался разрушению, так как иначе он едва ли смог быстро оправиться, чтобы уже в 1254 г. быть «весьма велик», как отметил историк, описыва-

²³ Там же, с. 216.

²⁴ Бартольд В.В. История Туркестана. Курс лекций // Сочинения. т. II, ч. 2, М., 1964, с.124.

²⁵ МИТТ, т. I ... с. 374.

ющий путешествие армянского царя Гайтона (Гетума). Под именем «Савран» город назван в маршрутнике Гетума в одном ряду вместе с Сыгнаком (Сгнахом), Харчуком (Карачуком) и Асоном (Ясы)²⁶. Можно предположить, что это упоминание относится к городу, еще стоявшему на месте Каратобе. А вот с момента образования Ак-Орды (1265-1266 гг.) город Сауран входит в состав последней и, согласно сообщению «анонима Искандера», в нем был похоронен умерший в 1320 г. правитель Ак-Орды – Сасы-Бука. Т.е. можно предположить, что Сауран становится крупным удельным центром, главным городом (столицей) владения, коль в нем хоронится его правитель. Сын его Эрзен (1320–1345гг.), по словам того же источника, построил в Отраре, Сауране и других городах много медресе, ханака и мечетей. Очень вероятно, что именно в этот период (последняя четверть XIII – 1-я половина XIV в.) правители нового политического образования принимают решение о перемещении Саурана на новое место. О том, что в регионе наблюдается явление перемещения ряда городов на новое место, предположительно писал еще А.Н. Бернштам, правда, никак не датируя это явление²⁷.

Интересно отметить, что во 2-й четверти XIV в. отмечается смена местоположения ряда крупных поволжских золотоордынских городов, включая столицу, в Нижнем Поволжье, и в целом, в северном Прикаспии. Это явление, как известно, породило в историографии Золотой Орды условно называемую «проблему двух столиц». Решая ее, исследователи выдвинули ряд гипотез, от внутри- и внешнеполитических до экологических, объясняющих это явление. Предпринятый сравнительно недавно критический обзор этих интерпретаций ставит под сомнение основания всех, кроме одной – «экологической». Новые археологические исследования и анализ накопившихся нумизматических коллекций, по мнению В.В. Пачкалова²⁸, решают эту проблему в пользу катастрофической трансгрессии Каспия во 2-й четверти XIV в., как основного фактора, приведшего к смене местоположения ряда городов в Северном Прикаспии, и, в частности, к переносу столицы и основанию Сарая ал-Джедид («Нового Сарая», «Новгорода»).

Конечно же, подобное решение по конкретно Поволжским и Жайыкским городам²⁹, не снимает актуальности прочих факто-

²⁶ Ганзакеци Киракос. История Армении. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Л.А. Ханларян. М., 1976, с. 224.

²⁷ Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана., с. 81-82.

²⁸ Пачкалов А.В. Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии // Восток-Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8, Казань, 2007, с. 171-180.

²⁹ Возможно, А.В. Пачкалов не знаком с материалами исследования новооткрытого городища на правом берегу р. Урал – городища Жайык, которые, в принципе, могли бы усилить его аргументацию гипотезы о решающем факторе смещения городов. При интерпретации причин запустения города на месте впадения притока Чаган в р.Урал, у подножия Меловых гор, мы воздержались от однозначного ответа на этот вопрос, но отметили, что в этом однослойном памятнике найдены только монеты Узбек-хана. Кроме того, предполагаемое название этого городища «Шакафни» (на «карте Дженкинсона») созвучно названию

ров, действовавших в тот исторический период в иных природно-географических зонах Евразии, в частности, в Приаралье. Известно, что экология Прикаспия и Приаралья находится в «обратной связи»; предельно обобщая можно говорить, что при трансгрессии Каспия происходит регрессия бассейна Арала и самого этого озера³⁰. В последнее время появились убедительные археологические свидетельства значительного падения уровня Арала в XIV в. На обнажившемся вследствие регрессии дне Арала казахстанскими археологами обнаружены и исследованы остатки нескольких поселений и некрополей, датированных XIV в.³¹. Существенное обмеление моря может свидетельствовать о значительной аридизации в XIII-XIV вв. бассейна одной из главных питающих его рек – Сырдарьи, следствием чего становится крайний дефицит воды в крупных городских центрах ее бассейна, таких, как Сауран. Видимо, в рассматриваемый период, в целях преодоления водного кризиса, здесь активизируется строительство разветвленной системы кяризов, с помощью которых актуализировались глубоко залегающие грунтовые воды³². Жизнь в городе становится предельно зависимой от насыщенности водоносных пластов, а к древнему Саурану (на месте городища Каратобе), вероятно, было затруднительно, если вообще возможно, подвести достаточное количество кяризной воды. Более выгодными условиями, видимо, обладала местность в 3-3,5 км к северу, куда сходились водоносные пласты конусов выноса трех небольших местных рек, стекавших с гор Каратау³³.

Вряд ли только одна причина, сколь бы существенной она не выглядела, имела следствием перемещение на новое место крупного древнего города. Вероятно, в случае с Саураном имел место еще и тот фактор, о котором, применительно к городам Золотой Орды, писал Г.А. Федоров-Давыдов³⁴. Стремление местной элиты выйти из-под власти, хоть и номинальной, но приводившей к оттоку нало-

не исследованного ногайского городка «Шакашин», который располагался на р. Урал, у места впадения в него р. Киндалы, и что хотя бы на этом основании можно допустить их преемственность, т.е. смещение города вверх по течению реки (см.: Смагулов Е.А. Проблемы исследования средневековых городов в Уральской области // Известия МОН РК, НАН РК, сер. обществ. наук, № 1, 2002, с. 91-102; Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005, с. 121-126).

³⁰ Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (ландшафт и этнос) // Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993, с. 285-319.

³¹ См.: Смагулов Е.А. Находка и исследование мазара на дне Аральского моря // Отан тарихы, № 4, 2001, с. 77-82; Байпаков К.М. и др. Археологические исследования на дне Арала // Отчет об археологических исследованиях по Гос. программе «Культурное наследие» 2006 года. Алматы, 2007, с. 120-122.

³² Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Известия МОН РК, НАН РК, сер. обществ. наук, № 1, 2003, с.172-189.

гов, каракорумских Великих ханов, было достаточной дополнительной мотивацией, или поводом, для осуществления больших градостроительных проектов.

О политико-экономических мотивах этого явления, отмечаемого на всей территории бывшей монгольской империи, нам приходилось писать в связи с зафиксированным территориальным перемещением города Туркестана³⁵. Возможно, что это перемещение было связано с существенной перестройкой государственно-политического устройства, ставшего следствием распада монгольской империи и появлением на просторах Евразии новых государственных образований. Хан Эрзен, очевидно, предпринимал активную строительную деятельность, по существу, в **новостроющихся** городах. Поэтому можно полагать, что его проекты не ограничивались прежними традициями городских застроек или мнением старой городской элиты. Есть основания полагать, что наиболее ранние сооружения на центральной городской площади нового Саурана, в том числе и расчищенная нами «Жума мечеть»³⁶, была построены при нем.

Роль столичного центра, но уже регионального масштаба, Сауран сохранял и в последующее время, являясь резиденцией наместников разных династий. В 80-е годы XV в. городом управлял Иренчи-султан, сын одного из первых казахских ханов Джаныбека³⁷. Сауран XVI в. обстоятельно описан Рузбиханом, который называет его «необыкновенно приятным городом. Построен он в открытой, ровной степи. Он чрезвычайно веселый, светлый, с мягким, бодрящим воздухом, который придает разуму радость и силу... По всей округе растут и виднеются разного рода красивые деревья. Самый город окружен высокой стеной..., а вокруг нее ров»³⁸. Но эти страницы истории Саурана запечатлены в руинах другого городища, об исследовании которого мы расскажем в другой книге.

³³ Deom J.M., Sala R. The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы, 2005, с.120-132.

³⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 80.

³⁵ Смагулов Е.А. Ясы-Туркестан-Шавгар: археологические данные к исторической идентификации // Известия МН-АН РК, сер. обществ. наук, № 1, 1997, с. 35-43.

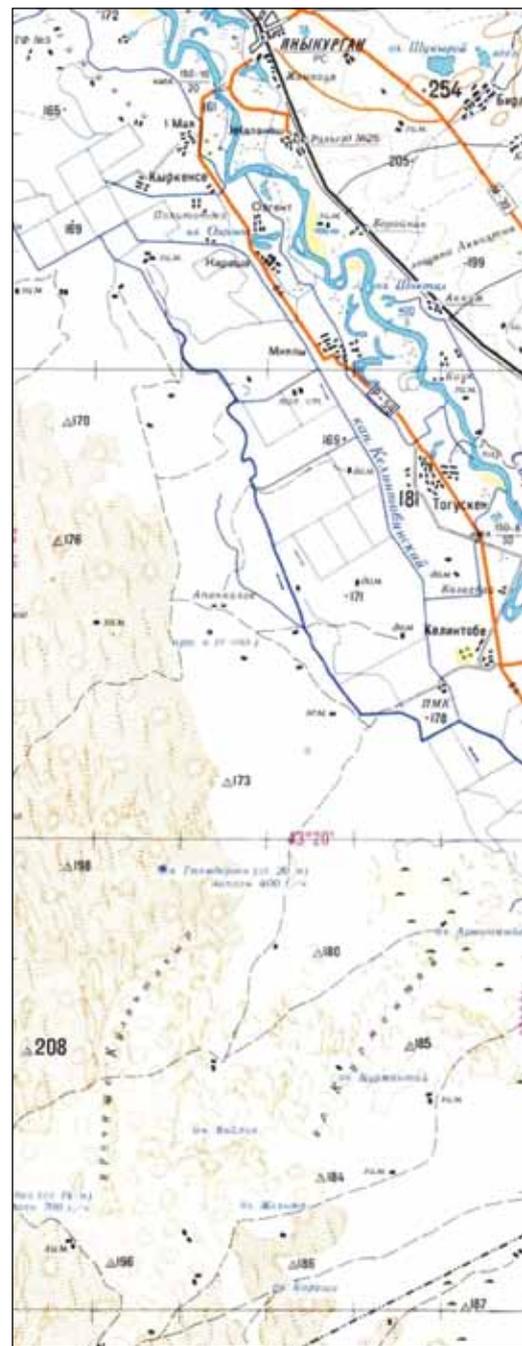
³⁶ Смагулов Е.А. Жума мечеть на Регистане Саурана // в печати.

³⁷ Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств // Казахстан в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1969, с. 17-18.

³⁸ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфгани. Михман-наме-йи Бухара (записки бухарского гостя). Перевод, предисл. и примеч. Р.П. Джалиловой. М., 1976, с. 116.

1.2. Следы на земле. Топография городища Каратобе

Сотрудниками ЮКАЭ (рук. А.Н. Бернштам) в свое время была совершенно своеобразно интерпретирована топография памятника. Они писали: городище «имеет форму бугра, в плане напоминающего геральдический щит, направленный острием на СЗ. Размер его у основания с СЗ на ЮВ – 325 м и с СВ на ЮЗ – 230 м, высота бугра около 4 м. В середине верхней площадки, окруженной со всех сторон остатками земляного вала, находится холм, прямоугольный в плане, ориентированный углами по странам света, высотой над окружающей местностью около 6 м, который является остатком цитадели. Размер его у основания с СЗ на ЮВ – 100 м и с ЮЗ на СВ – 60 м. Следы ворот сохранились на севере, северо-востоке, юго-западе и западе. Со всех сторон к городищу примыкают остатки обширного предместья — рабада, представляющего собой возвышенную площадку, неправильно овальной формы, со следами построек в виде земляных холмов разных размеров»³⁹. Отметим, что топоплан, весьма схематический, этих холмов был первоначально опубликован в статье А.Н. Бернштама⁴⁰, а позже в сводной работе Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича⁴¹. Очевидно, что за территорию городища авторы приняли лишь территорию, которую теперь мы склонны именовать «основным холмом городища», или шахристаном с раннесредневековой (древней) «цитаделью» городища. А в целом эти представления, характеризующие городище как холм площадью примерно 250х350 м, высотой около 4 м, а

³⁹ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов..., с. 97-109.

⁴⁰ Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, № 67, серия археологическая, вып. 2, 1950, с. 82, рис.11:1.

⁴¹ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений..., с.107, рис. 47.

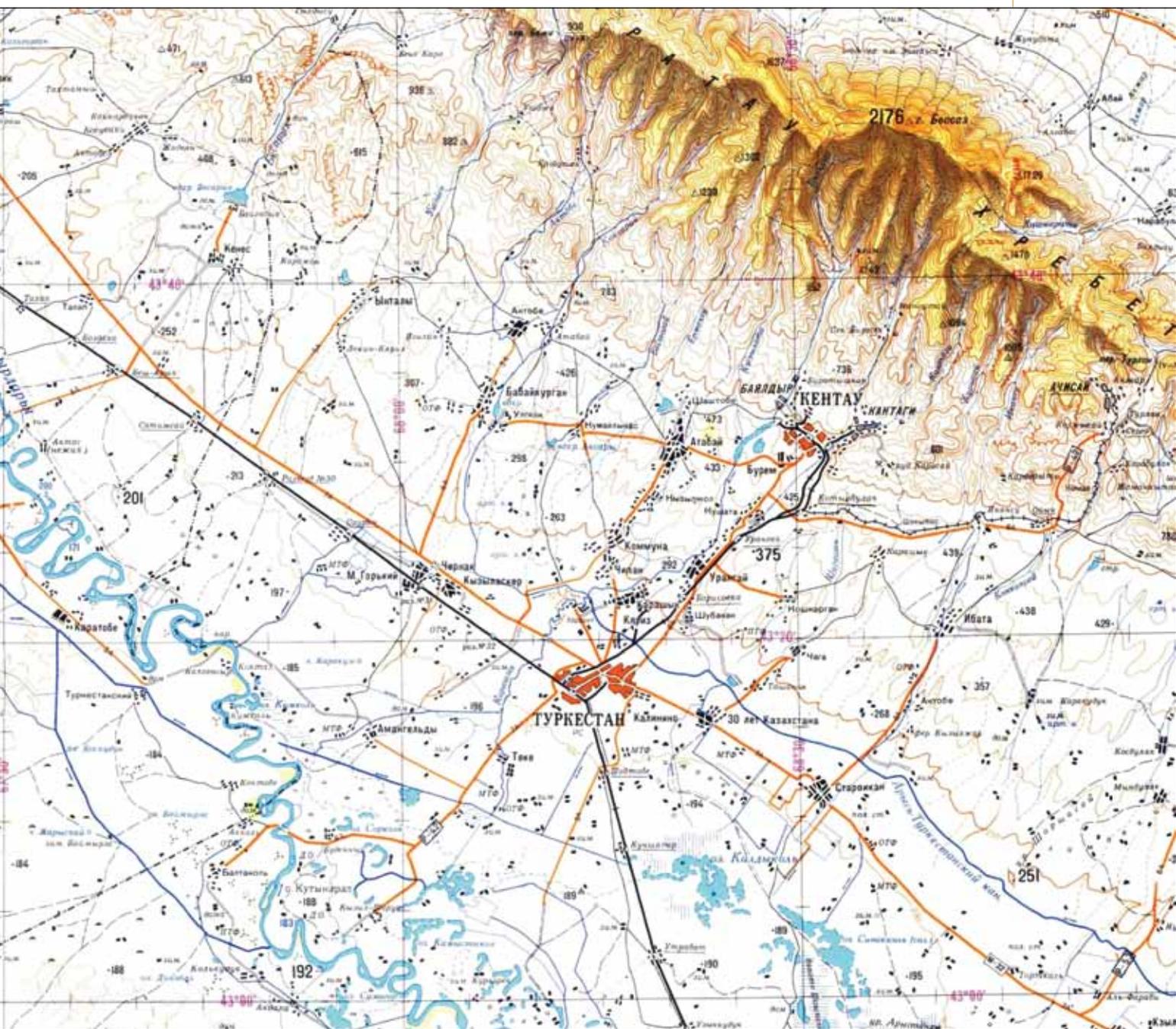

Рис. 1. Сауранский археологический комплекс на карте местности

вместе с холмом цитадели до 10 м над местностью, значительно умяяют масштабы Саурана X-XIII вв.

Городище расположено почти на границе Туркестанского района ЮКО и Жанакорганского района Кызылординской области, в 3-х км к югу от городища Сауран или в 3-х км к западу от 30-го разъезда железной дороги (рис. 1).

Визуальное топографическое обследование на местности и анализ имеющейся детальной аэрофотосъемки городища Каратобе и его окрестностей, позволяют представить данный объект как достаточно сложный и интересный памятник городской культуры. Его топографию можно описать как три, ограниченных крепостными стенами, пространства, почти строго концентрически вписанных друг в друга (рис. 2).

Контур наружных стен описывает почти правильный круг диаметром 1700–1800 м, с ломаным периметром стен и площадью около 252 га, т.е. около 2,5 км². Стены местами имеют прямые участки, иногда образуют прямые углы, частично идут по дуге. В некоторых местах они плохо распознаются на местности, но достаточно четко дешифруются на аэрофотоснимках, сделанных при боковом освещении. Обращает на себя внимание вроде бы отсутствие регулярных крепостных башен по периметру этой стены. Но зато имеются характерные повороты стены под прямым углом, не обусловленные особенностями рельефа местности. Очевидно, здесь использован специальный фортификационный прием, обеспечивающий фланговую оборону наиболее ответственных участков стены с верхней стрелковой галереи, шедшей по гребню стены. В теории крепостного строительства еще с античных времен известен прием возведения стен в виде «меандров» или «зубьев». Среднеазиатским вариантом воплощения этого приема, по мнению специалистов, является ранняя южная городская стена Пенджикента⁴².

Внутреннее пространство территории, охваченной внешним кольцом стен, лишь местами имеет плотную застройку, особенно в западной половине. Теперь наличие культурного слоя в этих местах дешифруется по плоским холмам желтого цвета, скрывающим руины участков со сплошной застройкой, занимающих примерно одну четверть всей внутренней площади. Остальная территория, за исключением центра, занятого, как мы полагаем,

⁴² Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 20; Семенов Г.Л. Город и замок в раннесредневековом Согде // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990, с. 60.

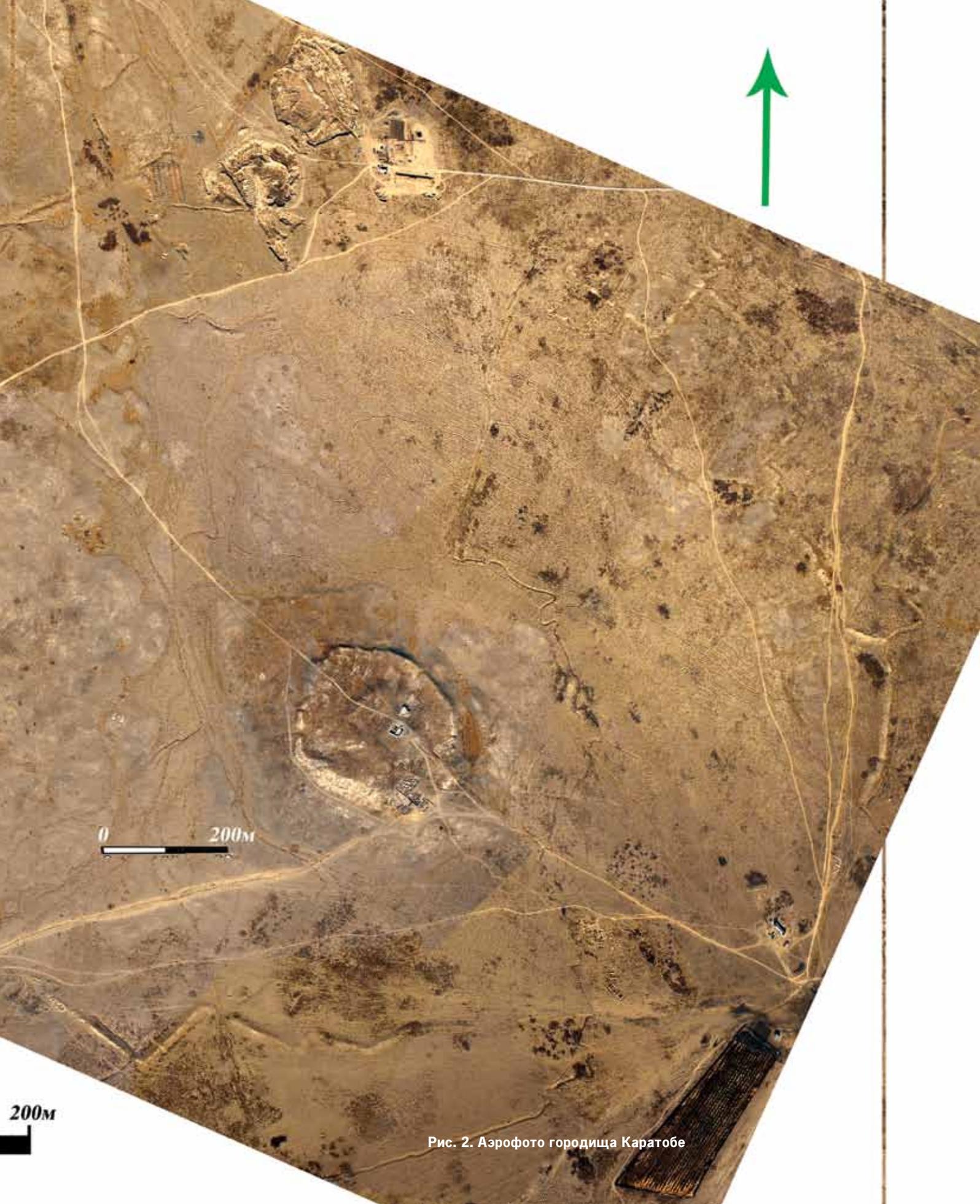
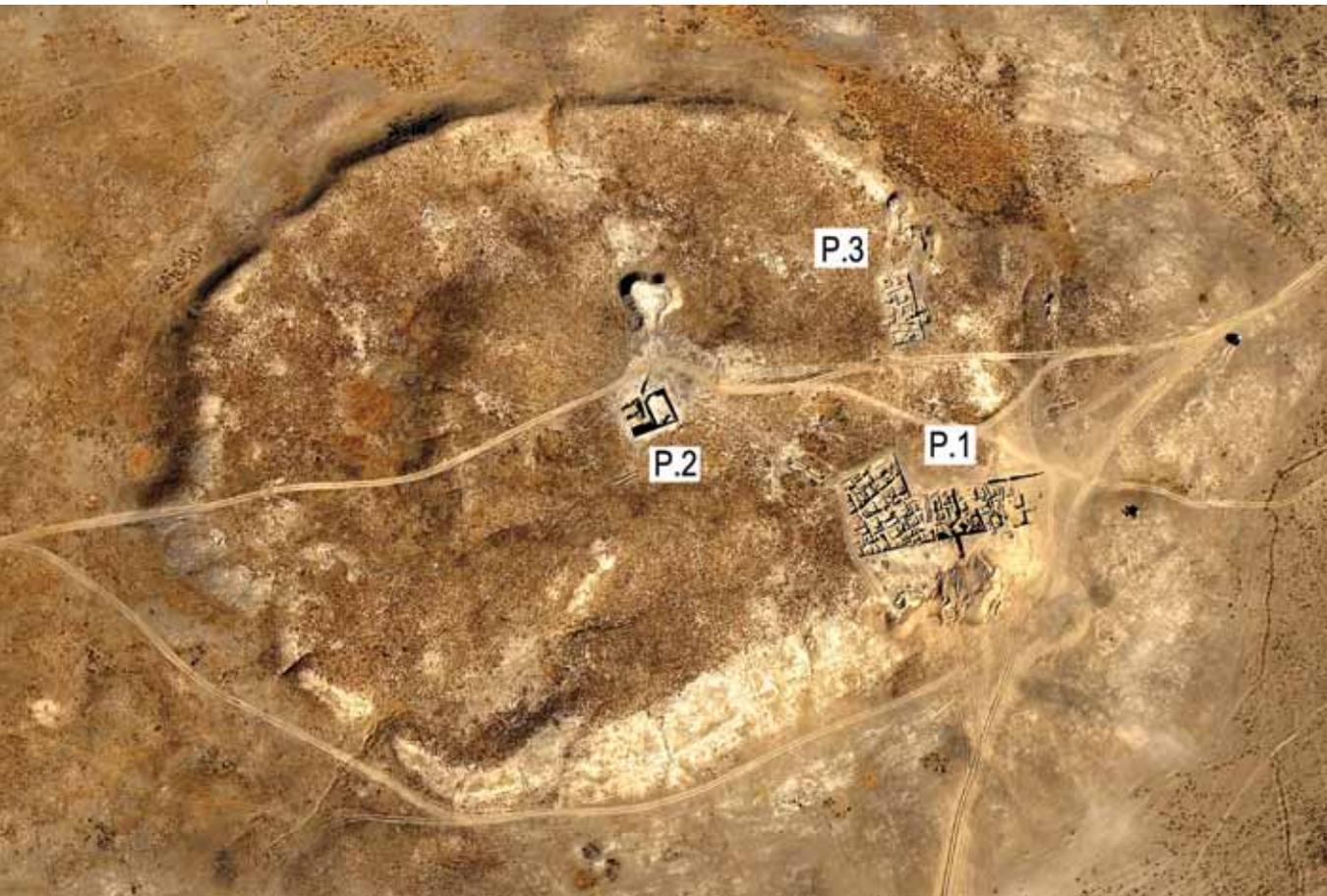

Рис. 2. Аэрофото городища Каратобе

шахристаном (мадина), скорее всего, не имела сплошной застройки жилыми массивами с капитальными зданиями. Через эту территорию с северной стороны протекали две естественные, судя по меандрирующим руслам, реки. Западная речка уже внутри города имеет разветвленную сеть естественных (или искусственных?) русел. В центре этой территории, между речными руслами, расположен собственно город (мадина) со сплошной капитальной застройкой. Этот участок имеет подквадратную в плане форму, ориентированную углами по сторонам света, с длиной сторон около 500 м, и занимает площадь в 33,3 га, т.е. примерно в 0,3 км². Особенно отчетливо читается прямой угол этой площади в СЗ части. Остальные угловые части этого участка к настоящему времени оказались срезанными; они деформированы нивелировкой под поздние поля, а так же руслами арыков. До сих пор на аэрофотоснимках хорошо различима сетка мелких прямоугольников участков полей, ограниченных едва заметными грядами или арыками. Не потревоженные края сплошной застройки с южной и восточной сторон, похоже, первоначально были параллельны северному и западному краям.

Опять же в центре этого участка высится центральный холм городища, раннесредневековая цитадель, неправильно-овальной формы с прямой юго-западной стороной. Ее размеры 300x250 м, т.е. около 7,2 га, поверхность возвышается над окружающей «квадратной» территорией на 6-8 м. В самом центре этого холма в микро-

Рис. 3. Цитадель Каратобе с основными раскопами

пографии хорошо читается «заплывший» прямоугольник размерами примерно 100x115 м. В его северо-восточной части, в виде массивного холма, находится наивысшая точка всего городища. Здесь до недавнего времени стоял триангуляционный знак (рис. 3).

Таким образом, в настоящее время на городище Каратобе можно реконструировать три ряда концентрических крепостных стен (линий обороны). Первая стена (наружная), охватывающая площадь более 2,5 км², имела общую протяженность около 3-х км. Обращает на себя внимание «изломанность» линии этой стены. Можно полагать, что изломанный контур служил для придания стене повышенных фортификационных качеств. Внутренний город был ограничен стеной длиной в 2200 м, ограничивающей почти правильный квадрат площадью 33,3 га. Овальную древнюю цитадель в 7,2 га в центре квадрата охватывала стена протяженностью около 1000 м.

В пределах внешней крепостной стены на территории городища сохранились два древних некрополя, почитаемые местными жителями как «аулие», т.е. святые, особо чтимые места захоронений. Это некрополи Жалаулы-ата и Садуакас-ата, названные по имени наиболее почитаемых людей, которые, по народному преданию, похоронены на этих кладбищах (рис. 4). Некрополь Жалаулы-ата представляет собой участок территории площадью примерно 1-1,2 га, размещенный в 850 м к северу от основного холма городища. На его поверхности различимы следы разновременных и разнотипных по-

Рис. 4. Локализация городских некрополей древнего Саурана

Рис. 5. Каменная колонна, найденная на некрополе Жалаулы ата

гребений. Конкретно с именем Жалаулы-ата, знаменосца Занги-ата, предводителя арабо-мусульманских войск, в VIII в. завоевавших при-сырдарьинский регион, связываются развалины небольшого мавзолея, претерпевавшего многократные ремонты и подновления. В настоящее время его остатки выглядят как сильно оплывший квадрат сырцовых стен (6,5х6,5м) на цоколе из средневекового квадратного обожженного кирпича. Сооружение возвышается на невысоком (около 1,2 м) холме, вероятно, скрывающем руины первоначального мавзолея⁴³. Вокруг, в радиусе до 80 м, беспорядочно разбросаны холмики и провалы грунтовых могил, квадраты оснований стен разрушенных и разобранных мавзолеев. Беспорядочные погребения распространяются и на оплывшую внешнюю крепостную стену, которая к северо-востоку от мавзолея Жалаулы-ата образует большой прямоугольный участок площадью около 120х150 м. На местности хорошо различима южная, часть западной и восточной стен, с массивными оплывшими конструкциями на углах. С северо-запада стены не прослеживаются, поскольку с этой стороны территория была распахана и использовалась под посевы, что хорошо видно на аэрофото (рис. 2). Уместно высказать предположение, что здесь расположены остатки большой загородной мечети «намазгох», архитектурными деталями которой, были каменные колонны с арабографичными надписями; одна из них была обнаружена нами при обследовании некрополя (рис. 5). Среди развалин при предварительном обследовании мазара нами были обнаружены фрагменты глазурованных обожженных керамических плиток, служивших, скорее всего, для оформления надгробий, а также плиты с резным плоско-рельефным орнаментом. Последняя, по всей видимости, была очень близка по орнаментальной композиции декоративным плиткам, оформлявшим портал мавзолея Жоши-хана или Алаша-хана⁴⁴ (рис. 6).

Городской некрополь Садуакас-ата расположен в 600 м к востоку от центрального холма цитадели. Здесь также, на площади примерно в 1-1,5 га, имеются следы старых могил: сохранились остатки пяти оград «хазира», представляющие собой прямоугольники сырцовых стен с расположенными внутри грунтовыми погребениями (рис. 7). Их стены ориентированы длинными стенами по оси С-Ю; в южной короткой стене различимы проемы в стене, очевидно, на месте входов в ограду. У восточного конца центральной саганы расположена ограда № 1 размером 14,5х9 м. У нее хорошо сохранился лишь СВ угол. Чуть в стороне к ЮВ расположены остатки стоявших в ряд четырех прямоугольных построек: № 2 размером 10,5х15,3 м; № 3 – 9,5х5,5 м; № 4 – 14,2х12,0 м (ее вход был оформлен двумя пилонами, выступающими на 1,8 м по сторонам дверно-

⁴³ Исследования 2010 г. выявили весьма сложную историю этой мемориальной постройки, обнаружили досточтимую сагану высотой 1,7 м и длиной в 3 м, поздний надгробный камень и обломки ранних каменных колонн, установленных при сагане в виде обелисков. Погребально-поминальные памятники Саурана требуют отдельного исследования и издания.

⁴⁴ Басенов Т.К. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1968, с. 40-41.

**Рис. 6. Декоративная
облицовочная плита с резным
орнаментом**

Рис. 7. Общий вид на некрополь Садуакас ата

Рис. 8. 9-метровая сагана Садуакас ата

го проема); № 5 – 13,0x11,0 м. К северу от старого кладбища расположено современное кладбище. Ну, а центром мазара является большое надгробие-сагана длиной 9 м, выложенное из обожженного кирпича, покрытое штукатуркой и побеленное (рис. 8). Эта сагана связывается местным преданием с именем Садуакас-ата, который был в давние времена, якобы, правителем города, отличался праведной жизнью и способствовал распространению и утверждению ислама в этих краях. В 12 м южнее его имеется старый колодец, ствол которого выложен обожженным квадратным кирпичом. Вокруг колодца сохранились старые полузасохшие карагачи.

Обследование микротопографии участка кладбища вокруг саганы показало, что прежде (как минимум, в XVIII-XIX вв.) эта сагана занимала северо-восточную часть обширного огражденного стеной участка, в центре которого был упомянутый старый колодец. Площадь прямоугольного в плане участка составляла около 900 м². Небольшие раскопки на глубину до 1,5 м, проведенные вокруг

**Рис. 9. Выложенный обожженным кирпичом «сандал»
в жилом помещении при мазаре**

сооружения, показали, что следов какого-либо капитального строения вроде основания стен мавзолея, внутри которого могла первоначально находиться сагана, здесь нет. Южную сторону двора занимал вытянутый холм высотой до 1,3–1,4 м, явно скрывавший развалины некоего сырцового строения. Начатая летом 2008 г. расчистка этого строения выявила три расположенных в ряд помещения. Вдоль северной стороны всех помещений, видимо, тянулся айван. Размеры полностью расчищенного среднего помещения № 1 составляют 5,2х5,7 м. Здесь зафиксировано два уровня полов двух строительных периодов с очагами в виде тандыра (СП1) и квадратного сандала из обожженных кирпичей (СП2) (рис. 9). В завале помещения найдены многочисленные железные изделия, фрагменты керамики и фаянсовой посуды. Комплекс находок указывает на последний период существования и разрушения постройки – XIX–1-й пол. XX вв. Очевидно, что это строение служило жильем для местного муллы-шыракшы, а одно из помещений (западное) могло выполнять функции мечети.

Как выше отмечено, верхний рубеж интенсивной городской жизни на Каратобе относится ко времени наивысшего расцвета городской жизни на юге Казахстана, всплеска роста городов и вообще оседлой культуры в регионе⁴⁵. Мы применяем к святым ныне некрополям, расположенным на окраинах городища Каратобе, определение «городские», полагая, что в период расцвета раннего Са-

⁴⁵ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.195.

урана это были городские кладбища и самый ранний пласт захоронений здесь может относиться к X-XI вв., а вероятно, и к раннему средневековью.

Отмеченные выше топографические особенности, возможно, свидетельствуют, что город был заложен и первоначально строился по четкому градостроительному и архитектурному плану. Предварительная характеристика его основных топографических элементов и структурных частей (концентрическая зональность, продуманность фортификации, обеспеченность водой и пр.) говорит о высоком уровне проявленного здесь градостроительного искусства. Если учесть, что городище в целом мало пострадало от позднейшей сельскохозяйственной деятельности, и его верхние строительные горизонты, относящиеся к XI-XIII вв. не перекрыты более поздним строительным горизонтом, то нужно признать, что данный памятник достоин перспективного комплексного исследования, а главное, государственной охраны. Тем более что он является одним из главных и масштабных элементов структуры «Сауранского археологического комплекса».

1.3. Городище Каратобе как часть «Сауранского археологического комплекса»

Понимание археологических остатков средневекового города Сауран как сложного и крупномасштабного археологического комплекса основано на результатах новых археологических исследований и анализе сведений письменных источников, позволяющих по-новому оценить имеющуюся реальную топографическую ситуацию. Все данные свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело пока еще с уникально сохранившимися следами крупного средневекового города, к тому же сменившего локализацию своего основного ядра. Традиционное археологическое понятие «городище» не может достаточно полно охарактеризовать этот археологический феномен. А применение оказавшегося узким понятия на практике приводит к искаженному представлению, например, у ответственных чиновных лиц принимающих решения по охране памятников. На сегодняшний день под государственную охрану, с выдачей актов землеустройства историко-культурному музею-заповеднику Азрет Султан (г. Туркестан), взяты лишь городище позднего Саурана, по периметру кольца крепостных стен (50 га; Госакт № 0013596, выданный решением Акима Туркестанского района от 10.04.1997 г.), участок старого кладбища Каракан-ата (2 га; Госакт, выданный решением Акима Туркестанского района от 03.07.2008 г.), центральный холм городища Каратобе (100 га; Госакт № 6268424, выданный решением Акима Туркестанского района от

18.07.2002 г.), участок старого кладбища Садвакас- ата (2 га; Госакт, выданный решением Акима Туркестанского района от 18.07.2002 г.), участок старого кладбища Жалаулы-ата (Госакт, выданный решением Акима Туркестанского района от 03.07.2008 г.), участок с крепостью-торткуль Миртобе (15 га; Госакт № 6268423, выданный решением Акима Туркестанского района от 18.07.2002 г.). Остальная же территория между этими объектами, насыщенная топографически не менее выраженными следами средневековых агро-ирригационных планировок, усадеб с прилегающими дворами, кяризными системами, садами и виноградниками, некрополями и пр., роздана в долгосрочную аренду частным лицам, которые даже не подписали охранных обязательств. На этой территории ведется разрушительная деятельность по добыче грунта для производства кирпича, прокладываются арыки и распаиваются поля, что ведет к уничтожению следов крупнейшего средневекового казахстанского мегаполиса. Так, неверное понимание археологического памятника ведет к уничтожению еще удовлетворительно сохранившихся следов крупного средневекового города и в итоге к искаженному представлению о древней и средневековой культуре Казахстана.

Дело в том, что со времени первого археологического обследования (Гейнс А., 1966 г., П. Лерх, 1867 г.⁴⁶) в специальной литературе Сауран понимается и описывается как отдельное городище, имеющее в плане вид овала окруженного сравнительно хорошо сохранившимися крепостными стенами⁴⁷. Окружающая же зона, со следами средневековых агро-ирригационных планировок и следами памятников другого топографического облика, понимается как обширная урбанизированная сельскохозяйственная округа, площадь которой оценивается по-разному и приблизительно. Здесь были расположены отдельные усадьбы с прямоугольными огороженными приусадебными участками садов, виноградников и огородов. В конце 60-х годов в результате дешифровки аэрофотографий окрестностей городища были выявлены следы кяризов, подземных водоводных галерей, подводивших грунтовую воду к городу⁴⁸. Как имеющее отношение к Саурану, опять же со времен П. Лерха, описывается «городище» Миртобе в 6 км к северу⁴⁹. Исследователи полагают, что в названии этого небольшого укрепления у сардобы⁵⁰ с разбитым вокруг садом-парком, отразилось прозвище Мир-Араб, которое имел местный сеид Эмир-Абдаллах, известный также тем, что

⁴⁶ Лерх П., обследовав городище, произвел «небольшую раскопку внутри крепости. Раскопка эта произведена вокруг башни, возвышающейся на 7 саженой над поверхностью земли» (Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870, с. VIII, с.12-15).

⁴⁷ Лерх П. Ук. соч., с.16-17; Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы. 1994, с.308-310.

⁴⁸ Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // Вестник АН КазССР, 4, 1973, с. 76-78.

⁴⁹ Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994, с. 307.

⁵⁰ «Сердабэ» по Лерху П. Подземное водохранилище, перекрытое куполом (Лерх П. Археологическая поездка., с.14). Устройство «сардоб» – обычный прием благоустройства и водоснабжения городов в Средней Азии, Хорасане, на Ближнем Востоке.

он построил и подарил, по сведениям Зейнатдина Васифи, городу два уникальных жительных кяриза.⁵¹ С ранней историей города Сауран связывается городище Каратобе, расположенное в 3-х км южнее позднесредневековой крепости и имеющее культурные слои, датируемые от середины I тыс. н.э.(?) до XIII в.⁵².

Таким образом, с историей города Сауран на современном уровне знаний вполне обосновано связывается ряд разнотипных, конкретно локализованных археологических памятников разной степени сложности. Каждый из них, естественно, имеет свою индивидуальную структуру, но все вместе они образуют совокупность, или комплекс, который характеризует такое явление, как средневековый город, гораздо полнее, чем анализ каждого из них по отдельности. Термин «археологический комплекс» (АК) широко используется в понятийном поле археологии при описании явлений разного масштаба и разной степени сложности (от «археологический комплекс культуры», до «археологический комплекс погребения»). Еще А.Н. Бернштам говорил о «комплексе памятников» конкретных урбанизированных округов или ирригационных оазисов⁵³. Именно как комплексные понимаются, исследуются и описываются, например, памятники салтово-маяцкой культуры⁵⁴ и т.д., и т.п. При этом принято различать закрытые и открытые АК. «В случае, если два или более предмета найдены вместе и можно доказать, что они оказались на этом месте одновременно, они считаются находящимися в истинном или закрытом К. В случае открытого К одновременность лишь предполагается, но не является доказанной. Случайным совпадениям значения не придается. Важность любой находки возрастает благодаря К с другими вещами, которые могут помочь ее интерпретации – датировке, установлению культурных связей, назначения и т.д...»⁵⁵. Последнее обстоятельство, о возрастании актуальности артефактов при комплексном их рассмотрении, в полной мере характеризует описываемую ситуацию.

Поэтому, обобщая материал и наблюдения, полученные при анализе топографии, данных письменных и археологических источ-

⁵¹ Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2005, с. 74-77. Мир-Араб, иначе Абдаллах ал-Араб ал-Йамани ал-Хадрамаути, известен также как «строитель» медресе на Регистане Бухары, носящем его имя – медресе Мир-Араб (о нем см.: Бабаджанов Б. Мир-и Араб // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Мат-лы Международной конференции. Алматы, 1995, с. 88-102; Джураева Г.А. Мир-и Араб и политическая жизнь в Бухаре в XVI в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, с. 74-79).

⁵² Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область, с. 307; Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран., с. 62-65.

⁵³ Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, № 67, серия археологическая, вып. 2, 1950, с. 78-79.

⁵⁴ Плетнева С.А. На славянско-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

⁵⁵ Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990, с.117.

ников мы можем сформулировать и предложить понятие «историко-культурный комплекс средневекового города Сауран» или «Сауранский археологический комплекс» (САК), который более полно и всесторонне характеризует средневековую городскую культуру Казахстана. Из вышесказанного вытекает, что ***под «Сауранским археологическим комплексом» следует понимать совокупность разноплановых и разнохарактерных археологических объектов, связанных исторической судьбой во времени, а в пространстве структурообразующими связями, и в целом разносторонне характеризующих непрерывную историю социо-культурного феномена, каковым был средневековый город Сауран.***

Основные структурообразующие компоненты Сауранского археологического комплекса уже в разной степени исследованы, описаны, зафиксированы на местности. Поскольку они являются разнотипными археологическими памятниками, а в нашем случае, и разномасштабными, то, естественно, требуют различного подхода в изучении, разной методики исследования и фиксации, при этом они обладают различным познавательным потенциалом для исследования и характеристики различных сторон городской культуры.

Структурообразующим компонентом Сауранского археологического комплекса является, прежде всего, городище-крепость Сауран с прилегающей городской территорией и некрополем (рис. 10). Этот памятник предварительно исследовался археологически⁵⁶, а в рамках реализации Гос. программы «Культурное наследие» здесь развернуты широкомасштабные исследования ряда выдающихся архитектурно-археологических объектов (мечети, медресе, ханак, усадьбы, городские ворота), определявших архитектурный образ города. Археологические работы ориентированы на создание здесь города-музея⁵⁷. Городище неоднократно и достаточно подробно охарактеризовано⁵⁸, поэтому не будем подробно останавливаться на его описании. Отметим лишь, что, как и любое городище, оно обладает своей сложной внутренней структурой, отражающей характер средневекового города в его историческом развитии. На сегодняшнем уровне знания мы можем определить следующие крупнейшие составляющие городища:

1) собственно крепость Сауран (или «кала») – территория внутри крепостных стен, которая имеет, очевидно, традиционную квар-

⁵⁶ Байпаков К.М. Средневековый Сауран // Города Туркестана, Алматы, 1999; Смагулов Е.А. Город Сауран: перспективы исследования, консервации и музеефикации // Отан тарихы, № 1-2, 2000, с.100-109; Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран., с. 81 и сл.

⁵⁷ Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Туякбаев М.К., Толеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б. Исследования городища средневекового Саурана // Мемлекеттік "Мәдени мұра" бағдарламасы бойынша 2005 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2005, с. 304-307.

⁵⁸ Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран., с. 67 и сл.

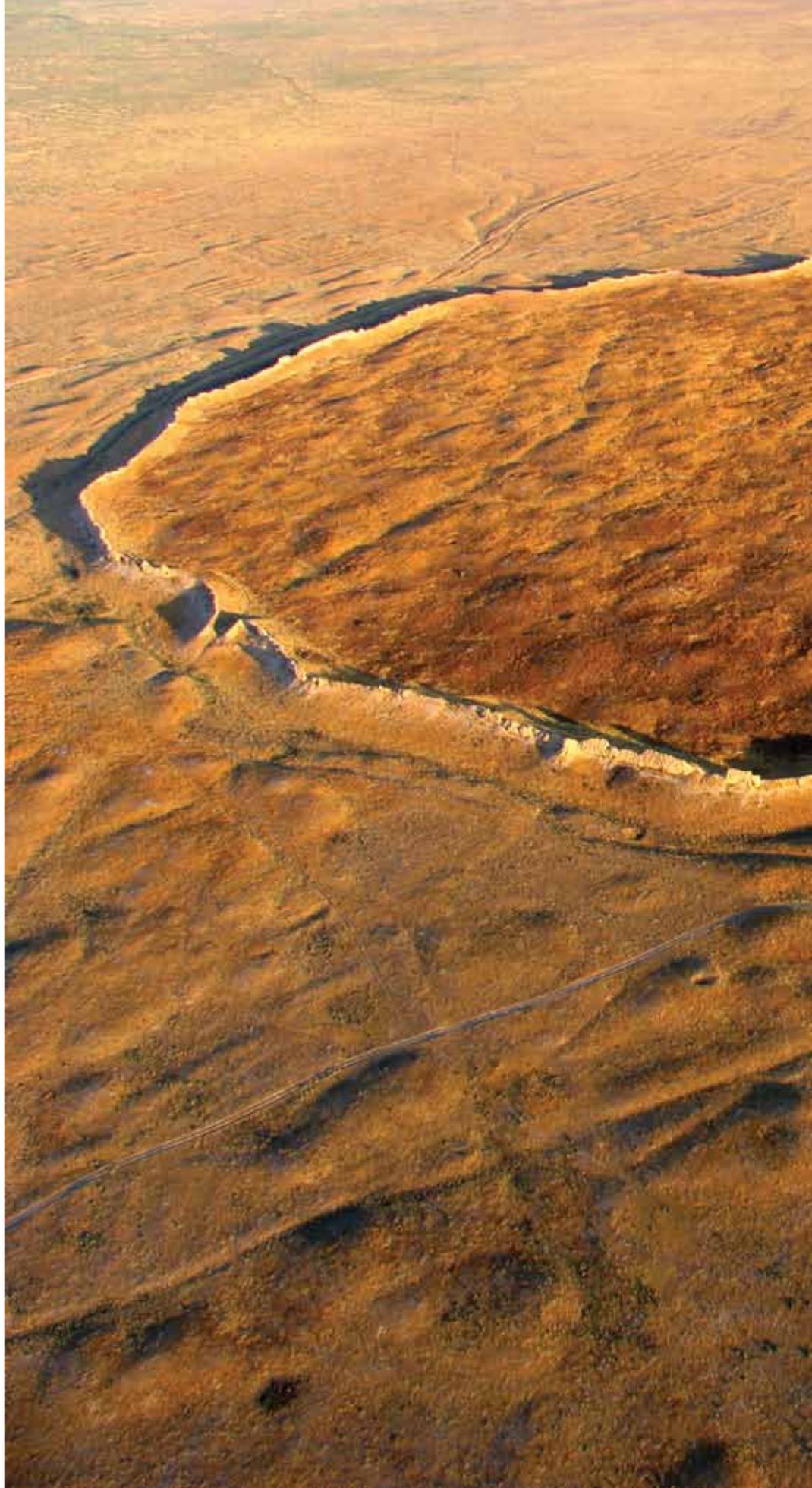

Рис. 10. Общий вид с В на городище
Сауран

тальную застройку с сетью коммуникаций, перемежающуюся участками общественно-значимой застройки; площадь этой части городища внутри стен оценивается нами в 42,5 га.

2) зона прилегающей к «кале» усадебной застройки, охватывающая крепостные стены со всех сторон; эта часть города распространилась на территории площадью в 1967 га.

3) зона древнего некрополя (городского кладбища) с мечетью-намазгох к востоку и юго-востоку от городских стен, с огороженными участками «хазира», вероятно, с погребениями под открытым небом и руинами мавзолеев; эта территория имеет площадь около 2,7 га.

Дальнейшее детализированное исследование топографии города, вероятно, приведет к выделению других значимых зон города. Определение, описание, исследование структурных элементов городищ является обязательным условием археологического исследования городских образований. В данном случае одной из первостепенных задач является определение реальных границ и адекватное описание зоны, прилегающей к кольцу крепостных стен.

Ранее исследователями, и нами в том числе, эта зона трактовалась как «пригородная», т.е. не входящая в собственно территорию города. Имеющиеся теперь основания позволяют изменить такое понимание и считать всю эту территорию с плотной усадебной застройкой, особенно протяженную вдоль естественных водных источников в северном и южном направлении, также **территорией города**. Такая трактовка вроде бы противоречит традиционному «среднеазиатскому» пониманию городской территории, как плотно застроенной массивами жилых кварталов, разреженной узкими улочками и пятачками площадей и окруженной оплывами крепостных стен, что мы, собственно, и видим в застройке внутренней части города. Застройка прилегающих к стенам территорий выглядит как более свободная, перемежающаяся обширными огороженными участками садов и огородов. Облик этих усадеб говорит о том, что большая их площадь, видимо, использовалась для сельскохозяйственного производства. На аэрофото видны регулярные «гребенчатые» планировки. Поэтому есть основание считать, что переместившийся где-то в конце XIII в. (нач. XIV в.) на новое место Сауран по внешнему облику, планировке застройки и топографии не был уже типично среднеазиатским городом с длительной историей, так или иначе отразившейся в его топографии, а имел облик евразийского города послемонгольской эпохи, на формирование облика которого повлияли новые исторические условия. В формировании его пространственной структуры и типа застройки различных частей проявилось влияние иных, можно сказать, «степных» принципов.

Различия в материально-пространственной среде новых городов, возникавших после монгольского завоевания в условиях Золотой Орды, и древних среднеазиатских городских центров, очевидны и неоднократно описывались. Из отличительных топографических характеристик наиболее исследованных золотоордын-

ских городищ – Селитренного, Царевского и Водянского, можно упомянуть отсутствие до последней четверти XIV в. крепостных стен, иррегулярность планировки, наличие плотной «квартальной» застройки в центре и разреженной «усадебной» по окраинам. Г.А. Федоров-Давыдов описывает планировку золотоордынских столиц как скопление усадеб знати, нукеров и нойонов, вокруг замков ханов и огланов. Со временем они хаотично обрастали жилищами рабов, зависимых клиентов, ремесленников⁵⁹. В топографии городов складывались аморфные жилые массивы с доминирующей усадьбой/дворцом. Топография этих городищ выглядит как скопления разной степени плотности аморфных невысоких холмов со свободными пространствами между ними⁶⁰. Так, территория «собственно городских кварталов» Сарая Бату оценивается В.Л. Егоровым в 10 км², т.е. площадью примерно 3х3,5 км⁶¹.

Обобщая анализ топографии золотоордынских городищ Поволжья, Блохин В.Г. и Яворская Л.В. отмечают: «Пространственная структура памятников представляла собой застройку жилых кварталов, связанных регулярной уличной сетью в своей нуклеарной части, и рассредоточенную иррегулярную распланировку на периферии»⁶². Авторы усматривают в нуклеарной части золотоордынских городов регулярную планировку, основанную на жесткой прямоугольной сетке улиц, разделявших жилые кварталы. При этом городские кварталы золотоордынских городов Поволжья по своим планировочным принципам в корне отличны от среднеазиатских кварталов. «Кварталы нижневолжских городов были менее замкнуты, нежели кварталы среднеазиатских городов, где фасады кварталов – глухие, а выходы домовладений соединялись с магистральной улицей единой внутриквартальной улицей»⁶³. Очевидное принципиальное отличие кварталов нижневолжских городов и среднеазиатских, на наш взгляд, в том, что последние представляют собой замкнутую внутри себя планировку – все жилища, составляющие «квартал», обращены входом на внутриквартальную улочку⁶⁴. Нижневолжские же кварталы «разомкнуты»/открыты, входы в дома/усадьбы обращены во все стороны на улицы, которые не объединяли квартал, а разделяли массивы застройки и служили целям коммуникации. Вероятно и существенное отличие в структуре социальной организации внутригородского сообщества. Но для нас существенна и общая черта в планировке Саурана и нижневолжских городов – регулярность планировки в центре и иррегулярность на периферии города. Преобладание на окраинах усадебной застройки с обширными участками са-

⁵⁹ Федоров Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, с.114.

⁶⁰ Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005.

⁶¹ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985, с.115.

⁶² Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006, с.37.

⁶³ Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов..., с.143.

⁶⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. А-Ата, 1987

дов и огородов. В застройке окраин нижневолжских городов исследователи выделяют две основные «модели»⁶⁵: 1) «кучевая система» организации построек, которая свидетельствует о заселенности данных участков населением, с не устоявшимися оседлыми традициями; 2) застройка усадьбами или «усадебными комплексами», бессистемно расположенными или группировавшимися в правильные линии, вытянутые в направлении магистралей, или русел водных источников, как на Сауране.

Т.е. поздний Сауран мы можем рассматривать наряду с другими городами Золотой Орды, возникшими в маргинальной зоне в условиях политического господства кочевой элиты. Отличие от городов Северного Прикаспия лишь в том, что большую часть населения, вероятно, составляли местные жители, и прежде знакомые с традициями оседлой городской жизни среднеазиатского типа. Наличие традиционной городской общины, вероятно, стало причиной строительства сразу же с перемещением города на новое место и городских крепостных стен, окруживших кольцом центральную часть города с плотной квартальной застройкой и основными общественно-административными и идеологическими центрами. Поэтому топография городища позднего Сауран не может быть описана в категориях «трехчастной модели» (цитадель, шахристан, рабад), которая была выработана для описания и трактовки структуры среднеазиатских городов преимущественно предмонгольского времени, развивавшихся на месте древних или раннесредневековых поселений. Эта модель описания более подходит для трактовки топографии следующего по значимости и масштабности компонента «Сауранского археологического комплекса», но первого по времени возникновения – **городища Каратобе**.

Основанием включения городища **Каратобе** в САК служат итоги исследования исторической географии региона, в частности, работы по локализации средневековых городов Казахстана. Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич, в известном фундаментальном исследовании, обобщающем итоги исследований ЮКАЭ, предположили, что слои домонгольского времени лежат под поздними слоями городища Сауран. При этом они довольно своеобразно преодолели противоречие имеющегося топографического материала со сведениями письменных источников: «Отождествление *древнего Саурана* с одноименным городищем на Сыр-Дарье не требовало бы никаких оговорок, если бы не отсутствие следов пяти из семи стен, окружавших в X в., по словам Макдиси, этот город. Однако отсутствие в этом районе другого, соответствующего хотя бы отчасти сообщению Макдиси, городища дает нам основание думать, что *отождествление это является правильным*, а отсутствие недостающих стен можно объяснить сносом их в последующие века, а возможно, и допущенным автором этого сообщения преувеличением. Отсутствие снаружи стен остатков рабада подтверждает сообщение Макдиси, что

рабад находился внутри стен города»⁶⁶ (подчеркнуто нами – С.Е.). Т.е. авторы вполне определенно локализовали древний, домонгольский, Сауран на месте позднего городища.

Хотя в ранее вышедшей «программной» статье А.Н. Бернштам четко сформулировал, что городище Сауран это следы позднего города, «монголо-тимуридского облика... Он был выстроен на пустом месте, и его строителям не пришлось считаться с планом и архитектурными конструкциями предшественников. То небольшое количество ранней керамики, которая была встречена на Мыре (городище Миртобе - С.Е.), свидетельствует о расселении жителей из соседнего центрального поселения, остатки которого представлены руинами Каратепе»⁶⁷ (подчеркнуто нами – С.Е.).

Другие авторы, буквально понимая информацию Макдиси «о семи стенах»⁶⁸ и не находя такой топографической реалии в ближайших окрестностях, считали, что город в какой-то исторический момент сменил свое местоположение: это было вполне обычным явлением в истории многих крупных городов, как в Европе, так и в Азии. Эти соображения легли в основу выдвинутой в свое время К.М. Байпаковым гипотезы о локализации древнего Саурана на левом берегу Сырдарьи, на месте городища Мейрамтобе со сложной многорядной системой фортификации⁶⁹. И лишь более детальные историко-топографические исследования последних десятилетий XX в. позволили ему отказаться от этого предположения и вернуться к «бернштамовской» локализации раннего Саурана на городище Каратобе⁷⁰.

Естественно, что в обобщающих исследованиях авторы не учитывали это обстоятельство и рассматривали поздний Сауран (XIV-XVIII вв.) в числе городов IX-XIII вв., помещая его план в соответствующие хронологические разделы и таблицы⁷¹.

⁶⁶ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. т. 5, 1958, с. 101.

⁶⁷ Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, № 67, серия археологическая, вып. 2, 1950, с. 83-84.

⁶⁸ Упоминание Макдиси (X в.) «семи стен Саурана», опоясывавших, якобы, город (МИИТ, т.1, с.185), вероятно, мифологический литературный оборот, своеобразный штамп («за семью печатями»), призванный подчеркнуть неприступность фортификационных сооружений города. Сакральное число семь присутствует в описании неприступных стен из разных металлов, окружающих Кангдиз в «Шах-наме». Ср. с легендарной столицей туров - мифической неприступной крепостью, построенной Сиявшем в Кангхе на отдаленной восточной окраине иранских земель, где за семью стенами правит бессмертный Пишьютан (Птицын Г.В. К вопросу о географии «Шах-наме» // ТОВЭ, т. IV, 1947, с. 305-309; Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003, с. 213-216).

⁶⁹ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986, с. 27. (При этом отмечается, что Мейрамтобе находится в 15 км строго к западу от Саурана).

⁷⁰ Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область, с. 307; Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998, с. 65-70.

⁷¹ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.193, рис.80-5.

Перемещение крупных средневековых городов с места на место, в силу ряда исторических и экономических обстоятельств, – широко известное явление в Средней Азии. Интересно, что наиболее значительные передислокации происходят в период восстановления крупных городских центров после монгольского нашествия, т.е. во 2-й пол. XIII–нач. XIV вв. Сменили места своей дислокации крупнейшие региональные центры – Самарканд, Термез, Ташкент, Мерв, Кеш и др.⁷². Надо полагать, что в разных городах смена местоположения происходила под влиянием различных факторов и в разное время. По наблюдениям М.Е. Массона, после осады и завоевания монголами в 1220 г. Термез приходит в некоторый упадок, но вскоре возрождается на новом месте в присурхандарьинской части, вблизи родовой усыпальницы термезских сейидов Султан-садат, и уже в начале XIV в. характеризуется как большой, красиво благоустроенный город с прекрасно устроенными базарами.⁷³ Аналогичная ситуация происходит и в Самарканде. По словам патриарха среднеазиатской археологии, «постепенное опустение Афрасиаба после разгрома его монголами в XIII в. и форсированный этим процесс еще раньше наметившегося перехода города на новое место принесли Регистану некоторое оживление». Археологические исследования показали, что «в XIV в. здесь уже было более густое население. Вероятно, во второй половине того же столетия это место превращается в бойкую, торговую базарную площадь, которая в то время оказалась в центре «нового» города, окруженного в 1371/2 году кольцом крепостной стены по распоряжению великого эмира Тимура»⁷⁴. В отношении всего присурхандарьинского региона это явление отмечал еще А.Н. Бернштам, который писал: «...складывается предположение, что в пределах одного округа города меняли свои места (по принципу «старый» и «новый» город), и различные названия этого «перемещающегося» города сохранились в памяти древнего историка и современника»⁷⁵. Далее он пояснил этот тезис на примере пар городов Кедер (Куйруктобе или Алтынтобе) – Отрар (Отрартобе), Шавгар (Шойтобе) – Яссы (Туркестан). В отношении последней пары трактовка этого явления, отразившегося в исторической топографии городища Туркестан, было нами скорректирована⁷⁶. А в отношении Сауранского округа А.Н. Бернштамом было четко отмечено, что здесь такой парой являются Каратобе и Сауран⁷⁷.

⁷² Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана. Фрунзе, 1985, с. 66.

⁷³ Массон М.Е. Термезская комплексная археологическая экспедиция. 1936-1937 гг. // Социалистическая наука и техника. № 7, Ташкент, 1938, с. 87.

⁷⁴ Массон М.Е. Регистан и его медресе. Самарканд, 1929, с. 3.

⁷⁵ Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, № 67, серия археологическая, вып. 2, 1950, с. 81-82.

⁷⁶ Смагулов Е.А. Ясы-Туркестан-Шавгар: археологические данные к исторической идентификации // Известия МН-АН РК, сер. обществ. наук, 1, 1997, с. 35-43.

⁷⁷ Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза., с. 83-84.

1.4. Топография Миртобе

Миртобе неоднократно посещалось исследователями; со времен П.И. Лерха здесь локализуется крепость, защищавшая истоки сауранских кяризов, построенных, по сведениям Васифи, местным «олигархом» Мир-Арабом. Имеются несколько разной точности и полноты описаний Мир-тобе⁷⁸. При этом описывается лишь сама «крепость» в виде «тортуля». Однако данный археологический памятник, оказывается, значительно сложнее, чем до сих пор представлялось. В сведениях Васифи, в частности, имеется упоминание большого благоустроенного сада и некоторых гидротехнических сооружений⁷⁹. Эти сведения были использованы В.В. Бартольдом в его известном труде «К истории орошения Туркестана»⁸⁰. По известным историческим сведениям, Мир-Араб, выходец из Саурана, предстает как выдающийся духовный и политический деятель своей эпохи. Он был духовником шейбанидского правителя Бухары Убайдуллах-хана и имел на него большое влияние⁸¹. При посещении Мир-Арабом Бухары, Убайдулла-хан выезжал ему на встречу и, спешившись, встречал его за многие километры от города, что выражало особое почтение, которое оказывал правитель своему духовному наставнику. В 1515 г., во время разгара борьбы различных военно-феодальных группировок за пост везира при бухарском правителе, владения эмира Мир-Араба в Сауране (дом, поместье) подверглись разграблению и экспроприации. Сообщается о разорении его сокровищницы, а она представляла из себя, по мнению народной молвы, подземное помещение с отверстием в потолке, «через которое помещение было наполнено золотом и серебром»⁸². Но, тем не менее, вскоре Мир-Араб восстановил свое положение и состояние, что следует из постройки им в Бухаре через двадцать лет после сауранских событий, известного медресе его имени, где он и был похоронен.

Нужно отметить, что в итоговом труде ЮКАЭ Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич описывают Миртобе, как средневековое городище, различая в его планировке «цитадель» и «шахристан», и отождествляют его с упоминаемым Макдиси городом Турар (или селением в его округе – Зерахсом)⁸³. При этом они отвергают, в принципе, верное

⁷⁸ Свод памятников истории и культуры Казахстана. ЮКО. Алматы, 1994, с. 307-308.

⁷⁹ Болдырев А.Н. Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. Сталинабад, 1957, с.164-166.

⁸⁰ Бартольд В.В. Соч., т. 3, М., 1962, с. 225-226.

⁸¹ См. о личности Мир-и-Араба: Бабаджанов Б. Мир-и Араб // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Мат-лы Международной конференции. Алматы, 1995, с. 88-102; Джураева Г.А. Мир-и Араб и политическая жизнь в Бухаре в XVI в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, с. 74-79.

⁸² Болдырев А.Н. Зайнаддин Васифи., с.166.

⁸³ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов., с. 102, рис. 40.

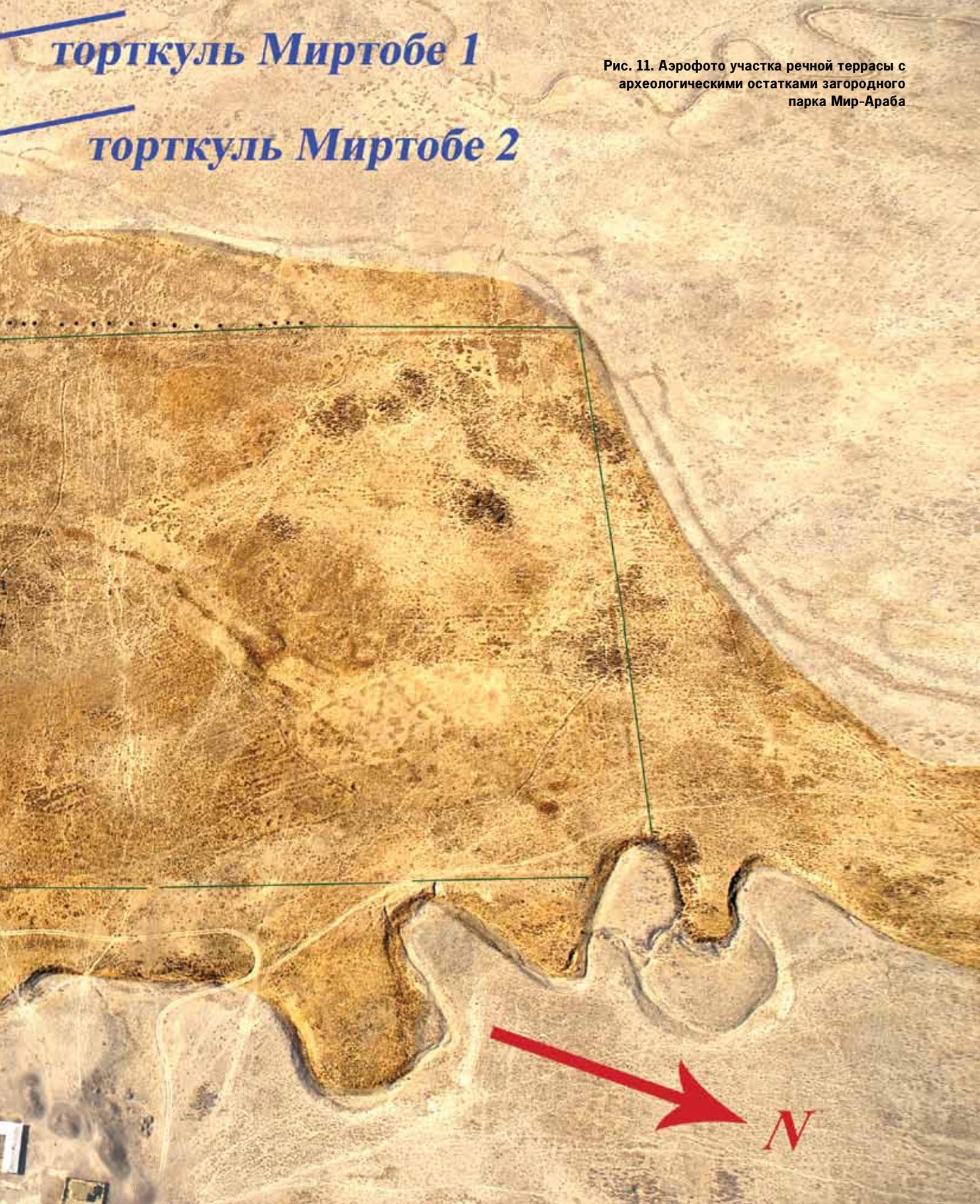
**сад-парк
Мир-араба**

торткуль Миртобе 1

торткуль Миртобе 2

Рис. 11. Аэрофото участка речной террасы с археологическими остатками загородного парка Мир-Араба

первоначальное определение этого памятника А.Н. Бернштамом, как небольшой крепости (хисны) в округе Саурана. Здесь А.Н. Бернштам следовал за П. Лерхом, который вполне обоснованно отождествил торткуль Мир/Мыртобе с крепостью, построенной сауранским жителем, сеидом Эмир-Абдуллахом, прозванным Эмир-Арабом, для защиты сардобэ с водопроводами на расстоянии одного фарсаха от Саурана⁸⁴.

Тщательное обследование местности и дешифровка имеющихся аэрофотоснимков позволяют уточнить некоторые детали из уже известного и описать ранее не отмеченные, но достаточно четко фиксируемые на местности особенности топографии. Все фиксируемые по аэрофотоснимкам топографические детали, очевидно, следует понимать как «археологический подкомплекс Миртобе», и тем самым расширить наши представления о городской культуре средневекового Южного Казахстана.

Как оказывается, окрестности «крепости» насыщены археологическими следами архитектурных сооружений и различных планировок, которые можно с определенной долей уверенности идентифицировать с остатками «сада/парка Мир-Араба» и связанными с ним гидротехническими сооружениями, т.е. вернуться к определению функционального назначения Миртобе, предложенному П. Лерхом и поддержанным А.Н. Бернштамом.

Прежде всего, это сама «крепость» Миртобе, расположенная на мысу левой надпойменной террасы речушки Аксу (ныне это сай с сезонным стоком воды). Высота террасы здесь составляет около 6-7 м, она образует естественный мыс, прямым углом выдающийся в пойму, на который и была поставлена крепость Миртобе. Крепость имеет вид небольшого «торткуля», подквадратной в плане формы, с четко выраженными развалами стен по периметру и пониженной внутренней площадью (рис. 11, 12, 13). Торткуль ориентирован углами почти строго по сторонам света с отклонением в 15-17°. Длина сторон по гребню вала развала стен в среднем равна 60 м, в середине ЮВ стены в виде ложбины шириной около 5 м читается въезд, фланкированный предвратными башнями. Ширина вала развала стен в среднем достигает около 7-8 м; они возвышаются над внутренней территорией на 4-5 м. По стенам в виде ритмично расположенных холмов заметны развалы еще не менее десятка башен. На развале башни в восточном углу некогда был поставлен геодезический знак (тригопункт) с отметкой 236,7. Внутренняя территория не имеет выраженных следов каких-либо строений и поверхность ее по сторонам плавно переходит в наклонный оплыв крепостных стен⁸⁵. От северного угла, в СВ направлении, вдоль края террасы, идет дугообразный вал в виде пандуса длиной около 50 м. К востоку от восточного угла крепости в 25-30 м заметны следы некоего углу-

⁸⁴ Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870, с.14.

⁸⁵ У ЮЗ стены заметен след старого оплывшего шурфа в виде траншеи длиной около 10 м и шириной до 1,5 м.

бленного под уровень современной дневной поверхности сооружения с устьем колодца в центре.

В 82 м к СВ от северного угла крепости, также на краю террасы, но с более пологим склоном, четко читаются следы еще одного «торткуля» ориентированного точно так же, как «крепость Миртобе 1». Размеры сторон «торткуля» («крепость Миртобе 2», рис. 13, 14) по гребню вала оплыва стен составляют 62х52х61х54 м, высота вала – от 0,5 до 0,8 м, ширина – 7,8-8,2 м. И здесь, в ЮВ стене, читается едва заметный проем въездных ворот. На поверхности внутри стен, справа от въезда и в средней части, еле заметны аморфные холмики, возможно, от бывших построек. В 45-50 м к СВ от восточной стены «торткуля 2», параллельно ей, фиксируется оплыв, вероятно, некогда мощной крепостной стены, идущей от края террасы в южном направлении. Высота оплыва стены – до 0,5-0,7 м, ширина вала – 9-10 м. По длине стены насчитываются оплывы восьми мощных башен выступающих наружу на 6-7 м, ширина оплывов башен достигает 10-12 м. Стена в южной и средней трети идет прямо на север, а верхняя треть (156 м) отклоняется в СЗ направлении. Снаружи, в 10 м вдоль стены и параллельно ей, идет сильно оплывший ров шириной около 7-8 м (рис. 13)⁸⁶. В месте изгиба стены находится башня № 3. Северный конец стены подходит к пологому краю террасы его фиксируемая длина до башни № 1 – 39,5 м. Расстояние между башнями № 1 и № 2 равно 54,5 м; от башни № 2 до № 3 – 69 м; от № 3 до № 4 – 54,5 м; от № 4 до № 5 – 75,5 м; от № 5 до № 6 – 48,3 м; от № 6 до № 7 – 101 м; от № 7 до № 8 – 76 м. Таким образом, общая сохранившаяся и фиксируемая длина этой стены составляет 518,3 м. Более четко выражена южная угловая башня (№ 8). Ее высота – около 1,5 м, а диаметр – 12 м. От нее под прямым углом, в западном направ-

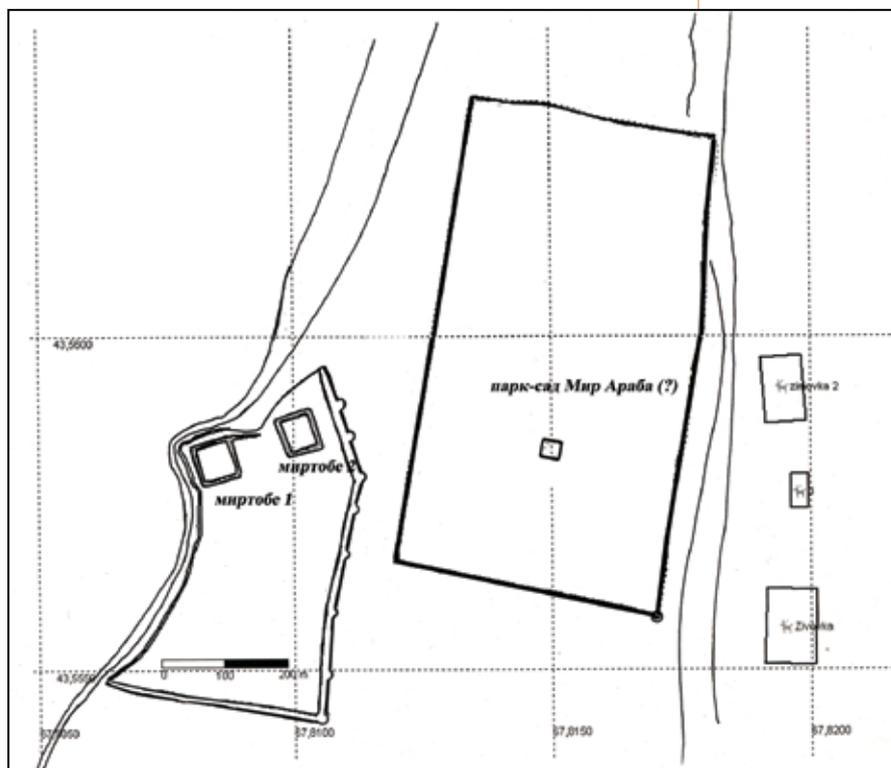

Рис. 12. План основных элементов археологического подкомплекса Миртобе

лении, в 10 м вдоль стены и параллельно ей, идет сильно оплывший ров шириной около 7-8 м (рис. 13)⁸⁶. В месте изгиба стены находится башня № 3. Северный конец стены подходит к пологому краю террасы его фиксируемая длина до башни № 1 – 39,5 м. Расстояние между башнями № 1 и № 2 равно 54,5 м; от башни № 2 до № 3 – 69 м; от № 3 до № 4 – 54,5 м; от № 4 до № 5 – 75,5 м; от № 5 до № 6 – 48,3 м; от № 6 до № 7 – 101 м; от № 7 до № 8 – 76 м. Таким образом, общая сохранившаяся и фиксируемая длина этой стены составляет 518,3 м. Более четко выражена южная угловая башня (№ 8). Ее высота – около 1,5 м, а диаметр – 12 м. От нее под прямым углом, в западном направ-

⁸⁶ Интересно отметить, что эти достаточно явные на поверхности топографические элементы (Торткуль-2 и крепостная стена) никем прежде не были отмечены. Они отсутствуют, например, на «плане городища Мыр-тобе», помещенном в итоговом труде ЮКАЭ (Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. т. 5, 1958, с. 102, рис. 40).

Рис. 13. Аэрофото основных элементов археологического подкомплекса Миртобе

лени, к краю террасы, едва читается сильно оплывшая прямая стена. Она практически не выражена возвышением на местности и заметна лишь как полоса шириной 10-12 м, желтоватого цвета, лишенная растительности. Примерно в 150 м от южной угловой башни в этой полностью оплывшей стене, с наружной стороны, заметен какой-то прямоугольной формы участок с такой же, как на стене, желтоватой поверхностью. Возможно это развал предвратного сооружения. Длина прослеживаемого участка этой стены (южной) составляет около 340 м, ближе к склону террасы она теряется. Здесь в юго-западной части огражденного стенами участка имеется естественное возвышение поверхности со следами каких-то строений, на поверхности лежат отдельные обожженные кирпичи квадратной формы (26x26x5; 25x26x5,5 см).

Таким образом, перед нами ограниченный участок речной террасы площадью примерно в 13,3 га (рис. 11). С севера и запада его границей служил естественный край террасы разной степени крутизны, с востока следы мощной стены крепостного облика с семью башнями и рвом. Массивная пахсовая стена с ритмично расположенными выступающими овальными башнями, очевидно, производила впечатление сильно укрепленной крепости. С южной стороны,

можно предполагать, наличие стены в виде глинобитного «дувала» (из пахсы или набивной глины), в которой и был устроен въезд на участок, поскольку в восточной стене следы превратного комплекса, соответствующие «монументальному» облику крепостной стены, не прослеживаются. В северной части этого огражденного участка, на краю террасы, расположены две почти аналогичные по планировке и размерам «крепости», но с разной степенью сохранности стен. На остальной части поверхности участка явны следы некоторых планировок (колодец и арык в восточном направлении в центре, углубление у восточного угла «торткуля 1», слабо выраженные следы построек на холме в ЮЗ части и т.д.). Но эти элементы не регулярны, и их вряд ли можно воспринимать как следы «парка Мир-Араба». Более вероятно, что парк был расположен восточнее крепостной стены и занимал плоское вытянутое с С на Ю пространство, вплоть до сая (рис. 11, 12, 13). Он фиксируется в виде обширного прямоугольной формы участка, ограниченного следами ныне совершенно оплывшей, пахсовой стены. Западная стена участка расположена в 72 м от восточной крепостной стены «участка 1» и параллельна ей на участке между башнями № 3 и № 5. Вдоль нее, в 15-20 м с внешней стороны, тянется цепочка кяризных колодцев. Эта цепочка как бы огибает ЮЗ угол, который расположен напротив башни № 5 крепостной стены участка 1, и прослеживается на протяжении 550 м вдоль западной стены. Следы колодцев типичны для «сауранских кяризов». Это расположенные цепочкой на расстоянии 7-12 м друг от друга, оплывшие, невысокие (до 0,5-0,9 м) холмы галечного грунта диаметром 10-14 м, с характерным понижением в центре. Они являются следами вентиляционных колодцев, выходивших на поверхность из подземной водоводной галереи. Прослеживае-

Рис. 14. Вид с СЗ угла торткуля Миртобе 1 на Миртобе 2

мая длина западной стены сада составляет 800 м, ее оплыв (шириной 3-4 м) очень плохо различим при визуальном осмотре местности. Основным ориентиром при ее осмотре является ложбинка (шириной до 4 м) от арыка, который проходил с внешней стороны стены. Примерно в середине стены явно читается вход в сад. От него идет прямая дорога мимо северного угла «Торткуля 2», которая, похоже, выводила на поверхность странного «отростка» вала, идущего от северного угла «Торткуля 1».

Южная стена имеет длину 470 м. Ее сильно оплывшие следы в виде плоского вала высотой 0,2-0,4 м и шириной до 4-5 м местами заметны на местности, местами же полностью теряются. В ЮВ углу четко видна угловая башня в виде круглого холма высотой до 0,5-0,6 м, диаметром 8 м. По ее контуру фиксируются 9-10 выступающих за стену на 8-9 м башен, расстояние между которыми было около 50 м (От угловой башни до первой расстояние 55,5 м, от первой до второй 51,5 м ...). Следы башен более явны на восточной части южной стены; в средней пониженной части они проступают очень слабо. По их контуру, так же как и вдоль различных участков стены, читается ложбинка внешнего арыка (рис. 11).

Восточная стена садового участка прослеживается на расстоянии 550 м. Она идет местами практически по самому извивающемуся краю русла сая, в средней части на некотором расстоянии теряется совсем, далее прослеживается отдельными отрезками более или менее явно читаемыми. Следов каких-либо башен и прочих фиксируемых деталей на этой стене, как и на западной, нет.

В центре южной половины участка, в 220 м от южной стены, четко различима подпрямоугольной формы западина, глубиной до 0,7 м, с размерами сторон 30x25 м. В 60-80 м к юго-востоку от нее на месте различимы неправильной формы, сильно оплывшие холмы, которые могут быть следами каких-то строений. Общая же площадь прямоугольника, огражденного прежде сырцовой/глинобитной стеной, составляла около 33 га.

Если, следуя предположению Перха П., связывать археологические следы большого сада площадью 33 га и «торткуля Миртобе 1» с именем местного сауранского духовного авторитета Эмир-Абдуллаха (Мир-и Араб), то обращает на себя внимание наличие здесь же следов, вероятно, более ранних построек – Торткуля 2 и оплывшей «стены с башнями». Возможно, что это следы ранее существовавшего здесь поместья предков Мир-и Араба, сеидов, которые происходили из йеменских арабов. Впрочем, ответить на многие интересные вопросы, связанные с изучением уникального комплекса Мир-Араба, можно будет лишь после проведения здесь комплексных археологических исследований.

* * *

Как видим, системное обобщение археологических, исторических, топографических данных подводит нас к иному, чем при-

нято, пониманию археологического памятника, оставшегося на месте существования одного из известнейших средневековых городов Казахстана, каковым был исторический Сауран. А именно, как обширного пространства в средней части междуречья Тастаксай-Майдантал, с хорошо сохранившимися археологическими следами различных элементов городской инфраструктуры. Для науки такой подход не нов, и там, где это возможно, в описании городищ используется термин «археологический комплекс»: например, с некрополем, или с пригородной зоной с различными элементами пригородной застройки, или со следами сельскохозяйственного освоения. Уникальность памятника Саурана заключается в том, что все основные элементы его археологического комплекса пока еще имеют удовлетворительную сохранность и доступны для исследования. Причем эти элементы (структуры) территориально смежные, а чаще, перекрывают друг друга. Одним из таких структурных элементов, как бы пронизывающих весь «Сауранский археологический комплекс», являются кяризы.

1.5. Кяризы

П.И. Лерх обратил внимание на сообщение в «Удивительных событиях» Махмуда Зайнаддина Васифи о постройке в Сауране известным в Средней Азии духовным авторитетом Мир-Арабом, помимо медресе, особого рода ирригационных сооружений – двух кяризов с защищавшим их укреплением, в котором был устроен глубокий колодец глубиной в 200 гязов и большим садом при нём.⁸⁷ Васифи упоминает о том, что для строительства кяризов Мир Арабом были использованы индийские рабы, а столб воды в колодце был 150 гязов.

Остатки кяризов удалось обнаружить лишь в 1969 г. при дешифровке аэрофотоснимков городища Сауран и его округи. С высоты 1600 м читались две цепочки тёмных круглых пятен, протянувшихся от северо-западной окраины города в направлении северо-востока⁸⁸ (рис. 15). Наземными исследованиями было установлено, что исток одного из кяризов начинается в районе городища Мыртобе (Миртобе), расположенном в 7-ми км к северу от Саурана. Тёмные пятна на аэрофото – это цепочки «кольцевых выкидов» щебенки из вентиляционных колодцев-люфтлохов. Кольца диаметром около 5м, расположены на расстоянии 15 м друг от друга. От основной трассы этого кяриза отходят две короткие цепочки на восток и на запад, каждая из которых имела до 10 колодцев.⁸⁹

⁸⁷ Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г..., с.14, 21, 31.

⁸⁸ Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // Вестник АН КазССР, 1973, 4, с. 76-78; Позже мы предложили именовать этот кяриз «Большим сауранским кяризом» (Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Известия МОН РК, НАН РК, сер. обществ. наук, №1, 2003, с. 172-190).

⁸⁹ Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985, с. 96-97.

Рис. 15. Участок Большого сауранского кяриза, подходящий к СЗ углу городища

Долгое время наличие кяризов в окрестностях Саурана оставалось достаточно экзотическим явлением в истории средневековой ирригации Казахстана, а строительство столь сложного гидротехнического сооружения эпизодическим фактом. В 1986 г. Ирригационным отрядом ЮККАЭ (рук. Грошев В.А.) были начаты всесторонние исследования системы Сауранских кяризов. Была произведена инструментальная топосъемка местности со следами кяризов и агро-ирригационных планировок, начаты, но, к сожалению, не доведены до конца, раскопки двух колодцев. Работы продолжались в 1986-1988 гг. и при этом установлено, что дудка кяризного вентиляционного колодца имеет диаметр 0,9 м. Верхняя часть её укреплена специально изготовленными обожжёнными керамическими кольцами, поставленными друг на друга, которые предохраняли устье колодца от осыпания. Высота этих керамических колец – 17-20 см, толщина стенок – 5 см.⁹⁰

Глубина колодца кяриза в укреплении, по описанию Васифи, достигала 200 гязов. Гяз – это средневековая мера длины, которая в разных районах Востока имела разную длину. Есть основания считать, что в Туркестане XIV-XV вв. строительный гяз равнялся примерно 60,6 см.⁹¹ Если в тексте Васифи нет ошибки, что вполне возможно при переписывании сочинения, то глубина колодца близка

120 м, а толщина столба грунтовой воды – около 90 м.

Кроме этого исследователями были получены сведения о существовании и в районе г. Туркестана кяризной системы подачи воды в город. Реальных следов этих кяризов тогда обнаружить и зафиксировать не удалось, но по свидетельствам старожилов, ещё в начале 20-х годов XX в. остатки колодцев от кяризов можно было наблюдать в 3 км к северу от Туркестана. Также и нам в ходе археологических работ в самом г. Туркестане и на памятниках его округи в 80-90 гг. прошлого века от местного населения поступала информация о кяризах («подземных дорогах!»), существовавших в окрестностях и под самим г. Туркестан. Отметим, что ближайший к северу от

⁹⁰ Грошев В.А. Древняя ирригация юга Казахстана. Алматы, 1996, с.180-189.

⁹¹ Имажанов Н., Бейсенбаева Л. Геометрия мавзолея ходжа Ахмеда Ясави (о методах проектирования) // Известия МОН РК, НАН РК, сер. обществ. наук, 2002, 1, с. 269.

города аул называется Кяриз. Один из арыков, подводивших воду к городу, назывался Джука-кяриз.⁹² Старожилы до сих пор рассказывают о неких загадочных подземных галереях (дорогах, ходах), которые были когда-то под городом, и еще лет 50-70 назад, в годы их молодости, эти подземные ходы были доступны для любопытных мальчишек. Естественно, что память о них обросла массой домыслов. Они, в первую очередь, конечно, связывались с жизнью и деятельностью Ходжа Ахмеда Ясави; в них видели остатки якобы существовавших некогда подземных дорог, связывавших г. Туркестан с Сайрамом, Отраром и Ташкентом или же прямо с самой Меккой.

Реальные следы одного из туркестанских кяризов, вероятно, были зафиксированы при проведении консервационно-реставрационных работ на подземной части позднесредневековой туркестанской мечети Аулие-кумчик-ата. В одном метре к востоку от входного тамбура в подземную часть, обнаружен выход на древнюю дневную поверхность дудки вертикального колодца, укрепленного обсадными керамическими кольцами. Уровень, на котором зафиксировано верхнее кольцо, залегает примерно на глубине 2,5 м от уровня современной дневной поверхности. Сами обсадные кольца – это специальные керамические изделия. Всего зафиксировано пять колец. Общая прослеженная глубина колодца, укрепленного кольцами, составляет около 3м. Кольца имеют форму отрезков слегка расширяющихся книзу керамических труб с массивным отогнутым горизонтально наружу утолщенным венчиком. Верхняя горизонтальная широкая поверхность венчика (6-8 см) служила опорой для верхнего кольца. Толщина стенок неравномерна в разных частях, но в среднем колеблется в пределах 1,5-3,0 см. Самое верхнее кольцо, высотой 79 см, имеет внешний диаметр венчика 76 см, внутренний – 60 см; нижний наружный диаметр – 83 см, внутренний – 72 см. Под ним стоявшее кольцо имеет внешний диаметр венчика 76 см, внутренний – 60,5 см. Высота его – 79 см, а нижний диаметр – 78 и 70 см. Второе кольцо стоит на венчике следующего кольца. Его верхний внешний диаметр – 74 см, внутренний – 74 см, высота – 70 см. Внизу диаметр внешний – 79 см, внутренний – 75 см. Третье кольцо установлено на укороченное кольцо, высота которого всего 40 см. Внешний диаметр венчика – 74 см, а нижний диаметр – 75 см. Эти четыре кольца стоят на следующем нижнем кольце, которое осталось в грунте. Более глубоко проследить дудку колодца не удалось, и она была засыпана вынутым грунтом. Реконструкция устройства верхней части дудки колодца могла иметь следующий вид (рис. 16).

Кольца сформованы из качественного, хорошо промешанного теста с добавлением соломы. Обжиг – качественный, равномерный по всей высоте этих достаточно массивных изделий. В изломе те-

⁹² Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана..., с.101.

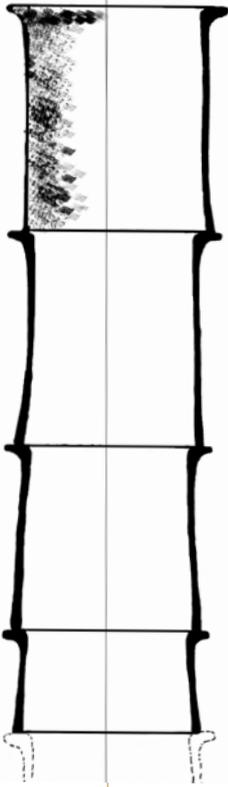

Рис. 16. Реконструкция установки обсадных керамических колец в дудке кяризного колодца

сто прокалено до розово-оранжевого цвета, снаружи изделия равномерно покрыты желтоватым ангобом. Очевидно, что эта продукция специализированного производства обсадных колец для вертикальных колодцев кяризных водоводов, снабжавших питьевой водой средневековый Туркестан, так же как и Сауран.

Сотрудниками Туркестанской археологической экспедиции (ТАЭ) в июне 2002 г. были найдены и осмотрены несколько характерных кольцевых галечных холмиков, расположенных цепочкой выше (северо-западнее) пос.Шорнак, за трассой Туркестан-Кызылорда, восточнее поворота с трассы на дорогу в пос. Бабайкурман. Позднее для фотофиксации обнаруженных следов новонайденного кяриза и более эффективной разведки окрестностей был привлечен мотодельтаплан. Цепочка кольцевых образований здесь прослеживается на протяжении 1200 м. Внешний диаметр колец 10,5-11,0 м, ширина кольцевого вала – до 3,3 м, высота – 0,4-0,5 м, диаметр круглой внутренней западины – 3,5-4,0 м. Кольца состоят преимущественно из песка и гальки, которые достаточно четко обрисовывают круглые кольца валиков, на фоне желтоватой окружающей поверхности. Кольца расположены цепочкой на расстоянии 15-20 м друг от друга, в направлении с юго-запада на северо-восток, вдоль извилистого оврага Ашасай, в сторону гор. Так как эта местность в прошлом распаивалась под бахчевые культуры, то многие кольца теперь деформированы и частично уничтожены (рис. 17).

Далее в сторону гор, в 2-х км выше пос. Бабайкорган, зафиксирован, вдоль речного русла, ещё один участок «цепочки» кяризных колодцев. У местного населения эта местность называется «Крык кудук», что свидетельствует о глубине народной памяти. Внешние признаки и размеры кольцевых выбросов, маркирующие направление кяриза, аналогичны таковым в цепочке зафиксированной выше аула Шорнак. Эта цепочка тянется в сторону гор почти на 1,5 км. Расстояние между этими двумя фрагментами цепочек по карте около 20 км.

Гидрография местности здесь выглядит следующим образом. Выше пос.Бабайкорган сливаются две речушки, вытекающие из двух соседних ущелий – Актобе и Коксарай. В самом поселке в неё впадает ещё одна речушка – Карабулак. Ниже слияния река, точнее её сухое русло, называется Жанакорганозен. Вода её полностью разбирается на полив, а ниже Арысь-Туркестанского канала в сторону пос. Шорнак извилисто тянется сухой овраг Ашасай. В периоды большей увлажненности региона, это была, вероятно, единая небольшая река с более или менее постоянным течением, берущая начало в ущельях Каратау и доходившая до р. Сырдарьи.

Следы ещё одного кяриза, в виде расположенных цепочкой всё тех же кольцевидных галечных выкидов, зафиксированы на протяжении 700-800 м между руслом реки Карачик и другой древней речки, которая теперь прослеживается по сухому руслу Ермаксай.

Нужно отметить, что все три зафиксированных нами кяриза ориентированы в направлении средневековых городов. Послед-

ний ведет к городищу Торткультобе I, расположенному на правом берегу р. Карачик. Городище датируется VIII-XIV вв. и отождествляется со средневековым городом Карачуком. Кяриз выше села Шорнак, по всей видимости, ведёт к городищу Саухым-ата, расположенному в центре этого села. Городище датируется XIV-XVIII вв. В селе Бабайкорган находится крупное городище Торткуль. Проведенные здесь стратиграфические археологические исследования датировали его от XIV вплоть до начала XX в.⁹³ Кроме того выявлена цепочка кяризных колодцев, подходящая с севера к городищу древнего Саурана (Картобе). Ну а два кяриза в окрестностях Саурана, как выше отмечалось, подходят к его северо-западной границе.⁹⁴

В 2003 г. нами было предпринято детальное обследование Сауранского микрооазиса. Здесь между сухими руслами рек Тастаксай и Майдантал на площади, примерно, 220 км² (10x22 км), помимо двух ранее известных кяризов, зафиксированы цепочки колодцев еще тринадцати (13) подземных водоводных галерей. По принадлежности к речным бассейнам они группируются в три (А, В, С) группы. Кратко опишем их в направлении с запада на восток.

А. – в речной долине Тастаксай (3 линии):

А.1. – на север от автодороги, на правом берегу р. Тастаксай; линия колодцев длиной 2,5 км (на поверхности диаметры колец колодцев – 5 м, расположены на расстоянии 15-18 м друг от друга⁹⁵);

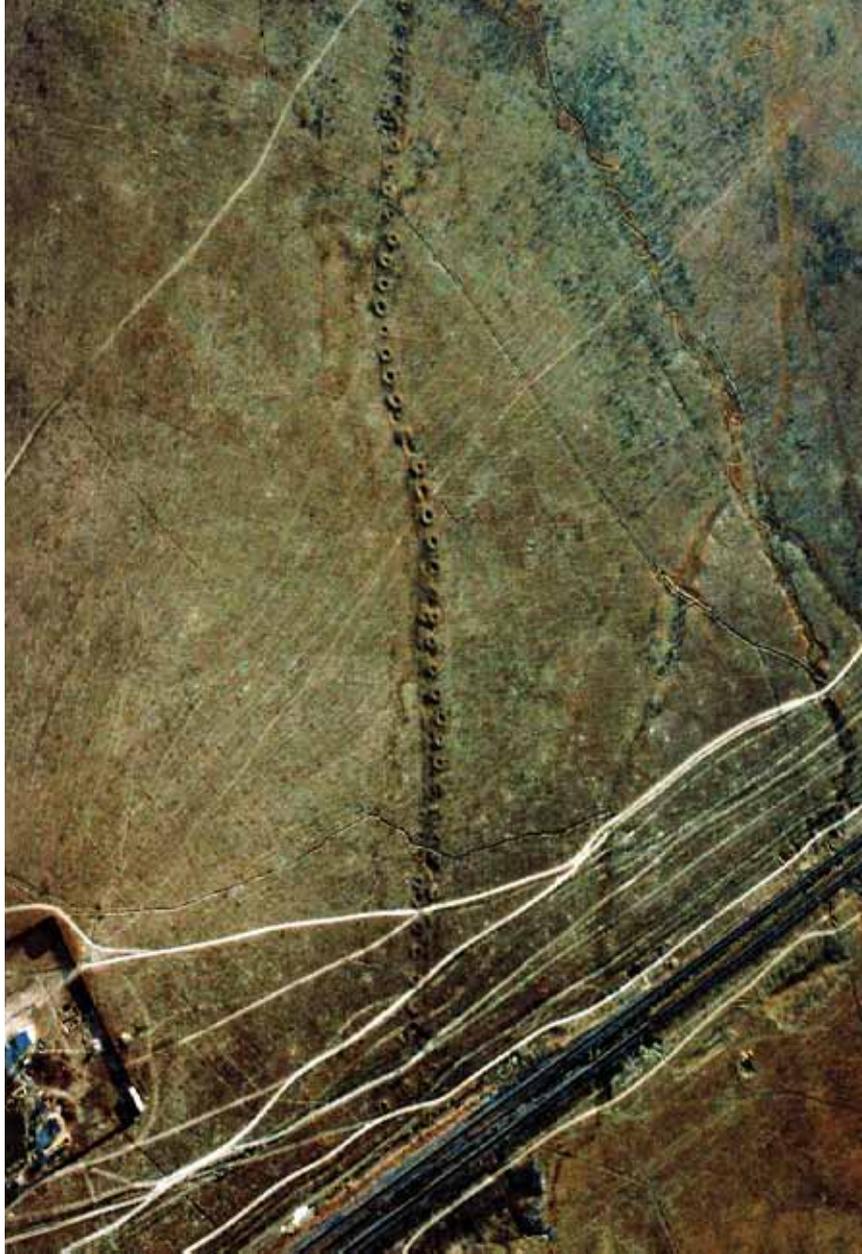

Рис. 17. Участок «сатимсайского кяриза» перерезается железной и автомобильной дорогой

⁹³ Туякбаев М. Позднесредневековые города Туркестанского оазиса // Известия МОИИ., сер. обществ., 1, 2002, с.184.

⁹⁴ Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994, с.311.

⁹⁵ Наземные топографические признаки колодцев во всех случаях однотипны.

А.2. – к западу от аула Сатимсай; кяризная линия длиной 3 км (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – 15 м);

А.3. – на запад от этой линии и к западу от городища Костобе линия кяризных колодцев длиной 4 км (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – от 10 до 30 м);

В. – между сухими руслами Тастаксай и Майдантал расположено сухое русло реки Аксай. С ней связаны 8 линий цепочек колодцев:

В.4. – на север от городища Сауран кяризная линия длиной 2 км, «Большой сауранский кяриз»;

В.5. – в 1,2 км на север от этой линии, цепочка колодцев длиной 2 км, расположенная в депрессии, на запад от городища Миртобе (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – 12-15 м);

В.6. – на север от этой линии тянутся две параллельных кяризные линии по 2 км длиной;

В.7. – на восток от предыдущей линии: одна цепочка 400 м длины (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – 15 м);

В.8. – на восток от Миртобе одна линия длиной 900 м (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – 15 м);

В.9. – на восток от этой линии, на юг от фермы, расположенной около Миртобе одна линия длиной 200 м (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – 15 м).

В.10. – на юг от этой линии, по западному берегу р. Аксай ближе к трассе Туркестан-Кызылорда одна прерывистая линия колодцев длиной 700 м.

В.11. – на юг от этой линии, к югу от ж/д, около канала, выходящего из русла реки Аксай, ближе к Каратобе одна линия длиной 600 м с западным ответвлением в 200 м. Эта цепочка колодцев подходит с севера почти к самым стенам городища Каратобе (ранний Сауран).

С. - в долине сухого русла р. Майдантал на западном берегу зафиксированы 4 линии кяризных колодцев:

С.12. – на западе от р. Майдантал, к западу от дороги Туркестан-Кызылорда, около фермы бывшего колхоза им. Ленина одна линия длиной 500 м.

С.13. – на восток от этой линии, на север от фермы линия длиной 1,2 км (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – 16 м);

С.14. – на юго-восток от этой линии, на север от фермы линия длиной 300 м, частично разрушенная каналом, построенным в советское время (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – 15 м).

С.15. – на юг от этой линии и фермы проходит еще одна линия, протяженностью 1,2 км (диаметры колодцев – 5 м, расстояние – 15 м).

Таким образом, на небольшой площади Сауранского микроаггломерата зафиксированы цепочки колодцев, по крайней мере, пятнадцати (15) кяризов общей протяженностью около 24 км. При этом выясняется, что кяризы (подземные водосборные и водоводные галереи) служили кроме водоснабжения городов (Сауран, Карачук, Тур-

кестан), также и целям орошения полей, садов и огородов. В нижней части некоторых цепочек колодцев четко фиксируются водосборные бассейны («тоганы»), или линии наземных каналов, из которых вода распределялась посредством мелких арыков-распределителей на отдельные орошаемые участки.⁹⁶

Дальнейшие работы по детальному обследованию Сауранско-го ирригационного микрорегиона (оазиса) выявили здесь почти 250 кяризных цепочек общей протяженностью более 110 км.⁹⁷

Трудно переоценить значение воды для зарождения и развития древних культур в Центральной Азии. Доисторический период характеризуется освоением человеком легкодоступных поверхностных источников воды, на берегах которых и появляются первые временные поселения. Вследствие «неолитической революции», сопровождавшейся демографическим взрывом, на их месте разрастаются протогорода, в которых не могла не возникнуть проблема дефицита воды. В большинстве цивилизованных стран центральноазиатского региона того времени она усугублялась прогрессирующей аридизацией климата. Производящая экономика и рост городов настоятельно требовали вовлечения в экономику всё новых водных резервов. На новом этапе развития адаптация к изменяющимся условиям не могла идти только по пути миграции части населения в поисках условий благоприятных для жизни, т.е. земли, обеспеченной водой. Другим путём стало техническое совершенствование ирригационных систем и освоение подземных грунтовых вод, ставших актуальным резервом природных богатств. Начало освоения этих водных резервов с помощью подземных дренажных галерей – кяризов скрыто «во тьме веков».

Кяриз (kariz, kanat, falai, rettara и др.) представляет собой гидротехническое сооружение, предназначенное для самотёчного вывода на поверхность грунтовых вод. Выглядит как подземный горизонтальный или слегка наклонный водовод, в виде сводчатой галереи, один конец которой врезается в водоносный слой, а другой выходит на поверхность земли. Строятся кяризы преимущественно в слабонаклонных пустынных и полупустынных предгорьях для водоснабжения земледельческих оазисов и их городских центров.⁹⁸ Г.Е. Грум-Гржимайло так описывает устройство и принцип действия кяризов: «В местности, известной населению не глубоким сравнительно залеганием водосодержащих слоёв, роется головная «дуд-

⁹⁶ Проблемы изучения кяризов в регионе рассмотрены нами в: Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Известия МОН РК, НАН РК, сер. обществ. наук, № 1, 2003, с. 172-190.

⁹⁷ Общие итоги совместных полевых работ, позволивших радикально пересмотреть масштабы распространения и значения кяризов в водоснабжении и экономике региона, опубликованы. Не со всеми реконструкциями, привлеченными нами к полевым работам J.M.Deom и R.Sala, мы можем согласиться (см.: Deom J.M., Sala R. The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы, 2005, с.120-132).

⁹⁸ Paul Ward English. Qanats and Lifeworlds in Iran Plateau Viladges //Yale f & es bulletin 103.

ка», т.е. узкий и глубокий колодезь, который заканчивается в этих слоях; отступая метров 8, роется вторая такая же дудка, потом третья, четвертая, сотая, до тех пор, пока их глубина не дойдёт до 2 м, тогда эти «дудки», начиная с последней соединяются между собой подземным каналом, прорезающим таким образом всю длину водосодержащей почвы... Для этого, чтобы увеличить струю карысной воды, в магистральный канал проводятся ветви. *Если посмотреть с высоты птичьего полёта, то поверхность покажется нам точно изрытой какими-то гигантскими землеройками, с тем, впрочем, отличием, что значительные кучи земли не разбросаны в беспорядке, а вытянуты стройными линиями. Это и есть карызы*⁹⁹ (выделено нами – С.Е.). Как видим, в этом описании даны, как сказали бы археологи, внешние наземные поисковые признаки кяризных систем водоснабжения.

Особо широкое распространение кяризы получили в условиях засушливого Иранского плато в ахеменидскую эпоху (VIII-III вв. до н.э.). Вероятно, первые кяризы были построены в целях отвода воды из горных выработок, шахт. Во всяком случае, именно такие дренажные системы впервые упомянуты Полибием (II в. до н.э.) в горном Курдистане. В эпоху древних государств (Иран, Урарту, Ассирия, Мидия и пр.) строительство кяризных оросительных систем стало частью государственной политики. С этого времени и до наших дней многие крупные города Ирана – Тегеран, Нишапур, Иезд, Кум и т.д., и целые сельскохозяйственные оазисы обеспечивались водой исключительно из кяризов, которых в стране насчитывалось многие тысячи. Возможно, в античную эпоху они проникли в Северную Африку, а уже в раннем средневековье кяризы стали строить и в Турфанской долине (Западный Китай). Многие из них функционируют до сих пор.

Кяризы распространялись преимущественно в засушливых предгорных регионах, где было не стабильно водоснабжение поверхностными водами, и имелись благоприятные гидрогеологические и ландшафтные условия. В этих странах их насчитываются многие сотни, а всесторонние исследования этих уникальных гидротехнических сооружений древности и средневековья оформилось в современной науке в специфическое научное направление.

Явным преимуществом подземных водоводных систем было, несмотря на большие трудозатраты по их строительству, то, что они обеспечивали стабильное, не зависящее от сезонных колебаний, водоснабжение важных населенных пунктов чистой и холодной питьевой водой, при малых потерях влаги на испарение.

Везде, где кяризы становились одним из способов водоснабжения, их строительство и эксплуатация осуществлялось специализированной группой профессионалов, деятельность которых регламентировалась особыми «цеховыми» правилами. Деятельность по добыче воды в засушливых регионах, где она была, в буквальном смысле, основой жизни, естественно, сакрализовалась, как и

все связанное с этим сложным процессом. Мастера кяризных дел обладали уникальными способностями, основанными на эмпирических знаниях, наблюдательности и опыте и заслужено пользовались в обществе особым статусом.¹⁰⁰ Знания эти, как это было принято, бережно охранялись и передавались из поколения в поколение. Не удивительно, что многие святые, культ которых был освоен исламом, в условиях, например Средней Азии, в народных легендах и преданиях выступают, кроме прочего, и как «податели вод». Именно они, придя в какую-то, прежде не освоенную человеком (=культурой) местность, каким-либо чудесным образом, обычно – ударом посоха, отверзали подземные воды и тем самым давали жизнь городу/оазису/стране. Подобный сюжет, в частности, связан в казахских народных преданиях с именем Ходжа Ахмеда Ясави, с его первыми «деяниями» в Туркестане.¹⁰¹

Южные склоны Каратау входят в один из немногих в Казахстане регионов самоизливающихся артезианских (грунтовых) вод. Туркестанский оазис, расположенный между южными склонами гор Каратау и поймой р.Сырдарьи представляет собой самый северный из известных регионов распространения кяризов. Отметим, что древнейшим и ближайшим для Южного Казахстана регионом традиционного распространения кяризов является Прикопетдагская равнина Туркмении, где первые кяризы появились в конце I тыс. до н.э.¹⁰² С приходом арабов проблема водопользования должна была быть определенным образом кодифицирована в соответствии с мусульманским правом. Для этого наместнику Хорасана, северной частью которого являлась Туркмения, Абдаллах ибн Тахиру (830-844 гг.) потребовалось созвать всех хорасанских знатоков религиозного права и разработать специальный свод правил по решению споров, которые возникали при пользованием водой кяризов.¹⁰³ В предгорной Фергане, в Нуратинских предгорьях Бухары, а также в предгорных районах Таджикистана – средневековой Уструшане, строительство подземных водоводов начинается в VI–VIII вв.¹⁰⁴ Из всех известных способов снабжения питьевой водой средневековых городов Средней Азии кяризные системы наиболее интересны и наименее исследованы.¹⁰⁵

¹⁰⁰ Стоит упомянуть, что современные гидрометрические исследования в Средней Азии, в Туркестанском крае Российской империи, были начаты лишь в 1910 г. с созданием специальной гидрометрической службы в Управлении земледелия при краевой администрации.

¹⁰¹ Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930, с. 20 (См. переиздание работы М.Е. Массона в сб.: Города Туркестана. Алматы, 1999, с. 27.)

¹⁰² Нургельдыев Я.Х. Кяризы Северного Хорасана // Мерв в древней и средневековой истории Востока V: «Мерв древний – Мары современный». Тезисы докладов..., Мары, 1994, с. 62-65.

¹⁰³ Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Соч., т. 3. М., 1965, с.116.

¹⁰⁴ Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980.

¹⁰⁵ Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981, с. 71-94; в обзорной статье по ирригации Южного Казахстана кяризам посвящено полстрочки: Байпаков К.М., Грошев В.А. Историческая динамика ирригации на Средней Сырдарье // Аральский кризис. М., 1991, с. 179.

1.6. Монгольское завоевание и культурный слой. Некоторые проблемы археологии средневекового города

Датировка XII-XIII вв. верхнего строительного горизонта Каратобе, который фиксируется на всей площади городища, обуславливает и круг археолого-исторических проблем, в контексте которых могут рассматриваться получаемые материалы. Одной из проблем, на наш взгляд, может быть «проблема монгольского завоевания».

Интересно отметить, что до широких исследований средневековой городской культуры Казахстана, начало которым было положено сорок лет назад археологическими исследованиями Отрара, период XIII–I-я пол. XIV вв. в истории материальной культуры практически не выделялся, а имевшиеся небольшие, но достаточно выразительные материалы рассматривались в общем «послемонгольском периоде», обычно характеризуемом, как время упадка городской культуры. В науке распространение имело стереотипное представление, имеющее, как нам представляется, сугубо идеологическую подоплеку, что с завоеванием и приходом «кочевников-монголов» городская культура должна гибнуть, хиреть. Большой натяжкой представляется нам утверждение, что монгольское завоевание привело к гибели или подорвало основы развития городской культуры в регионе. Обычно упоминается живописное описание Джувейни осады Отрара, «отрарской катастрофы» или штурма некоторых других городов.¹⁰⁶ Но отразились ли эти события пагубно на картине в целом? И, действительно ли, появились за последние десятилетия новые однозначные археологические свидетельства того, «что на самом деле городов и поселений, подвергшихся опустошению, было гораздо больше»,¹⁰⁷ чем упоминают письменные источники. И стоит ли пересмотреть ранее обоснованное мнение, что городская жизнь в Чагатайском улусе сохранилась в домонгольских масштабах, а с приходом монголов даже начала переживать эпоху подъема, что не только сохранились старые города, но и появились новые, а подрыв городской культуры, например в Семиречье происходит не в XIII в. вследствие монгольского завоевания, а значительно позже и в результате междоусобиц в постмонгольских государствах.¹⁰⁸

¹⁰⁶ Абусейтова М.Х. Джувейни об «Отрарской катастрофе» // Вопросы истории (КазГУ). Вып. 7. Алма-Ата, 1975, с. 111-113.

¹⁰⁷ Байпаков К.М. Присырдарьинские и жетысуйские города в XIII-XV вв. // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Мат-лы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008г. Шымкент, 2008, с. 95.

¹⁰⁸ Байпаков К.М. Периодизация городской и оседлой сельской жизни Илийской долины // Бартольдские чтения. М., 1978, с. 53-55.

Для рассмотрения этого вопроса у нас теперь, помимо скурых сведений письменных источников, имеются и вполне объективные археологические материалы. За полувековой период на территории Казахстана в той или иной степени исследовались культурные слои XII-XIV вв. множества крупных городских центров. И нужно полагать, что следы «разрушительного монгольского завоевания» должны достаточно четко идентифицироваться в системе культурных наслоений этого времени по признакам разрушений, пожаров и прочих бедствий.

Весьма показательно в этом плане фундаментальное на тот период исследование средневекового Тараза на основе преимущественно археологического материала.¹⁰⁹ Широкомасштабные стратиграфические работы на цитадели и шахристане Тараза, проведенные в 1960-х годах, не выявили явных слоев, которые можно было бы связать с последствиями монгольского завоевания. О присутствии следов разрушительных событий начала XIII в. в стратиграфии Тараза ничего не говорится ни одним из археологов-исследователей его средневековых слоев.¹¹⁰

Материалы слоев этого периода рассматриваются Т.Н. Сениговой в пятой главе, которая весьма симптоматично называется «Упадок культуры в Таласской долине (XIII-XVIII вв.)».¹¹¹ Нужно отметить, что для своего времени это была первая монографическая работа по истории казахстанского средневекового города, основанная на новом массовом археологическом материале, который был получен профессионалами-археологами в результате продолжительных крупномасштабных раскопок. Интересующий нас срез истории города представлен материалами 7-го и 8-го строительных периодов таразской стратиграфической колонки. Что же показывают археологические материалы этих слоев?

Во-первых, «жизнь в Таразе в этот период прослеживается на тех же частях города, что и в предшествующее время», продолжается интенсивная жизнь в городах округа (Н. Барсхане, Шельджи, Сусе, Текабкете, Май-тобе).¹¹² Отметим, что предшествующее время характеризуется как время «наивысшего расцвета» городской жизни в Таразе.

Во-вторых, в городском керамическом комплексе, помимо обычных эволюционных стилистических, в основном, изменений, появляются новые виды сосудов, новые технологии (кашин), новые сюжеты в декоре.¹¹³

В-третьих, археологический материал подтверждает мнение М.Е. Массона, что Тараз к концу XIII в. остается, как и прежде, центром округа и даже увеличивается его площадь.¹¹⁴

¹⁰⁹ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, 218 с.

¹¹⁰ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз., с. 27-56; Мерциев М.С. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 37-50.

¹¹¹ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз., с. 188-203.

¹¹² Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз., с.188.

¹¹³ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз., с.189-190, 192-196.

¹¹⁴ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз., с.191.

В-четвертых, в городе ведется строительство мемориальных сооружений, мало уступающих лучшим образцам своего времени; в них ярко отразился «подъем культуры в рассматриваемый период».¹¹⁵

В-пятых, массовый археологический материал свидетельствует о «определенном подъеме производительных сил».¹¹⁶

Как видим, материалы 7-8-го строительных периодов Тараза в комплексе с другими достаточно выразительными данными и наблюдениями археологов, которые не выявили реального слоя монгольских разрушений, отнюдь не свидетельствуют об «упадке культуры» в период, последовавший вслед за монгольским завоеванием.

Как минимум эти материалы говорят о вполне поступательном развитии культуры со свойственными этому процессу инновациями и традициями.

Другой крупнейший город на юге Казахстана, пострадавший от монгольских завоевателей – это Отрар, который отождествляется с известнейшим городищем Отрартобе. В 1969-1970 гг. здесь были проведены масштабные стратиграфические исследования.¹¹⁷ Стратиграфическая колонка Отрартобе и по сей день остается эталонной для городищ юга Казахстана. В стратиграфическом раскопе площадью около 200 м² на глубине 5-8 ярусов были вскрыты полы №№ 8-13, разделенные на три строительных горизонта – 9, 8 и 7, датированные соответственно X–XI вв., XII–нач. XIII вв. и XIII–XIV вв.¹¹⁸

И в этой «пачке слоев» не обнаружено следов «Отрарской катастрофы», что и было специально отмечено авторами раскопок. Не зафиксировали этих следов и стратиграфические шурфы в пригородной зоне, на рабаде городища Отрартобе.¹¹⁹

Позже, в ходе раскопок на шахристане Отрара, «на небольшом участке в северо-западном углу раскопа III» был вновь вскрыт горизонт XII в. и вся последующая свита напластований строительных горизонтов «вплоть до XVIII в.».¹²⁰ Самый нижний слой, до которого тогда удалось довести раскоп III, залегал на глубине от 5,6 м до 4,8 м, т.е. имел мощность примерно в 1,2 м и исследован на площади около 300 м². Для его строительных конструкций характерна «регулярная кладка из плотного кирпича-сырца желтоватого цвета стандартного формата (40–45x20–22x10 см). Использовался также жженный кирпич размером 20–22x10–11x3,5 см. Стены тщательно несколько раз оштукатурены тонким слоем обмазки. Жилые комнаты оформлены разновысокими суфами с обязательным тандыром и керамическим очагом-алтарем на полу в центре помещения. Важ-

¹¹⁵ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз..., с.191, 198.

¹¹⁶ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз..., с.194.

¹¹⁷ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 51-83.

¹¹⁸ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар ..., с. 60-72.

¹¹⁹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар ..., с. 80-81,83.

¹²⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках..., с. 3.

ную роль в интерьере больших помещений играли невысокие перегородки, отделяющие хозяйственные и санитарные уголки, тамбурные входы, коридоры. Для санитарных помещений характерны керамические ванночки, снабженные системой слива воды через трубу (кубур) и колодец».¹²¹

В стратиграфической номенклатуре раскопа III Отрара этот слой получил № V. Датирован он по комплексу найденных в слое монет и аналогиям массовому материалу со второй половины XII до середины XIII в.¹²² В этом слое на двух (из трех) полах отмечены следы пожаров. Л.Б. Ерзакович, со свойственной ему осторожностью в выводах и пунктуальностью в наблюдениях, в этой связи отметил: «По всей вероятности, пожар произошел во время разгрома Отрара монголами в начале 1220 г. Если учесть, что выше уровня пола со следами пожара существовал еще один, то верхнюю дату V горизонта можно обозначить серединой XIII в.».¹²³

При этом автору удалось сделать ряд ценных и интересных микростратиграфических наблюдений. «Синхронность помещений прослеживается по поверхностям полов, из которых *третий и кое-где второй имеют следы пожара. Однако завал в помещениях отсутствует.* Поздний пол перекрыт мощными натечно-надувными слоями, особенно четко фиксируемыми в северо-восточной части раскопа, поскольку этот участок долгое время оставался заброшенным. Присутствие более поздних построек рядом со стенами заброшенных помещений свидетельствует о разновременности слоя на уровне горизонтальной стратиграфии».¹²⁴ Т.е. длительный заброс и разрушение застройки этого участка происходит после середины XIII в., а не в 20-х годах, как это должно было быть. А пол с пожаром не имеет слоя разрушения жилища. Значит, опять мы видим некоторую «неувязку» археолого-стратиграфических данных и сведений письменных источников. Вряд ли можно связывать отмеченные пожары на разновременных полах пятого строительного горизонта раскопа III (нет завала крыши, развала стен; согласитесь, это не похоже на «катастрофу»!) с теми последствиями для города, которые рисуются по данным письменных источников. А вкуче с данными по стратиграфическому раскопу 1969-1970 гг., это выглядит, во всяком случае, странным.

За последующий период раскопок средневековых памятников Южного Казахстана (Туркестан, Сайрам, Сыгнак, городище Шымкент, Актобе Степнинское на р. Чу, Антоновское и пр.) так и не было обнаружено и не вскрыто слоев с пожарами и массовыми разрушениями, которые можно было бы **однозначно** отнести к резуль-

¹²¹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках..., с.15.

¹²² Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках..., с.19.

¹²³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках..., с.15.

¹²⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках..., с.15.

тату или последствию монгольского завоевания. Не выявлены такие следы и при раскопках слоев XII-XIII вв. на городище Каратобе, отождествляемом с историческим Саураном.

Отсутствие следов трагических событий начала XIII в., связанных с монгольским завоеванием или же с другими более ранними событиями (завоевание каракитаями, хорезмшахом, найманами), которые в письменных источниках характеризуются как «разрушительные», «опустошительные», но при этом никак не отражаются в стратиграфии культурных слоев, до сих пор не получило истолкования в археологической науке. Имеющееся понятие «монгольский синдром» относится к явлению якобы отсутствия материального отражения монгольского завоевания или влияния монгольской культуры на культуру подвластных народов, отсутствие даже археологических следов присутствия монголов.¹²⁵ Тезис «отсутствие влияния» сам по себе спорный, но в любом случае, мы вкладываем в понятие «монгольского синдрома» несколько иное содержание. **Почему разрушительные и губительные, по сведениям письменных источников, исторические события не оставляют своих следов в стратиграфии культурных напластований средневековых городов?** На этот вопрос можно предложить несколько ответов-предположений:

¹²⁵ Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М., «Рукописные памятники Древней Руси», 2009, с.142-145.

1. Завоевания в действительности не были столь катастрофичными для застройки городов, которая в основном состояла из жилых домов горожан.

2. Средневековые авторы преувеличивали «ради красного словца» степень разрушительности тех или иных событий.

3. Археология не способна выявлять и идентифицировать слои, отложившиеся в результате катастрофических разрушений, вызванных завоеваниями.

Если признать необоснованность третьего предположения,¹²⁶ то у нас есть основания считать, что исследования верхних слоев городища Каратобе в дальнейшем будут способствовать выработке методики выявления, фиксации, описания следов различного рода «завоеваний» средневекового города и оценки их последствий, как в теоретическом, так и в практическом плане. Данное обстоятельство и предопределило масштабность предпринятых нами исследований верхних строительных горизонтов (ВСГ, СГ2) Каратобе.

¹²⁶ Археологическими методами достаточно четко фиксируются и идентифицируются, например, слои арабского завоевания Средней Азии в VIII в. со следами пожарищ и разрушений (см.: Аманбаева Б., Абдуллоев Д. О последствиях арабского завоевания в истории Ферганы // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина. Сб. мат-лов. СПб., изд-во Государственного Эрмитажа, 2000, с.158-165; Смагулов Е.А. Некоторые проблемы арабского завоевания Южного Казахстана // Отан тарихы, 2, 2004, с. 79-87; Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. Астана, 2004, с.103-113; Кожа М. Походы арабов в районы Ферганы, Чача и Средней Сырдарьи в VIII веке // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. Бишкек, 2009, с. 97-103).

глава 2

Итоги археологических работ

2.4.

104 Описание строительного горизонта 3

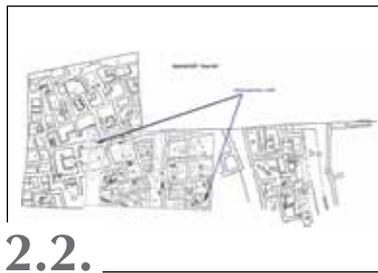
2.1.

79 Описание раскопа 1 2006 г.

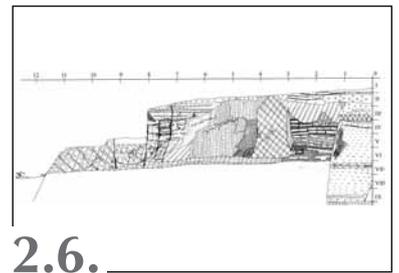
2.5.

112 Описание участка у крепостной стены

2.2.

90 Продолжение работ на раскопе 1 в 2007 г.

2.6.

117 Разрез восточной крепостной стены

2.3.

99 Описание строительного горизонта 2

2.7.

120 Работы 2008 г. на участке у крепостной стены

Рис.1. Локализация раскопов и шурфов на территории городища Каратобе

2.1. Описание раскопа 1 2006 г.

Раскопочные работы на городище Каратобе продолжались три полевых сезона в 2006-2008 гг.; сезон обычно продолжался 2-2,5 месяца. Поскольку план раскопок на сезон предусматривал сохранение хорошо сохранившихся строительных конструкций, то каждый раз приходилось расширять раскоп, прирезая новые участки.

С южной стороны цитадель Каратобе имеет почти прямой угол, образованный прямыми участками восточной и южной крепостных стен. Поверхность здесь имеет некоторый уклон внутрь от края холма и ограничена с СВ и СЗ сторон небольшими ложбинами. На этом участке весной 2006 г. был разбит раскоп (P1) площадью 20x30 м.¹²⁷ Его задачей было вскрытие застройки городища по уровню верхнего строительного горизонта (ВСГ) и исследование структуры культурного слоя (рис. 4 введения; рис. 3 гл. 1; рис.2).

¹²⁷ Размещение раскопов и шурфов 2006-2008 гг. можно видеть на рис. 1.

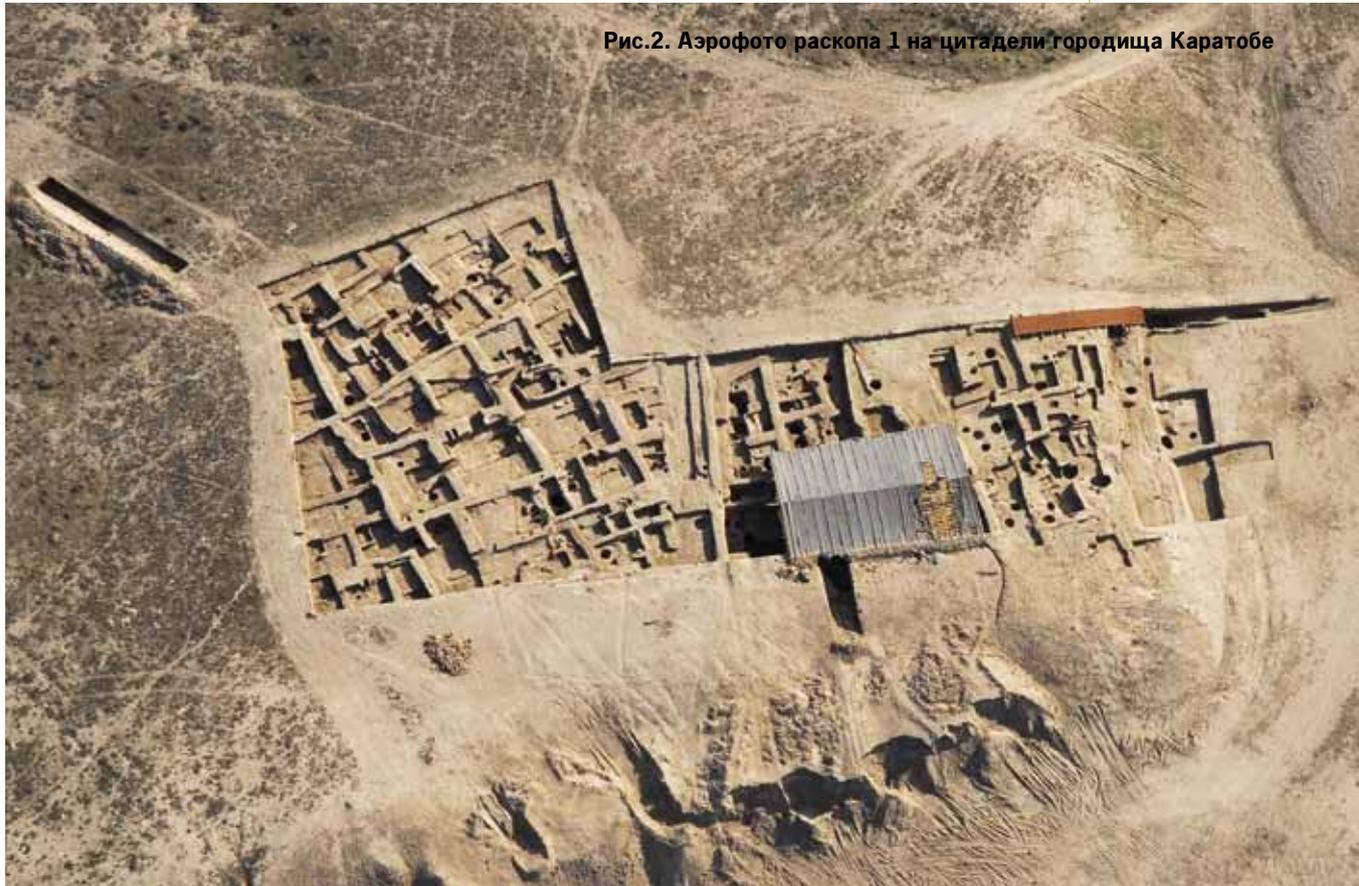

Рис.2. Аэрофото раскопа 1 на цитадели городища Каратобе

Рис.3. План раскопа 1 2006 г.

После снятия первого штыка (25-30 см) на поверхности раскопа обозначились места контуры стен помещений. Чаще всего они маркировались по толстому слою покрывавшей их многослойной обмазки. Как показали дальнейшие расчистки, основные стены жилых помещений ВСГ возводились из битой глины, которая по структуре очень плохо различима от ее же собственного развала. Сырцовый кирпич применялся в основном при выкладке краев суф, различных перегородок (закромов) и других деталей. Наиболее многочисленны сырцовые стенки, перегородки в самом большом доме № 6 (пом. 14, 20, 25, 28, 30,

31), который полностью был расчищен лишь в следующем полевом сезоне.

К концу сезона раскоп достиг размеров 34x21 м (около 700 м²). В результате была частично вскрыта плотная городская застройка, относящаяся к двум жилым массивам, разделенным улочкой или переулком по направлению С-Ю. Так как, раскоп не полностью вскрыл оба массива, и расчистка некоторых помещений по уровню ВСГ не была завершена, выявленные помещения объединены в «дома» условно, помещения объединены друг с другом по наличию проходов, коридоров и тамбуров (рис.3).

Дом 1 состоит, по меньшей мере, из трех помещений (1, 2, 8). Первое из них подквадратной формы в плане (№ 1), размером 3,5х3,75 м. Капитальные глинобитные стены покрыты многослойной штукатуркой. Передняя стенка обращена к коридору, который проходил с северной стороны; в стене имелся дверной проём шириной 1 м. В помещении № 1 отмечено три уровня полов. На верхнем полу (-85) отмечены Г-образная суфа (-68) и напольная ямка для золы встроенная перед камином (-74). Ширина суф – 0,8 м, высота – 0,23 м. Западная стена имеет высоту 0,7 м от пола и в её центральную часть встроен камин шириной 40 см, утопленный в стену на глубину 40 см. Перед камином на суфе устроена площадка, обложенная по краю поставленным на ребро обожженным кирпичом, так что верхний край кирпичиков возвышается над уровнем суфы на 12 см. Ее глубина 14 см, размером 52х30 см, пол ее также выложен кирпичом. Сохранившаяся высота стены с камином – 55 см. Стенки его сильно прокалены до красного цвета (рис.4). Аналогичные по устройству камины характерная деталь помещений № 12 и № 21 вскрытых в этом сезоне. Следующее помещение (№ 2) примкнуло к вышео-

Рис.4. Внутрстенный камин в помещении 1 P1

писанному с запада и имеет размеры 2,25x2,20 м. Помещение соединено с помещением 8 через проход, пробитый в северной стене другой маленькой комнатки, примкнувшей к ней с этой стороны. Разделяет их перегородка, сложенная на ширину одного кирпича сырца (0,35 м). Вдоль стен помещения расположена «Г-образная суфа», у восточной стены ширина её составляет 1,2 м, а высота 0,61 м. Здесь находится (пом. № 4) тандыр диаметром 0,45 м, его устье не сохранилось. Рядом в суфе оказался вкопанный черный кухонный горшок без венчика и заполненный золой с угольками. Южную часть суфы разрушило захоронение позднего времени. Третье помещение № 8 разгорожено тонкими стенками на четыре маленькие комнаты, объединенные коридором. Судя по остаткам печи и специфических ям с золой, находке литейной формочки для отливки украшений (рис.5), обнаруженных в крайнем (восточном) помещении дома, можно предположить существование здесь ювелирной мастерской.

Дом 2 тоже состоит из трех помещений (№ 3, 4, 9), соединенных между собой коридором, расположенным с западной стороны помещения № 9. С этой же стороны весь дом замыкает капитальная несущая стена с выходом на улочку шириной 1,5 м; на пороге уложен большой плоский камень размером 120x80 см. Ширина несущей стены – 0,95 м, толщина стен помещений обоих домов (1 и 2) колеблется от 0,55 м до 0,85 м. Южная часть помещения 3 осталась под бровкой раскопа, в восточной половине помещения обнаружена суфа, высотой 0,38 м, шириной 1,8 м. Размеры вскрытой части помещения 3 составляют 5,2x2,15 м, оно соединено с входной дверью с помощью коридора длиной 3 м, шириной 1 м.

Помещение № 4 на плане состоит из двух помещений (№ 4; 5) общей площадью около 30 м². Вдоль северной, восточной и южной стены помещения 4 расположена «П-образная суфа». Справа от прохода, у южной стены, ширина её составляет 1,5 м, высота – 0,55 м. Здесь находится тандыр (№ 1) диаметром 0,6 м; его устье не сохранилось. У восточной стены высота суфы – 0,52 м, ширина достигает 2,75 м; ее западный край укреплен кладкой толщиной в полкирпича. К западному краю суфы примыкает подковообразная ступенька высотой 0,15 м, размером 1x0,65 м. У северной стены высота суфы достигает 0,65 м, ширина соответственно – 1,8 м, и здесь в нее вмазаны два тандыра (2, 3) диаметрами 0,5 и 0,6 м; их устья не сохранились.

Третье помещение дома 2 расположено между помещениями № 3

Рис. 5. Литейная формочка для отливки украшений

и № 4, размеры его 4х3,5 м; оно похоже на хранилище и разделено перегородкой на две части. Вход расположен напротив основного входа с улицы, ширина его 0,9 м. В помещение спускались по ступеньке, выложенной из битых жженных кирпичей. Площадка с полом расположена на уровне 0,97 м от дневной поверхности, её размеры – 2х1,45 м. Справа от входа размещена вторая часть, куда можно попасть через порог, также вымощенный битым кирпичом. За порогом еще одна площадка глубиной 0,9 м, размером 2х1,1 м. Вдоль южной и восточной стен расположена «Г-образная суфа», высотой 0,5 м, шириной от 0,75 м до 1,5 м.

Дом 3 состоит пока из одного (№ 7) большого помещения, остальные остались, вероятно, за бровкой раскопа. Выявленная часть пом. № 7 имеет размеры 6,5х5 м, в юго-восточном углу вскрыта площадка с полом размером 3,45х1,85 м. В центре помещения имеется тандыр, вмазанный в суфу, он сильно разрушен, с диаметром устья примерно 0,5-0,6 м. Юго-западный угол площадки с полом срезан кривой сырцовой стенкой шириной в один кирпич (34-35), замурававшей некогда существовавший проход.

Дом 4 состоит из одного помещения (№ 16), расположенного на СВ углу раскопа. Помещение 16 имеет размеры 6,25х5,5 м, расчищено не полностью. Здесь, в западной части, прямо на суфе, выявлен очаг типа сандал, сооруженный из глины, а также у западной стены вскрыта маленькая площадка с полом, размером 1,45х0,8 м. Восточная стена помещения осталась за пределами раскопа.

С западной стороны к дому 4 примыкает дом 5, тоже состоящий из одного помещения (№ 15) размером 5х4,85 м. Он тоже вскрыт не полностью. В северо-западном углу имеется дверной проем шириной 0,75 м. В центре у восточной стены расположена площадка с укрепленными кирпичом-сырцом краями и хорошо сохранившимися слоями обмазки. Пол лежит на глубине 0,85 м от дневной поверхности, размеры площадки – 1,6х1,0 м. Дверь дома выходит прямо на улицу.

За толстыми несущими стенами дома 2 и 5 расположена внутриквартальная улочка шириной от 2,75 м до 3,25 м. Общая длина выявленной части улочки 21 м.

Интересно отметить, что эта улочка между двумя жилыми массивами в северной части, видимо, первоначально имела ширину до 8 м, а позже путем пристройки небольших трапециевидных помещений (№ 17, 29) ширина ее была сокращена. Но вряд ли эти небольшие помещения использовались для жилья, хотя в них и расчищены тандыры, скорее они служили для торговли или хозяйственных нужд. Прямо за этими пристройками находится дом № 6 с его тремя помещениями (12, 14, 17). Пристройки (17, 29) тоже могут войти в его состав, так как дом 6 имеет связь с улочкой через коридор, продолженный с его восточной стороны между пристройками. Еще один коридор связывает этот дом с улочкой через дверной проем с СВ углу. В юго-восточном углу помещения 14 расположена площадка

Рис. 6. Камин в помещении 12

размером 2,5x1,5 м. Пол находится на глубине 1,3 м от дневной поверхности, восточные стены сохранились на высоту до 1 м. Более ранняя площадка обнаружена в центре помещения на уровне 1,5 м от репера. Размеры помещения 14 равны 6,5x5,75 м.

С южной стороны к нему примыкают помещения 12 и 18. Помещение 12 – одно из хорошо сохранившихся, все его стены имеют штукатурку и сохранились в высоту более чем на 0,5 м. Вдоль стен помещения расположена «П-образная суфа». Слева от прохода у северной стены ширина ее составляет 1,5 м, высота 0,3 м. Здесь расчищен «пристенный» камин. Ширина его топки – 0,45 м, глубина (врезанная в стену) – 0,25 м. Стенки топочной ямки обмазаны толстым слоем глины, которая со временем превратилась в терракоту. Вероятно, лицевая часть этого камина была оформлена довольно толстой ганчевой (алебастровой) обмазкой. Ее фрагменты были обнаружены при расчистке камина. Перед камином в суфу вмазан под четырехугольной формы зольник в виде квадратной площадки вымощенной обожженным кирпичом (рис. 6). Стены его сооружены из

Рис. 7. Формочка-калыб для оттиска антропоморфной личины

жженого кирпича (25x25x6 см), кладкой ребром в два ряда. Стороны этого сооружения, выполнявшего функции зольника, имеют размеры: длина – 0,9 м, ширина – 0,65 м, глубина резервуара – 0,11 м, толщина стенок – 0,12 м. Размеры самой ямки (зольника) равны 50x45 см. При расчистке верхней части заполнения этого помещения была найдена фрагментированная формочка-калыб для оттиска антропоморфной личины (рис. 7). В центре помещения была выявлена площадка с полом, расположенным ниже дневной поверхности на 117 см, от суфы – на 30 см.

Помещение № 18 примыкает к предыдущему с запада, но размеры его не определены. При вскрытии западной стены выявлена перегородка, явно более позднего происхождения, скорее, служившая как стенка западного края, заполнившего помещение суфы. В центре помещения вскрыт тандыр (7) с диаметром устья 0,45 м, глубиной 0,65 м, рядом с ним, чуть севернее, расположен напольный подчетырёхугольный очаг из глины размером 0,75x1,1 м и ямка глубиной 0,7 м. Размеры помещения 4,0x1,5 м.

С севера к дому 6 примыкает еще одно помещение № 25. Т.к. его северная часть находится за пределами раскопа, невозможно точно определить размеры, но длина выявленной южной стены равна 5 м. У этой стены находится тандыр (10) с диаметром устья 0,5 м, а в восточном углу подковообразная ямочка глубиной 0,3 м.

Ранее мы высказали предположение, что пристроенные помещения (17, 29) могут быть включены в состав дома 6, поэтому опишем и их: это два трапециевидных помещения размерами № 17 – 3,75x3,65x2,75 м и № 29 – 2,3x3x1,5 м. Северную и восточную часть помещения 17 занимает «Г-образная суфа» высотой 0,3 м, при том, что северная часть отделена стеной-перегородкой шириной в полкирпича. В южной части суфа расширена до 1,2 м, посередине вмазан тандыр (9), диаметром 0,55 м и глубиной 0,6 м. Это единственный тандыр, у которого сохранилось устье в виде толстого венчика, расположенного вровень с уровнем суфы. В юго-западном углу сохранились остатки более раннего тандыра. Южная пристройка (№ 29) ничем не выделяется, она тоже разделена перегородкой по центру на две части, между этими помещениями расположен проход на улицу, притом пол порога, шириной в 1,5 м, вымощен жженым кирпичом.

Северо-западнее дома 6 расположены помещения № 20, 25, 28, которые частично вошли в площадь раскопа, но выявлено, что они связаны проходами с помещением № 14. Расчистка их была продолжена в сезоне 2007 г. (см. ниже).

С юга с домом 6 соседствует дом 8 с помещениями № 13, 22, 24, 26. Из-за сильных разрушений глинобитных стен позднейшими перестройками планировку этого жилища достоверно определить не возможно. Вероятно, помещения № 13 и 22 некогда составляли

одно длинное помещение с «Г-образной суфой». Проход, пробитый в юго-восточном углу, связывал помещение с улицей. Почти в центре северной стены расположен тандыр, переделанный несколько раз, а справа от него находился маленький напольный очажок. Диаметр тандыра – 0,6 м, глубина – 0,5 м. Прямо у входа имеется подчетыреугольная площадка размером 2х1,2 м. На глубине 85 см ниже дневной поверхности, вскрыто устье ташнау, сооруженного из подставки дастархана и кувшина со срезанной верхней частью. По центру помещения, у южной стены, вскрыта еще одна площадка подквадратной формы, размером 1,75х1,6 м, глубиной 85 см от репера. Общий размер помещений № 13 и 22 составляет 7х3 м, ширина дверного проема – 1,2 м. С юга к ним примыкают два помещения (№ 24 и 26), третья часть этих комнат осталась за пределами раскопа.

Помещение № 24 имеет размеры около 3,8х4,5 м. В северо-восточном углу находится площадка размером 1,5х 1,5 м, остальную часть занимает суфа. Ближе к восточной стене, по центру, расположен тандыр, но он относится к последнему самому верхнему строительному периоду, стены и суфы которого сохранились только фрагментами. Диаметр тандыра – 0,5 м, сохранившаяся высота стенки – 43 см. Вход в помещение осуществлялся, скорее с юго-западного угла, где на пороге сохранился плоский камень. У северо-западного угла вскрыта неглубокая (0,5 м) мусорная яма диаметром 0,7 м.

Помещение № 26 – коридор размерами приблизительно 5х1,5 м. При расчистке этого комплекса помещений на полах были собраны, помимо фрагментов керамики странные конусообразные поделки из не обожженной глины с отверстием по центру (рис. 8). Назначение их неясно; возможно, они служили грузилами ткацкого станка (?).

С запада к дому 8 примыкает дом 9, скорее два его помещения (№ 21 и 23). И на этом участке раскопа конструкции ВСГ очень плохой сохранности и повреждены позднейшими реконструкциями. В юго-западном углу помещения № 23, порог вымощен камнями. Справа от прохода сохранились следы от двух закомов размерами 1,4х1,3 м и 1,5х1,2 м. У северо-восточного угла вскрыта площадка размером 1,15х1,7 м, пол находится на уровне 0,9 м от дневной поверхности. Северная часть помещения занята суфой, шириной от 1,5 до 1,9 м, высотой около 0,4 м. На восточной части суфы расположен очаг подчетыреугольной формы, размером 1,5х0,75 м, изнутри стенки очага превратились в терракоту, размеры этой рабочей части 0,65х0,35 м, глубина – 0,1 м. Рядом находится ямка диаметром 0,3 м и глуби-

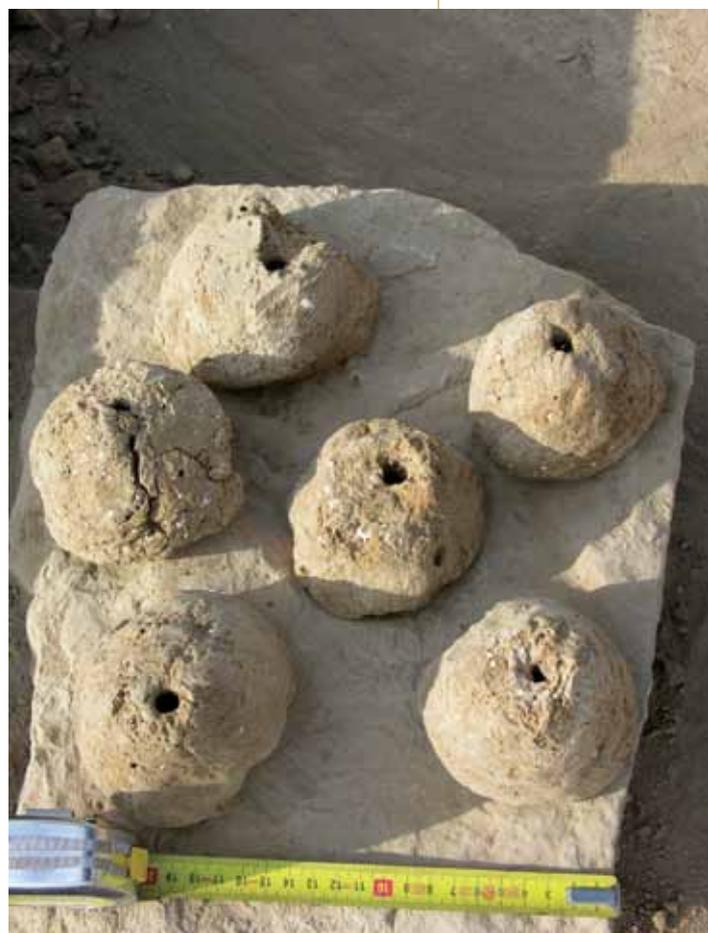

Рис. 8. Глиняные грузила для ткацкого станка (?).

ной 0,6 м. С севера к этому помещению примыкают помещения 21 и 19. Хотя они являются разновременными частями одного помещения, при вскрытии пришлось их пронумеровать отдельно, избегая путаницы при описании. Есть все основания считать это помещение (№ 19) туалетом («даретхана») жилища № 6, «дома зажиточного горожанина». В помещении № 19 на более раннем этапе были два бадраба, замурованные впоследствии суфой более позднего времени. Первый из них находится в середине помещения, яйцевидное устье ямы имеет диаметр в 1 м и глубину 6,3 м. Вторая яма находится у южной стены, подчетыреугольная форма ее устья имеет размеры 1,1x1,2x0,5 м, глубина – 7,5 м. Между помещениями № 19 и 21 пролегла стена с дверным проемом порог в котором вымощен плоскими камнями. Стена не была несущей, поэтому к ней пристроен и вмазан в суфу очаг, сооруженный из жженого кирпича подчетыреугольной формы. Кирпичи (45x25 см) выложены на ребро с наклоном; нижние концы их расставлены шире, в результате получился многосторонний конус со срезанным верхом.

В помещении № 21 вскрыт заком сложной конструкции, сооруженный из кирпича-сырца (35x17,5x10 см). Северная стенка закома сохранилась на высоту семи слоев кладки толщиной в один кирпич, с запада проходит стенка-перегородка с кладкой кирпича на ребро толщиной в три кирпича, она закрывала заком размером 1,5x0,75 м. С юга к этому закому пристроен еще один, три его стены подняты кладкой в пол кирпича, а западная стенка – кладкой на ребро, размеры его 0,6x0,3 м. Остальную часть помещения занимала суфа. В южной стене сохранились остатки камина, но более позднего времени, размеры помещения определены приблизительно 4x4 м.

Таким образом, в результате первого месяца работ на раскопе 1 была выявлена плотная жилая застройка южного угла «цитадели». Интерьеры домов весьма своеобразны хотя и близки к домам, выявленным на Отрартобе в слое XIII-XIV вв.¹³² Сопоставляя их с домами Отрара XI-XII вв., можно отметить различия в деталях:

– во-первых, стены домов ВСГ Каратобе сооружены преимущественно из битой глины, кирпичная кладка применена чаще в перегородках, ремонтных и перепланировочных работах, а также в пристройках (опорные стены суф, напольных очагов и закома);

– во-вторых, у всех тандыров вскрытых на исследованном участке городской застройки, на внутренней поверхности специальным инструментом в виде «многозубой гребенки» прочерчены разнообразные композиции. Причем композиции не повторяются: 10 тандыров – 10 вариантов прочерченной орнаментации на внутренней поверхности (рис. 9);

– в-третьих, нет вмазанных вровень с полом керамических алтарей, хотя фрагменты таких алтарей встречались в слоях самого верхнего этапа строительного горизонта (1 ярус);

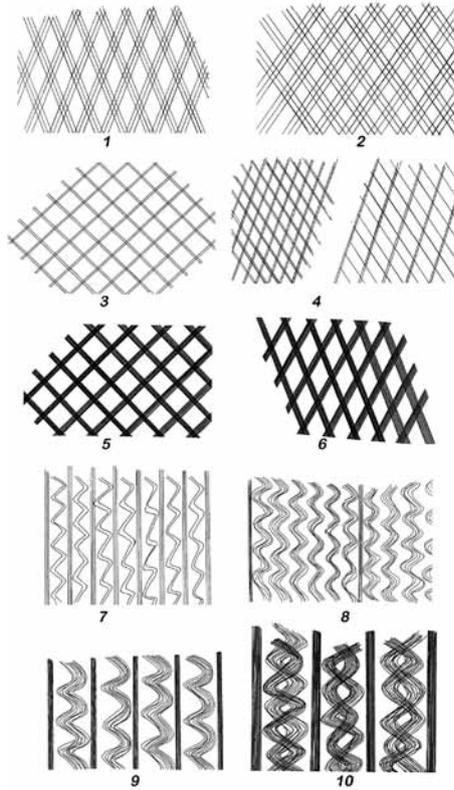

Рис. 9. Некоторые варианты «узоров» внутри тандыров

– в-четвертых, нет керамических «ванночек» и вертикально поставленных труб в ташнау (вероятно, эти детали интерьера – керамические алтари, тазары – будут характерны для более раннего строительного горизонта, залегающего ниже, поскольку в мусорных слоях Р1 и 2 во множестве встречены их фрагменты).

– в-пятых, наличие пристенных каминов существенно отличает каратобинские дома от отрарских;

– в-шестых, часто пороги домов Каратобе вымощены камнем-плитняком или жженым кирпичом.

В итоге работ первого сезона на Каратобе было отмечено так же, что дома имели в своем составе обязательное помещение с суфами, в которых были устроены тандыры. Очевидно, это основное жилое помещение дома. В некоторых домах имелись большие по площади помещения с внутрискриными каминами, и в них отсутствуют тандыры (возможно, это гостевые комнаты – мехмонхана). Пока не наблюдается закономерностей в ориентировке каминов относительно входа в помещение, неясно их функциональное назначение (использовались ли они только как отопительное устройство?). Отмечен случай особой алебастровой отделки камина (пом. 12).

2.2. Продолжение работ на Раскопе 1 в 2007 г.

Как оказалось в результате работ 2006 г. на раскопе № 1 в его западную и северную бровку уходили стены пом. 20, 25, 28 дома №

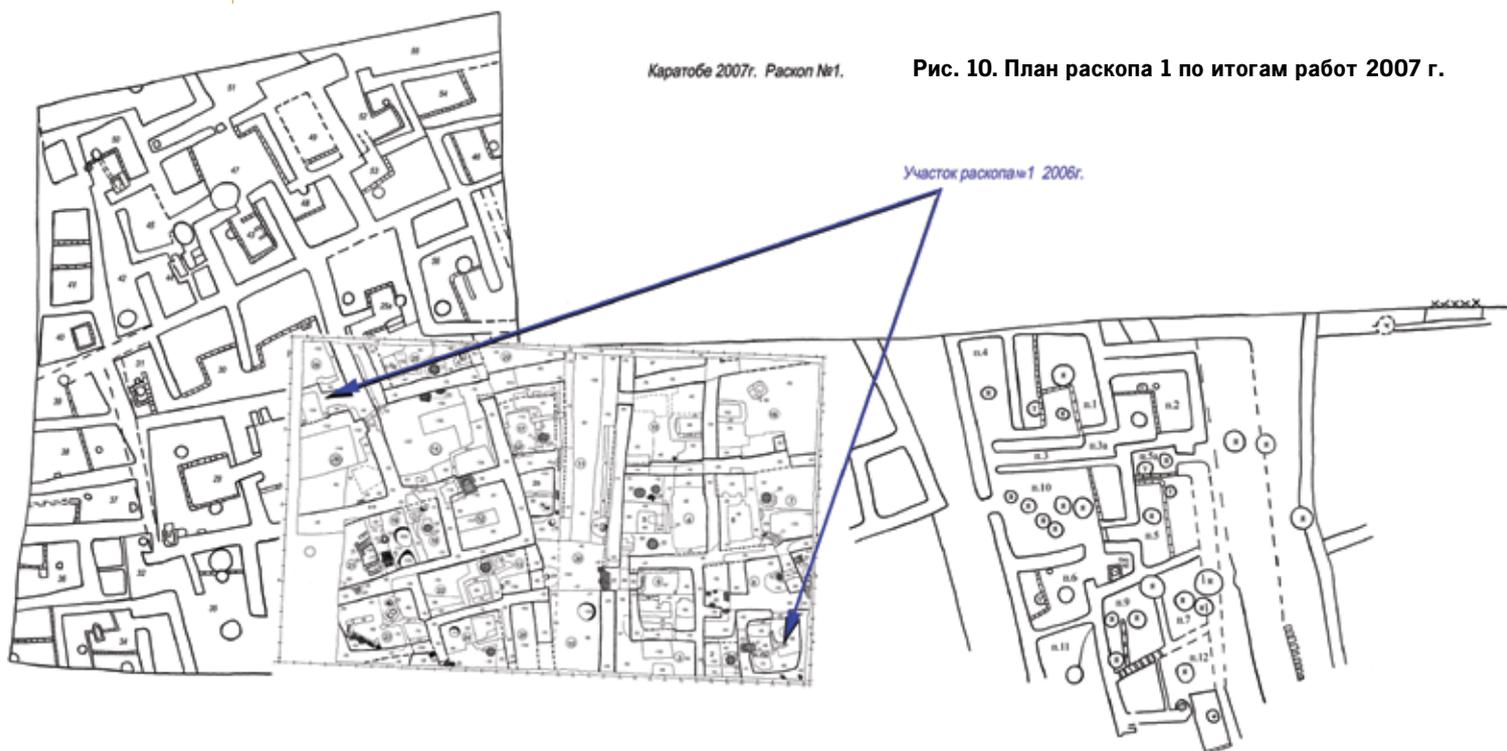

Рис. 10. План раскопа 1 по итогам работ 2007 г.

6 (рис. 3). Их отличительной особенностью было то, что они имели качественную многослойную обмазку и многочисленные пристройки из качественного сырцового кирпича, что свидетельствовало о неординарности этого жилища. Задачей сезона 2007 г. было расширение раскопа 1 (Р1) в западном и северном направлении, чтобы выявить все помещения домовладения и по возможности очертить границы жилого массива. С этой целью площадь раскопа была расширена в западном направлении на 15 м, а в северном на 20 м. Таким образом площадь прирезанного и вновь раскопанного участка составила около 1300 м². В результате удалось полностью выявить планировку центрального домовладения этого жилого массива и расчистить еще ряд примыкающих к нему домов и отдельных помещений (рис. 10, 11).

Как показали итоги расчистки, в домовладение № 6,¹³³ безусловно, можно объединить пом. № 14, 20, 29 и, вероятно, что на каком-то этапе и пом. № 25, 25а, 28, 30, 31 также входили в комплекс этого домостроения. Вход в дом вел с улочки, отрезок которой был расчищен в прошлом сезоне. Причем проход первоначально шел в виде узкого коридора между стен двух небольших жилых пом. № 17 и 27 и выводил в большое помещение № 14. Это помещение имело два периода перестроек и, вероятно, первоначально представляло собой большое (6,4х7,2 м) помещение с суфой вдоль южной и восточной стен и с проходами в следующие внутренние помещения дома (рис. 11). Балки кровли опирались на деревянные

¹³³ По нумерации сезона 2006 г.

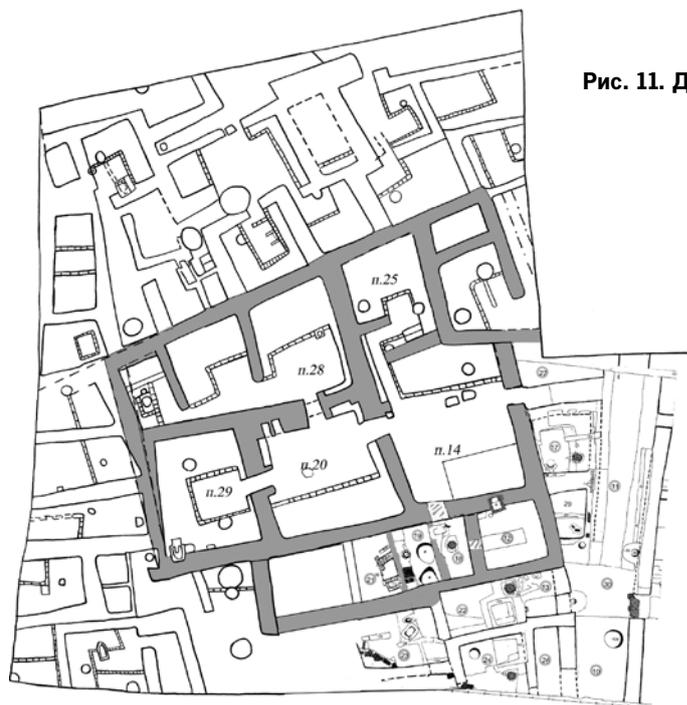

Рис. 11. Дом 6 по уровню ВСГ

колонны-стойки, места которых маркируют сохранившиеся вмазанные в пол большие плоские камни их оснований. В северной стене дверной проем вел в длинный коленчатый узкий (0,7х4 м) коридор, который вел в жилое пом. № 25а. Его размеры 4,35х4,8 м, всю площадь занимает обширная «П-образная» суфа, высотой около 45 см. В ней слева и справа от входа встроены два одновременных тандыра. Тандыр слева, более ранний, он сильно разрушен, забит обломками и, видимо, в последний период уже не функционировал. Диаметр его основания – 0,5 м. Тандыр справа, лучшей сохранности, его высота была более 0,5 м, диаметр основания – 0,75 м. У него отверстие поддувала, выходит на край суфы. Стены помещения 25а глинобитные, сохранились на высоту 0,7-0,85 м, имеют многослойную обмазку, край суфы выложен сырцовым кирпичом.

Проход в западной стене пом. № 14 вел в еще одно большое квадратное помещение № 20, явно служившее «парадным» вестибюлем. Его размеры 6,7х6,5 м. Стены в этой части домостроения сырцовые и покрыты многослойной тонкой штукатуркой и сохранились на высоту 0,9-1,2 м. Вдоль южной стены, слева от входа устроена высокая широкая суфа, которая занимает почти треть площади помещения, ее ширина 2 м. В восточной, северной и западной стене устроены глубокие (0,8 м) разной ширины ниши. Возможно, аналогичные ниши были и вдоль южной стены, но она сохранилась на очень небольшую высоту от уровня суфы. Ниши образованы пристройкой к стене поперечных перегородок в полкирпича, вся конструкция была покрыта толстым слоем тщательной обмазки. Верх ниш, вероятно, имел вид стрельчатых арок, а по подпотолочному карнизу шла эпиграфическая декоративная полоса (в виде фриза) резного узора. В завале на полу помещения расчищены и зафиксированы несколько крупных фрагментов этого фриза (рис. 12). Нижняя панель, от пола до основания ниш, также на одном из первоначальных слоев штукатурки имела прочерченную орнаментацию. На полу, в центре помещения, расчищен большой плоский камень, явно служивший основанием стоявшей здесь колоны – опоры плоско-балочной кровли. Между нишами, в западной и северной стене, устроены дверные проемы шириной 0,9 м. Через дверь в западной стене попадали в большое квадратное жилое пом. № 29 (рис. 13). Вдоль его трех стен (южной, северной и западной) устроены высокие (не менее 0,6 м) и широкие (2,0-2,15 м) суфы, так что оставался лишь небольшой участок пола перед дверью (2,6х3,5 м). Края суф выложены сырцовым кирпичом. Участок пола справа, перед дверным проемом, выложен фрагментами крупных сосудов. В центре пола, на уровне одной из последних обмазок, расчищено круглое золистое прокаленное пятно диаметром 0,5 м. Похоже, что здесь на какое-то время устанавливался керамический круглый переносной очаг-алтарь. Потом он был снят, а поверхность покрыта новым слоем обмазки. На этом уровне расчищен развал 2-3-х крупных керамических сосудов (хумча, кувшин).

В суфу, слева от входа, встроены большой тандыр. Диаметр его основания – 0,85 м, высота была не менее 0,7 м. На край суфы выхо-

Рис. 12. Фрагменты резного декора из
вестибюля (пом. 20) дома 6

Рис. 13. Жилое пом. 29 дома 6

Рис. 14. Декоративная керамическая тандырная плита из пом. 29

дило круглое отверстие поддувала. В этом месте в край суфы вертикально вмазана плоская керамическая плита с круглым отверстием поддувала. Диаметр отверстия – 11 см. Ширина плиты – 27-28 см, сохранившаяся высота – около 50 см, толщина – 2,5 см (рис. 14). На лицевой поверхности плиты нанесен декор наклепными жгутами с примятостями, имитирующими «веревочку» и налепными же штампами-розетками. При чем жгутами вся поверхность плиты была разделена на три зоны. В центре нижней – отверстие поддувала. В углах средней квадратной зоны дугами наклепного жгута отделены четвертные сектора, так что центральная фигура приобрела подобие креста с короткими лопастями (?). В середине краев двух лопастей наклеплены выпуклые круглые розетки, сформованные в специальном калыбе. Одна сохранилась на месте, от другой остался лишь след. У двух других лопастей розетки утрачены. Верхняя лопасть, возможно, и не имела наклепной розетки (?). Верхняя треть панели большей

частью утрачена. Вся панель перед обжигом была покрыта плотным красноватым ангобом. Над нижней розеткой еще перед обжигом был небрежно прочерчен знак в виде круга с кривой штриховкой внутри. Данная находка *in situ* «тандырной фасадной декоративной плиты» пока уникальна для Каратобе. Ранее нам попадались в слое отдельные фрагменты ангобированных керамических плиток с наклепным и штампованным декором, но было не ясно их назначение. Теперь же можно считать оформление декоративными керамическими плитами фасадов тандыров в наиболее репрезентативных домовладениях этнографической чертой сауранской городской бытовой культуры.

В левом от входа дальнем углу этого же помещения был устроен на суфе небольшой камин. Он фиксируется как врезанная в стену прямоугольная ниша (глубиной 0,4 м, шириной 0,45 м), по сторонам которой устроены выступы-пилоны. С передней стороны вдоль фасада камина имеется узкое углубление для золы. Вся внутренняя поверхность камина прокалена и закопчена. В самом углу за камином расчищен небольшой черноглиняный кухонный горшочек с золой.

Суфа, занимавшая большую площадь помещения № 20, имела множество обмазок, а в их наслоениях, у западной стенки найден железный серп с бронзовой обоймой крепления (рис.15). В самой суфе оказались вкопанными еще два крупных кухонных черноглиняных горшка почти полностью заполненные слежавшейся золой с угольками. Вероятно, это остатки отопительных приспособлений,

прообраз поздних сандалов, распространенных в городском быту и применявшихся для обогрева в зимний период. Объемистые кухонные горшки, ставшие непригодными из-за трещин или каких-то других дефектов, вкапывались в суфу по венчик и служили как емкости для раскаленных углей из камина или тандыра, равномерно обогревавших суфу и все помещение. Вполне вероятно, что эти два крупных сосуда были одновременными.

Из вестибюля № 20 другой проход в северной стене вел в пом. № 28 (6x5 м), а через него в пом. № 30 (5x4,5 м) и № 31. Помещения № 28 и 30 были жилыми. Их большую часть занимали высокие (до 0,45 м) и широкие (2 и 2,5 м) суфы, а пом. № 31 явно было кладовой. Вдоль одной из ее стен расчищены закрома; в полу одного из них был вкопан хум. На суфах пом. №28 и 30 зачищались следы прокаленных (оранжевых) пятен. Вероятно, это следы от переносных жаровен, которыми отапливались эти помещения в холодное время. Других источников тепла (камины, тандыры) в них не обнаружено. Связь этих трех расположенных анфиладой помещений между собой не вызывает сомнений, а вот проход в пом. № 20 расчищался хуже и, вероятно, что на последнем этапе он был тщательно заложен. Похоже, что данная анфилада помещений является более поздней пристройкой к основным помещениям дома № 1 (№ 14, 20, 29). Если последние образуют довольно правильный прямоугольник, то с пристройкой помещений 28, 30, 31 план участка, занятого домовладением, приобретает трапециевидные очертания. Вполне вероятно, что в комплекс помещений этого домовладения входили пом. № 12, 18, 19, 21, выявленные в прошлом сезоне. Их стены глинобитные или возведены из некачественного серого рыхлого сырца, дом подвергался перепланировке на самом последнем этапе жизни, при этом некоторые дверные проемы могли быть заложены и т.д. Все это не позволяет с полной уверенностью реконструировать планировку жилища.

Как известно, это – типичные трудности при расчистке и интерпретации массовых жилых планировок застройки средневековых городищ. В данном случае плохо прослеживается дверной проем между пом. 12 и 14; строительные конструкции на участке пом. 18, 19, 21 очень плохой сохранности, но выявленные детали (две большие глубокие бадрабные ямы, фрагменты отмопок плоским камнем и пр.) свидетельствуют, что здесь располагался «гигиенический блок» (туалет, «тахааратхана») этого жилого комплекса. В других частях дома нет следов этого обязательного элемента городского быта. К тому же общая западная стена пом. 12 и 14 едина по своим характеристикам, она образует четкий прямой угол в пом.12 и южная стена пом. 12 и далее пом. 18, 19 идет параллельно северной общей стене пом. 14, 20, 29.

Рис. 15. Железный серп с бронзовой обоймой крепления

Если наша реконструкция планировки дома 6 верна, то он оказывается в середине застройки большого жилого массива, при этом общая площадь дома составляет примерно 550 м.2 Со всех сторон к его внешним стенам примыкают помещения, некоторые из них образуют отдельные жилые ячейки – дома, другие же лишены определяющих функцию признаков. По ряду признаков они существенно отличаются от описанного выше дома: значительно меньшей площади, зачастую не прямоугольны, интерьеры их при наличии обязательных для жилых строений элементов (суфы, тандыры, закрома, камин), менее тщательны в отделке и оформлении. Два помещения (№ 17 и 29), примыкающие к дому с востока, были расчищены и описаны в сезоне 2006 г. Обращает на себя внимание то, что они имеют трапецевидный план, т.е. пристраивались с расчетом заполнить участок площади и при этом оставить место для проходящей с этой стороны улочки. С южной стороны примыкают пом. 13, 22, 23, 24 очень плохой сохранности, также расчищенные в предыдущем сезоне. В южную сторону раскоп не расширялся, поэтому полностью планировка жилищ с этой стороны не выявлена.

С северной стороны к стене дома 6 примыкает ряд помещений, некоторые из них явно жилые, по наличию дверных проемов их можно объединить в два отдельных домовладения. Дом 7 – многокомнатный, вероятно, первоначально включал пом. № 51, 47, 48, 42, 43, 45, 44, 50. Здесь так же связующим элементом являлось помещение-вестибюль (№ 47) в которое попадали, возможно, из внутриквартального тупичка (№ 51). В пом.47, вдоль восточной стены, слева от входа, шла длинная узкая суфа, выложенная по краю сырцовым кирпичом и покрытая тщательно обмазкой. Ее размеры – 7х4,1 м. Справа, широкая суфа устроена как бы в глубокой нише. На ее поверхности зафиксированы прокаленно-золистые пятна. На оси входа, в противоположной стене, дверной проем ведет в жилое пом. 43, площадью 3,8х4,2 м. Вход отгорожен от двери узкой (полкирпича) стенкой-экраном. В интерьере высокая (0,5 м) «П-образная» суфа, в ней справа от входа встроен тандыр с отверстием-поддувалом. Сохранившаяся высота тандыра – 0,5 м, диаметр устья – 0,4 м, диаметр основания – 0,5 м. К узкой суфе, у стены, за экраном, приставлен напольный камин. Площадка размером 40х35 см выложена обожженным кирпичом, приподнята на невысокой (10-15см) платформе (рис. 16).

Слева от двери в пом. 34, в стене помещения-вестибюля (№ 47) намечен дверной проем в пом. 48. Оно также имеет жилой характер. Вся его площадь занята высокой суфой (47 см), только перед проходом оставлен небольшой (2х1,5 м) участок пола. На нем, сразу слева от входа, у стены очень небрежно пристроен небольшой камин с полуовальной площадкой перед ним. В правом дальнем углу помещения-вестибюля расчищен небольшой узкий коридор, через который попадали в западную часть домовладения. Большая часть его занята хозяйственно-бытовым блоком помещений: амбар с за-

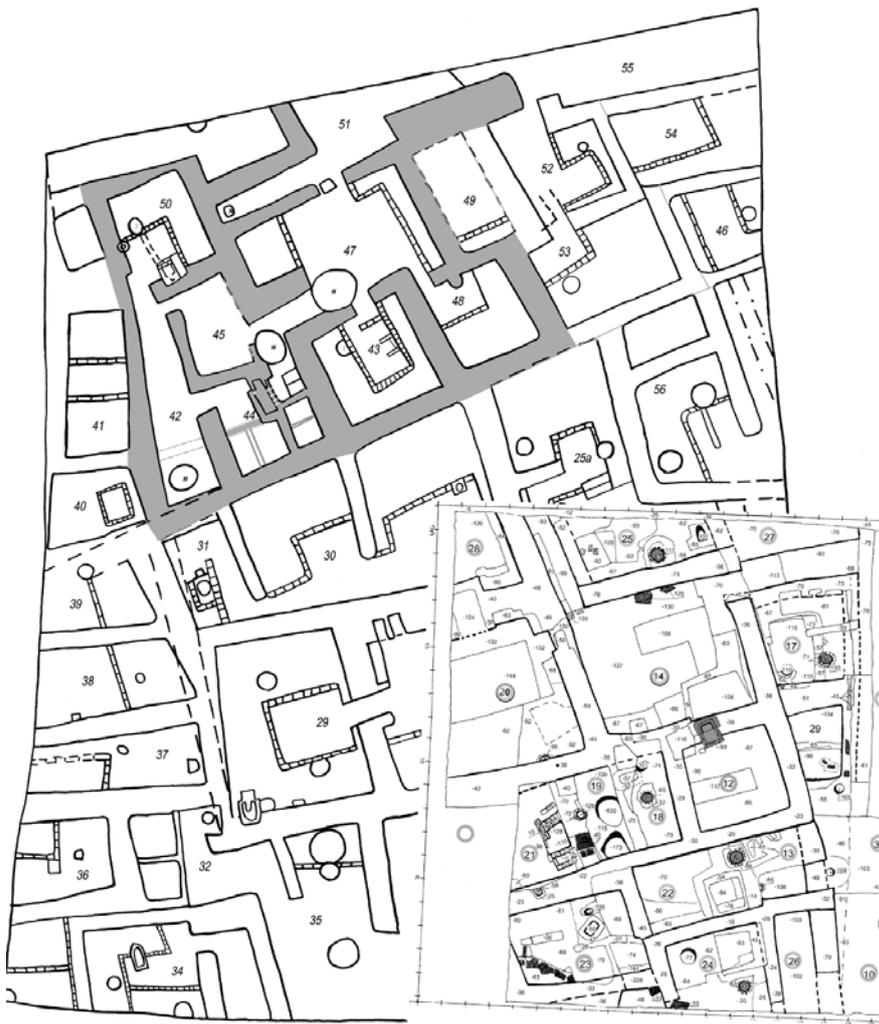

Рис. 16. План дома 7

кромками (пом. 44), туалет с ямой-бадрабом (пом. 42) и, возможно, еще одно небольшое жилое помещение (№ 50) с суфой по всей площади, с тандыром и камином. Его площадь 3,2х3,4 м. Впрочем, возможно, что это расчищенное помещение относится ко второму, более раннему строительному горизонту, а в период ВСГ оно было изолировано и забутовано. Уровень пола этого помещения несколько (-2,43) ниже уровней полов ВСГ (пом. 29 – -1,27); при его расчистке был найден дирхем хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша, а эти монеты более свойственны находкам из СГ2.

Как отдельный дом можно интерпретировать пом. № 52 и 53. Последнее имеет явно жилой характер. Вся его площадь занимает «Г-образная» суфа с тандыром, сохранившимся на высоту 48 см, с диаметром основания 65 см. Другие помещения в этой части раскопа (№ 46, 54-56) попали в его площадь лишь частично и не ясно, к каким домам они относились. Из них интерес представляет пом.

Рис. 17. Железная пластинка с круглыми выпуклинами

Рис. 18. Железный кетмень

Рис. 19. Бронзовая подставка-трипод под светильник

46. Тандыр в нем сохранился на полную высоту (54 см), он имеет традиционное небольшое круглое отверстие-поддувало, выходящее на край суфы. В этом месте (фасадная часть тандыра) в обмазку стенки суфы вмазаны обломки большой тандырной крышки, очевидно, имитировавшие керамическую фасадную тандырную плиту.

Интересная находка сделана на одном из ранних уровней суфы пом. 53 у стены с пом. 56. Прямо на обмазке суфы зачищена как бы сплошная выстилка железными пластинками с круглыми выпуклинами. Участок, заполненный плотно прилегающими железными деталями имеет в плане прямоугольную форму площадью 30x35 см. После расчистки оказалось, что пластинки имеют различную форму (рис.17). Часть из них, вытянутой подтреугольной формы с шарнирным креплением по широкому краю, расположена по одну сторону участка, занятого пластинками. Количественно преобладают тонкие пластинки, соединенные дуговидной узкой планкой, в виде двух полуовальных частей, с железными заклепками с выпуклыми шляпками. Похоже, что мы имеем дело с деревянной крышкой, сплошь оббитой сверху железными фигурными пластинками, с шарнирным креплением к ящику. Крышка могла быть частью небольшого сундучка.

В западной части раскопа, вдоль западной бровки, так же расчищен ряд помещений примыкающих к стенам дома № 6 в центральной части массива. Это пом. № 32, 34-41. Все они попали в площадь раскопа частично и поэтому невозможно пока охарактеризовать жилища, к которым они относятся. По преимуществу это вспомогательные хозяйственные помещения с суфами, ямами и пр. Интерес представляет жилой комплекс из пом. № 32, 34, 35. При этом пом. 35, похоже, было или тупичком, или открытым двориком. Из него проходы вели в пом. 32, в котором, вдоль западной стены, выявлены два больших закрома в виде сырцовых ящиков. Площадь помещения 3x4 м. Оно явно служило складом-амбаром. Вход рядом вел в жилую часть дома (пом. 34). Из небольшого отгороженного тамбура попадали в помещение с «П-образной» суфой, тандыром и камином. Размеры помещения 6x4,2 м. Справа от входа в суфе, которая сохранилась на высоту 40-45 см, расчищен небольшой тандыр с отверстием-поддувалом. Диаметр устья тандыра – 32 см, диаметр дна – 51 см, высота – 48 см. Рядом на суфе обломки тандырной керамической крышки. Чуть слева от этого тандыра в суфе остатки более раннего и более крупного тандыра. Его обломки вмурованы в суфу. В правую от входа суфу, в ее край, врезан на глубину 55 см камин шириной 50 см. Перед каминной нишей на полу имеется площадка 54x42 см, выложен-

ная по краю поставленными на ребро обожженными кирпичиками. На площадке слой золы и угольков, стенки каминной ниши сильно прокалины. Внутри расчищен железный кетмень с обломанной втулкой-насадом. Его положение свидетельствует, что он был туда вставлен намерено (рис. 18).

Еще одной интересной находкой, типичной для слоев XII в., является бронзовая подставка-трипод под светильник (рис. 19). У трипода одна из ножек отломана, найден он при расчистке заполнения суфы ВСГ пом. 38.

2.3. Описание строительного горизонта 2

С целью изучения слоя, подстилающего конструкции ВСГ на западном участке раскопа, расположенном за отрезком улочки, выявленной в сезоне 2006 г., были сняты расчищенные ранее конструкции ВСГ. Общая площадь участка (участок 2) составила первоначально 12х20 м (рис. 20). Конструкции ВСГ располагаются в основном на уровне 1-2 ярусов, а строительные конструкции СГ2 залегают на глубине 3-4 ярусов. Надо отметить,

Рис. 20. Уровень на участке 2 после снятия конструкций ВСГ

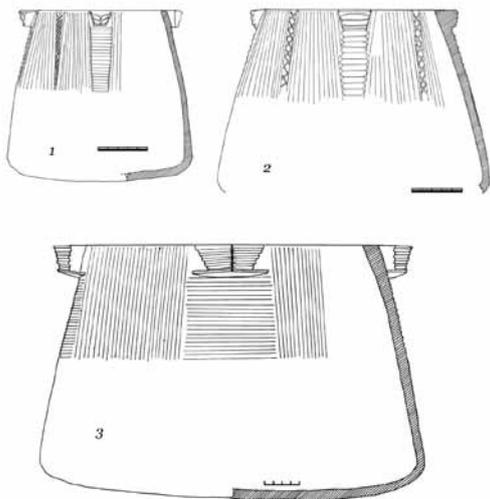

Рис. 21. Каменные котлы

что основные стены ВСГ фактически стоят на стенах СГ2, при этом планировка общего направления капитальных стен, ориентировка входов в жилища и пр., не изменяются. **Все это свидетельствует о преемственности планиграфии данного участка городской застройки, отсутствии существенного перерыва в традициях, и в целом, в историческом развитии города на данном хронологическом этапе (XII-XIII вв.).**

При снятии оснований стен, суф и прочих конструкций ВСГ на данном участке, помимо массовых фрагментов керамических сосудов, сделаны интересные находки. Так, в забутовке над помещениями 2 и 4 второго строительного горизонта (СГ2) найдены многочисленные обломки каменных (тальковых) сосудов. Они оказались обломками трех разновеликих казанов, составлявших, вероятно, единый и единовременный комплекс утвари одного из домовладений (рис. 21).

На этом же участке, в основном над и внутри заполнения пом. 4 СГ2, собран комплекс медных и посеребренных монет. Находки монет концентрировались над и вокруг устья большой ямы устроенной в суфе в южном углу помещения (рис. 22). Некоторые моне-

ты

Рис. 22. Чтобы выбрать все «хорезмшахские» монеты, использован металлодетектор

ты найдены в заполнении ямы. Сохранность монет очень плохая, но согласно определению, любезно сделанному П. Петровым, данные монеты представляют собой хронологически относительно единый комплекс дирхемов и фельсов хорезмшаха Мухаммада ибн Текеша. Такие монеты чеканились в Самарканде в 610-614гг. х. и ходили до 650-х гг.¹³⁴ **Стратиграфическое положение данного монетного комплекса – в забутовке и заполнении СГ2 – может быть важным хронологическим репером (первые десятилетия XIII в.), отделяющим самый верхний, последний, строительный горизонт (ВСГ) от нижележащего. Верхнюю границу СГ2 теперь можно обоснованно отнести ко 2-й четверти-середине XIII в. А последний строительный горизонт (ВСГ) теперь более обоснованно может быть отнесен ко 2-й половине XIII в. Учитывая наличие как минимум двух строительных периодов, его существование может быть отнесено и к началу XIV в.**

В планиграфии вскрытого по уровню СГ2 участка можно пока описать четыре жилых помещения с характерными и обязательными для жилых помещений суфами, тандырами, закромами и пр. (рис. 23, 24). Два из них (№ 2 и 4), по всей видимости, образовывали единое жилище с общим выходом на улочку, разделяющую массивы застройки и по уровню ВСГ. Пом. 2 имеет размер 4,1x2,3 м. Боль-

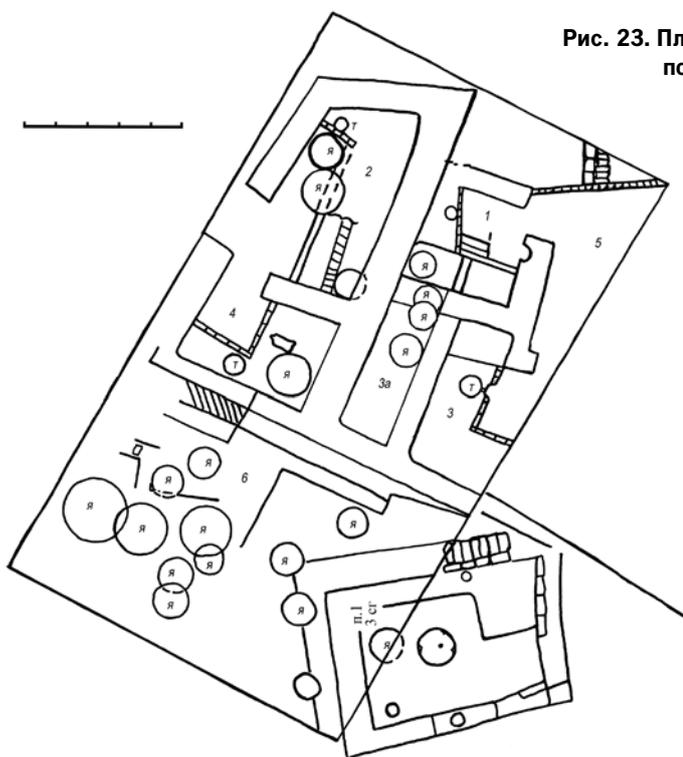

Рис. 23. План участка 2 по уровню СГ2

¹³⁴ Пользуемся случаем выразить признательность П. Петрову за оперативное определение данного нумизматического комплекса.

Рис. 24. Северная часть участка 2 по уровню СГ2

шая его часть занята «Г-образной» суфой, в которой напротив входа устроен тандыр с поддувалом. Тандыр с диаметром основания 65 см сохранился на высоту 55 см. Площадка пола перед входом размером 1,5x1,6 м. Восточная суфа, справа от входа, очевидно, перестраивалась. Первоначально она имела ширину 1,2 м, впоследствии расширена до 2,1 м. Это помещение сильно пострадало от трех ям ВСГ, которые, пробив полы, суфы, стены, разрушили его планировку в средней части. Вполне вероятно, что перед входом в этот блок помещений существовал небольшой (примерно 2x4 м) вестибюль с суфой у восточной стены и входами налево, в жилое пом. 2, и направо, в жилое пом. 4.

В жилом пом. 4 (4,1x3,1 м) суфы расположены вдоль Ю и В стен. В суфе, шириной 1,5 м, в южной стене зафиксирован сильно разрушенный тандыр, сохранившийся на высоту 45 см, с диаметром тулова в средней части около 65 см. Ширина суфы вдоль восточной стены 2,35 м. На ней расчищен большой плоский камень служивший, очевидно, основанием опорного столба. В ЮВ углу устроена большая яма-хранилище (диам. 1,2 м). В ней и над ней в основном и располагались монеты отмеченного выше комплекса.

Таким образом, перед нами, видимо, тип небольшого скромного домовладения, вход в которое вел прямо с улочки и состоящего из двух жилых помещений объединенных небольшой прихожей.

Из-за ограниченности вскрывавшейся по уровню СГ2 площади, остается не ясным, составляли ли два других жилых помещения (№ 1 и 3) единый жилой комплекс. Пом. 1 имеет площадь 4x2,8 м. Четко фиксируется вход в помещение с восточной стороны, который ведет на площадку пола размером 2x1,5 м. Уровень пола от R0 -2,31. Напротив входа в суфе установлен тандыр с поддувалом, стенки которого сохранились на всю высоту (60 см), и только растрескались; при этом кольцо устья деформировалось, приобретя овальную форму (30x40 см). Левая от входа широкая суфа вся занята двумя обширными закромами. Их дно ниже уровня пола помещения на 10-15 см. На дне одного из закромов найден обломок бронзовой декорированной чаши с арабографичной надписью (рис. 25).

Рис. 25. Обломок бронзовой декорированной чаши с арабографичной надписью

Пом. 3 расчищено не полностью, но определено, что это было достаточно большое жилое помещение (площадью не менее 20 м²) с суфой и тандыром. Проход из него вел в пом. 5, которое было либо помещением-вестибюлем, либо же двориком, объединяющим все помещения этой части дома. Суфа в пом. 3 (ширина суф – 1,8 м и 1,6 м; высота 0,45 м) располагалась вдоль южной и западной стены. В западном ее отрезке встроен большой тандыр с отверстием-поддувалом, его сохранившаяся высота – 75 см, диаметр устья – 45 см (венчик отсутствует), диаметр дна – 55 см. Западная часть помещения отделена в виде узкого отсека толстой стеной, со входом с уровня суфы, в самом помещении расчищены три ямы-бадраба (из них получен комплекс керамики). Вероятно, этот отсек являлся туалетной комнатой, которую, из-за тесноты (?), пришлось устраивать фактически в основном жилом помещении.

В южной части вскрытого по уровню СГ2 участка раскопа 1 не выявлены какие-либо строительные конструкции кроме многочисленных ям, которые можно определить как зерновые ямы-хранилища. От ям-бадрабов (туалетных, мусорных) они отличаются по ряду признаков: их глубина не превышает 1,5 м; они имеют явно выраженную «грушевидную», с расширением ко дну, форму. Основания большинства из этих ям расположены примерно на одной глубине (4 ярус), что говорит о том, что и устья их были на одном уровне. В заполне-

нии обычно отсутствует зола, битая керамика и прочий мусор. На некоторых стенках заметна слабая обмазка и прокаленность. Ямы расположены близко друг от друга, но редки случаи «наложения» ямы на яму. Какой-либо системы в их расположении, к сожалению, не прослеживается. Но при этом, есть основания считать данный участок, попавший в раскоп (площадью примерно 12х9 м), частью большого помещения (или крытого двора?), в полу которого были устроены ямы для хранения запасов зерна. О вероятности перекрытия на столбовых опорах говорят находки плоских камней, служивших их основанием. Возможно, здесь же происходил и помол зерна, поскольку в заполнении слоя на уровне СГ2 сделано несколько находок обломков и целых каменных жерновов от ручных мельниц. Участок этот был расположен к югу за глухими южными стенами пом. 3 и 4 СГ2, от улочки его так же отделяла стена.

Комплекс керамики, полученный из слоя СГ2, по своим декоративным признакам пока не отличим от комплекса керамики ВСГ. Здесь преобладают те же технологические и декоративно-художественные группы, что и в вышележащем слое.

2.4. Описание строительного горизонта 3

Третий строительный горизонт пока вскрыт на небольшом участке раскопа площадью 23х10 м. Зачистки в южной части углубленного под уровень СГ2 участка выявили угол помещения с прокаленной от сильного пожара штукатуркой на стенах, возведенных из сырцового кирпича.¹³⁵ Стены в этом углу помещения сохранились на высоту 5-10 см от уровня поверхности суфы. Т.е., они оказались срубленными фактически до основания; их направление не совпадало с направлением стен СГ2 и ВСГ; характер кладки существенно отличался от технологии возведения стен вышележащих горизонтов (рис. 23). Все это, помимо других признаков, которые будут отмечены ниже, дает основание интерпретировать открывавшиеся на этом уровне конструкции, как более ранний, т.е. третий, строительный горизонт (СГ3). Уровни полов расчищенных помещений этого горизонта залегают на глубине -2,4-2,7м. от R0., т.е. в среднем примерно на 0,5 м ниже полов помещений СГ2.

Как оказалось, угол, от которого была начата расчистка СГ3, был одним из углов небольшого помещения, образовавшегося в результате раздела более крупного помещения. Т.е. СГ3 имел в данном помещении два строительных периода. Основной (СГ3, пом. 1, 1сп.), и второй строительный период (СГ3, пом. 1а, 2сп.), во время которо-

¹³⁵ Основные стены всех вышеописанных построек глинобитные. Качественный прямоугольный сырцовый кирпич, как основной стеновой материал, не применялся на уровне СГ2 и ВСГ.

го помещение 1 было разделено на две части сырцовою стеной. Помещение прекратило существование в результате сильного пожара, от которого на полу сохранился слой горелой крыши (или циновки?). В этом горелом слое собраны фрагменты глазурованного блюда с характерными для XI в. декоративными признаками, что является еще одним основанием для определения выявленных здесь конструкций как более раннего строительного горизонта СГЗ (рис. 26).

Рис. 26. Фрагменты керамического блюда с пола с пожаром пом. 1 СГЗ участка 2

В результате проведенных работ по уровню СГЗ полностью и частично расчищен ряд помещений, являвшихся, очевидно, частью обширного жилого комплекса (дома).

Помещение № 1 трапециевидной формы, длина восточной и западной стен – 6,25 м, ширина южной – 5,3 м, северной – 4,6 м (рис. 27). Т.е., площадь помещения составляет примерно 32 м². Данное помещение, так же как и все помещения этого СГЗ, отличается каче-

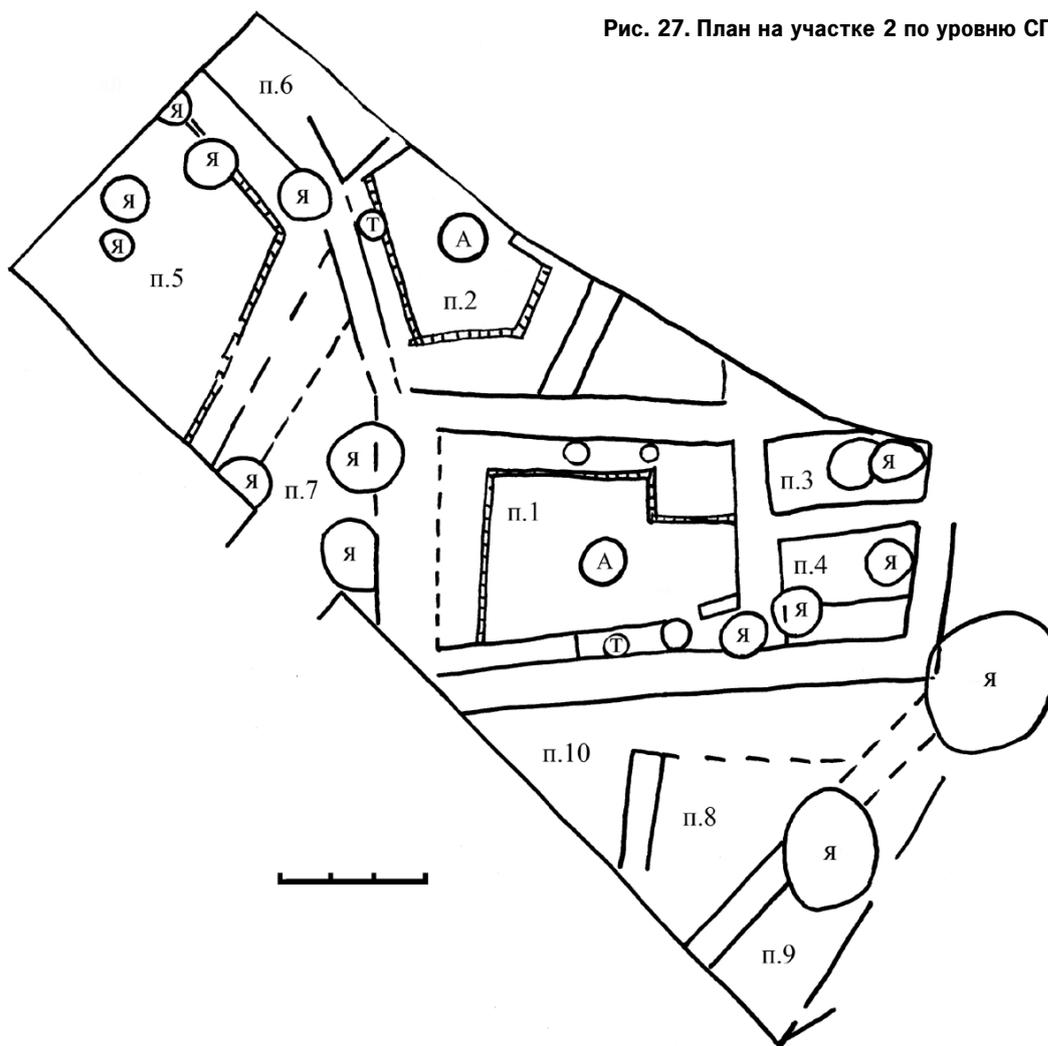

Рис. 27. План на участке 2 по уровню СГЗ

стенная кладка основных стен желтоватым сырцом в полтора кирпича; поверхности стен, суф и полов покрыты многослойной штукатуркой из тонкодисперсной глины желтоватого цвета. Но перестройка во втором периоде этого же СГЗ уже не отличается особой тщательностью. В ходе ее пом. 1 было перегородено пополам сырцовой стеной, частично надстроена северная стена, заложен дверной проем. На этих стенах нет качественной штукатурки. Интерьер помещения 1 первоначального строительного периода СГЗ оформлен суфами. Восточная суфа имела ширину 55-60 см. В 3,5 м от юго-восточного угла помещения в нее встроен тандыр с диаметром дна 50 см, сохранившейся высотой 60 см. Устье тандыра не сохранилось. Поддувало расчищено по уровню пола на глубине 2,42 м от R0. Участок суфы с тандыром длиной около 2 м на 20 см приподнят над уровнем остальной суфы, которая размещена по периметру помещения. Высота суфы с тандыром – 75 см. К югу от тандыра суфа, высотой до 40 см, выполнена в виде пристенной скамейки, которая примыкает к суфе вдоль западной стены. Ее ширина 1 м, высота 35-40 см, а продолжающая ее суфа вдоль северной стены чуть уже – 90 см.

Высокая суфа с тандыром на расстоянии 1 м к востоку от него, заканчивается на уровне пола, в торце суфы расчищены остатки обожженных стенок и прокаленное круглое пятно – след от небольшого напольного камина.

Ширина западной суфы – 1 м, верхняя поверхность на глубине 2,03 м от R0., высота – 39-40 см. Северная суфа Г-образной формы; ее ширина у северной стены – 80 см, в северо-восточном углу она расширяется до 1,8 м.

Центр помещения занимал вмазанный в пол керамический алтарь круглой формы, диаметром 1 м (рис. 28). Высота его стенок составляла 10,5 см, бортик в виде Г-образной формы венчика, с широкой верхней площадкой шириной 4,5 см.

В центре алтарика была лунка диаметром 8 см. В лунку вставлена донная часть сосуда. Фрагменты подобных керамических алтарей изредка встречались в заполнении помещений ВСГ Р1 и при вскрытии мусорных слоев свалки в Р2 в сезоне 2006 г. Аналогичные напольные керамические алтари хорошо известны по материалам пятого строительного горизонта Р3 XII в. шахристана Отрара и по слою XII в. городища Куйрук-тобе.¹³⁶

Пол и суфы были тщательно обмазаны глиной без каких-либо грубых включений. Юго-западный угол западной суфы прорезан поздней ямой.

В помещении зафиксирована частичная перепланировка, связанная со следующим периодом обживания. Внутреннее пространство помещения до верхней поверхности суф тщательно забутовыв-

¹³⁶ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата, 1987. с. 37 и сл.; Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе - город Кедер. Алматы, 2005, с. 64-65.

Рис. 28. Пом. 1 с керамическим алтарем по уровню 1сп СГЗ

вается, поверхность выравнивается. Комната делится на две части стеной толщиной в 50 см. Тщательно закладываются бывшие проходы и пристенная суфа-скамейка, тандыр замуровывается, таким образом, возникает новая стена из бывшей суфы. Возводится небольшая стена-перегородка шириной в один кирпич в северо-восточном углу помещения. Северная стена, которая, видимо, была разрушена почти до основания, возводится вновь. Но теперь она не оштукатурена, ряды кирпича положены «тычком» и «ложком» и выступают один над другим. У северной стены расчищено ташнау. Резервуаром служил кувшин с туловом яйцевидной формы, с одной петельчатой ручкой. Кувшин не имел дна. Рядом обнаружено скопление игральные кости – асыков. В северном, вновь образованном помещении зафиксированы следы пожара, который, видимо, произошел уже после запустения, так как горелый слой бугристый, неравномерный.

Помещение № 2 расположено за северной стеной пом. № 1. Оно вскрыто не полностью, северная часть помещения уходит за

бровку вскрытого участка. Помещение явно трапециевидной формы. Толщина стен различна, от 70 до 90 см. Вдоль всех стен расположены суфы. Ширина помещения в южной части 2,8 м, к центру оно расширяется до 5,2 м. Пол расчищен на глубине 2,73 от реперной точки. Высота суф составляет 40-50 см. Ширина суф различна от 0,7 м до 1,4 м. Зафиксирована часть боковой щеки прохода, который находился в северной стене помещения. В 70 см от северо-западного угла помещения, в западной суфе, расчищены остатки тандыра. Центральную часть комнаты занимал глиняный алтарь диаметром 1 м, высота его стенок – 5-6 см, дно алтаря прокалено, в центре имеется лунка диаметром 7-8 см (рис. 29).

В следующий период функционирования это помещение носит следы перепланировки: пространство между суфами забутовывается и уровень пола поднимается выше на 50 см; помещение делится на две части вновь построенной северной стеной, часть основания которой лежит на суфе. В северо-западном углу дополнительной стенкой выделяется заком. Южная стена, которая является об-

Рис. 29. Пом. 2 с круглым глиняным очагом-алтарем, пробитым мусорной ямой ВСГ

щей между первым и вторым помещениями, как указывалось выше, так же выкладывается вновь, но на прежнем основании и несколько нависает над ним.

Помещение № 3 находится за восточной стеной первого помещения. Оно прямоугольной формы размером 3,5х1,6 м. Скорее всего, оно выполняло функции санитарного. В нем вскрыты два бадраба, которые частично прорезают друг друга.

Помещение № 4 находится южнее третьего, имеет подквадратную форму и размеры – 2,8х2,4 м. К южной стене примыкала суфа шириной 80см, высотой 50 см. Назначение этого помещения пока не ясно.

Помещения № 8, 9, 10 вскрыты частично. Они находятся восточнее первого помещения. Десятое помещение отделено от восьмого стеной шириной в 60 см. Пока не ясно, была ли это стена, или же это боковая грань суфы. Она прослежена в длину на 2,5 м. Восточная поверхность восточной стены в нижней части оформлена выступающей цокольной частью.

Помещения № 5, 6 и 7 расположены западнее 1-го и 2-го. Вскрыты частично, в пределах площади раскопа. В 6-м помещении зафиксирован юго-восточный угол. В помещении 5 частично прослежены восточная и северная стены. Интерьер этих стен оформлен суфами шириной в 1 м, высотой 50-60 см. Следы перестроек в этих помещениях пока не зафиксированы.

Седьмое помещение вскрыто между 1-м, 2-м и 5-м помещениями. Пока не ясно было ли оно жилым или же это частичная площадь двора.

После СГЗ перед временем СГ2 наступает период запустения и временного заброса этого участка цитадели Саурана (Каратобе), на этом некогда плотно застроенном участке зафиксировано большое количество мусорных ям, бадрабов, следы заброса помещений и засыпка их мусором. Ямы буквально врезаются одна в другую, они прорезают культурные слои и разрушают стены былых зданий. Некоторые из ям и бадрабов дали обильный керамический материал, который можно датировать XI в. Необходимо отметить существенное изменение в декоративном облике комплексов глазурованной керамики.

СГ4. При зачистке многослойных обмазок пола перед тандыром в пом.1 СГЗ стал виден сохранившийся на полную высоту более ранний тандыр, замурованный под суфу СГЗ. При этом более ранний тандыр оказался практически под выявленным ранее тандыром СГЗ. Представилась возможность хотя бы фрагментарно проследить последовательность и характер взаиморасположения конструкций 3-го и более раннего, 4-го, строительных горизонтов. Для этого на участке пола в средней части пом. 1 СГЗ, после снятия керамического алтаря, предпринят зондаж в виде небольшого шурфа прорезавшего многослойный пол помещения, слой глиняной забутовки и достигший пола СГ4 (рис. 30).

Оказалось, что пол СГ4 лежит на глубине 1,06м. от уровня пола

Рис. 30. Стратиграфическое соотношение деталей интерьера в пом. 1 по СГ3 и 4

Рис. 31. Глиняный очаг-алтарь пом. 1 СГ4

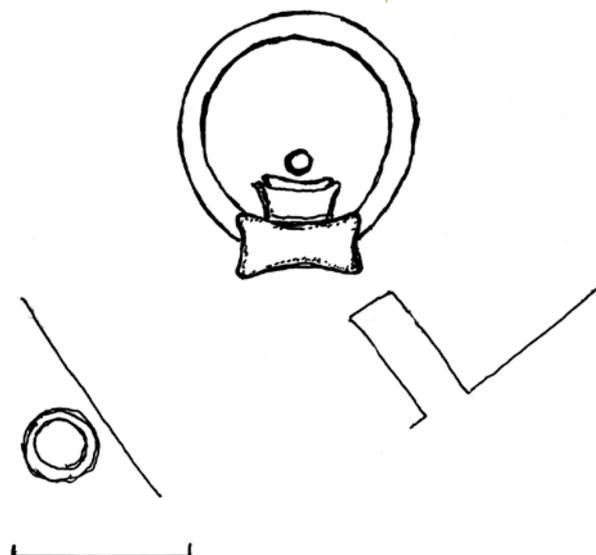

Рис. 32. Глиняный очаг-алтарь пом.1 СГ4

СГ3. Общая толщина прорезанных обмазок пола СГ3 составила 17 см. Точно под боковой гранью суфы СГ3 оказался борт суфы СГ4. От поверхности суфы СГ3 до поверхности суфы СГ4 расстояние (глубина) в 1,2 м. Ее высота - 65см. В ней точно под тандыром СГ3, был расположен более ранний тандыр с диаметром устья 55-57 см, с круглым отверстием поддувала диаметром 8 см. Но внутренняя поверхность стенок этого нижнего тандыра не имеет резного узора, что характерно для всех тандыров ВСГ, СГ2 и СГ3.

На полу СГ4, перед тандыром, точно под местом керамического алтаря СГ3, расчищен круглый алтарь из необожженной глины. Его поверхность слегка прокалена, покрыта золистой прослойкой, т.ч. расчистка выявила все его основные конструктивные детали (рис. 31, 32). Основная часть алтаря круглое чашевидное углубление в невысокой глиняной платформе. Диаметр чаши – 75 см. Высота вертикальных с выкружкой стенок – 5-6 см. Плоская поверхность чаши слегка прокалена и закопчена. При зачистке на ней найдены три-четыре фрагмента бараньих ребер и несколько рыбьих позвонков. Наружный край бортов фиксировался менее надежно, его перекрывали многочисленные обмазки пола. Тем не менее, борт чаши имел и наружный, видимо, более пологий край, ширина бортика составляла 10-12см.

С восточной стороны к чаше алтаря пристроена двухуровневая платформа сложной формы высотой 8-9 см. В плане платформа имеет подпрямоугольные очертания размером 46х24 см (рис. 32). Стороны ее, особенно длинные, имеют некоторую вогнутость. Поверхность платформы так же имела вогнутость, так что короткие края ее были приподняты и, возможно, имели конический вид, а средняя часть имела седловину. К длинной стороне, обращенной к чаше алтаря, пристроена как бы трапециевидная ступенька. Длина её примыкающей к платформе стороны – 24 см, ширина ступеньки – 13 см, а длина обращенной к чаше стороны – 32см. Её поверхность чуть ниже поверхности основной платформы (на 3-4см), а

вдоль длиной стороны в чаше имеется щелевидное (ширина 5 см) углубление. А в 7 см от него, на общей оси алтаря, имеется круглое углубление диаметром 10 см, заполненное белесой золой с угольками. Если принять за центральную ось алтаря линию, проходящую через середину платформы и центр круглой лунки, то она окажется ориентированной почти строго по направлению З-В.

При зачистке пола СГ4 вокруг алтаря между обмазками фиксируются следы аналогичного по форме алтаря в виде круглого прокаленного пятна в слоях обмазок.

Таким образом, зондаж СГ4 показал, что наблюдается абсолютная преемственность в планировке помещения № 1: суфа расположена над суфой, тандыр над тандыром, алтарь над алтарем. Очевидно, и в дальнейшем при расчистке слоев 3 и 4 строительных горизонтов следует ожидать в основном преемственность в планировке жилищ и всего массива застройки. Отмеченный выше «перебой» в планировке между 3 и 2 строительными горизонтами, или в целом, между ВСГ+2СГ и 3+4СГ, может свидетельствовать о неких существенных событиях в истории города. Которые произошли вероятно в первой половине, или ближе к середине XIIв. и привели к существенному изменению облика городской культуры.

2.5. Описание участка у крепостной стены

Для изучения эволюции города особое значение имеет изучение истории фортификационных сооружений, их структуры, и особенно, выявление хронологического и планиграфического соотношения фортификационных элементов с прилегающей жилой застройкой. Ближайшими к раскопу 1 элементами фортификации являются участки крепостных стен в ЮВ углу цитадели и сама угловая башня, которую нужно здесь предполагать. Для решения поставленной задачи раскоп № 1 был расширен в восточном направлении до склона и далее вниз до самой подошвы склона цитадели (рис.10, 33). При этом предполагалось, что раскопом будут выявлены наружная, и внутренняя грани стены, изучена ее структура, степень сохранности и пр. ***Оказалось, что по уровню ВСГ и 2СГ крепостная стена была застроена жилыми постройками, ее тело прорезали несколько мусорных ям, а внизу за стеной к её наружному фасу были пристроены стены жилых строений. Это самое первое и самое интересное наблюдение, которое, вероятно, может внести существенные корректировки в реконструкцию истории города.*** Работы по исследованию крепостной стены цитадели Каратобе только начаты, и делать исторические выводы еще преждевременно.

Некоторые дома ВСГ были возведены непосредственно на бывшей оборонительной стене, которая к тому времени была частично

руинирована и срублена при строительстве жилья. В пределах раскопа выявлена планировка помещений, объединенных в отдельные дома (рис. 10).

Дом 1 состоял из четырех отдельных секций с проходами в одно общее помещение. Каждая секция, в свою очередь, объединяла одну или две комнаты.

Первая жилая секция включала в себя три помещения (2, 3 и 3а). Одно из помещений (3), коридор, шириной 0,8 м, длиной 5,2 м, расширялся в восточной части в небольшую прихожую (3а) размером 2,0х1,6 м с несколько приподнятым на 20 см уровнем пола по отношению к уровню пола коридора. Это возвышение, скорее всего, выполняло роль суфы-лежанки. Из прихожей в хозяйственно-жилое помещение вел проход шириной 0,9 м, расположенный в юго-западном углу. Помещение № 2 прямоугольное в плане размером 4,5х3,6 м. Вдоль северной и восточной стен расположена Г-образная суфа. Ширина ее у северной стены составляла 1,3 м, у восточной – 2,2 м; сохранившаяся высота – 50 см. В суфе, у северной стены, находился тандыр диаметром 60 см, глубиной 45 см, с круглым (диам.

Рис. 33. Восточный, или участок 3 у крепостной стены

14 см) в верхней части поддувалом, нижний уровень которого находился чуть выше пола. Устье тандыра не сохранилось.

Северная, восточная и южная стены – пахсовые, шириной от 60 до 70 см. Сохранившаяся высота стен – от 60 до 80 см. Стены были покрыты многослойной штукатуркой из глины красноватого цвета смешанной с мелко порубленной соломой. Пол помещения хорошо утрамбован; в нем фиксируются мелкие угольки.

Вторая секция состояла из двух помещений (1, 4). Помещение № 1 прямоугольное в плане размером 5,6х4,2 м. Оно имеет две капитальные стены, восточную и северную, шириной 0,7-0,9 м. Интерьер первого помещения оформлен двухуровневой суфой «П-образной» формы. Суфа у западной стены (шириной 1,3 м) на 26 см выше суфы у северной и восточной стен. Ширина суфы у северной стены – 3,3 м, у восточной – 1,7 м. В западной суфе находился тандыр, сохранившийся полностью. Диаметр устья – 55 см, внутренний диаметр у основания – 65 см, поддувало квадратной формы 20х20 см, нижний уровень поддувала находился на уровне пола. Глубина тандыра – 55 см. Высота суфы – 60 см, нижней суфы – 36 см. В северную суфу была опущена яма глубиной 60 см, диаметром 1,2 м. Свободное пространство пола 2,9х1,6 м. В юго-восточном углу помещения на полу стоял кувшинчик с ангобной раскраской плечиков. Мотив орнаментации - геометрический, составленный из S-образных, спиралевидных фигурок, заштрихованных в разном направлении треугольников. Южная боковая поверхность западной суфы являлась щекой прохода. Проход шириной 0,7 м вел в помещение № 4. Помещение № 4 прямоугольной формы, размером 6,2х2,4 м. Западная стена была внешней капитальной стеной дома, ее ширина составляла 0,8 м, была выложена из пахсы. Сохранившаяся высота – от 40 до 60 см. Южная стена – общая для помещений № 1, 4 и 3. Ширина стены – 70 см, сохранившаяся высота – 50 см. Помещение № 4 имело два прохода: один вел в помещение № 1, второй, объединял 4-е помещение с коридором (3) и далее из коридора с общим помещением-залом (10).

Третья жилая секция состояла из одного помещения № 5 подпрямоугольной формы (размером 6,5х3,4 м) с острым юго-западным углом. Длина помещения по восточной стене – 6,2 м, по западной – 7 м. У северной и восточной стен размещена «Г-образная» суфа. Ширина северной суфы – 2 м, восточной – 1,8 м. В обоих суфах встроены тандыры диаметром 75 см, высота тандыров – 50 см. Высота суф также составляет 50 см. Поддувало тандыра в восточной суфе находилось на уровне пола (ширина – 20 см, высота – 10 см), в верхней части оно оформлено в виде арки.

Северная суфа первоначально имела ширину 1,8 м, тогда же был в нее встроены тандыр, затем ширина суфы увеличилась до 2 м. Тандыр, таким образом, оказался замураванным и поверхность суфы, которая использовалась как лежанка. Свободное пространство пола помещения – 4,2х1,5 м.

Примерно в середине западной стены находился проход шириной

в 0,9 м, который представлял собой небольшой коридорчик длиной 2,2 м, объединяющий 5-е и 10-е помещения. Порог коридора в 10-е помещение был оформлен деревянной балкой диаметром в 10 см.

Четвертая секция объединяла помещения № 8 и 9. Помещение № 9 квадратное в плане 3,5х3,5 м его северо-западный угол был занят суфой, длина, которой по западной стене составляла 2,8 м, ширина – 1,2 м. В суфе находился тандыр диаметром 60 см. Устье тандыра не сохранилось, поддувало расчищено на уровне пола. У северной стены, в 40 см к востоку от суфы, в пол был вмазан горшковидный сосуд с широкой горловиной, переходящей в покатые плечики и шаровидное тулово. В северо-восточном углу помещения находился проход шириной 1,2 м, который вел в помещение №8. Оно трапециевидной формы размером 2,3х1,5 м, выполняло функцию прихожей. Из него проход вел в помещение № 10. Десятое помещение прямоугольной формы, размером 7,2х5,0 м, являлось связующим звеном четырех секций домовладения. К восточной стене помещения пристроена суфа шириной 1,7 м. У южной стены зафиксированы следы прокаленности пола, оставленные, по всей видимости, от переносных очажков. В западной, капитальной, стене расчищен проход шириной в 1 м, который вел на улицу. В самом помещении расчищено пять ям. Все они были перекрыты уровнями полов верхнего строительного горизонта.

В доме № 1 зафиксировано два строительных периода. Первоначально дом состоял из пяти больших помещений – 1, 2, 5, 9, 10. Десятое помещение служило мехмонханой; оно не имело суф. Тандыр был встроен в отдельную тумбу. По мере того как семья разрасталась, была проведена частичная перепланировка помещений. Помещение № 1 разделяется на два, к западной стене вновь образованного помещения пристраивается суфа с тандыром, уровень суфы поднимается выше и таким образом появляется двухуровневая суфа.

В помещении № 10 возводится дополнительная стена, которая отделяет секцию № 1 и помещение № 2, через длинный коридор общается с десятым помещением.

Интерьер восточной стены дополняется суфой, и выделяется в отдельный отсек помещение № 8 с тандыром в тумбе. Общий зал в несколько уменьшенном размере остается. Он выполняет функцию парадной комнаты, служащей для приема гостей и для общего сбора большой патриархальной семьи. Уровни полов первого и второго строительного периодов отстоят друг от друга на 20-30 см.

В пом. 9, под уровнем пола верхнего периода, сделана интересная находка керамического амулета в виде «сапожка» (рис.?). Такие амулеты известны по редким находкам в слоях XI-XII вв. некоторых городищ Средней Азии.¹³⁷

Дом 2 расположен южнее первого и состоит из помещений №

¹³⁷ Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования Древнего Саурана // Известия НАН РК, сер. обществ. наук, № 1, 2009, с. 236-257.

6, 7, 12. Все помещения вскрыты частично в пределах площади раскопа, или же часть помещений расположена на склоне холма и полностью утрачена в результате смыва верхнего культурного слоя.

Помещение № 6 прямоугольное в плане, размером 4,2x3,2 м. Интерьер западной стены частично занят суфой, шириной в 1 м. В северной части суфа разрушена более поздней ямой, расчистка которой не дала датирующего материала. Боковая поверхность суфы носит следы покраски красным цветом. Проход не зафиксирован, но, скорее всего, находился в северо-восточном углу помещения. Стена в этом месте прорезана более поздней ямой.

Керамический материал, извлеченный из ямы, представлен поливной посудой, которую мы относим ко 2-й половине XIII в. Это – блюда и чаши несколько грубоватой конической формы на плоском поддоне. Внешняя поверхность чаш не покрыта ангобом. Внутренняя поверхность покрыта белым ангобом, по которому процарапан рисунок. Орнамент обычно геометрический в сочетании с растительным. Бортик оформлен орнаментальной полосой с вписанными треугольниками, центр блюда или чаши заполнен четырехлепестковой розеткой. Подобные сосуды расцвечивались ярко-желтым цветом в сочетании с коричневым, с потеками краски, орнаментировалась коричневым с зеленым, опять-таки с потеками краски, и под прозрачной бесцветной глазурью.

Помещение № 7 пока вскрыто частично. Предполагаемые размеры – 4,0x 2,5 м, но помещение, особенно восточная часть, полностью разрушена более поздними ямами. Помещения 11 и 12 вскрыты частично.

Южнее 12-го помещения было частично расчищено прямоугольное в плане помещение размером 3,5x1,5 м. Восточная стена, шириной в 50 см, отделяет его от крепостной стены. В центре находился глиняный алтарик с центральной лункой. Сам алтарик не сохранился, осталось лишь круглое пятно прокаленной обмазки пола.

Таким образом, результатом проведенных работ явилось, вскрытие двух домовладений. Планировка первого выявлена полностью, второго – частично. Строительным материалом для возведения домов верхнего строительного горизонта и 2СГ служила пахса (битая глина). Края суф и перегородки выкладывались из сырцового кирпича (40-41x18-20x 8-10 см). Перекрытие, видимо, было плоским, опиравшимся, при больших размерах помещения, на центральную деревянную опору – колонну, от которой на полу сохранились плоские камни, служившие базой.

Первое домовладение объединяло четыре отдельные секции, имеющие выходы в одно общее большое помещение (№ 10). Скорее всего, в этом доме жила одна большая патриархальная семья. Интерьеры помещений оформлялись суфами со встроенными тандырами, с массивными венчиками в виде площадки, с овальными поддувалами в передней части корпуса. Тандыры закрывались крышками. Орнаментация внутренних стенок тандыров говорит, вероятно, о многообразии и богатстве эстетических вкусов населения. Она де-

лался многозубчатым штампом и обязательно глубокими врезными линиями, возможно, чтобы лепешки лучше удерживались внутри. Рисунки состоят из самых разнообразных сочетаний различных геометрических линий. Причем, на более чем двух десятках выявленных в ВСГ и СГ2 тандырах нет повторяющихся узоров (!) (рис. 9).

Первую группу составляют тандыры с орнаментом, нанесенным гребенкой с различным количеством зубцов и состоящим из всевозможного сочетания поясков. Это, в основном, четыре-шесть-восемь прочерченных линий, пересекающихся в горизонтальном, вертикальном или диагональном направлении.

Вторую группу объединяет волнистый гребенчатый орнамент в сочетании с прямолинейным или гребенчатым рисунком. Количество волн, наклон и направления углов различны: широкая плавная волна, либо с округлыми разворотами, либо с острыми углами.

Многие рисунки встречают параллели в орнаментации неповальной посуды, для которой характерно сочетание различного вида врезных гребенчатых поясков, нанесенных острой палочкой. Орнамент, состоящий из различных сочетаний полуovalов, характерен для крышек сосудов, а в виде спиралевидных завитков – для посуды с раскраской. Это свидетельствует о стилистическом единстве и устойчивости орнаментации на Каратобе.

2.6. Разрез восточной крепостной стены

Раскоп 1, в результате расширения в восточную сторону, охватил участок склона холма цитадели протяженностью около 26 м к северу от ЮВ угловой башни. Перед нами стояла задача выявить и исследовать остатки крепостной стены, которая окружала цитадель и на этом участке имела явно выраженный прямой угол. Одновременно, примерно в 24 м от юго-восточного угла, на восточном склоне холма, был заложен разрез с целью определения конструкции крепостной стены и определения этапов и времени возведения оборонительных сооружений (рис. 10, 34).

Археологическое изучение этого участка позволит установить наличие оборонительных сооружений, их конструкцию, основные строительные и, вероятно, хронологические периоды в строительстве крепостной стены. Разрез 1 не завершен. Он углубился от уровня дневной поверхности на краю разреза, который здесь ниже R0 на 1,36 м, до уровня основания 6 яруса. Т.е. глубина разреза (в его основной части) доведена до уровня 9 яруса от R0. Длина части разреза в культурных наслоениях цитадели составляет около 12 м, при ширине 1 м, далее он продолжен еще на 10 м в слоях у подошвы склона (рис. 34, 35). Поскольку направление разреза почти совпадает с направлением З-В, то в дальнейшем будем исполь-

Рис. 34. Разрез 1 через участок восточной крепостной стены

тивно стену можно разделить на две части. Одну часть составляет кладка шириной в один кирпич (42 см), вместе со штукатуркой 45 см, к ней примыкает останец также из сырцового кирпича шириной 90 см, который, видимо, выполнял роль пяты свода. Высота стены – 2,9 м. Можно предположить, что здание было двухэтажным. Стены второго этажа сохранились на 1,5 м. Это зафиксировано и в самой кладке стены. На глубине 1,5 м расчищена выкружка пола, которую подстилал двойной ряд сырцовых кирпичей, видимо служивший отмошкой пола. Каким образом осуществлялось перекрытие между двумя этажами, пока неясно. Очевидным является сводчатое перекрытие второго этажа. Об этом свидетельствует конструкция стены, которая в верхней части имеет дугообразный профиль. Ниже выкружки пола и двойного ряда сырцового кирпича, продолжается гладь стены, прослеженная на глубину 1,4 м.

Керамический материал, извлеченный из этого помещения, представлен станковой и лепной посудой. Это фрагменты одноручного широкогорлого лепного кувшина, на ручке которого прочерчен

зывать названия «южный» (или «северный») профиль, «западная» (или «восточная») часть разреза и т.д. Анализ полученного профиля разреза стены (рис. 35) и наблюдения, сделанные в ходе работ на стене, позволяют прийти к некоторым предварительным выводам.

В западной части разреза с уровня 4 яруса от R1 стали фиксироваться мощные конструкции из сероватого кирпича. Вдоль южного профиля, под уровнями ВСГ, СГ2 и 3 обнажилась оштукатуренная грань стены, которая прослежена на высоту около 2,5 м. Поверхность штукатурки закопчена. Это дает основание сделать предположение, что в период раннего средневековья (явно до X в.) здесь было возведено монументальное здание из сырцового кирпича (40-42x22-24x9-10 см). Кирпич желтоватого цвета, раствор между рядами кладки темно-серого цвета, шириной 5-6 см. В юго-восточном углу разреза на южной бровке расчищен угол одного из помещений этой постройки.

Ширина восточной стены в нижней части составляет 1,4 м, в верхней части – 1,67 м. Конструк-

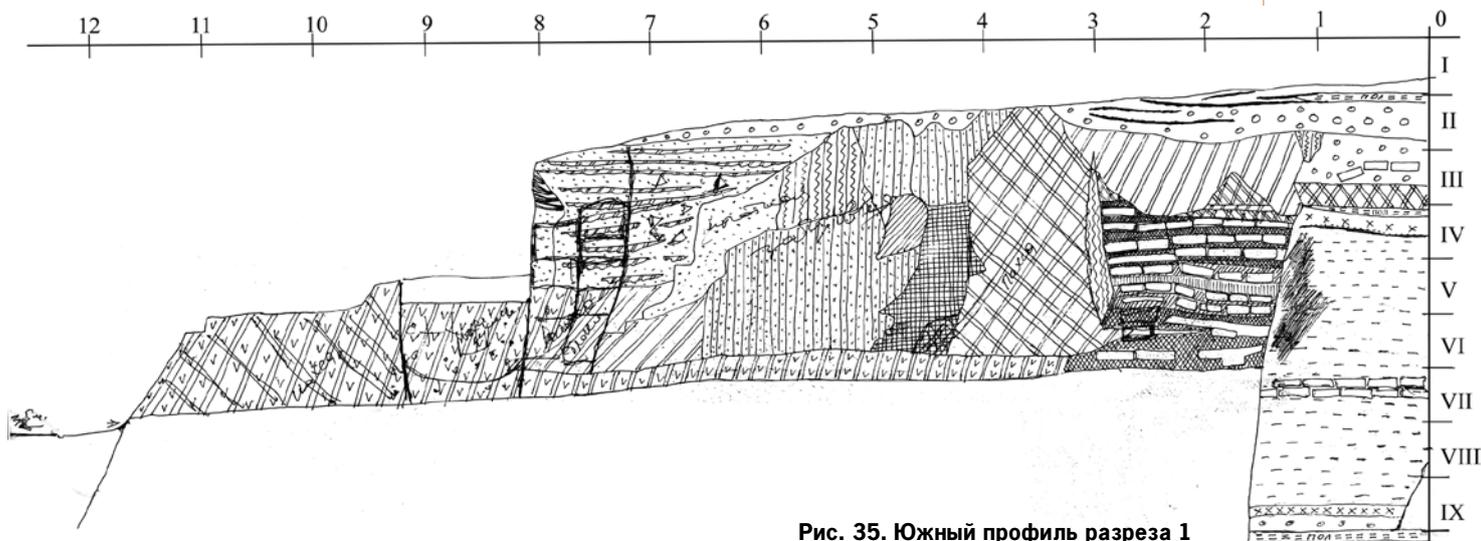

Рис. 35. Южный профиль разреза 1

орнамент в виде «ёлочки»; боковые, покрытые копотью, стенки тулова горшкообразного сосуда, фрагмент плоского дна. Были извлечены рога животных, в одном из которых имеется круглое отверстие внутри. Ориентировочно эти фрагменты керамики можно датировать временем раннего средневековья (VII-VIII вв.).

Верхушки разрушенной стены этой постройки выходят на уровень основания СГ2 восточного участка, т.е., очевидно, слой СГ2 и ВСГ перекрывал эти конструкции.

Строительство крепостной стены представляется следующим образом. Первым этапом явилось возведение стены из пахсовых блоков, шириной 1 м, которую построили в непосредственной близости к сырцово-кирпичной стене выявляемого на уровне 4-8 ярусов «замка». Расстояние между ними – 15 см. Эта стена вскрыта на высоту 1,5 м. В нижней части расстояние между двумя стенами увеличивается до 20 см и затем сходит на нет. Ширина пахсовых блоков – 44-45 см. Высота их пока не ясна. Восточная наружная грань стены имеет в нижней части одну ступеньку.

Во второй период, на расстоянии 3,1 м восточнее стены из пахсы, возводится еще одна стена из пахсовых блоков шириной в 90 см, которая как бы заключает в футляр первую стену. Внутреннее пространство между двумя стенами плотно забутовывается кусками пахсы, фрагментами сырцового кирпича. Таким образом, оборонительная стена, включая стену замка, достигает мощности 6 м.

В третий строительный период на расстоянии 1,2 м от второй пахсовой стены возводится еще одна так же пахсовая стена (шириной 2,5 м), внешний профиль которой имеет явно выраженное расширение книзу. Пространство между второй и третьей стенами заполнено рыхлой землей. Это заполнение дает возможность предположить существование внутрискладного коридора. Но это всего лишь предположение, окончательные выводы можно будет сделать после полного разреза крепостной стены.

Таким образом, толщина разновременных стен, выявленная разрезом

достигает почти десятиметровой мощности (10 м).

Пока нет возможности датировать время последовательного наращивания крепостной стены. Керамический материал в толще стены отсутствует, но становится ясным, что в начале XI в. (?) стена утратила свое оборонительное назначение. На ее выровненной толще возводятся жилые дома. Внешней стеной домов является пахсовая вырубка в толще крепостной стены.

Видимо во 2-й половине XII в. встает вопрос об обороне цитадели и тогда возводится третья пахсовая стена шириной в 2,5 м. Но эта стена не спасла город от монгольского завоевания. С приходом монголов вводится запрет на фортификационные сооружения. К внешней грани вновь возведенной стены пристраиваются жилые помещения с суфами и тандырами. Керамика, полученная из этих помещений и мусорных ям послемонгольская, то есть XIII в. Расстояние между внутренней гранью стен помещений ВСГ (и СГ2) и наружной гранью стены, которая имеет четко фиксируемый наклон, составляет 6,0-6,4 м. Возможно, это общая толщина основания стены на последнем этапе (XII-XIII вв.). Да и наличие пристроенных к стене снаружи помещений с материалами XIII в. можно трактовать, как подтверждение того, что последняя стена в это время еще не была разрушена, не имела оплывов, которые закрыли бы ее внешнюю грань. Но против такого заключения свидетельствует наличие на 20-метровом зачищенном участке стены трех мусорных ям с керамикой XIII в.

Таким образом, полученные пока данные и наблюдения при расчистке отрезка стены у ЮВ угловой башни не дали однозначного ответа на вопрос – имела ли цитадель Саурана в предмонгольское время (начало XIII в.) мощную крепостную фортификацию, или же основная линия обороны города проходила по другим рубежам (внешняя крепостная стена рабадов или шахристана). Возможно, на этот вопрос ответят материалы вскрытия угловой башни и исследования внешней крепостной стены.

2.7. Работы 2008 г. на участке у крепостной стены

В 2008 г. было продолжено вскрытие северо-восточного участка шахристана Каратобе на раскопе 1. Раскопки внесли существенные корректировки в представления о стратиграфии данного участка. В результате работ выявлены сооружения трех, последовательно сменяющихся, строительных горизонтов. Сохранность строительных остатков на разных участках раскопа различна. Верхний строительный горизонт с течением времени смыт и разрушен. Второй, третий и четвертый строительные горизонты (СГ2, 3 и 4) вскрыты частично, то есть в пределах раскопа. Последовательность напластований и строительных остатков будет представлена в процессе описания планировки вскрытых домостроений.

Как выше было показано, западный конец Разреза 1 2007 г. вре-

зался в остатки строительных конструкций помещений, уровни полов и суф которых четко просматривались в западной и северной бровках разреза. Новый СВ участок Раскопа 1 разбит так, что охватывает территорию к северу и западу от западного торца Разреза 1. Этот участок, площадью 275 м², расположен на восточном краю холма ранней цитадели городища и имеет небольшой уклон в восточную сторону. На западной границе установлена точка R1, которая имеет отметку -281 от R0, т.е. отметки тригопункта на вершине холма в центре городища.

При вскрытии этого участка, вдоль и над восточной крепостной стеной у ЮВ угла еще в прошлом полевом сезоне было отмечено, что остатки ВСГ, или последнего горизонта в жизни города, здесь сохранились очень незначительно. Зафиксированы участки полов, основания стен и ямы-бадрабы. Отмечается, что постройки ВСГ частично перекрывают здесь остатки крепостной стены, видимо, врезаясь в нее или в ее руины. По большей части остатки ВСГ оказываются смытыми по начинающемуся здесь склону холма цитадели. Лучшую сохранность имеет второй строительный горизонт (СГ2). На участке, включенном в площадь раскопа, остатки его представлены помещением, размером 2,33х3,4 м в северо-восточном углу которого расчищена суфа размером 1,1х1,06 м, в нее был встроен камин, выложенный из жженого кирпича прямоугольного формата 28х18х4 см. Гребни остатков стен проходили на глубине 0,3-0,7 м от дневной поверхности. Первый уровень пола зафиксирован на глубине 346 см, второй – 362 см. В западной части помещения расчищено ташнау, в качестве емкости был использован хум, устье которого врезалось в верхнюю плоскость западной стены первого помещения нижележащего СГ3. Более полная и интересная планировка, лучшей сохранности выявлена под СГ2 и интерпретируется нами как СГ3.

Стены СГ3 возводились из сырцового кирпича, причем практиковалась кладка «в перевязку», при которой чередуются ряды кирпичей, положенных «тычком» и «ложком». Строительным материалом вскрытых домовладений был сырцовый кирпич с пропорциями раннесредневекового кирпича, но уменьшенного размера 35-36х16х7-9 см; 35х18-19х7-8 см; 30-31х22х11 см; 36х22х10-12 см; 35х20х12 см; 42-44х22-24х10-12 см.

Помещение № 1 СГ3 квадратное в плане, со сторонами 4,7х4,7 м. Интерьер помещения с трех сторон занят пристенными суфами различного функционального назначения (рис. 36). Восточная стена помещения вплотную пристроена к крепостной стене, так что грань

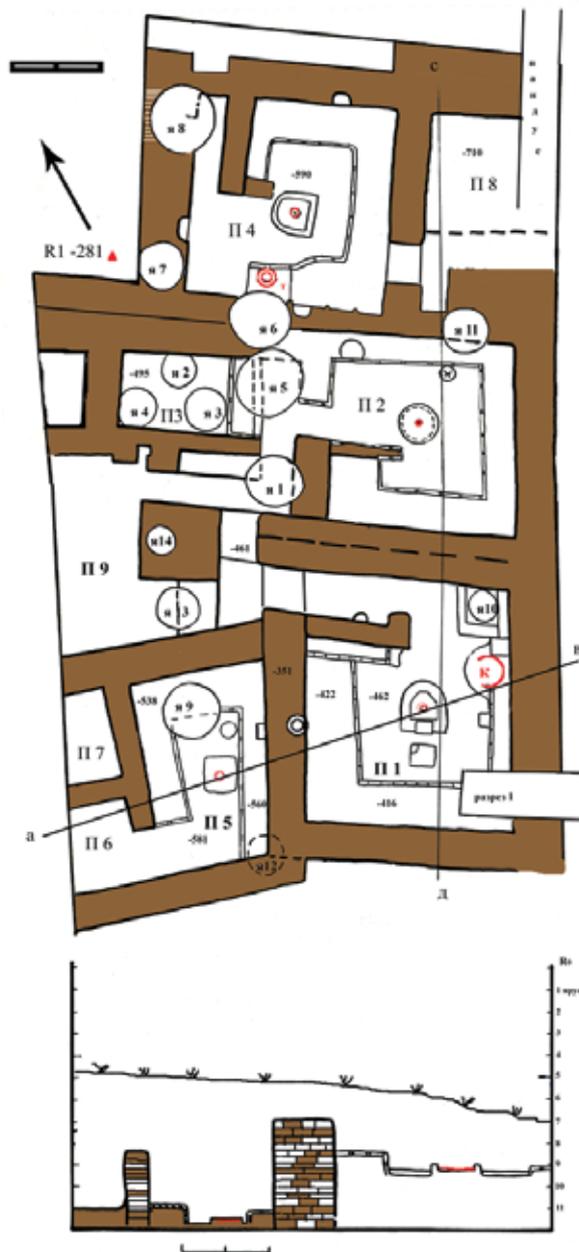

Рис. 36. План «северного» участка 3 2008 г.

Рис. 37. Помещение 1 СГЗ на участке 3 2008 г.

между крепостной стеной и стеной помещения слабо прослеживается. К восточной стене примыкает суфа шириной в 0,5 м, высота сохранилась незначительно, поскольку сверху стена разрушена ямами вышележащего строительного горизонта.

В северо-восточном углу помещения, прямо напротив тамбурного входа устроен специально возведенный подквадратный отсек, размером 0,9х1,2 м. Толщина сохранившихся на 1,1 м в высоту стенок — в полкирпича. Внутри содержалось мусорное заполнение, которым забита и яма, уходящая под уровень пола помещения. Глубина ее не установлена, яма пока не расчищена, но в верхней части заполнения обнаружены фрагменты керамических сосудов, кости и среди них бронзовый перстень. Этот отсек, видимо был перекрыт сверху кирпичным сводом, а в боковой плоскости западной стенки имел специальное овальное отверстие, которое предназначалось для сброса мусора (костей, золы, обломков керамики) в эту яму. Размер сырцового кирпича, из которого выложен «мусоросборник» составляет 34х22х9-10 см.¹³⁸ Далее, к северной стенке «мусоросборника» пристроена своеобразная тумба, высотой в 60 см и размерами сторон 56х45 см. Наружный край ее имел выпуклую форму и отступал от плоскости стены на 0,7 м. В эту тумбу был встроены круглый керамический камин диаметром 0,6 м, сохранившаяся высота стенок — 0,3 м. Камин имел специально обожженные (керамические) стенки. Они сильно разрушены и фиксируются лишь по основанию. Боковое топочное отверстие размером в 0,4 м. Стенки камина у топочного отверстия были незначительной высоты со своеобразным углубленным орнаментом, выполненным пальцевыми вдавлениями.

В 0,35 м южнее камина расчищен небольшой выступ размером 0,35х0,25м, перпендикулярно примыкавший к боковой плоскости стены.

Ширина южной суфы — 1,1 м, высота — 0,5 м. Юго-восточный угол помещения прорезан Разрезом № 1 2007 г. Западная суфа имела такую же ширину и высоту, но по ряду признаков, занимала центральное место в композиции внутреннего пространства.

Все стены помещения покрыты многослойной штукатуркой, общая толщина которой достигала 4-5 см. В один из ремонтных периодов западная стена была покрыта штукатуркой из тонкодисперсной глины и на нее были часто наклеены рельефные горошины из белого алебаstra. Диаметр горошин — 2 см. Северная оконечность западной суфы была приподнята на 25см и образовывала своеобразную подушку размером 95х25 см. С севера западная суфа ограничена тамбурной перегородкой, которая образовывала коридорчик-тамбур перед входом в помещение. Вдоль перегородки устроена суфа длиной 85 см, шириной 40 см и высотой 40 см. У

¹³⁸ Вероятно, аналогичная конструкция над устьем мусорной ямы зафиксирована в культовом помещении с алтарем и антропоморфными скульптурами в «усадьбе Кайрагач» (Горбунова Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине 1 тысячелетия нашей эры. М, 1982, рис. 36, с. 42).

конца тамбурной перегородки суфа выступает на 15 см и образует, за счет оформления боковой поверхности тамбурной стенки, Г-образный выступ с лекальным оформлением северной грани, высота этого выступа снижена и составляет всего 10 см. Боковая внутренняя гладь перегородки расчленена следующим образом. От уровня пола на высоту 40 и ширину 40 см к ней примыкает суфа, от уровня поверхности суфы на высоте 29 см выделен рельефный выступающий карниз высотой в 8 и шириной 4 см, выше в 20 см стенка образует прогиб во внешнюю сторону. Внутренний угол у прохода имеет несколько вытянутое, округлое очертание, образуя трехчетвертную угловую колонку. Далее эта стена имела Г-образное оформление со скругленными углами и утолщением основания стены. Благодаря этому приему стена воспринимается, как колонна, стоящая у входа в помещение.

Таким образом, южная, западная и северная суфы образуют своеобразную композицию с центральным местом (западная суфа) для хозяина дома.

Центр пола помещения занимал глиняный алтарь прямоугольной формы с овальным северным краем. Он приподнят над уровнем первоначального пола на платформу высотой 20 см, размером 1,1х1,5 м. На южной прямой стенке в центре ободка расчищено возвышение прямоугольной формы размером 0,25х0,35 м. В 20 см южнее края алтаря, на полу, устроена приподнятая на 25 см квадратная платформа (0,5х0,5 м).

При зачистке уровней обмазки пола, у западной стенки алтаря были найдены несколько невыразительных фрагментов керамики и две разновеликие железные панцирные пластины. Помещение имело несколько уровней обмазок полов общей толщиной до 20 см.

Тамбурная стенка образовывала коридор шириной 1,1 м и длиной 4,5 м. Она имела толщину 0,45 м, а северная стена помещения была толщиной 1,3 м, сохранившаяся высота ее доходит до 1,5 м. Эта стена состоит из двух разных по толщине параллельных стен, которые объединены в одну общую: южная сторона имеет толщину 0,7 м, северная – 0,6 м.

Вскрытое помещение, возможно, выполняло функции домашней капеллы – специального культового помещения. В среднеазиатской археологии аналогичные квадратные помещения с напольными глиняными алтарями зачастую трактуются как культовые.¹³⁹ Определить достаточно уверенно функциональное назначение в данном случае можно только после полного вскрытия комплекса помещений, составлявших домовладение. Вполне возможно, что оно было основным жилым помещением дома, но с выраженными культовыми

¹³⁹ Филанович М.И. К типологии святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987, с.148-156; Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф. Культовые помещения при жилых домах с городища Канка // ИМКУ, вып.21, Т., 1987, с. 76-88; Ахунбабаев Х.Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

Рис. 38. Тандыр в пом.1 на уровне СГ4

ми признаками. При его расчистке было отмечено, что когда помещение 1 перестало функционировать, вход в него, в начале коридора, был аккуратно замурован сырцовым кирпичом, что и обеспечило, видимо, его сравнительно хорошую сохранность.

Стены и суфы выложены из сырцового кирпича прямоугольного формата размером 35-36x18-19x7-8 см, из такого же формата кирпича была произведена закладка входа в помещение.

Гребень южной стены помещения № 1 СГ3 приходится на - 361 см от реперной точки, гребень западной стены - 351 см, верхний уровень пола и уровень плоскости алтарика на глубине - 462 см, толщина полов составляет 20-10 см. Высота суф – от 40 до 50 см. В строительстве был использован в основном сырцовый кирпич размером близким 32x16x7-8 см, но угол западной, капитальной стены помещения выложен из кирпича прямоугольного формата 42-44x22-24x10-12 см.

Еще больший формат сырцового кирпича из которого выложены конструкции нижележащего четвертого строительного горизонта (СГ4) - 48x24x12 см. Пол этого горизонта залегает на глубине 610 см. Помещение № 1 в СГ4 несколько увеличилось в плане, оно стало 4,6x5,6 м. По планировке оно аналогично помещению СГ3, т.е. построенного над ним и, возможно, в тех же стенах (?). Такой же длинный тамбурный коридорчик шириной чуть более 1 м и длиной 3,1 м. Только тамбурная стенка теперь сложена в полкирпича и имеет толщину 30см. Такая же квадратная тумба располагалась в восточном углу над мусорной ямой. Суфы – вдоль всех трех стен. Причем в восточной суфе обнаружен и расчищен полностью сохранившийся тандыр – керамическая печь, вставленная в особую тумбу у конца суфы (рис. 38, 39). Диаметр устья тандыра – 30-35 см, высота – 52 см, диаметр дна – 48 см. На внутренней поверхности нет прочерченных полос, как нет отверстия поддувала или дымохода.

При расчистке тандыра внутри, среди мусора и глины, были найдены игральный асык/альчик и керамический штамп, надо полагать, для украшения хлебных лепешек (?). Среди других находок из напольного слоя этого горизонта, помимо фрагментов керамических кувшина и горшка, нужно отметить смятую нижнюю половинку довольно крупного (диаметр – около 2,5 см) бронзового бубенчика

и фрагмент глиняной пуговицы с одним отверстием (рис. 40). Из существенных отличий помещения 1 по уровню 3 и 4 СГ нужно отметить, что в нижнем горизонте у очага-алтаря сложены из сырцовых кирпичей две тумбы, как бы основания колон, поддерживавших кровлю. Тумбы, размером около 1,0х1,0 м, сложены довольно небрежно и не покрыты штукатуркой. Похоже, что эти опоры были сооружены в последний период существования здания этого горизонта.

Самой примечательной деталью интерьера помещения, конечно, является глиняный очаг-алтарь (105х110 см). Его стенки поднимаются над уровнем пола на 20-22 см, дно так же приподнято. Т.е. алтарь как бы стоит на невысокой платформе (рис. 41). Сторона, обращенная к входу, закруглена, поверхность дна в центре прокалена до керамического состояния, но обычной лунки для углей нет. Зато сбоку у стенки два сырцовых обломка образуют нечто вроде печки. Боковые грани обломков кирпича прокалены. На алтаре при зачистке найдено несколько фрагментов от керамического кувшина, птичьей и бараньей косточки и т.д. Тамбурный коридорчик, дверной проем и пространство за ним и в этом горизонте аккуратно заложены сырцовым кирпичом, как будто хозяева хотели надежно изолировать это помещение.

Полное повторение планировки интерьеров двух разновременных помещений последовательных строительных горизонтов (СГ3 и 4) уже было зафиксировано нами на другом участке Р1, где под круглым керамическим алтарем открылся горизонт с круглым глиняным алтарем (см. выше). Эти факты, очевидно, свидетельствуют о вполне спокойной обстановке, в которой пребывал город в это время. Прежние хозяева строили на основе своих устаревших домов новые, в точности воспроизводя привычные детали интерьера, но с некоторыми изменениями. В постройках СГ2 преемственность в планировках уже не наблюдается. И если первый период, с керамическим круглым алтарем, может быть датирован в рамках IX–X вв., то во втором случае, судя по составу находок, можно говорить о VIII–IX вв.

Помещение № 2 СГ3 расположено за северной стеной первого помещения. При его расчистке были сделаны следующие наблюдения.

Остатки строений второго строительного горизонта зафиксированы на глубине -350 см, то есть на глубине 70 см от дневной поверхности. Они представлены остатками фундамента, сложенного из «рванного» камня, поверх фундамента расчищены остатки сгнившего дерева, видимо, использовавшегося в качестве своеобразной защиты стены от подтягивания солей. Ширина помещения составила 3 м, длина не была установлена, так как стены «уходят» за границы раскопа. Здесь же был расчищен тандыр, несколько вытянутой, яйцевидной формы, с диаметром венчика 47 см, и найдена граненая кашинная бусина, покрытая голубой глазурью.

После снятия этого строительного горизонта началась расчистка помещения (4,5х5,25 м), относящегося к третьему строительно-

Рис. 40. Находки с пола пом. 1 СГ4

Рис. 41. Ниша в западной стене пом.4 СГЗ.

му горизонту (рис. 36). Пока в нем отмечено два периода, связанные с некоторой перепланировкой интерьера, которая представляется нам следующим образом: верхний (или самый поздний уровень) пол залегает на глубине - 380 от реперной точки. Само помещение по периметру было оформлено тремя суфами, примыкавшими к южной, восточной и северной стенам. Высота их – от 40 до 50 см, ширина различная: южная – 85 см, восточная – 80 и северная – 60 см.

В 3,35 м от юго-восточного угла проходит тамбурная стена-перегородка шириной в 85 см, отстоящая от прохода на 1,75 м; на каком-то этапе проход объединял помещения № 1 и 2, образуя единый комплекс домовладения. К этому отрезку стены примыкала пристенная суфа-скамейка, шириной 55 см, высотой 50 см. Тамбурная стенка-перегородка образовала «Г-образный» коридор, длиной 1,5 м. Ширина входа в юго-западном углу помещения – 1,2м, но он был сужен за счет пристенной суфы-скамейки на 50 см, после поворота в северном направлении ширина прохода сузилась до 1 м.

Между северной щекой тамбурной стены-перегородки, в 1,5 м от боковой грани северной суфы, был расчищен керамический ал-

тарь, полуовальной формы, диаметром 75 см. Его стенки (высотой 11 см) были полностью погружены в пол, в центре размещалась округлая лунка диаметром 12 см, глубиной 9 см. Посередине стенки проходила орнаментальная полоска, составленная из двух рядов полуокружностей.

В северную суфу, напротив алтаря, был вмонтирован тандыр, диаметром 67 см, причем один тандыр был вставлен в другой, низ поддувала был на уровне пола, высота его – 12 см, ширина – 8 см.

При вскрытии помещения 2 в заполнении была найдена бронзовая пряжка, каменная формочка для изготовления ювелирных изделий, костяная ручка от ножа и железная панцирная пластинка (рис.).

Щека прохода в западной стене и часть суфы-скамейки у южной стены были прорезаны ямой, опущенной с ВСГ. Предварительно весь керамический материал, полученный из этой ямы, можно датировать XII в.

Второй (первый снизу) период строительства и обживания пом. 2 приходится на 8-й и 9-й яруса. Помещение почти квадратное в плане, с размерами сторон 4,35х4,45 м в южной части, в северной, за счет отрезка западной стены в северо-западной части, удлиняется на 85 см. Суфы охватывают помещение по всему периметру и прерываются только у входа в помещение. Западная стена отстоит от прохода в первое помещение на 1 м. Длина западной стены – 2 м, сохранившаяся высота – доходит до 1 м. От нее во внутреннюю часть помещения отходит Г-образный поворот тамбурной стенки, шириной в один кирпич. В 75 см от северо-восточного угла помещения расчищен хум, который использовался под ташнау. В центре помещения находился глиняный алтарь круглой формы, диаметром 85 см, с центральной лункой, диаметром 12 см и глубиной 10 см. Под ним, через 10 см, расчищен еще один круглый глиняный алтарь, диаметром 50 см, с центральным углублением, диаметром 14-15 см и глубиной 8 см. После снятия остатков этого алтаря, под ним было зафиксировано очажное пятно размером 104х38 см.

В юго-восточном углу входного коридора была расчищена мусорная яма, устье которой начиналось на уровне пятого яруса, то есть она была опущена с уровня СГ2. Яма прорезала восточную стену коридора и полностью уничтожила юго-восточный угол третьего помещения. Диаметр ямы – 1,2 м, глубина – 2,5 м. Из заполнения ямы был извлечен керамический материал, весь комплекс которого, можно датировать XII в.

Помещение № 3 находится к западу от 2-го, и западная стена является общей для двух помещений. Оно прямоугольное в плане, со сторонами 2,35х2,90 м. К южной стене примыкала суфа, шириной 75 см, высотой 70 см. Это помещение выполняло функции туалетной комнаты. В нем расчищено три бадрабных ямы. Устье третьего бадраба расчищено на уровне второго строительного горизонта, а второй и четвертый опущены с третьего строительного горизонта. Бадраб № 4 (диаметром 1 м) расчищен не полностью; он был вырыт, но не функционировал, его заполнение не имеет включений керами-

ческого материала и зеленого оттенка, который обычно указывает на органический характер заполнения. Бадраб № 2 диаметром 1 м и глубиной 2 м, бадраб № 3 диаметром 1 м и глубиной 4 м. Из этих двух бадрабов извлечен комплекс керамического материала, характеристика которого будет приведена в соответствующем разделе.

Уровень, на котором находились бадрабы, был приподнят над уровнем пола и зафиксирован на глубине -495 см от репера. Гребень северной стены помещения № 3 на глубине -409 см от репера. В туалетную комнату вел проход-коридор, находившийся между восточной стеной третьего помещения и западной стеной помещения № 2; его ширина 70 см, он прослежен в длину 1 м, а далее прорезан мусорной ямой № 5, диаметром 1,4 м, расчистка этой ямы не закончена. Яма срезала северную оконечность западной стены третьего помещения и врезалась в капитальную разграничительную стену между вторым и третьим помещениями. Яма № 1 (диаметром 1,40 м) основательно разрушила верхнюю плоскость северной стены, которая являлась общей для помещений № 2, 3, 4.

Во второе и третье помещения можно было попасть через коридор, который находился между двумя стенами южной и северной. Его ширина различна, в восточной части – 1,20 м. Южная стена коридора прослежена в длину 4,5 м; северная – начинается от входа в третье помещение, на расстоянии 1,10 м на запад к ней примыкает пилон, шириной в 50 см и длиной 70 см. Это расширение стены сужает коридор до 70 см.

Над северной стеной коридора зафиксированы остатки второго строительного горизонта. Высота стен сохранилась буквально на один кирпич, и уровень пола на глубине -4,33 м от репера. От западной грани раскопа на восток вскрытая стена имеет длину 1,20 м, затем под прямым углом выступ на 15 см, длиной 64 см, который поворачивает на север. Теперь его ширина составляет 35 см. Пол и сохранившаяся высота стены в один кирпич имеют обмазку из хорошо просеянной глины светло-коричневого цвета. Между пятым и третьим помещениями вскрыто помещение, по всей видимости, общее; из него «Г-образные» коридоры вели в первое, второе и третье помещения. Дальнейшие раскопки позволят уточнить функциональное назначение этого участка.

В северной части прирезанного участка расчищены строительные остатки СГ2. Здесь вскрыты частично два помещения с пахсовыми стенами; одна, толщиной в верхней части 70 см, несколько увеличивалась к основанию. Длина стены не установлена, но она прослеживается по всей ширине раскопа. Другая пахсовая стена отходит в северном направлении, являлась разграничительной стеной между двумя помещениями.

В углах восточного помещения расчищены две хумчи, дно которых было опущено под уровень пола. Хумчи имели высокую цилиндрическую горловину, переходящую в неширокие плечики и шаровидное тулово. К горловине и плечикам прикреплены две пластинчатые ручки округлой формы. Горловина и тулово окрашены плот-

ным черным ангобом, с потеками по тулову. Примерно в середине помещения расчищена площадка, выложенная из фрагментов обожженного кирпича.

Бадраб № 2 перекрывается нижним уровнем пахсовой стены, что указывает на окончательное запустение четвертого помещения. Для строительства вышележащего второго строительного горизонта площадь под него тщательно нивелируется, пространство между стенами нижнего (3-го) закладывается сырцовым кирпичом и дополнительно заливается жидким глиняным раствором, на котором вскрыты частично попавшие в площадь раскопа два помещения с пахсовыми стенами.

Из бадраба была извлечена керамика. Поливная посуда представлена чашами на кольцевом поддоне, с чисто белым фоном под прозрачной глазурью, орнаментированные росписью резервами с точечным заполнением. Подобная посуда датируется X в. Исходя из этих наблюдений, время строительства и обживание нижележащего строительного горизонта (третьего) можно с определенной уверенностью датировать IX в.

Помещение № 4 СГЗ расположено за северной стеной 3-го и 2-го помещений. Стена эта капитальная, толщиной 0,8 м; сохранность в высоту различна, почти в центре она была прорезана поздней ямой; в восточной и западной частях сохранилась на высоту от 1,3 до 1,4 м.

Само помещение – квадратное, со сторонами 4,65х4,65 м. Вход расположен в западной стене помещения. Он отгорожен стенкой длиной около 2 м и толщиной 0,5 м, которая образовывала тамбур-коридор, шириной 0,6 м. По периметру помещения, исключая западную стену, вдоль которой устроен тамбур, располагались суфы, шириной в 0,95 м. У юго-восточного угла суфа имеет округлое очертание и расширена по отношению к другим. К западу суфа сужалась до 0,77 м, и в нее был встроены тандыр с устьем 0,3 м, высотой около 0,5 м. В западной, северной и южной стенах были устроены ниши.

В западной стене, в 1,15 м от юго-западного угла, в 36 см от уровня пола, расчищена арочная ниша. Ее высота составляет 52 см, ширина – 46 см и глубина – 37 см. Контур ниши был обведен плоским налепом шириной 15 см внизу и сужающимся вверху до 7 см (рис. 41). Над вершиной налепной арки ниши также налепом изображен «древовидный» элемент из пяти прямых лепестков, или ветвей. В центре – лепесток длиной 17 см, по сторонам которого, по два лепестка: длина нижнего – 13 и среднего – 16 см. Изображение выполнено прилепленными глиняными жгутами, которые затем были дополнительно обработаны острым инструментом, скорее всего, ножом. Центральная часть каждого отростка углублена, такая же полоска из налепной глины обрамляла контур ниши, которая воспринимается как двухплановая, то есть внешний контур обрамления имеет ступенчатое понижение к внутренней полоске.

Вторая ниша расчищена в 1,05 м от северо-восточного угла в северной стене. Нижний уровень ниши находился на уровне север-

ной суфы. Она квадратной формы, размером 30x30 см и глубиной 25 см. Северная стена, на высоте 1,50 м от уровня суфы, имела выступающий карниз и, видимо, вся стена была оформлена какими-то округлыми налестками.

Тамбурная стенка с восточной стороны имела Г-образный выступ в один кирпич, таким образом, ширина выступа составляла 0,35 м, длина – 0,15 м, а общая ширина суфы в этой части равнялась 0,65 м. Северо-восточный угол тамбурной стенки был оформлен в виде трехчетвертной колонки, что, видимо, подчеркивало особое, не бытовое назначение комнаты. Эта стена, видимо, имела неглубокую нишу, которая начиналась на высоте 75 см от уровня суфы, нижний уровень был оформлен в виде карниза, выступающего от плоскости стены на 2,5 см, высотой 5 см, шириной 9 см. Верхняя часть карниза была заглублена в стену на 6,5 см. Ниша начиналась в 20 см от северо-западного угла, ее длина составляла 1,20 м. В 10 см восточнее выступа, на глубине -590 см от репера, был размещен глиняный подковообразный алтарь, стенки которого, высотой в 15 см, были выведены из сырцового кирпича. Ниже был расчищен алтарь почти квадратной формы с закруглением западной стороны, с центральным углублением диаметром 18 см. Высота алтаря – от 10 до 15 см.

В восточной стене, в 0,6 м от юго-восточного угла, расчищен еще один проход шириной 0,8 м. Порог – на уровне суфы, сам проход вел в помещение № 8 СГЗ.

Поверхность южной стены в восточной части имеет своеобразное оформление. На небольшом расстоянии от юго-восточного угла размещены две полуколонки, которые поддерживают прямоугольный резной фриз. Вся композиция выполнена методом резьбы по сырой глине и налестками, затем покрыта тонким слоем ганчевой обмазки (рис. 42).

При расчистке четвертого помещения было отмечено наличие более 8 уровней полов, которые имели хорошую обмазку, общая толщина их составляла до 25 см.

Последний уровень пола (т.е. первый сверху) связан с частичной перепланировкой. Проход в восточной стене закладывается, и к юго-восточному углу помещения пристраивается суфа-эстрада, округлой формы, переходящая в прямоугольную суфу-тумбу, в которую встраивается тандыр. Уровень пола поднимается на 25-30 см, полностью нивелируется, закладывается сырцовым кирпичом пространство между суфами за тамбурной стеной. Портал, изображенный на южной стене посредством налестков и резьбы, был частично закрыт суфой, в которую был вмонтирован тандыр. Первоначально это изображение и, видимо, все помещение было окрашено в красный цвет, а затем через какой-то промежуток времени покрыто тонкой ганчевой штукатуркой. Уже за порталной частью, позднее при сооружении суфы-эстрады, в стену была вмонтирована ниша.

Отдельное домовладение объединяют 5-е, 6-е и 7-е помещения. Оно вскрыто частично насколько позволили общие границы раскопа.

Рис. 42. Фото лепного декора в ЮВ углу пом. 4 СГЗ

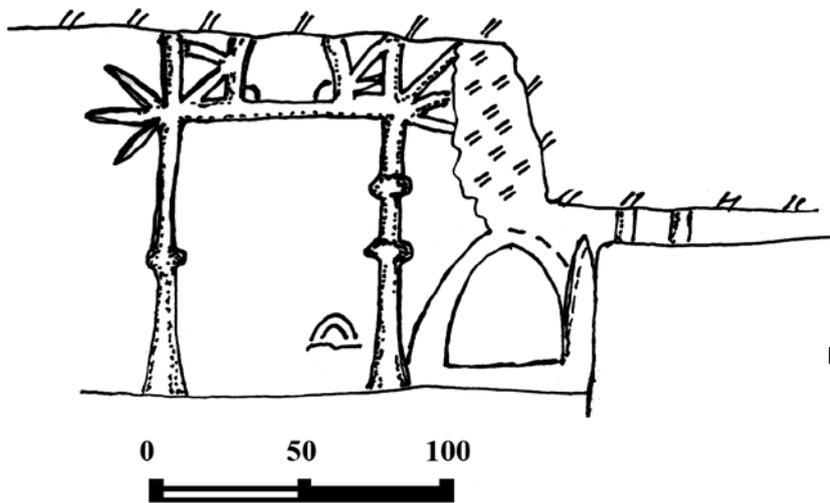

Рис. 42а. Прорисовка лепного декора в ЮВ углу пом. 4 СГЗ

Рис. 43. Расчистка лепного декора в пом. 4 СГЗ

Помещение № 5 расположено за западной стеной первого помещения. Западная стена является общей для первого и пятого помещений, ее ширина составляет 0,8 м, сохранившаяся высота – до 2 м. Помещение вытянутых пропорций, длиной 4,9 м, шириной 2,9 м. По периметру помещения размещены суфы, которые имеют П-образную форму. Ширина восточной суфы составляет 0,6 м, высота – 0,3 м. Плоскость суфы расчищена на глубине -4,30 м от реперной точки, уровень первого пола на глубине -4,37 м. В 1,5 м от северо-восточного угла помещения на плоскости суфы, вплотную примыкая к плоскости восточной стены, размещен выступ, выложенный из одного сырцового кирпича размером 31x20x14 см. Ширина северной суфы составляет 1,2 м. В северо-восточном углу, между двумя суфами, специально вырыта неглубокая ямка, диаметром в 0,5 м и глубиной 0,6 м. Ямка была заполнена костями животных. Западная стена сохранилась на высоту 1,42 м, к ней примыкает суфа, шириной 0,82 м и высотой 0,32 м.

Южная стена сохранилась на высоту более 1 м, ее толщина составляет 0,9 м. Вход в помещение находился в юго-западном углу в западной стене, его ширина – 1,2 м.

С небольшим смещением к востоку, почти в центре помещения, расчищена платформа под алтарь размером 75х82 см, высотой 22 см. Платформа со скругленными углами, на ее поверхности отмечены следы прокаленности, от самого алтарика сохранилось только центральное углубление диаметром около 8 см, заполненное золой.

В самом помещении зафиксирован лишь один период обживания. Следов перестроек не отмечено; заполнение помещения, в основном, зольного характера, что указывает на постепенное заполнение помещения хозяйственным мусором. Юго-восточный угол помещения был прорезан бадрабной ямой, которая врезалась в восточную и южную стены.

При вскрытии данного участка были сделаны следующие стратиграфические наблюдения. Когда помещение перестало использоваться под жилье и было заброшено на какой-то отрезок времени, оно постепенно стало разрушаться, и было тщательно забутовано сырцовым кирпичом для возведения вышележащего строительного горизонта. Остатки второго периода обживания и строительства зафиксированы несколько западнее пятого помещения. Здесь расчищена суфа с встроенным в нее тандыром. Выяснено, что юго-восточный угол пятого помещения был прорезан ямой на глубину 1,10 м (диаметр ямы – 1,0 м). Южная стена также была прорезана ямами, которые незначительно потревожили ее внутреннюю грань. Плоскость северной стены и северную суфу прорезает бадраб, спущенный с уровня СГ2 (диаметр бадраба – 1,6 м, глубина – 3,6 м). При расчистке бадраба была извлечена керамика XI в., которая представлена глазурованными и неглазурованными сосудами.

При разрушении помещения штукатурка с арки дверного проема помещения рухнула вниз и сверху была забутована сырцовым кирпичом, что обеспечило частичную сохранность полихромного орнамента, который украшал арку над входом. Зафиксированный фрагмент росписи размером 35х30 см, выполнен по сырой штукатурке светло-коричневого цвета черной и красной красками. Орнамент геометрического характера. Сохранились две продольные полосы черного цвета с красными полосками, примыкающими с внутренней стороны полосок. Справа от полосок вписан ромбик размером в 20 см, окантовка ромбика – красная. Ромбик делится по диагонали двумя перекрещенными черными линиями на четыре части. Три нижних ромбика заполнены красными крапинами. От углов ромба вниз опущены красная и черная линии, правее черной линии, несколько ниже первого ромба видны следы сплошной ромбовидной фигуры красного цвета. Внизу расчищена выпуклая выкружка арочного проема, также со следами окраски (рис. 40).

За западной стеной пятого помещения расположены пом. № 6 и пом. № 7. Западная стена имеет толщину 0,5 м, сохранившаяся

ся высота – более 1,0 м. Оба помещения вскрыты в пределах границ раскопа.

Помещения 5 и 7 объединены проходом шириной 1,1 м. Предполагаемая ширина помещения № 7 – 2 м, длина осталась невыясненной. Помещение № 7 отделено от помещения № 6 северной стеной, которая является единой для них. Толщина стены 0,5 м, сохранившаяся вскрытая высота – около 0,4 м. Ширина помещения – 2,1 м. Это помещение также вскрыто частично. По наблюдениям, проведенным во время расчистки помещения, оно явно не жилого характера. Но это – предварительное заключение, назначение его будет установлено при полном вскрытии помещения.

Помещение № 7 использовалось в качестве распределительного коридора, который связывал ряд помещений в единый жилой комплекс.

Помещение № 5 могло быть домашним святилищем. На это указывает расположение суф по периметру комнаты, а также наличие платформы под алтарик, а так же размещение помещения в глубине дома.

Помещение № 8 вскрыто за восточной стеной четвертого помещения. В последний период обживания оно было прямоугольное в плане, со сторонами 4,5х3,15 м. Длина западной стены от прохода на юг – 0,5 м, затем она примыкает к южной стене и через 0,7 м к востоку под прямым углом поворачивает на север. Длина выступа 1.1 м, затем, опять же, поворот под прямым углом на восток, и через 1,5 м примыкает к восточной стене, образуя юго-восточный угол помещения. Западная стена является общей для двух помещений, 4-го и 8-го. Проход в восточной стене четвертого помещения, который находился в 67 см от юго-восточного угла, объединял два помещения. Боковые грани южной щеки прохода были скруглены, уровень порога приподнят на 20 см над уровнем южной суфы.

Верхний уровень пола зафиксирован на глубине -560 см от репера. Каково функциональное назначение этого помещения определить трудно, возможно оно использовалось как кладовая или хранилище.

В четвертый строительный период помещение, видимо, увеличивается в размерах. Пока вскрыта в пределах раскопа северо-западная часть помещения, выявлен его северо-западный угол. В северной стене, в 2,2 м от угла, расчищен арочный оконный проем (?), шириной в нижней части 51 см, в верхней 47 см, высотой 45 см на высоте 1,6 м от уровня пола. Первый пол зафиксирован на глубине 6,9 м, второй – 7,1 м от R0.

Таким образом, в результате проведенных археологических работ были частично вскрыты, предположительно, три отдельных домовладения, с квадратными в плане помещениями, и в одном случае, с прямоугольным, со сплошными пристенными суфами с трех сторон. Входы в помещения – «скользящие» отделялись от внутреннего пространства тамбурной стенкой-перегородкой, что находит прямые аналогии с Пенджикентом, где боковые тамбурные проходы ве-

дут в особые домашние «капеллы» с алтарным очагом у одной из стен.¹⁴⁰ Вскрытые нами помещения также следует отнести по функциональному назначению к домашним капеллам. Особо следует отметить разнообразие архитектурных приемов и декора помещений, включающих роспись по сырой глине, алебастровые налесты и штукатурки, окрашивание стен и архитектурных деталей в красный цвет, налесты глиняных жгутов и резьбу по сырой глине, ниши, фризы и т.д. На территории Южного Казахстана, домашние капеллы с алтарями зафиксированы на ряде памятников VIII–X вв., как в домах зажиточной части населения, так и как алтарные помещения культовых комплексов.¹⁴¹ Нам же здесь впервые удалось достаточно достоверно, стратиграфически, проследить и датировать смену напольных алтарей с глиняными бортиками керамическими алтарями. Датировать же СГ4 и 3 следует в пределах VII–VIII вв. по находке тюркешской монеты, железных панцирных пластин и квадратных с прямоугольной прорезью наременных накладок. Как известно пояса с такими накладками распространились в Средней Азии в эпоху Второго каганата.¹⁴² Дальнейшие археологические работы следует направить на расширение Раскопа 1 в западном и северном направлении, что позволит полностью вскрыть отдельные домовладения по уровню СГ3 и поможет получить представление о планировке домов, жилых массивов и застройке шахристана в целом.

¹⁴⁰ Воронина В.Л. Городище древнего Пенджикента как источник для древней истории зодчества. АН. Вып. 8. Москва, 1957, Рис. 4а.; А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 4.

¹⁴¹ Смагулов Е.А. Сидакский культовый центр в системе межрегиональных связей // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Мат-лы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008, с. 378-408.

¹⁴² Распопова В.И. Металлические изделия из Пенджикента, находки 1972-1999 гг. СПб., 1999, с. 25; Торгоев А. И. О хронологии наременных украшений Семиречья // Степи Евразии в древности и средневековье. кн.2, СПб, 2003, с. 287.

глава 3

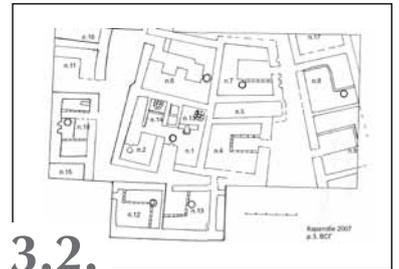
Итоги работ на раскопах 2 и 3. Шурфы

3.1.

142 Раскоп 2: первые загадки

3.2.

150 Раскоп 3: несбывшиеся надежды

3.3.

166 Стратиграфические шурфы: когда «переехал» город

3.1. Раскоп 2: первые загадки

В центральной части цитадели явно выделяется холм, округлой формы с пологими склонами, диаметром примерно в 40-60 м, на котором расположена наивысшая точка городища (здесь ранее был установлен тригопункт). Логично было предположить под этим холмом развалины наиболее высокого и репрезентативного в застройке цитадели сооружения. В юго-западной четверти этого холма был заложен раскоп 2 площадью 20x15 м (рис. 1). Длинные стороны раскопа ориентированы по направлению 3-В; за R0 принят самый высокий СВ угол раскопа.

Первоначальной задачей раскопа было исследование архитектурных сооружений верхнего строительного горизонта (ВСГ), развалинами которых, как предполагалось, и является данный холм, оценка сохранности строительных конструкций, их перспективности для последующих исследований, консервации и музеефикации. Но как показали раскопки, под центральной частью этого холма, т.е. на большей части площади раскопа, полностью отсутствуют какие-либо строительные конструкции. Сам же холм, в его центральной части, сложен исключительно из зольно-мусорных слоев, различных по цвету и составу.

После начала послойного (20-25 см) вскрытия на уровне 1-го и начала 2-го яруса лишь вдоль длинной южной стороны раскопа (южная и западная бровки раскопа наиболее удалены от центра холма) зафиксированы углы двух помещений явно жилого харак-

Рис. 1. Наивысшая точка на цитадели Каратобе. Начало Р2

Рис. 2. Раскоп 2 по уровню ВСГ. 1-3 яруса

тера. Стены и перегородки сложены из кирпича-сырца размерами 35-36x16-18x9-10 см. Большая часть помещений оказались за бровкой раскопа, т.ч. невозможно охарактеризовать детали их планировки (рис. 2).

На всей остальной площади раскопа, на глубину до середины 4 яруса вскрывались наклонные слои и прослойки золисто-мусорного характера. В зависимости от степени насыщенности золой и органикой, они имеют разный цвет и плотность. Эта странная ситуация дает основание предположить, что сюда, а это фактический центр «цитадели», в течение продолжительного времени, жители ближайших домов сносили мусор из своих жилищ, так что на этом месте образовался внушительный холм. В настоящее время уровень поверхности этой «общегородской свалки» выше уровня полов жилищ последнего периода жизни города! В мусорных слоях обилие золы, углей, костей и битой керамики (глазурованной и неглазурованной). Столкнувшись со столь странной стратиграфической и планиграфической ситуацией, пришлось переориентировать задачи раско-

па 2. Очевидной стала необходимость выяснить – почему городская свалка мусора оказалась в центральной части города, с какого времени здесь стали накапливаться мусорные слои, и что под ними скрывается?

С уровня середины 4 яруса вскрытие мусорных слоев по всей площади раскопа приостановлено, углубление в нижележащие слои продолжено лишь в СВ и СЗ углах, в виде двух шурфов площадью по 10 м² (4х2,5 м). При этом отметим, что СВ угол раскопа расположен фактически в центре холма, рядом с местом бывшего тригопункта. На плане эти шурфы обозначены как «ш.2.1» и «ш.2.2» (рис. 3).

Каратобе 2006, раскоп 2.

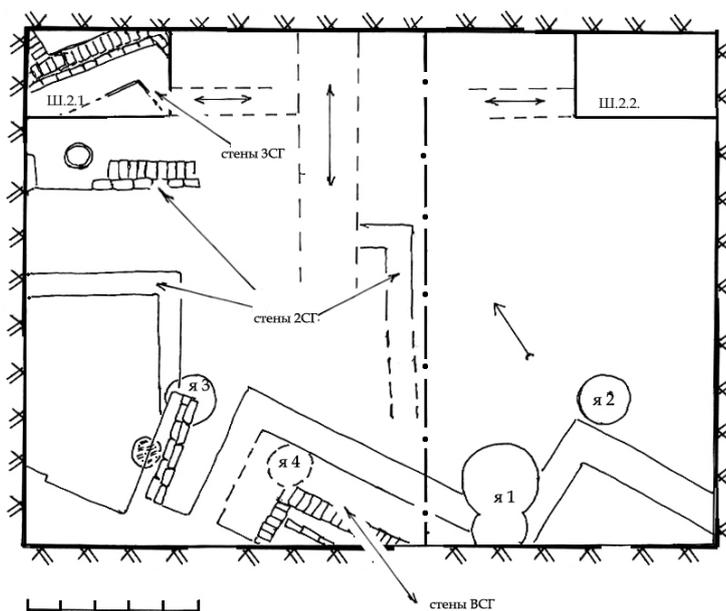
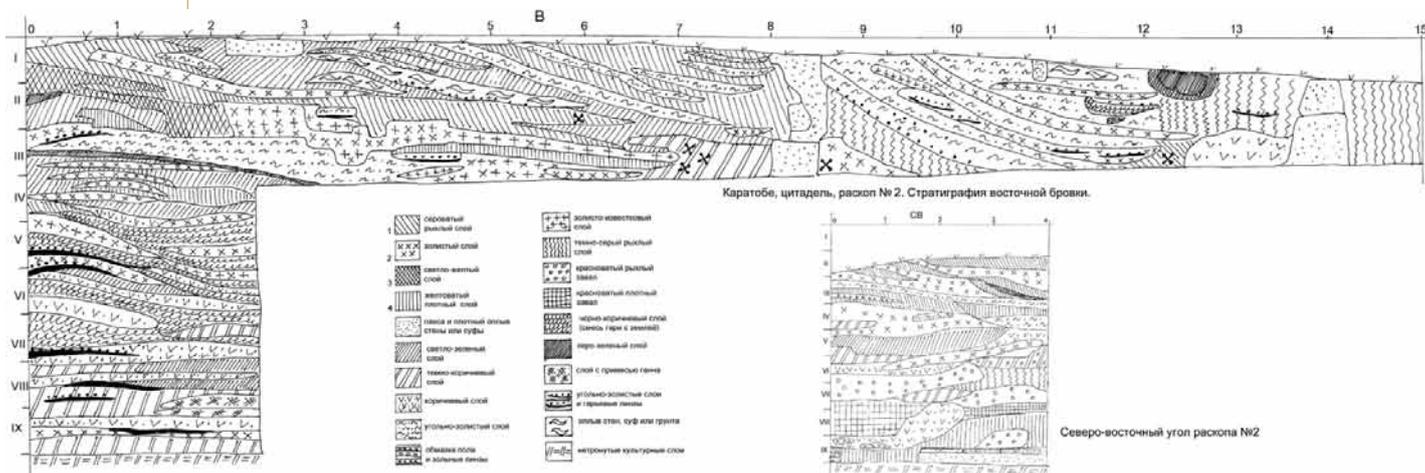

Рис. 3. План и разрез раскопа 2

В СЗ шурфе (ш.2.1), до уровня 8 яруса, продолжали идти золисто-мусорные слои с костями и керамикой (рис. 4, 5), а на глубине 3,8 м от R0 пошел желтоватый слой развала сырца; в 9 ярусе выявилась кладка сырцовой стены, идущей поперек шурфа, по направлению З-В. Стена толщиной 0,84 м, сложена из крупноформатного, довольно плотного кирпича-сырца (40x22x10см) желтого или серого цвета. Поверхность стены имеет многослойную обмазку из толстого слоя желтой глины и поверх нее тонкую штукатурку белым ганчем, зафиксированную на глубине 9 яруса (рис. 6).

На участке, прирезанном к СЗ шурфу (ш.2.1) в 7,3 м от северной бровки (т.е. почти посередине раскопа), на уровне основания 4 яруса, выявлена стена в один ряд желтого сырца, идущая перпендикулярно западной бровке. Ее неровная северная поверхность не имеет обмазки. Длина – 4,3 м, далее она поворачивает на ЮЗ, образуя угол в 90° (рис. 7, 8). Очевидно, это угол некоей постройки (возможно, двора), основная площадь которой оказалась за ЮЗ и СЗ бровками раскопа. Расчистка внутри этого угла, до уровня основания стены, не выявила каких-либо строительных конструкций. Ориентировка стен этой постройки, уровень залегания основания свидетельству-

Рис. 4. Бровка в СЗ углу шурфа 2.1

Рис. 5. Бровка в СЗ углу шурфа 2.1. Нижняя часть

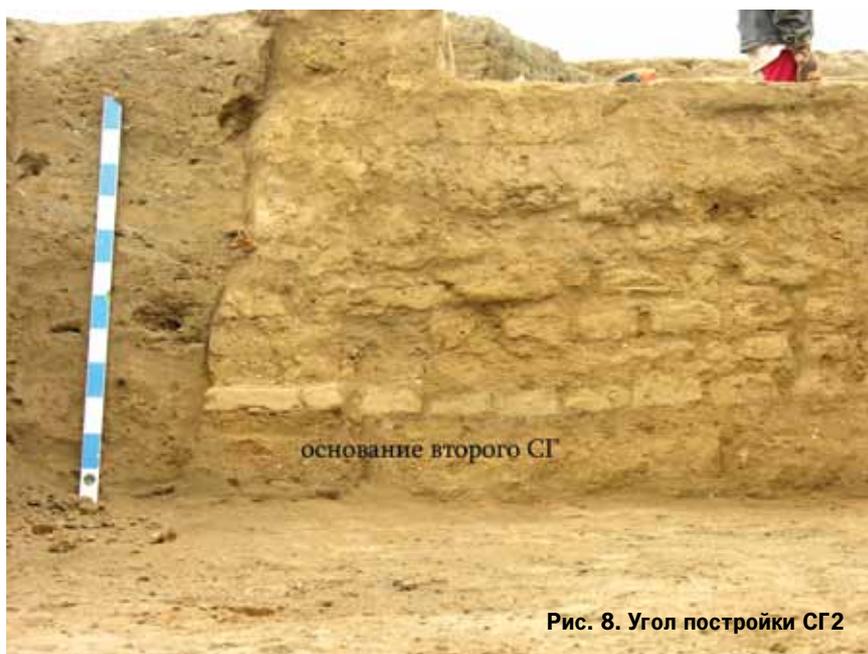

Рис. 6. Стены СГ3 в шурфе 2.1

Рис. 7. Раскоп 2 по уровню основания СГ2

ет, что это – остатки более раннего (предшествующего), чем ВСГ строительного горизонта (СГ2). Расчистка примерно половины (западной) первоначальной площади раскопа 2, до уровня основания этого второго строительного горизонта, показала, что с ним связаны также стены, расположенные к северу и востоку от угла. Они параллельны стенам, образующим угол, залегают на том же уровне. Возле северной стены расчищен развал тандыра, в котором обнаружены обломки кухонных котлов и горшка. Заполнение пространства между этими стенами представляет собой все те же наклонные мусорно-золистые прослойки, но происходящая из них глазурованная керамика (из 4-7 ярусов) имеет уже явно иной характер и качество полихромных росписей (рис. 9, 10).

Шурф 2.2 (ш.2.2 на рис. 46) до глубины конца 9 яруса (4,3 м) прошел через многослойную пачку зольно-мусорных слоев (рис. 11), так и не выявив пока каких-либо строительных конструкций. Здесь, так же как и в западной части раскопа, явно заметно изменение декоративных свойств глазурованной керамики, происходящей из 4-8 ярусов.

Полученные стратиграфические данные и наблюдения по раскопу 2 на цитадели городища Каратобе пока можно обобщить следующим образом. Строительные конструкции ВСГ выявляются лишь по южной и западной окраине холма, и они по стратиграфическому положению (1-2 яруса) и по внешнему облику (стены, суфы, очаг, ямы-бадрабы) представляют собой фрагменты рядовой жилой застройки, как бы окаймлявшей центральный участок, занятый слоистой мусорной свалкой. На более широкой площади застройка этого горизонта исследована в раскопе № 1 в южном углу цита-

Рис. 9. Кувшин с уровня 4 яруса P2

дели. С этим строительным горизонтом связан комплекс своеобразной керамики небрежного художественного исполнения, но с «позднекараханидскими» реминисценциями. На уровне 4 яруса появились верхушки развалов стен 2 строительного горизонта (СГ2). Углубление вдоль них показало, что основание стен угла какой-то постройки (рис. 8) залегает на уровне середины 7 яруса, т.е. сохранность стен этого СГ2 около 1,2-1,4 м. К этим стенам прилегают мусорные слои с глазурованной керамикой уже явно «караханидского облика». Ну и третий, пока самый нижний, строительный горизонт намечен нами в 8-9 ярусе шурфа 1.1 (рис. 6). Вскрытие этого горизонта – дело будущего.

В дальнейшем же предстоит разработка и уточнение более дробной хронологии слоев (строительных горизонтов) Каратобе и выявление комплексов связанных с ними массовых находок. Пока же отметим, что наиболее значительные работы по исследованию стратиграфии синхронных каратобинским слоев были проведены в свое

Рис. 10. Глазурованная керамика характерная для уровня 5-8 ярусов

**Рис. 11. Профиль СВ бровки
в шурфе 2.2**

время на городище Отрар. В раскопе III, на шахристане городища, на площади около 300 м² Л.Б. Ерзаковичем было вскрыто несколько жилых комплексов (домов), выделенных в отдельный синхронный строительный горизонт V¹⁴³ (V СГ). При этом получен значительный керамический и нумизматический материал, который позволил обосновать его хронологию.¹⁴⁴ За верхнюю дату V строительного горизонта принята середина XIII в., а

¹⁴³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV веков. Алма-Ата, 1987, с. 35.

¹⁴⁴ В дальнейшем описании материалов раскопок на Отраре почему-то отсутствует описание комплекса керамики V строительного горизонта. Опубликована лишь одна табличка с рисунками четырех сосудов и краткая характеристика комплекса. Из характерных признаков этого комплекса отмечены «конусовидность» открытых форм сосудов, гравированный подглазурный орнамент, локальное расположение орнамента (?), наличие разноцветных пятен на светлом фоне. Отмечена его близость керамике XII в. Карабулака и Шаша (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV веков., с.17, рис. 3. с.18).

нижняя, вероятно, отнесена к началу XII в.¹⁴⁵ Вскрытый участок плотно застроен жилыми и хозяйственными помещениями. Основным строительным материалом является сырцовый кирпич формата 42-45x20-22x10 см. Для жилых помещений характерны высокие суфы с устроенными в них тандырами (с «поддувалами»), керамические алтари, установленные на уровне полов или суф и декорированные штампованным орнаментом, в отдельных небольших помещениях санитарные устройства в виде специальных керамических «ванночек» с невысокими бортиками, со сливом воды в поглотительные ямы-колодцы. В строительном горизонте зафиксированы до 3-4-х уровней полов, связанных с ремонтами и перепланировками.¹⁴⁶ На предпоследнем уровне пола повсеместно отмечены следы большого пожара, который авторы раскопок, предположительно, связывали с пожаром 1220 г., т.е. с пожаром, вызванным монгольским завоеванием Отрара.

В следующий (IV) вышележащий строительный горизонт объединены слои общей толщиной до 2,3 м. Он представлен также несколькими строительными периодами, в двух из них зафиксированы сильные пожары по всей площади раскопа. Этот горизонт датирован в целом «последней третью XIV–2-й пол. XV в.». При этом отмечено, что существует хронологический разрыв между V и IV строительными горизонтами, который составляет «более полувека».¹⁴⁷ Из IV строительного горизонта происходит яркий комплекс своеобразной керамики, отдельные экземпляры которой, позже были отнесены к XIII–XIV вв.¹⁴⁸

3.2. Раскоп 3: несбывшиеся надежды

Раскоп 3 был заложен примерно в середине восточной части шахристана Каратобе, в нескольких метрах от склона холма, под которым предполагаются остатки оборонительной стены. При выборе места было обращено внимание на обилие здесь плоских камней, которые обычно используются в качестве опор для колонн, поддерживавших перекрытия помещений, в отмостке порогов, выкладке фундаментов, полов и т.д. (рис. 12).

Раскоп в виде прямоугольника 15x30 м вытянут с юга на север и пронивелирован относительно условной нулевой отметки, за кото-

¹⁴⁵ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV веков..., с.19.

¹⁴⁶ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV веков..., с. 35-43.

¹⁴⁷ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV веков..., с.30. Возможно здесь опечатка, т.к. от «середины XIII в.», верхний рубеж V СГ, до «последней трети XIVв.», нижний рубеж IV СГ, должно пройти «более века».

¹⁴⁸ Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. Отрарский оазис. Альбом. Алматы, 2005, с.168-177. «Передатировка» строительных горизонтов отрарской хронологической шкалы, которая является опорной для всего региона, похоже, произведена без должного обоснования (Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. Отрарский оазис. Альбом..., с. 22).

Рис. 12. Участок раскопа 3 до начала работ

рую был взят юго-восточный угол. Полученный материал фиксировался по ярусам и по уровням полов. После снятия верхнего слоя на один штык (25-30 см), который состоял из рыхлого надувного леса и зачистки поверхности, была выявлена планировка помещений. Планировка читалась по штукатурке стен желтовато-красного цвета, кирпичному каркасу суф, уплотненной структуре стен и др. признакам (рис. 13). Первый строительный горизонт начинался в первом ярусе и заканчивался уровнями полов на глубине 1,15-1,20 см от уровня реперной точки.

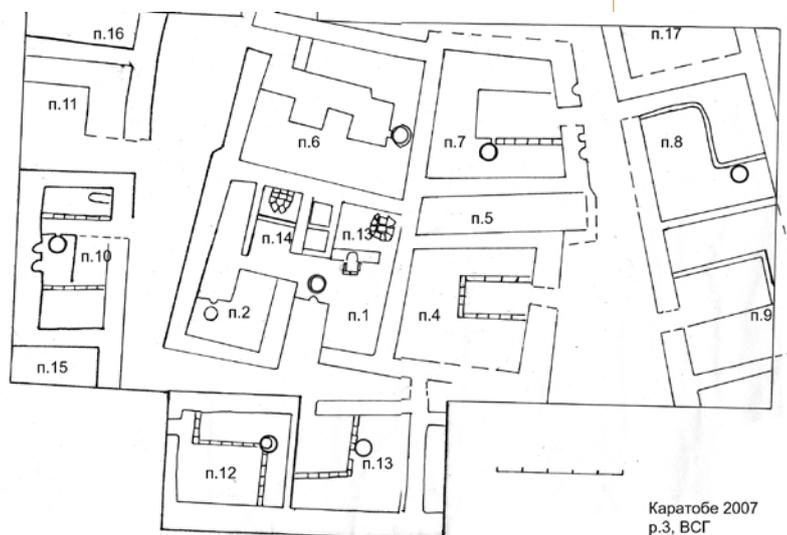

Рис. 13. План раскопа 3

В результате проведенных раскопочных работ выявилась полностью или частично планировка отдельных домов, объединенных в массивы сплошной застройки. При описании отдельных домов, в тексте будет дана нумерация помещений, которая проставлялась по мере вскрытия объектов.

Дом 1 состоит из одного помещения (пом. 10), прямоугольного в плане размером 5,7х2,8 м. С трех сторон к стенам пристроены суфы; к восточной и южной стенам примыкает «Г-образная» суфа. Ширина восточной суфы – 2 м, южной – 1,2 м. У западной стены ширина суфы – 1,2 м. Сохранившаяся высота суф – 50-55 см.

В северо-западном углу помещения в суфу вкопан очаг продолговатой формы, с овальными углами размером 1,1х0,4 м. Глубина очага – 0,45 м. Стенки очага сильно прокалены, что указывает на длительное его использование. К югу от очага расчищен камень размером 0,4х0,4 м, со сквозным отверстием в центре. Этот камень служил основанием (базой) столба (колонны), поддерживающего перекрытие помещения.

В южную суфу вмазан тандыр диаметром 0,4 м. Сохранившаяся высота – 0,5 м; венчик не сохранился. Внутренняя поверхность орнаментирована: продольные полосы, шириной 10 см, по диагонали разделены на треугольники. Вторая полоса заполнена квадратами с вписанными треугольниками, заполнение полос чередуется. Орнамент выполнен двумя параллельными врезными линиями.

Поддувало тандыра округлой формы, диаметром 0,16 м. С обеих сторон поддувала выступают пилоны и, таким образом, оно как бы утоплено в суфу. В южной стене помещения, почти в юго-восточном углу, вскрыты два очага, ширина восточного – 0,35 м, глубина – 0,4 м; в 0,3 м западнее, расчищен второй очаг шириной 0,25 м, глубиной 0,35 м. На суфе, у восточной стены, зафиксирована каменная база для опоры столба, поддерживающего перекрытие.

Выход из дома, видимо, находился в северной стене и вел на узкую улицу. Уровень пола зафиксирован на глубине 1,1 м от дневной поверхности. Пол с включением мелких угольков, пятен золы хорошо утрамбован. Восточная и западная стены помещения шириной 0,5 м, южная и северная – 1,0 м. Стены пахсовые, края суф обложены сырцовым кирпичом размером 31-32х15-16х7-8 см; внутреннее пространство забутовано строительным мусором. Боковые поверхности суф и стены имеют следы штукатурки из глины светло-оранжевого цвета с примесью самана.

За восточной стеной первого дома, частично в пределах раскопа, оконтурено помещение площадью 1,5х3,5 м. Западная стена помещения была общей и отделяла один дом от другого. На уровне ВСГ, видимо на суфе, были найдены половина каменного жернова, диаметром 47 см, с круглым сквозным отверстием в 8 см, подчеркнутым приподнятой на 0,5 см концентрической полосой, шириной в 2 см, и кувшин весьма оригинальной формы, с покатыми шаровидными плечиками, переходящими в коническое тулово и плоское дно. В плечиках, сбоку, проделано круглое отверстие, к которому затем

была прикреплена горловина, заканчивающаяся прямым венчиком. Венчик отделен от горловины выпуклым концентрическим валиком, под которым крепился один конец плоской в сечении коленчатой формы ручки, другой конец прикреплялся к центру сосуда. Кувшин был орнаментирован росписью ангобной краски красноватого цвета.

К западу от первого дома, в пределах раскопа, оконтурено помещение 11. Его ширина – 4,4 м, вскрытая длина – 4,2 м. Стены пахсовые, шириной 0,6-0,7 м; сохранившаяся высота от поверхности суф 15-20 см. Восточная стена общая для двух домов. К северной и западной стене примыкали суфы «Г-образной» формы, ширина северной суфы – 1,5 м, западной – 1 м. Вход в дом находился в северной стене дома, левой щекой которого была восточная стена, и вел на улицу, которая отделяла один квартал от другого.

Западнее помещения 11 вскрыто помещение 16, площадь которого составила 4,0x1,4 м.

Исходя из полученных данных, вскрытая часть квартала состояла из четырех домов вытянутых по одной линии. Скорее всего, все дома были однокомнатными, с выходом на улицу. Дома имели тандыры и внутрстенные камины.

Дом 2 расположен севернее первого, они отделены друг от друга улицей, ориентированной по линии восток-запад. Ширина улицы в западной части – 1,5 м, с расширением до 3,5 м в восточной части, длина в пределах раскопа – 15 м. Дом состоит из одного помещения прямоугольного очертания (пом.6), размером 7,2x5,8 м. К трем стенам комнаты пристроены суфы, края которых обложены сырцовым кирпичом размером 31-32x15-16x7-8 см. Западная суфа шириной 1,5 м, «Г-образной» формы; ширина северной суфы – 1,32 м. Примерно в центре суфы расчищен тандыр, диаметром 0,6 м, высотой 0,7 м, орнаментированный вертикальными полосами шириной 14 см, отделенными друг от друга десятью параллельными линиями, которые составляют полосу шириной в 3 см. Широкие полосы заполнены волнистыми линиями в виде цепочки, прочерченной десятью параллельными линиями.

По сторонам от отверстия тандырного поддувала суфа слегка расширяется, образуя два как бы пилон. Восточный пилон – 0,42 м, западный – 1,1 м, выступают на 0,15 м; в плоскости между пилонами, шириной 25 см, находилось поддувало. Суфа, шириной 1,2 м, примыкала к западной стене. В северной части она имела «Г-образный» выступ, который расширял ее плоскость на 0,3 м, длина выступа – 0,9 м. Южная боковая поверхность суфы исполняла роль перегородки перед выходом из дома и вместе с южной стеной, ограничивала коридор, шириной в 1 м.

Интерьер восточной суфы оформлен двумя пилонами. Первый пилон длиной 1,1 м, отстоит от северной суфы на 1,44 м, ширина суфы в этой части – 2 м, пилон выступает на 0,9 м. Этот пилон отделял суфу с тандыром от основного помещения и служил конструктивным приемом для выделения кухонной части помещения. Суфа вместе с пилоном шириной 3 м. Далее на длину в 1,5 м суфа умень-

шается в ширине, затем опять пилон шириной в 1 м, длиной 1,4 м, который примыкает к южной стене.

Таким оформлением интерьера восточной стороны помещения решается вопрос разграничения большого пространства, путем его членения при помощи пилонов, тем самым отделяется хозяйственная часть дома от жилой. Южная стена имеет частичную облицовку боковой поверхности жженым кирпичом. В юго-западном углу южной стены расчищен выход из дома, ведущий на улицу, ширина прохода составляет 0,8 м.

Пол зафиксирован на глубине 1,5 м от дневной поверхности. На полу у тандыра, расчищена частичная отмостка пола крупным галечником и фрагментами жженого кирпича. С восточной стороны выявлена частично сохранившаяся крышка тандыра и извлечены фрагменты кухонного котла. Пол достаточно плотный, частично сохранилась обмазка. Боковые стороны суф выложены сырцовым кирпичом. Стены пахсовые. Южная стена сохранилась на высоту до 1 м от уровня пола, ее толщина – от 0,8 до 1 м. Восточная, северная и западная стены, шириной 0,6-0,8 м, зафиксированы благодаря плотности глины и хорошо видны на поверхности. Верхний уровень суф не сохранился, высота их от поверхности пола – 0,5-0,7 м.

Таким образом, вскрытый дом состоит из одного большого помещения, разграниченного при помощи пилонов на хозяйственную и жилую части.

Дом 3 находится к востоку от второго дома. Он состоит из двух жилых помещений. Первое, самое большое помещение 1 квадратное в плане, размером 3,8х3,8 м (рис. 13). Южная и западная стены дома оформлены суфой «Г-образной» формы. Боковая поверхность суфы выложена сырцовым кирпичом в один ряд и покрыта многослойной штукатуркой толщиной до 7 см. Южная суфа шириной 2,2 м, западная – 1,7м. В центре западной суфы встроен тандыр, который сохранился полностью. Внешний диаметр венчика – 56 см, внутренний – 35 см. Внутренний диаметр тулова тандыра 65 см, высота – 65 см. Венчик имеет плоскую широкую закраину в 9 см, которая переходит в неширокий выступ для крышки, ширина выступа 2 см. Внутренняя поверхность стенок тандыра разделена на вертикальные плоскости, шириной 8 см, четырьмя параллельными линиями. Эти плоскости разделены косо прочерченными линиями на ромбы. Длина сторон ромба – 18 см, общая длина – 36 см, ширина по центру – 8 см. Рядом с тандыром на суфе лежала крышка. Крышка – плоская, диаметром 36 см, сформована из темной хорошо отмученной глины с большим включением шамота и дресвы, ручка грибовидной формы высотой до 15 см, с конусовидным завершением. Поддувало тандыра, диаметром 10-12 см, находилось на высоте 8 см от уровня пола, оно было закрыто пробкой, в качестве пробки, использована ручка другой крышки с конусовидным завершением (рис. 14). Отверстие поддувала расположено на уровне пола, на плоскости шириной в 22 см, которая обрамлена с двух сто-

Рис. 14. Тандыр в суфе пом.10

рон пилонами, выступающими на 10-12 см. Высота суфы от уровня пола – 65 см.

В северном углу западной стены расчищен проход шириной в 70 см, который вел в помещение 3. Оно – ромбовидное в плане, длиной 2,4 м, шириной в южной части 1,9 м, в северной – 1,3 м.

Северная часть помещения занята суфой, шириной – 1,2 м, высотой – 0,4 м. В этом помещении было ташнау, выложенное из плоских камней, с пятиугольной верхней площадкой (25x20x10x26x8 см). Сливное отверстие также прямоугольной формы (24x20 см). Для сбора воды рядом с ташнау была выкопана яма. На ташнау лежал хум, в котором, видимо, хранилась вода. Венчик хума, горловины и тулово покрыты красным ангобом с потеками по стенкам тулова.

В 1,6 м от северо-западного угла помещения, в западной стене расчищен камин, который на 37 см встроен в стену, ширина его – 36 см. Возле камина расчищена «предкаминная площадка» квадратной формы, размером 36x36 см, выложенная из жженого кирпича прямоугольного формата 24x19x5 см, поставленного на ребро. Кирпичи, которые оформляли площадку в стене, были целыми, а те которые использованы для оформления площадки, разделены на половинки и на 10 см выступали над поверхностью суфы. Представляет интерес оформление западной стены. Через 0,7 м к югу от камина стена заканчивалась, к ней под прямым углом была пристроена стенка-перегородка, которая являлась общей для двух помещений. К этой стенке-перегородке, шириной в один кирпич, были пристроены два закрома размером 0,8x0,8 м. Эта стена примыкала через 2 м к западной стене, которая являлась общей для двух домов. У юж-

ной стены закровом находилось второе ташнау (пом. 14), относящееся к блоку 2 этого дома.

Ташнау было устроено в узком помещении, ограниченном с южной и северной сторон стенами, сложенными из сырцового кирпича в один ряд. Длина южной стены – 2,8 м, ширина – 20-25 см. Эти две стены пристроены к западной пахсовой стене, они ограничивали пространство, прямоугольное в плане, размером 2,8х1,6 м, которое разделено пополам. Западную часть помещения размером 1,6х1,2 м заняли под ташнау. Эта часть поднята над уровнем пола на высоту 0,5 м. В центре помещения, вплотную к западной стене, сооружается резервуар из больших камней и фрагментов жженого кирпича. Первый ряд имеет большой уклон к центру. Этот резервуар пятиугольной формы, с размером сторон 26х25х15х18х20 см. Прямая западная сторона оформлена жженым кирпичом, поставленным несколько наклонно, одной стороной он упирается в пол ташнау, другой – в стену. Второй и третий ряды также выложены из целого и фрагментов жженого кирпича размером 29х16х4 см. Площадка, в которой находится сливное отверстие, выложена жженым кирпичом. Сливное отверстие – прямоугольной формы, размером 11х3 см, уходит под нависающий камень первого ряда. Общая глубина ташнау до сливной площадки – 26 см.

Третье помещение (пом. 2) прямоугольное в плане, размером 6,4х3,0 м. Его восточная и северная стены оформлены суфой «Г-образной» формы. Ширина суфы – 1,5 м, сохранившаяся высота от уровня пола – 0,6 м. Примерно в центре восточной суфы расчищен тандыр. Венчик тандыра не сохранился. Диаметр тулова тандыра – 70 см, диаметр верхней части – 53 см. Поддувало находится с восточной стороны на глубине 55 см от сохранившейся поверхности суфы, его диаметр – 10 см, оно закрыто пробкой. В качестве пробки опять-таки использована ручка большой крышки. Поддувало находится на плоскости шириной 27 см, которая с двух сторон подчеркнута выступающими на 10 см пилонами. Оригинально оформленные внутренней поверхности тандыра. Орнамент расположен по горизонтали полосами шириной 25 см. В полосах вписаны фигурки, напоминающие летящих птиц или своеобразные треугольники, нижний, острый угол треугольника прочерчен одной глубоко вдавленной линией, две другие стороны треугольника переходят в завиток во внешнюю сторону, выполненный тремя параллельными линиями. Завитки переходят в острый угол треугольника и т.д. В пространстве между острым углом и расходящимися завитками также вписаны треугольники.

На полу, в 35 см к западу от суфы, находился очаг диаметром 60 см, высотой 20 см, который был углублен пол на 5 см. «Приочажная площадка» – полукруглая (50х20 см), углублена в пол на 25 см. «Вход» вглубь очага на 40 см выложен фрагментами жженого кирпича. Очаг вокруг был также выложен жженым кирпичом, один ряд обкладки сохранился на высоту в 25 см от уровня дна очага.

Несущие стены помещения сложены из пахсы, сохранность их

различна. Ширина северной стены составляет 0,8 м, сохранилась она на высоту 84 см от уровня пола и является общей для первого и второго помещения. Дом перестраивался дважды. Первоначально он имел одно большое помещение размером 7,6х 6,4 м, разделенное на две половины, жилую и хозяйственную, сырцовыми стенами. Толщина стены-перегородки – 80 см, длина – 3 м.

Затем проводятся ремонтные работы. Второе помещение выделяется в отдельное узкое помещение. К западной стене, на расстоянии 1 м от южной стены, пристраивается перегородка, которая выделяет отдельную комнату. Проход, шириной в 80 см, оставленный между новой стеной и западной боковой плоскостью суфы, ведет в помещение, где находится ташнау. К северной стене ташнау пристраиваются два закрома, а между закромами и северной стеной возводится западная стена, комнату за которой используют под ташнау для жителей первого помещения.

В западную стену встраивается камин, а с северной стороны пристраивается «Г-образная» суфа с тандыром. Проход оставлен между стеной-перегородкой первого периода и вновь построенными закромами, ширина его – 1 м. Широкий проход в 1,5 м был в восточной стене, одной щекой служила южная стена помещения, он вел в длинный коридор прямоугольной формы 8,3х1,5 м. Из этого помещения был выход на юг, на неширокую улицу, отделяющую один жилой квартал от другого.

Дом 4 вскрыт полностью. Он – прямоугольный в плане, размером 9х4 м, состоит из двух помещений. Первое помещение (пом. 13) – подквадратное в плане, размером 4,4х3,8 м, обрамлено с двух сторон суфой, «Г-образной» в плане. Ширина северной суфы – 2 м, восточной – 1,3 м. Высота суфы – 0,7 м от уровня пола. В северную суфу встроены тандыры, его сохранившаяся высота – 0,65 м, венчик не сохранился, диаметр тулова – 0,5 м. Поддувало прямоугольной формы (15х10 см) расчищено на уровне пола. Оно было закрыто фрагментом жженого кирпича, который использовали вместо пробки. Верхний пол находился на глубине 1,5 м от уровня дневной поверхности, глубже на 15 см – второй пол и через 10 см – третий. На втором уровне пола, примерно в центре помещения, расчищено небольшое сливное устройство типа ташнау. Оно устроено следующим образом. В пол вмазано дно дастархана со сквозным отверстием в центре, дастархан поставлен так, чтобы отверстие совпало с горловиной кувшина, который использовался как резервуар для воды. Кувшин типа кумгана был орнаментирован ангобной раскраской. Выход из помещения находился в западной стене, в юго-западном углу, он вел в коридор, а из коридора на улицу. Коридор длиной 9 м, шириной в северной тупиковой части 0,7 м, у выхода на улицу в южной части – 1,6 м, являлся общим для двух домов, 3-го и 4-го. Второе помещение (пом. 12) находится к югу от первого и отделено от него, как указывалось выше, общей стеной-перегородкой, шириной в один кирпич. Она не была опорной и поэтому усиливалась путем приставки двух плоских опорных камней, впритык к сте-

не, таким образом, вместе со стеной и опорными столбами, могла выдержать перекрытие дома. Помещение прямоугольное в плане (3,8x3,4 м). Вдоль северной и западной стен устроены суфы; северная суфа шириной 1 м, западная – шириной 1,4 м; сохранившаяся высота суф – 0,8 м. Пол расчищен на глубине 1,5 м от дневной поверхности. Дверной проем, зафиксированный в южной стене, ближе к юго-западному углу, имел ширину в 0,7 м и вел, видимо, на улицу, проходящую рядом. Эта часть находится за границей раскопа. В северной суфе, в западном углу, расчищен тандыр. Венчик тандыра не сохранился. Диаметр тулова тандыра – 0,5 м, высота – 0,55 м, поддувало продолговатой формы, размером 10x8 см, находится несколько ниже уровня верхнего пола. Этот тандыр более раннего строительного периода, так как был перекрыт суфой на 20 см, затем пристраивается западная суфа и тандыр оказывается замурованным двумя суфами. Внутренняя поверхность тандыра орнаментирована. Орнамент прочерчен по сырой глине до обжига гребенкой с пятью зубчиками наклонными полосами шириной 7-8 см, которые образовывали сплошное ромбовидное заполнение внутренней плоскости. Сторона ромба – 8 см, длина – 16 см, ширина по центру – 7 см. Западная, восточная и южная стены помещения являются опорными, они возведены из пахсы. Сохранившаяся высота их достигает 80 см от уровня пола, ширина 60-70 см, они покрыты штукатуркой. Суфы имеют обкладку из сырцового кирпича указанного выше размера. Верхний пол расчищен на глубине 1,20 м от уровня дневной поверхности, второй пол – через 10 см. Полы хорошо утрамбованы, местами сохранилась глиняно-саманная обмазка, на полу – угольки и незначительное количество фрагментов керамики. В этих помещениях отмечены перестройки, они осуществлены следующим образом. Первоначально это было одно большое помещение с проходом в западной стене, который вел в общий коридор между двумя домами, 3-м и 4-м. К северной стене, на всю ее длину была пристроена суфа с тандыром. Затем помещение поделили на две части кирпичной стеной и к ней, с северной стороны, пристроили суфу с тандыром. В южной стене прорубили проход на улицу. К восточной стене помещения № 13 пристроили узкую суфу-скамейку и в центре устроили небольшое сливное устройство – ташнау. Последний этап перестройки выглядит следующим образом. Суфа-скамейка в помещении №13 увеличивается в размере, ее ширина становится 1,2 м, сливное устройство перекрывается уровнем пола. В помещении № 12 к западной стене пристраивается суфа, которая южной щекой образует узкое пространство перед выходом на улицу, северная суфа поднимается выше и перекрывает тандыр, необходимость в функционировании его отпадает и он замуровывается двумя суфами. Таким образом, в полностью вскрытом доме, отмечены три периода обживания, или три строительных периода в незначительный промежуток времени, так как разница в керамическом и строительном материалах не отмечена. Во втором строительном периоде путем разделения большого помещения на две части стеной-

перегородкой происходит выделение двух самостоятельных домов с отдельными выходами, то есть выделение двух родственных самостоятельных семей.

Дом 5 расположен за северной стеной третьего дома, которая является общей для двух домов. Дом – однокомнатный (пом. 4), в форме прямоугольника, размером 4,9х4,5 м, к западной, южной и восточной стенам которого примыкает суфа «П-образной» формы. Ширина западной суфы – 1,2 м, южной – 2,3 м, восточной – 2 м. На восточной суфе, в одном метре южнее северной стены, устроена специальная площадка размером 1,5х2,0 м, высотой 25 см. На этой площадке был устроен очаг, подобный очагу во втором помещении. Диаметр очага – 67 см, сохранившаяся высота – 35 см. С восточной стороны к очагу примыкала «приочажная площадка» прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 50х40 см, глубиной 30 см. Устье очага шириной 20 см, с обеих сторон было оформлено крупной галькой и под прямым углом входило во внутреннее пространство очага, примыкая к стенкам. Основание очага покоилось на такой же гальке. Суфы в помещении были невысокими и возвышались над уровнем пола на 33 см. Пол расчищен на глубине 1,10 м от дневной поверхности. Центральная часть помещения, часть северной стены и угол восточной суфы были прорезаны мусорными отложениями, поэтому выход из помещения, вероятно, был в северной стене помещения, в пространстве между суфами, и вел на улочку, которая отделяла один квартал от другого. Улица ориентирована по линии восток-запад, шириной в 1,5 м в западной части, расширяясь к востоку, у восточной бровки раскопа имела ширину в 2,5 м. Улица прослежена в длину на 15 м.

За западной стеной пятого дома вскрыто узкое помещение (пом. 5) размером 6,7х1,5 м, которое находилось между двумя домами, пятым и шестым. Вход пока не найден. Принадлежность этого помещения к какому-либо дому пока не установлена, не совсем ясно и его функциональное назначение.

Дом 6 находился за северной стеной второго дома. Эта стена являлась общей для четырех домов – 2, 3, 5, 6. Дом состоял из одной комнаты (пом. 7) ромбовидной в плане; углы скошены, западная стена имела длину 4,1 м, параллельная ей восточная – 5,5 м, южная – 5,3 м, северная – 4,7 м. По периметру восточной, южной и западной стен находились суфы. Ширина западной суфы – 1,4 м, южной – 1,7 м, восточной – 1,6 м. В северной стене, между суфами, предположительно находился выход из дома, который вел на улицу. В восточной суфе, почти впритык к южной суфе, расчищен тандыр, который сохранился полностью. Закраина венчика тандыра плоская, шириной 8 см, по внутренней стороне имеет ложбинку-выступ для крышки. Диаметр венчика тандыра – 54 см, тулова – 75 см, высота тандыра – 66 см. Поддувало расчищено на уровне пола, оно круглое, диаметром 11 см, находилось на плоскости шириной 22 см, с обеих сторон плоскости выступали на 14 см пилоны. Внутри тандыр орнаментирован вертикальными полосами, шириной 14 см, от-

Рис. 15. Общй вид на раскоп 3

деленными друг от друга десятью параллельными линиями, шириной 3 см. Широкие полосы орнаментированы переплетенными линиями в форме восьмерки. Линии также состоят из десяти параллельных полосок.

Высота суф – 59 см. Верхний уровень находится на глубине 25 см от дневной поверхности, пол расчищен на глубине 1,1 м от нулевой отметки. Все стены помещения – несущие, пахсовые. Толщина южной стены – 55 см, западной – 55 см, восточной – 60 см, северной – 80 см. С обеих сторон от выхода, с внешней стороны, в северной стене были внутрстенные камины подковообразной формы. Два – к востоку и один – к западу от предполагаемого прохода. Скорее всего, эти камины использовались для общественных нужд.

Таким образом, между двумя улицами вскрыт жилой массив или квартал, состоящий из попарно расположенных домов, которые имели одну общую несущую стену. В основном, они были однокомнатными, их интерьер оформлялся суфами. В каждом доме был тандыр или, в редких случаях, очаг.

Квартал в пределах площади раскопа состоял из шести однокомнатных домов, и только один имел две комнаты. Все дома имели отдельный вход, ведущий либо на улицу, либо, в двух случаях, в общий коридор, а затем на улицу. В некоторых помещениях имелись стенные камины и закрома.

Дом 7 (пом. 8) располагался севернее шестого дома, через улочку в следующем квартале. Он состоял из одного большого помещения прямоугольной формы, площадью 5,2х4,5 м. Вход в дом, шириной 0,8 м, находился в южной стене, в юго-западном углу.левой щечкой прохода была западная стена, с восточной стороны он ограничивался западной стороной южной суфы. В результате такой планировки был создан узкий проход длиной 3 м. Вдоль восточной и южной стен расположены суфы, которые имели «Г-образную» форму. Ширина восточной суфы – 1,7 м, южной – 2,8 м, высота – 0,6 м от уровня пола. В 1,3 м от северной стены, в восточной суфе находился тандыр с диаметром венчика 50 см, тулова – 70 см, высотой 57 см. Поддувало круглой формы диаметром 10 см, отстояло от уровня пола на 8 см и было расположено на плоскости шириной в 15 см, оформленной с двух сторон выступающими на 10 см пилонами. Внутренняя поверхность тандыра орнаментирована вертикальными полосами, шириной 13 см, отделенными друг от друга пятью параллельными линиями. Полоса заполнена треугольниками. По центру треугольников пропущена зигзагообразная полоска из четырех параллельных линий. Пол расчищен на глубине 1,23 м от уровня дневной поверхности. В 70 см западнее восточного края суфы, примерно в центре помещения, лежал опорный камень ромбовидной формы. Такой же опорный камень лежал на южной суфе. Восточная и южная стены были на 20 см выше суф. Северная стена была высотой 80 см. Южная, северная и западная стены помещения были несущими, толщиной 60-70 см, сложенными из пахсы. Восточная сте-

на являлась перегородкой между двумя домами и была возведена из сырцового кирпича, ее толщина 30 см.

Дом 8 (пом. 9) расположен за восточной стеной 7-го дома. Он имел одну комнату, предположительно размером 5,8x4,8 м. Северо-восточный угол и северная стена остались за северной бровкой раскопа. Расчищена восточная щека входа, который расположен в южной стене, в 1,5 м от восточной стены. Интерьер восточной, северной и западной стен представлен суфами «П-образной» формы. Ширина восточной суфы – 2 м, западной – 1,8 м, северной – предположительно 1,2 м. Свободное пространство было небольшим 3,8x2,0 м. У южной стены, на суфе, лежал опорный камень. На восточной и западной суфах сохранились остатки сосудов, в восточную суфу на глубину в 0,5 м был вкопан хум, плечики и венчик которого не сохранились. На западной суфе стояли два кувшина, от которых сохранились только донные части и стенки тулова. Края суф обложены сырцовым кирпичом. Южная и восточная стены толщиной 0,6 м, южная – 1 м, пахсовые.

В пределах раскопа вскрыт юго-западный угол помещения 18 и восточная часть помещения 17.

Входы 7-го и 8-го домов вели на улицу, которая отделяла один квартал от другого. Улица, в западной части, имела ширину 1,5 м и резко расширялась к востоку до 3,5 м, длина ее в пределах раскопа – 15 м.

Таким образом, в результате проведенных раскопочных работ было установлено, что территория, на которой был заложен раскоп 3, имела довольно плотную жилую застройку. Дома группировались в массивы сплошной застройки, которые отделялись улицами, ориентированными по линии восток-запад. Ширину квартала в 16 м занимали два дома, имеющих одну общую стену, но выходы были автономными и вели на разные улицы, которые ограничивали квартал с двух сторон. Дома, в основном, однокомнатные, обязательным элементом их были суфы и тандыры, орнаментированные процарапанным рисунком; мотивы орнаментации не повторялись. Все тандыры не имеют дымоходов. Они использовались двояко: для приготовления пищи, выпечки лепешек, а в зимнее время – для обогрева помещения. Некоторые дома имели очаги. Очаги были двух типов: прямоугольной формы, вкопанные в суфы, и круглые в плане, с «приочажными» площадками. Внутрстенные камины бытовали двух видов: подковообразные и прямоугольные. Дома имели стены-перегородки и закрома. В некоторых домах были и санитарные помещения, в которых размещались ташнау. Основным строительным материалом являлась пахса. Из сырцового кирпича выкладывались стены-перегородки и закрома, проводилась выкладка краев суф. Жженный кирпич употреблялся весьма редко, во вторичном использовании для выкладки ташнау, прикаминных лотков, фундаментов для очагов, в облицовке стен. В качестве опорных баз для столбов, поддерживающих перекрытие дома, использовались плоские камни, кото-

рые, как правило, находились на суфах, иногда в центре помещения, они применялись также для усиления несущих стен.

Такие однокомнатные и двухкомнатные дома заселялись одной семьей рядовых горожан. О роде их занятий говорить преждевременно, так как признаков профессиональной деятельности не выявлено.

Односекционные дома, где хозяйственная и жилая часть не выделены в самостоятельные помещения, неоднократно встречались в четвертом строительном горизонте на шахристане Отрара,¹⁴⁹ датированном последней третью XIV–2-й пол. XV в. Однако, имеются и принципиальные различия, которые заключаются в том, что там тандыры имели специальные дымоходы. Судя по поливной керамике, ее формам и орнаментации, верхний строительный горизонт Каратобе следует датировать 2-й пол. XII–XIII вв.

Керамический материал, полученный в результате проведенных работ, представлен ведущими группами поливной посуды, которая собственно и датирует вскрытые домовладения. Это – поливные, массивные блюда, чаши на плоском дисковидном поддоне, с прямым или несколько отогнутым наружу венчиком. Большое количество неполивной столовой, кухонной и тарной посуды, орнаментированной и неорнаментированной, посуды, окрашенной ангобом, изделий из железа, бронзы и стекла.

Классификация керамического материала проведена по двум объектам первого и третьего раскопов, поскольку полученный материал верхнего строительного горизонта идентичен, и целесообразна общая характеристика и классификация для датировки верхнего культурного слоя городища Каратобе.

3.3. Стратиграфические шурфы: когда «переехал» город

В связи с достоверно установленным фактом перемещения города Сауран с места, где теперь расположено исследуемое городище Каратобе, на место городища Сауран интересен вопрос о времени этого события и связанный с ним вопрос о причинах этого явления. Произошло ли это в достаточно короткий временной отрезок, или же это был процесс, растянутый на несколько десятилетий? Поскольку в известных письменных источниках нет сведений об этом событии, а сколько-нибудь широкомасштабные археологические вскрытия самых нижних слоев городища Сауран невозможны в обозримом будущем, т.к. они перекрыты многометровой толщей более позднего культурного слоя, то получить хотя бы какие-то

сведения об этом явлении можно, лишь исследовав верхний культурный слой на различных участках городища Каратобе. Эти очевидные соображения послужили основой предпринятых исследований верхнего культурного слоя (ВСГ), которое осуществлялось посредством небольших шурфов в различных районах городища. Всего осуществлено семь (7) шурфов, площадью 12-15 м². Три из них (№ 2-4) были поставлены на территории, основного холма городища («цитадель»), три (№ 1, 6, 7) на территории понимаемой нами как «шахристан» города, и один (№ 5) – у западной внешней стены рабада (рис. 1, гл. 2).

Центральный холм городища Каратобе имеет своеобразную микро топографию, в которой читаются возвышенные участки, и сравнительно пониженные площади между этими возвышающимися холмами. Естественно предположить, что понижения в последний период жизни города были лишены застройки и являлись его площадями. Наиболее обширными выглядят «северная» и «восточная» площади (относительного центрального холма), небольшое понижение наблюдается между южным участком цитадели, где расположен Р1, и центральным холмом.

Исходя из этих соображений, естественно, что шурфы на цитадели были поставлены нами на возвышенных участках.

Шурф № 2 размещен к СЗЗ от Р2, примерно в 90 м от него, на вытянутом выступе, между двумя пониженными участками. Площадь шурфа 3,2х3,3 м. При снятии первого же штыка был частично разрушен тандыр, устье которого было на 12-10 см выше уровня современной дневной поверхности. Сохранившаяся высота тандыра – 52 см, диаметр – примерно 80 см (рис. 16, 17). Зафиксирован участок сырцово-кирпичной стены, проходившей почти через середину шурфа, с

Рис. 16. Общий вид на шурф 2

Рис. 17. Планы шурфов

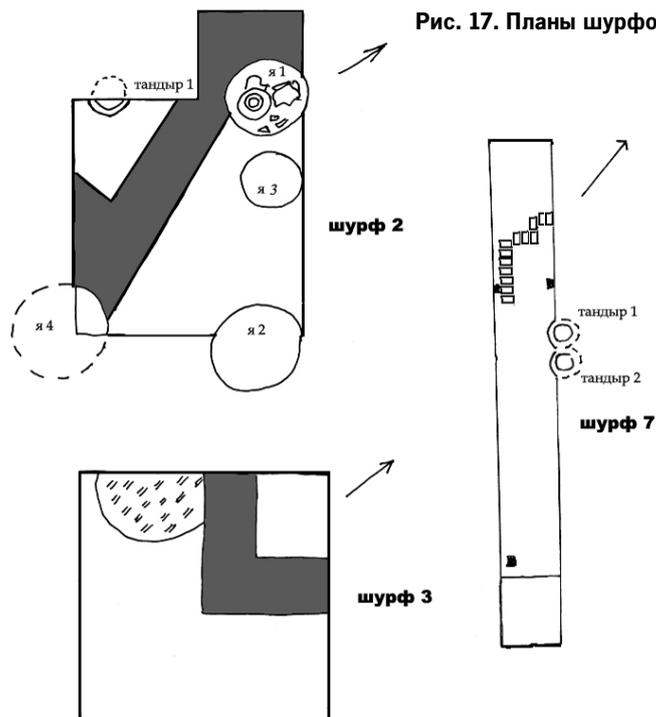

Рис. 18. Сосуды в мусорной яме шурфа 2

СЗ на ЮВ. В углах шурфа выявились круглые контуры ям-бадрабов связанных с уровнем ВСГ. В яме в северном углу (яма 1) найдены целая (треснувшая) хумча средних размеров с отверстием в придонной части, крупный двуручный гончарный горшок, фрагменты трех черных кухонных горшков, часть кувшина, фрагмент глазурованного блюда и пр. (рис. 18). В яме 2 (в восточном углу) найдена целая крышка от котла, фрагмент глазурованного блюда. В яме 3 обнаружен крупный фрагмент кувшина с ангобной росписью и другие мелкие фрагменты. Ямы 3 и 4 явно служили туалетными ямами. Их грунт имеет характерный зеленоватый цвет.

Шурф № 3 расположен несколько западнее Ш2, площадь его – 12 м². Здесь так же на глубину до 50-60 см зафиксированы стены ВСГ и прилегающий к ним пол. На полу – обширный зольник с многочисленными кусочками шлака бронзолитейного производства. Невыразительный комплекс керамических находок позволяет заключить, что он идентичен комплексу керамики ВСГ Р1 и 2.

Шурф № 4 расположен к СВ от Р2, в 100 м, на гребне между «северной» и «восточной» площадями. Площадь его 16 м². До глубины 0,6 м по всей площади шурфа, вскрывался толстый слой коричневатого перегноя навоза. Вероятно, шурф попал или в помещение для содержания скота, или на площадь скотного двора.

Шурфовка удаленных друг от друга участков основного холма городища показала, что везде в верхней части культурного слоя присутствует строительный горизонт, полы которого залегают на уровне 0,5-0,6 м от уровня современной дневной поверхности; он частично подвергся воздействию ветровой эрозии. Керамический материал, полученный в этих шурфах, не дает основания говорить, что

различные участки города были покинуты в разные исторические эпохи, или о жизни на этой территории.

Шурф № 1 расположен на территории шахристана, в 96 м к ССЗ от стен цитадели (рис. 12). Он поставлен на вершине небольшого холма, характерного для топографии этого участка городища. Площадь его – 12 м², углублен до основания 2 яруса. Шурф попал в площадь какого-то жилого дома. Вдоль западной его бровки выявлена массивная пахсовая стена со следами штукатурки. На восток от нее отходила более тонкая стенка из одного ряда сырцового кирпича. В заполнении культурного слоя встречены несколько фрагментов неглазурованных хозяйственных сосудов, а на самом полу помещения, в тонком зольнике, найдена половина средней части большого поливного блюда с полихромной росписью (рис. 19). Блюдо было

Рис. 19. Фрагмент блюда из ВСГ шурфа 1

не менее 44 см в диаметре (края борта не сохранились), на кольцевом поддоне – не менее 10 см в диаметре. Борта блюда – плоские, переход к плоскому развернутому краю выделен уступом. Вся центральную часть, вплоть до бортика, по которому проходила, вероятно, отдельная орнаментальная кайма, занимала сложная орнаментальная композиция. Четыре узкие вытянутые линзовидные фигуры, внутри которых белым резервом изображены как бы извивающиеся змеи (?), делят поле на четыре сектора, в которых размещены многоугольные, неправильной формы, фигуры, обведенные двойным контуром. Пространство между двойными линиями контура залито поочередно зеленой и желтой краской. Контур рисунка выполнены коричневым цветом. Глазурь – прозрачная, имеет голубоватый оттенок. В целом декор блюда производит весьма живописное впечатление, усиленное блестящим глазурным покрытием. По техно-

логичным и декоративным признакам блюдо являлось высокохудожественным изделием, и может быть отнесено к XIII в. В комплексе глазурованных сосудов из ВСГ Р1 и Р2 цитадели Каратобе присутствуют образцы с аналогичными декоративными свойствами.

Шурф № 6. К СЗЗ в 70-80 м от стен цитадели, на территории шахристана, в микротопографии просматривается участок как бы обведенный по периметру прямоугольником стен; в центре пониженного двора выделяется невысокий (0,6-0,8 м) холм – развалины какого-то строения (рис. 12). Шурф поставлен в виде узкого разреза западной стены предполагаемого двора. В первом же ярусе была обозначена довольно мощная (толщиной 1,85 м) кирпично-пахсовая стена (рис. 20, 21). Она сохранилась на высоту 0,6-0,7 м, а в прилегающих к ней со стороны двора слоях развала получена не многочисленная керамика, по облику аналогичная той, что составляет комплекс ВСГ раскопа 1 и 2.

рис. 20, 21

Шурф № 7. Разбит в виде узкого разреза через характерный холм, расположенный в 38 м от ЮВ стены цитадели (рис. 12, 17, 22). Длина шурфа – 12 м, ширина – 1 м. И здесь шурф доведен до основания второго яруса. Четко зафиксированы два уровня строительных горизонтов. ВСГ залегает до глубины 50-55 см. В разрезе отмечены две сырцовые сте-

Рис. 22. Шурф № 7

ны, камни и два тандыра, основания которых приходится почти точно на границу первого и второго ярусов. Ниже залегает второй строительный горизонт, пахсовые стены которого покрыты многослойной обмазкой толщиной в 10-12 см. Небольшой комплекс глазурованной керамики, полученный в шурфе 7 идентичен по основным характеристикам комплексу глазурованной керамики ВСГ раскопов № 1 и 2.

Таким образом, все три шурфа на противоположных частях шахристана (к ССВ, СЗЗ, ЮВ от центрального холма цитадели) показали, что их верхние строительные горизонты залегают на глубине около 0,5 м и содержат материалы (глазурованная керамика), аналогичные, по всем основным признакам, керамике ВСГ залегающей на центральном холме городища (на цитадели).

Рис. 23. Общий вид на шурф 7

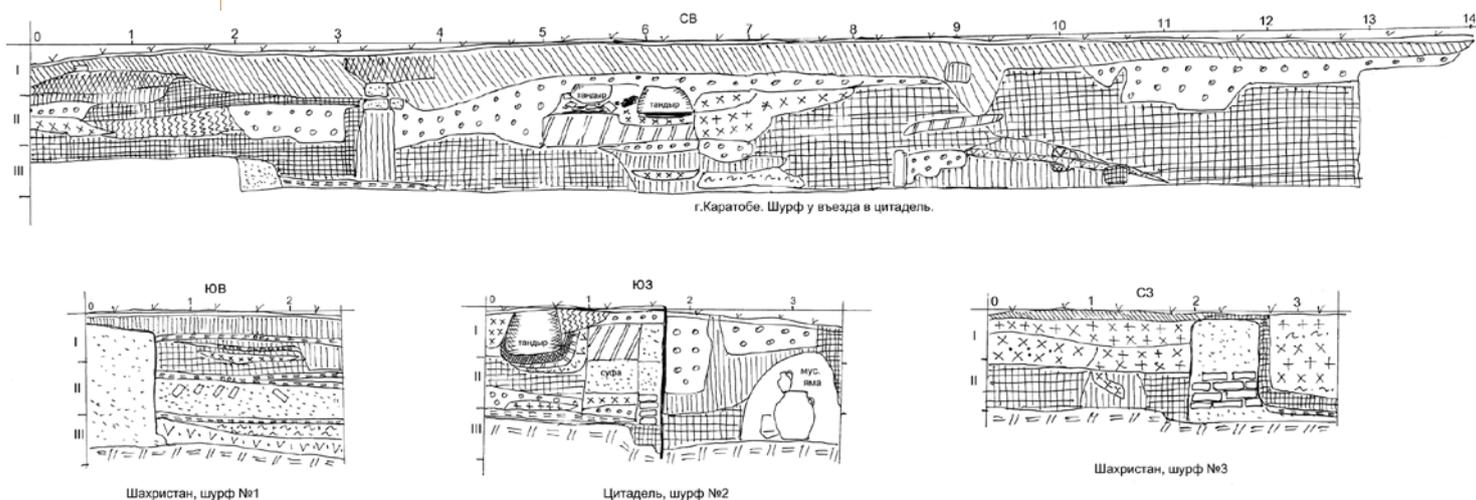

Рис. 24. Профили шурфов

Шурф № 5 был заложен на значительном удалении, в 460 м к ЮЮЗ, от центрального холма городища, рядом с участком западной внешней стены городища. Площадь шурфа около 10 м². До глубины 0,45 м в шурфе не фиксировались какие-либо детали строительных конструкций. Грунт представляет собой сильно уплотненный лессовый завал, в котором встречались многочисленные фрагменты крупных неглазурованных сосудов и дастарханов. Фрагменты глазурованных сосудов отсутствуют. На глубине 40-45 см зачищен уровень сильно уплотненного пола, на котором, в западной части раскопа, выявлено дно круглого напольного керамического алтаря. Сохранилась только донная часть алтаря, которая была вмazана в плотную обмазку пола. Диаметр алтаря – около 65 см. Дно сильно прокалено. В центре – сквозная лунка, в которую была установлена донная часть кухонного горшочка (?) из черного шамотного теста; она стояла на обломке перевернутого дна другого такого же горшочка. После снятия прокаленной и растрескавшейся донной части алтаря под ним расчищена еще одна придонная часть кухонного горшка с золой, но этот горшок был перекрыт дном алтаря (рис. 24).

Таким образом, хотя в этом шурфе и нет хронологически показательных находок керамики, но по находке керамического напольного алтаря, можно сделать некоторые предположения. Керамические алтари отсутствуют в помещениях ВСГ расчищенных в Р1 и Р2 на основном холме городища. Здесь их обломки встречались лишь в мусорных слоях заполнения слоя. Отсюда следует заключение, что на данном участке рабада в верхнем горизонте залегают жилища, которые можно отнести к более раннему горизонту (СГ2), чем были вскрыты в ВСГ на цитадели и на шахристане.

В целом же, предпринятая шурфовка верхней части культурного слоя в разных частях городища Каратобе дает некоторое основание для вывода о том, что город Сауран накануне его перемещения на новое место представлял собой довольно благополучно развива-

ющийся торговый и ремесленный центр, с плотной застройкой цитадели и шахристана. Город был покинут жителями и стал превращаться в городище в спокойной обстановке, а не вследствие разрушений, пожаров и прочих возможных бедствий. Смена месторасположения осуществлялась, скорее всего, в течение относительно короткого времени, в одно из десятилетий конца XIII в., уточнить которое, вероятно, помогут, нумизматические находки из ВСГ Каратобе и нижнего строительного горизонта городища Сауран.

Рис. 25. Круглый керамический очаг-алтарь в шурфе 5

глава 4

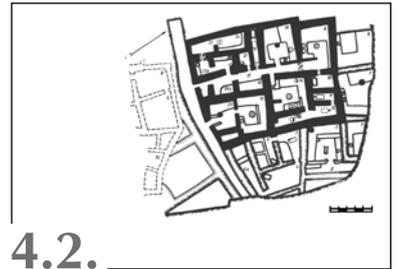
Жилище Саурана

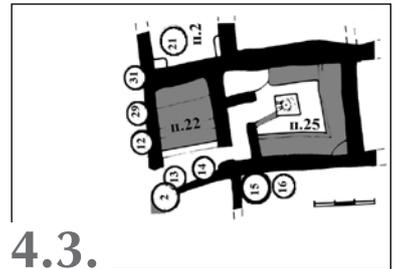
4.1.

181 Жилище в застройке города XII-XIII вв.

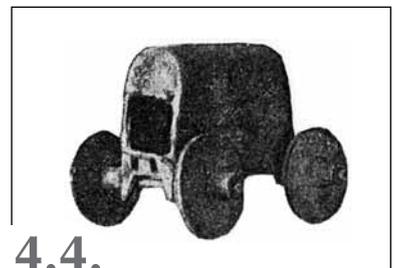
4.2.

191 Позднесредневековое жилище XVI-XVIII вв.

4.3.

210 Жилище раннесредневековой эпохи

4.4.

216 К вопросу о происхождении жилища «отрарского типа»

Нет необходимости обосновывать актуальность исследования жилища/домов различных исторических эпох и различных социальных категорий населения. Являясь формой приспособления человека к окружающей среде и в то же время культурно освоенной частью этой среды, народное жилище насыщено целым комплексом полисемантических признаков, исследование которых способствует реконструкции и изучению динамики многих сторон культуры. В археологии стал традиционным подход к жилищу, как к определенному бытовому и социологическому заказу, реализуемому через домостроительную технику и «направленному на вычленение из природной среды общественной единицы с обеспечением в условиях данной среды и данных технических возможностей максимума удобств при осуществлении ее основных – жизнедеятельности, производственных процессов и т.д.»¹ Действительно, глубокое и объективное суждение о состоянии культуры народа на той или иной стадии его развития невозможно без достаточного отчетливого представления об облике, планировке, благоустройстве жилищ, принадлежавших различным общественным слоям. Традиционное жилище являлось материальным оформлением сферы, в которой протекала деятельность основной общественной ячейки – семьи, и осуществляло основную деятельность общества – по воспроизводству жизни. Жилище изначально «нагружено» комплексом информации, как по структуре семьи, так и по бытовой культуре общества, в которой отражается производственная и духовная (идеология) культура. Действие фактора «культурного традиционализма» придает жилищу этническую специфику, исследование которой становится особо актуальным в маргинальных регионах. Высказываемые порой сомнения в способности жилища служить этническими маркерами культур, основанные на особых экстраординарных примерах (пионеры-переселенцы,² взаимодействие в процессе оседания прежде кочевых общин с жителями городов и поселков и т.д.) не лишают жилища своеобразной этнической специфики. При этом город с присущим ему изначально свойством микширования и создания новых форм культуры являет собой точку особой маргинальной напряженности, в которой встречаются и переплавляются разные культурные традиции. Это делает актуальной характеристику жилища отдельных крупных городских центров, городов, оказывавших влияние на целые регионы, и проведение сравнительного межрегионального анализа планировок и деталей интерьера. «Жилища, учитывая их размеры, внутреннюю организацию и сведения о жизнедеятельности обитавшего в нем коллектива, нашедшие отра-

¹ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с.110.

² Крадин Н.Н. Современные этнические интерпретации в археологии // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сб. мат-лов Межд. научн. конф. г. Алматы, 23-24 апреля 2009 г. Алматы: Print-S, 2010, с. 27.

жения в бытовом инвентаре и других остатках, позволяют судить о размерах древних общественных единиц и, в известной мере, об их функциях. Исходной источниковедческой базой подобных оценок является реконструкция самого жилища, его параметров и устройства с учетом особенностей домостроительной техники».³ Культурологический подход рассматривает жилище как основной элемент в «жизнеобеспечивающей подсистеме». Подсистема жизнеобеспечения (или иначе «культура жизнеобеспечения»⁴) функционирует в сфере потребления и направлена на поддержание и материализацию жизнедеятельности носителей культуры. Как отмечал В.М. Массон, «археологические данные, характеризующие жилище, объекты для приготовления и потребления пищи, а в известной мере, одежду и украшения, напрямую выводят исследователей к подсистеме жизнеобеспечения».⁵ Жилище является, естественно, помимо этого, основной подсистемой городской застройки и характеризуется динамичной системой признаков.⁶

Следы жилищ обычно имеют разную степень сохранности, и поэтому, прежде всего, результаты вскрытия того или иного участка должны быть соответствующим образом получены, описаны и упорядочены. Проблема изучения средневекового жилища на археологических материалах в свое время была включена в круг «отрарских проблем».⁷ При археологических раскопках древних и средневековых памятников среднеазиатская археология чаще всего имеет дело с культурным слоем, состоящим из остатков жилых построек, поскольку именно жилые постройки обычно занимали большую площадь городов и поселений. Вскрытие, описание и фиксация такого рода сложно организованных во времени и пространстве комплексов археологических остатков является предметом полевой «поселенческой» археологии. В этом направлении среднеазиатская археология, в лице всех представленных в ней школ, накопила огромный опыт и достигла значительных успехов. Даже простое упоминание всех заслуживающих внимания исследований и работ этого направления заняло бы недопустимо большое место в данном исследовании.

³ Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990, с. 64.

⁴ Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983.

⁵ Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии..., с. 28.

⁶ Массон В.М. Системный анализ в археологических исследованиях // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1976, с.15

⁷ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 204; кстати, археологические данные по средневековому жилищу, полученные ЮККАЭ в Отрарском оазисе, представляются уникальным фондом первоисточников по массовости и разнообразию. См.: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1981; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987; Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). Алма-Ата, 1989; Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе – город Кедр. Алматы, 2005.

довании. Пока же считаем необходимым отметить, что в исторических типах традиционного жилища находит отражение такая важная категория общественной жизни, как «образ жизни», или повседневная жизнь ячейки общества, того или иного уровня сложности. Только через систематизацию массового археологического материала, в котором «опредмечена» повседневная жизнь социума, можно реконструировать общие типологические черты, присущие отдельным эпохам, социальным стратам, этническим общностям, или таким сложным социокультурным явлениям, каковой была культура средневекового города.

Поскольку в специальной литературе и археологических публикациях порой наблюдаются терминологические разночтения,⁸ нам следует оговорить смысловое содержание некоторых используемых в дальнейшем понятий и терминов. В целом, мы опираемся на систему стратиграфических и планиграфических терминов, использованных казахстанской археологией в ходе публикаций материалов ЮККАЭ по Отрару и Отрарскому оазису, которая является вариантом понятийной системы среднеазиатской археологии.⁹ Так, например, под **«жилым массивом»** мы понимаем «участок городской застройки, окруженный со всех сторон свободными от построек улицами, площадями, дворами и т.д.»¹⁰ Под **жилищем/домом/жилым комплексом/домовладением**, из которых состоит жилой массив/массив сплошной застройки, нами понимается замкнутый/изолированный комплекс помещений, связанных между собой проходами через коридор/вестибюль/внутренний дворик/айван.

Нам следует, очевидно, различать **жилища первого порядка** (первичные) и второго порядка, т.е. жилища семейной общины. Под первыми мы понимаем простое жилище/жилая секция/жилая ячейка, состоящее из одного или нескольких (обычно 2-3-х) разнофункциональных помещений, с одним обязательно жилым помещением, непосредственно связанных между собой проходами. Под **жилищами второго порядка**, или домом/жилым комплексом/домовладением/жилым блоком, из которых состоит **жилой массив**/массив сплошной застройки, нами понимается замкнутый/изолированный комплекс «первичных жилищ», связанных между собой проходами через **коридор**/вестибюль/внутренний дворик/айван. Оно может включать от одного до двух-трех (и более) **жилых ячеек/секций**, имеющих неперенные атрибуты/признаки. Таковыми являются, прежде всего «П, Г-образные» суфы и тандыр/очаг.

⁸ Совершенствование понятийно-терминологической системы археологического языка остается до сих пор актуальной задачей теоретической археологии: Шер Я.А. О развитии языка археологии // Проблемы археологии. Вып. 2, Л., 1978, с. 46; Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1972, с. 50.

⁹ Смагулов Е.А. К разработке системы понятий фиксации массового материала при раскопках «широкими площадями» // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

¹⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.135, прим. 3

Суфа – это глиняное возвышение (20-65 см) в жилом помещении, расположенное вдоль стен с проемами в местах входов/выходов. Служит для сна, на ней принимают пищу, отдыхают и т.д. **Тандыр** – универсальная, специально изготовленная керамическая печь. **Бадраб**/мусорная яма – септик под туалетной комнатой, служит обычно и для сброса бытового мусора. **Ташнау** – устройство канализации грязной воды из жилища. **Площадка ташнау** – участок пола, не занятый суфами, в котором устраивается ташнау.

4.1. Жилище в застройке города XII-XIII вв.

В «Раскопе 1» 2006-2007 гг. и «Раскопе 3» 2007 г., по уровню ВСГ, вскрыты участки плотной городской застройки юго-восточного угла ранней цитадели городища. Установлено, что во время ВСГ (XIII в.) и, вероятно, в период СГ2 (XII в.) крепостные стены цитадели уже перестали выполнять свои функции. Они были срыты и застроены помещениями крайних жилищ застройки, размещавшейся на холме. Планировка этой части города представляла собой типичную плотную городскую застройку, состоящую из жилых массивов пристроенных вплотную жилищ, разделенных узкими улочками. Пока ни один такой жилой массив не расчищен полностью – «от улицы до улицы», но вполне очевидно, что он состоял из домов (жилищ) горожан различных социальных категорий. Большие дома, состоящие из целого комплекса помещений, зачастую имеют в своем составе жилые секции, состоящие, в свою очередь, из основного жилого помещения с суфой и тандыром и служебными помещениями (коридор, кладовая и пр.). Среди выявленных помещений, которые komponуются в жилища (дома), имеются дома, более представительные, и дома бедноты. Основными показателями (признаками) для такой градации принято считать площадь, занимаемую жилищем, тщательность отделки интерьеров, наличие/отсутствие декоративных элементов и особых элементов благоустройства. Традиционно площадь жилища считается наиболее объективным и универсальным показателем.¹¹ Наличие второго, самого последнего, строительного периода на некоторых участках ВСГ, в ходе перестроек которого несколько исказилась первоначальная планировка домов, затрудняет реконструкцию жилых комплексов, но, тем не менее, отдельные дома реконструируются довольно надежно.

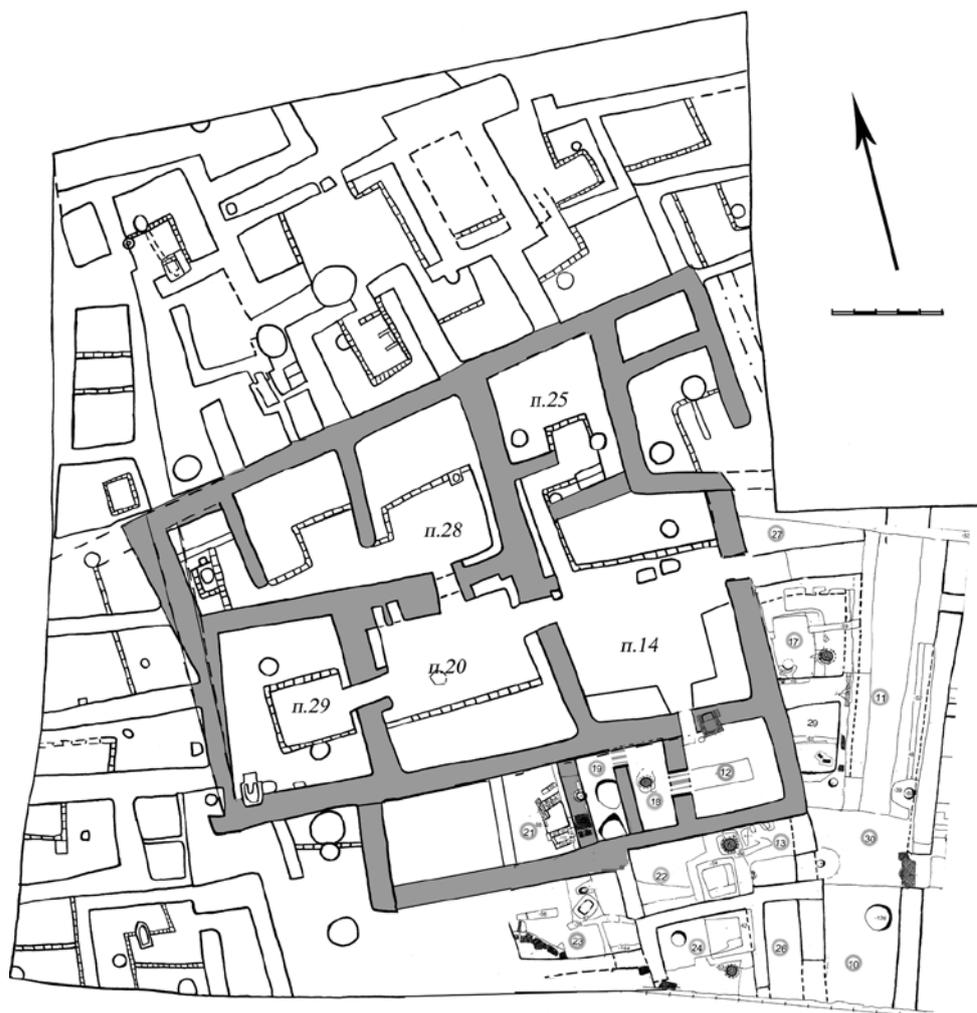
Самый обширный раскоп 1 (около 2500 м²) в ЮВ углу «цитадели» вскрыл частично, по уровню ВСГ участки трех жилых массивов, разделенных отрезками улочек, идущих с С на Ю, к южному

¹¹ Беленицкий А.М., Распопова В.И., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 253; Распопова В.И. Жилище Пянджикента. Л., 1990, с. 7.

краю холма (рис. 2, гл. 2). Условимся называть их в дальнейшем «западный», «средний» и «восточный» жилые массивы, или, соответственно, участки 1-3 (на рис. 4 введения). Установлено, что западный массив Р1 имеет в середине одно большое домовладение, состоящее из нескольких помещений и, как минимум, из двух жилых секций (рис. 2). Этот дом назван нами условно «жилище зажиточного горожанина», описание его приведено в соответствующем разделе Главы 1.

Площадь, занимаемая этим домом, составляет около 600 м². В его состав входит не менее девяти помещений, два из которых являются жилыми зимними секциями (пом. № 25 и 29). Вход в жилище, в виде довольно длинного коридора между стен маленьких домиков, вел из узкой внутриквартальной (?) улочки. Все помещения дома связываются посредством двух довольно обширных, квадратных в плане и последовательно соединенных «вестибюлей»-

Рис.2. Жилище зажиточного горожанина XIII в. в застройке «западного участка» раскопа 1 Каратобе.

прихожих (№ 14, 20). Из первого попадали в расположенное справа жилое помещение (№ 25; 4,35x4,8 м) с двумя одновременными тандырами и в расположенное слева квадратное помещение с камином (№ 12). Отличительной особенностью этого помещения является отсутствие бытового тандыра и наличие в северной стене, в профилированной внутрискладчатой нише, камина с выложенной обожженным кирпичом квадратной «предкаминной площадкой» (рис. 3). Облицованный белым ганчем камин установлен на большой суфе, занимавшей почти всю площадь помещения. В это помещение попадали через небольшую прихожую (№ 18), из которой вход влево вел в эту, как можно предполагать – мехманхану, а на право, в помещение с туалетом (№ 19).

Часть передней/прихожей/вестибюля (№ 14; 6,4x7,2 м) занимала суфа; перекрытие в вестибюле опиралось на столбовую конструкцию – на полу зафиксированы два плоских камня, служивших,

Рис. 3. Камин в пом. 12, мехманхана, жилища № 6

по всей видимости, основанием деревянных опор. Далее, из переднего «вестибюля», попадали во внутренние покои дома. Их составляли пять помещений (№ 20, 28, 29, 30, 31), центральным являлся второй, вестибюль (пом. № 20; 6,7х6,5 м), который, возможно, выполнял роль «парадного» зала. Всю его левую сторону занимала высокая суфа, в центре пола у суфы зачищен плоский массивный камень, служивший опорой перекрытия. Вдоль правой от входа стены устроена стенка с глубокими нишами (рис. 4); в средней нише был сделан дверной проем в северную анфиладу помещений (№ 28, 30, 31). Возможно, более плоские ниши были и в остальных стенах этого помещения, но установить это оказалось не возможным из-за малой сохранившейся высоты стен над уровнем суфы. Все стены и прочие конструкции этого дома были покрыты многослойной тонкодисперсной штукатуркой. На нижней панели стены с глубокими нишами, на первоначальных слоях штукатурки, фиксируются следы резных узоров. В последний период жизни дома резной узор в виде резного

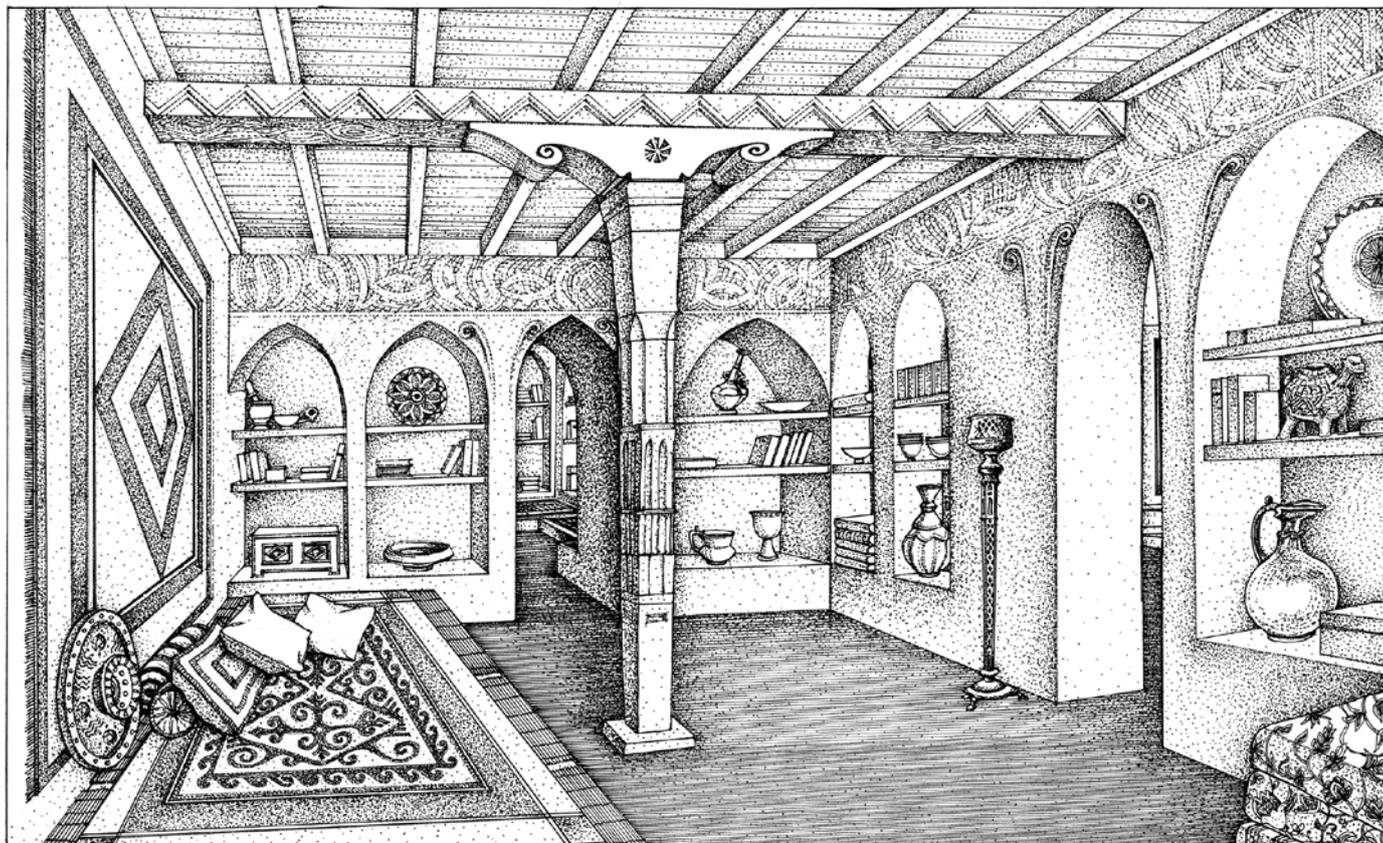

Рис. 4. Реконструкция интерьера помещения №20

эпиграфического фриза покрывал верхнюю подпотолочную панель. Несколько крупных кусков штукатурки от этой панели обнаружены в завале на полу помещения (рис. 5).

Дверной проем в середине стены, противоположной входу в вестибюль №20, вел в основное жилое помещение дома (№ 29) (рис. 6). Почти всю его площадь, оставляя лишь небольшой участок пола перед входом, занимала высокая (60-65 см) суфа. Слева от входа, в суфе, был устроен большой тандыр с круглым отверстием поддувала (рис. 7). Участок стенки суфы, с отверстием поддувала, был оформлен вмазанной в неё декоративной керамической «тандырной плиткой» (рис. 8). В левом дальнем углу помещения, на суфе, в стене устроен небольшой камин. В средней части большой

Рис. 5. Фрагменты глиняного резного фриза из пом. 20

Рис. 6. Проход из пом. 20 в 29. Ниши в СЗ углу пом. 20

Рис. 7. Главное жилое помещение (№ 29) в доме зажиточного горожанина

Рис. 8. Тандырная плитка из пом. 29

суфы, напротив входа, расчищены два больших горшка, вкопанных по венчик в суфу и заполненных золой и углями. Горшки явно были треснувшими и с отбитыми частично венчиками и поэтому вторично использованы для обогревательного устройства «типа сандал». В центре участка пола, свободного от суф, перед входом, на слое ранней обмазки, зафиксировано круглое сильно прокаленное пятно (рис. 9). Такое пятно могло остаться на месте стоявшего здесь долгое время переносного круглого очага-алтаря. Часть поверхности этой площадки вымощена обломками крупных хумов, но вымостка обожженным кирпичом отсутствует. На полу или суфе в этом помещении не отмечено обычного плоского камня опоры перекрытия, поэтому здесь, учитывая большие размеры помещения, можно предполагать наличие перекрытия «типа рузан».

Все признаки (размеры, местоположение в планировочной структуре, качество оформления, наличие деталей благоустройства) свидетельствуют, что это жилое помещение являлось жилым

помещением главы большой семьи, населявшей дом.

Дверной проем в стене с нишами из вестибюля вел в анфиладу из трех помещений (№ 28, 30, 31). Они соединялись сквозным проходом вдоль южной стены этих помещений, являвшейся внутренней стеной всего жилища. В двух из них (№ 28, 30), вдоль северных стен, устроены высокие и широкие суфы. В пом. № 28 (6х5 м), у края суфы, зафиксированы два плоских камня, служивших, очевидно, основанием опор перекрытия. На поверхности многочисленных обмазок, покрывавших суфы, отмечены слабо прокаленные, до розового цвета, участки, возможно, следы от обогревателей в виде переносных жаровен (рис. 10). Эти помещения, № 28 и 30 (5х4,5 м), могли быть дополнительными спальными комнатами для членов семьи. Самое дальнее и сравнительно небольшое помещение № 31 служило кладовой. Здесь расчищен развал большого хума, а вдоль западной стены – лари-закрома, в одном из них была вкопана под уровень пола хумча.

Таким образом, перед нами дом большой и довольно зажиточной патриархальной семьи, разделенной на две малые семьи, но ведущие общее хозяйство.¹² От всех прочих раскопанных на Каратобе жилищ его отличает общая занимаемая площадь (более 600 м²), наличие дополнительных спальных помещений, наличие декоративных деталей и общая благоустроенность. Основными жилыми помещениями дома являются помещения № 29 и 25. Они отличаются наличием «П-образных» суф и тандыров в них. Большее помещение № 29 принадлежало главе дома, а в меньшем (№ 25), вероятно, размещалась семья взрослого сына.

Остальные дома этого массива как бы примыкают снаружи к центральному вышеописанному жилищу, имея с ним общие стены, но отдельные выходы на улицу.

Рис. 9. След от очага-алтаря в центре пола пом. 29

Рис.10. След от жаровни в помещении 28

¹² Ртвеладзе Э.В. О численности населения кушанских населенных пунктов северной Бактрии // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с.107-114; Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 256-269.

Как еще одно большое жилище (жилище 2), но значительно меньшее, чем «дом зажиточного горожанина», можно представить комплекс как минимум из семи помещений № 47, 48, 43, 45, 44, 42, 50 (рис.11). Выявленная планировка соответствует первому (раннему) строительному периоду ВСГ этого жилого массива. Здесь также имеется довольно обширный вестибюль (№ 47), который объединяет все помещения дома. Вход в прихожую/вестибюль вел с севера, со стороны улицы или тупика (№ 51), которая осталась за северной бровкой раскопа. Справа от входа в жилище устроен узкий отсек с ямой-бадрабом. Очевидно, здесь был наружный туалет дома. В вестибюле, вдоль стен, справа и слева от входа, расположены суфы. Дверной проем, размещенный прямо напротив входа, вел в основное жилое помещение (№ 43). В нем вход отгорожен тонкой тамбурной стенкой в полкирпича. Вдоль восточной, южной и западной стен «П-образно» расположены суфы. В западной – встроен большой тандыр, на полу, у восточной стены, был устроен небольшой ка-

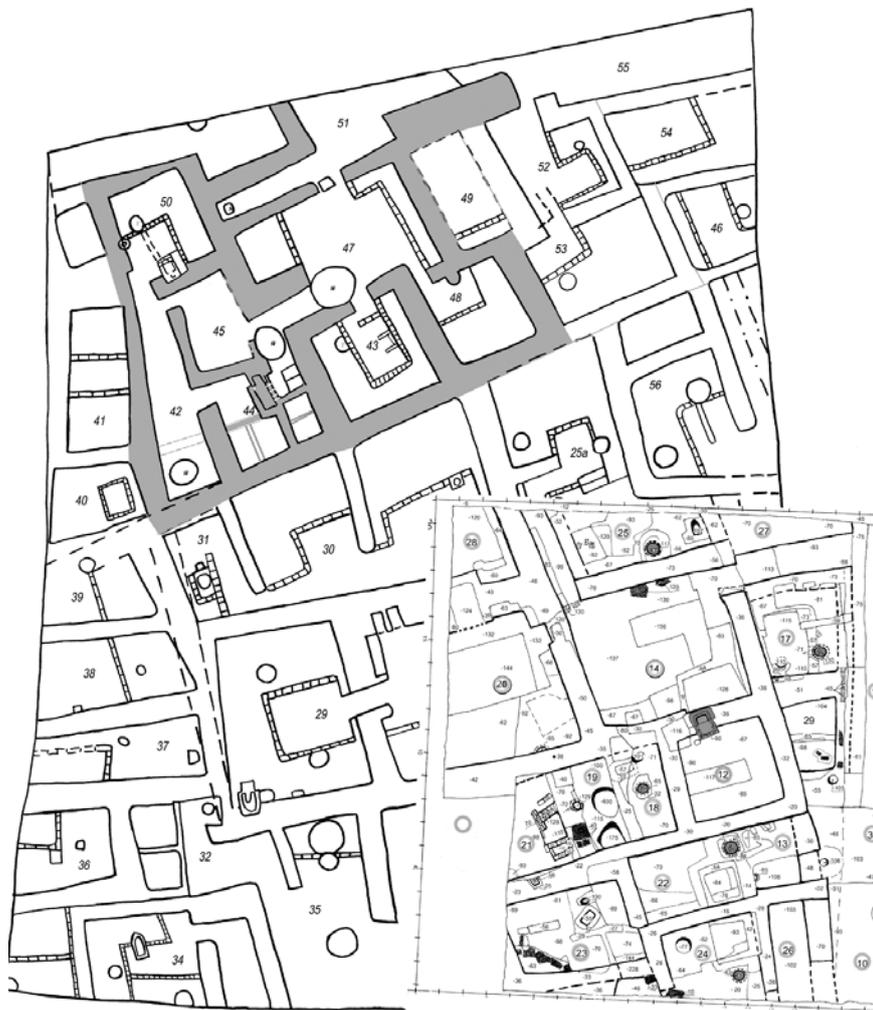

Рис.11. План дома 2 в застройке западного массива.

мин. В ЮВ углу вестибюля дверь вела в квадратное помещение с камином (№ 48), вся площадь которого, за исключением небольшого (1,2x1,1 м) участка пола, занята обширной суфой. В ЮЗ углу вестибюля скользящий узкий проход вдоль торца суфы вел во внутренний блок помещений, состоявший из небольшого жилого помещения (№ 50) с тандыром, камином и «Г-образной» суфой. К югу от него расположены хозяйственные помещения с закромами (кладовая, № 44) и ямой-бадрабом (внутренний туалет, № 42).

Таким образом, планировка и структура жилого комплекса/дома 2, как бы повторяет структуру большого жилища 1. Но здесь – лишь один вестибюль, нет дополнительных спален (помещений с суфами, но без тандыров). Площади помещений меньше, нет особой декоративной отделки. Т.е. дом более скромен и не производит особого впечатления.

С других сторон центральный жилой дом также окружен примыкающими к нему домостроениями, но планировку их достаточно

Рис. 12. Дом 2. Главное жилое помещение 43 с тандыром и камином

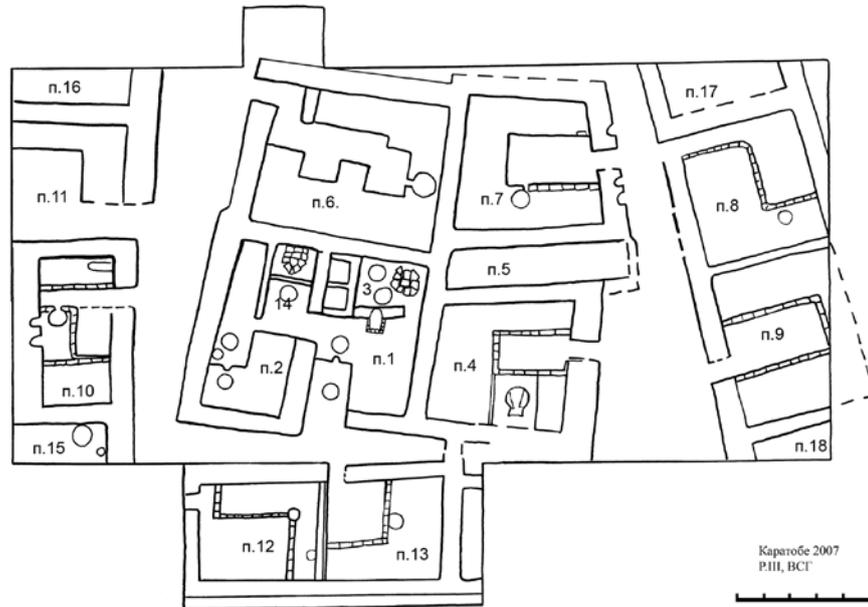

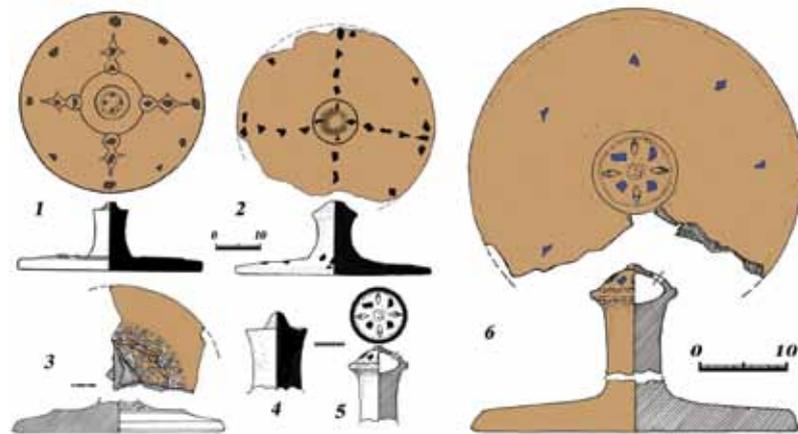
Рис. 13. План раскопа 3

полно выявить не удастся, из-за ограниченности площади раскопа. Выясняется только, что эти дома были более скромны, как по размерам, так и по оформлению. В каждом из них имеется помещение с суфой «П» или «Г»-образной формы и тандыром.

Другой участок плотной застройки по уровню ВСГ вскрыт в 45 м к северу (Раскоп 3). Здесь также выявлены, большей частью частично, жилища, состоявшие из 1-2 помещений с одним жилым, в котором присутствует суфа с тандыром (рис. 13). По занимаемой площади жилые комплексы были меньших размеров, и дверные проемы их выходили на узкие улочки, имевшие направление с В на З. В

Рис. 14. Тандыр с крышкой и «заглушкой» в отверстии поддувала (Картобе, 2007 г., РЗ)

Рис. 15. Крышки сауранских тандыров, инкрустированные фрагментами глазурованных сосудов

отверстиях-поддувалах некоторых тандыров обнаружены вставленные круглые ручки тандырных крышек (рис. 14). Внутренняя поверхность всех тандыров имеет прямые, зигзагообразные и пр. полосы, нанесенные инструментом вроде 5-7-зубчатой гребенки. Композиции полос таких «орнаментов» у всех тандыров (раскопов 1 и 3) оригинальны и не повторяются. Непременным атрибутом таких тандыров были специальные массивные тандырные крышки. Поверхность некоторых крышек украшалась инкрустацией мелкими фрагментами глазурованных стенок сосудов типа кесе или пиала (рис.15). В целом, домостроения в этой части города выглядят, хотя и достаточно репрезентативными и благоустроенными, но более скромными, чем домовладение № 1 раскопа 1.

Как можно убедиться из приведенных материалов, жилище Саурана XII-XIII вв., как по планировке, так и по деталям интерьера, может быть отнесено к кругу жилищ, уже известных на юге Казахстана. Наиболее результативно городская жилая застройка XII-XV вв. и XVI-XVIII вв. изучалась ЮККАЭ, как известно, на городище Отрартобе, а более ранние жилища на памятниках его округа – городища Кок-Мардан, Куйрук-тобе, Алтын-тобе и др. Для того что бы определить место сауранских жилищ в истории средневековой культуры, нам нужно кратко рассмотреть проблему происхождения и формирования «жилища отрарского типа».

4.2. Позднесредневековое жилище XVI-XVIII вв.

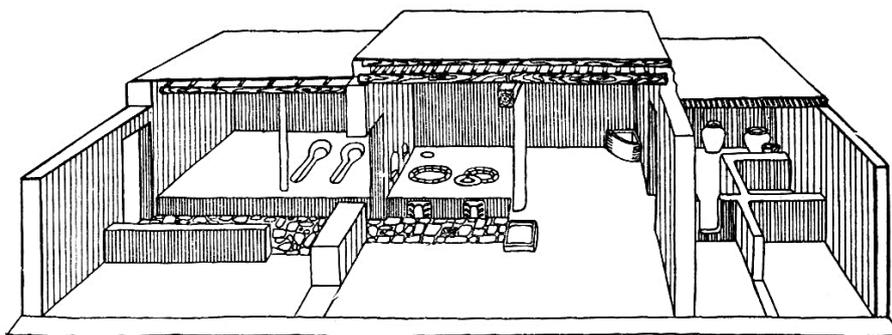
Понятие «отрарский тип жилища» было сформулировано на основе обобщения массового материала, полученного в ходе раскопок методом «широкими площадями» позднесредневековых слоев городища Отрар-тобе.¹³ Оно наиболее развернуто описано и обосновано в публикации 1982 г.¹⁴ В ней традиционное «жилище отрарского типа» охарактеризовано следующим образом: «В настоящее время известно уже около 150 домов-секций,¹⁵ которые достаточно полно характеризуют жилище позднесредневекового Отрара. Анализ жилой архитектуры позволяет считать, что в городе суще-

¹³ Именно такой метод раскопок, даже многослойных памятников, оказывается наиболее адекватным задачам и целям этноархеологических исследований. См: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981, с.139-149; они же: Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987; Смагулов Е.А. К разработке системы понятий фиксации массового материала при раскопках «широкими площадями» // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

¹⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.121-136.

¹⁵ В публикации 1981 г. говорится о трехстах домах-секциях позднесредневекового Отрара (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар..., с. 139).

ствовал *единый тип жилища*, который можно назвать традиционным. Основная жилая ячейка в простейшем случае – отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными частями неоднократно повторялась, т. е. с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, архитектурно-планировочное решение во всех случаях следовало *единому традиционному типу*¹⁶ (выделено нами – С.Е.). Интерьер основного (и зачастую единственного жилого помещения, «главного», «центрального») характеризовался наличием большой «П-образной» суфы, занимавшей почти всю площадь помещения, кроме небольшого участка пола перед входом, площадью 1,5-2,5 м², вымощенный квадратным обожженным кирпичом. В центре такой вымостки, под одним из кирпичей, обязательно устраивался поглотительный колодец, куда стекала грязная вода. Эта так называемая «площадка ташнау» по краям имела борта – края суфы, иногда выведенные из обломков обожженных кирпичей. Высота суфы обычно 50-60 см, т.е. в высоту встроенного в нее одного, иногда, двух тандыров. Тандыр встраивался в суфу так, что его боковое топочное отверстие выходило на ее край. Напротив топки, в противоположной стенке тандыра, имелось круглое дымоходное отверстие диаметром 8-12 см. Далее горизонтальный отрезок дымохода вел к ближайшей стене, в которой устраивался вертикальный дымоходный колодец, выходивший, вероятно, на крышу. Массивный венчик тандыра делался вровень с поверхностью суфы, а его устье закрывалось специально изготовлявшейся керамической крышкой. На суфе, у одного из углов площадки с ташнау, иногда имелась специальная глинобитная тумба размерами 40-60x40-60 см. Верхняя плоскость такой тумбы обычно выше уровня суфы, сильно прокалена и закопчена. Здесь же, у края площадки ташнау, примерно в центре помещения, иногда можно было видеть массивный плоский камень или выкладку обожженным кирпичом, служившие основанием центральной колонны. В стенах, в случае их хорошей сохранности, в отдельных случаях фиксировались основания «внутрестенных» (точнее, пристенных) ниш. В углах этих жилых помещений иногда устраивались глиняные лари-закрома или же неглубокие погреба для хранения провизии. Чаще для хранения продуктовых припасов имелось специальное помещение-кладовая. Она располагалась обычно за задней стеной жилого помещения, и вход в нее мог быть с уровня суфы жилого помещения. Площадь кладовых обычно составляла от 1/3 до 1/2 жилого помещения, и их отличало наличие ларей-закромов вдоль стен, а также вкопанных под уровень пола или суфы больших керамических сосудов-хранилищ (хумы). Иногда здесь же, в углу, мог быть сделан глиняный постав для ручной мельницы (дермен), или устроен ташнау под небольшим, вымощенным

**Рис. 16. Реконструкция позднесредневекового дома отрарского типа
(по: Байпаков К.М., 1990, рис. на с. 95)**

кирпичом участком пола. Вот собственно и все основные детали устройства интерьера типичного дома отрарского типа XVI-XVIII вв. (рис. 16).

В нашем описании (и понимании) «дома отрарского типа» и описании (и, очевидно, понимании) Л.Б. Ерзаковича, который наиболее последовательно занимался изучением истории отрарского жилища, имеется один различно трактуемый нюанс. При описании участка жилого помещения перед тандыром, Л.Б. Ерзакович использует определения «очаговая яма», «очаговая площадка», «тандыры с небольшой очажной ямой перед ним» которые, на наш взгляд, есть следствие не совсем адекватного понимания планировки и, главное, эволюции жилища.¹⁷ По сути, «очаговая яма» является участком пола помещения, остающимся свободным от застройки помещения суфами (суфой). В ходе эволюции жилища этот участок пола имеет тенденцию сокращаться из-за расширения площади суфы. Он обычно расположен у входа, и на него, прежде всего, ступали входящие в помещение. Здесь оставляли верхнюю обувь, перед тем как расположиться на суфе; здесь ополаскивали руки; отсюда загружали тандыр топливом и т.д. Такое разделение по уровню двух поверхностей жилища (уровень пола и уровень суфы) сохраняется в местном жилище до этнографической действительности.¹⁸ Поэтому считаем не верным представление, что суфа в «отрарском доме» отмирает, что она делается в уровень с полом прихожей или улицы; что поверхности пола («грязного», по нему ходят) и суфы («чистого», на ней спят, сидят, расстилают дастархан, едят) совмещаются.¹⁹ Четкое разделение уровней

¹⁷ Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана., 1986, с. 101; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар, с.146; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв., с.133.

¹⁸ Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище., 1982, с.137-163.

¹⁹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв., 1982, с.133

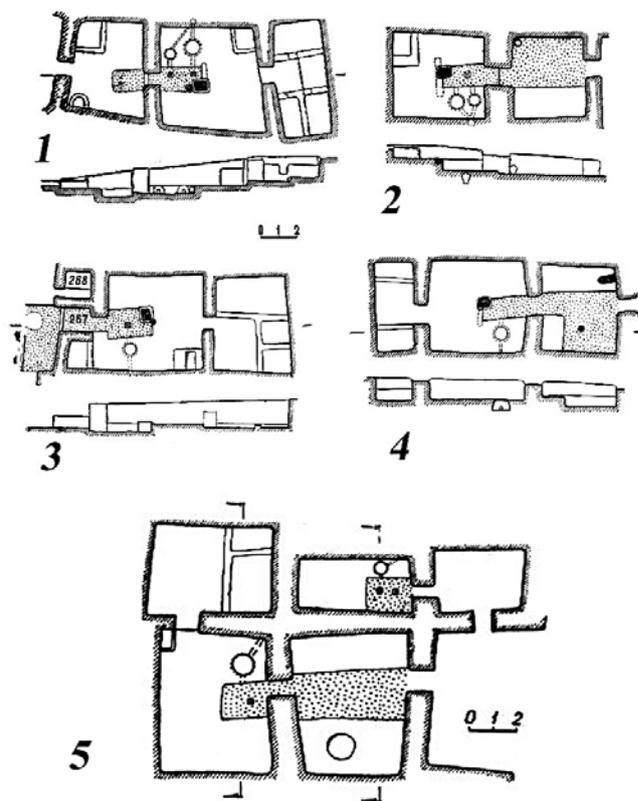

Рис. 16а. Планы жилищ Отрара XVI-XVIII вв. (по: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1981, рис. 24, 25)

дома на, условно говоря, «чистый» уровень (поверхность суфы) и «грязный» (поверхность пола), что и обеспечивала суфа, как основной атрибут средневекового и традиционного дома, является характерной чертой местной бытовой культуры.

В редких случаях в ходе раскопок выявляется, что «предтандырная площадка»/площадка ташнау оказывается в части помещения, где нет дверного проема. Возникает впечатление, что эта углубленная площадка специально выкопана только для того, чтобы устроить в ее стенке топку тандыра. Такая ситуация обычно – следствие не четко выявленных в ходе практической расчистки дома его перестроек, строительных периодов, когда закладывались первоначальные дверные проемы, открывались новые, менялось расположение суф и т.д. Следует признать, что всегда первоначально свободный от суф участок пола расположен у дверного проема, когда в ходе вскрытия достоверно установлена синхронность «тандырной площадки», суфы и дверного проема. И это есть один из характерных признаков «жилищ отрарского типа».

Планировочная композиция отдельного жилища, если оно было многоквартирным, могла быть самой разнообразной, но, как верно было ранее отмечено, своеобразным «модулем» или «ячейкой» было основное жилое помещение с суфами, ташнау и тандыром. По сути,

оно подобно «эмбриону развития» жилищ кочевых и полукочевых народов Евразии в теории Н.Н. Харузина, который он усматривал, как известно, в форме «первобытного шалаша».²⁰

Наиболее распространенной планировкой была «осевая» («линейная», «анфиладная»), когда все три помещения – «прихожая», «основное жилое», «кладовая» – располагались одно за другим и последовательно были связаны проходами (рис.16-1-3). Это, надо полагать, и есть «полная жилая ячейка», представлявшая собой дом малой семьи. Такая наиболее типичная планировка могла соседствовать с иными планировочными схемами – «крестообразной», «дворовой», «коридорной», возникавшими при усложнении структуры социальной ячейки, заселявшей дом. Естественно, что планировка дома большой неразделенной семьи, включавшей женатых сыновей, проживавших в одном доме с родителями, должна была включать соответствующее количество ячеек/модулей, т.е. жилых помещений с суфой и тандыром. Но здесь жилые секции/ячейки представлены обычно в своем «усеченном», неполном виде, без кладовых, обычно без отдельных прихожих. Кстати, достоверно расчищенных таких жилищ на Отраре совсем немного и они не типичны для рассматриваемого периода XVI-XVIII вв.²¹ Уникальной чертой, выделяющей отрарский дом из круга среднеазиатского домостроительства, является, по существующему мнению, система отопления, состоящая из тандыра с дымоходом в суфе и стене. Предлагается считать эту систему отопления местной, имеющей самостоятельные истоки, не связанные с занесенной монголами дальневосточной традицией устройства канов.²² Делались сопоставления, на наш взгляд, не всегда убедительные, с известными в этнографии казахов элементами отопления, но наиболее близкой и прямой аналогией отрарскому жилищу все же признано жилище южноказахстанских сартов: «Аналогии позднесредневековому отрарскому жилищу мы находим в старых домах сельского узбекского населения, проживающего в присырдарьинских районах Южного Казахстана».²³ Последовавшие публика-

²⁰ Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. Изд. Этнографического отдела Имп. Общ. Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Год 8-й. Кн. XXVIII. М., 1896, № 1, с. 3.

²¹ Ерзакович Л.Б. Об одном типе жилого дома Отрара XVII века // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 5, 1993, с. 51-57; Нужно отметить, что вскрытие и реконструкция плана даже простейшего жилища в системе плотной квартальной застройки, функционировавшей сколько-нибудь продолжительное время, представляет определенные трудности. Перестройки зачастую настолько искажали первоначальный план, что однозначная реконструкция его изначального вида становится подчас невозможной.

²² Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар., с.146-147; Ахинжанов С., Ерзакович Л. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // ИАН КазССР. Серия общественных наук. 1972, № 2, с. 4–16.

²³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар., с.147

Раскоп 1. Общий вид

ции А.Н. Жилиной²⁴ по традиционному оседлому жилищу присырдарьинского региона, действительно, показали уникальное совпадение отрарских жилищ и жилищ сартов в планировке, в деталях интерьера, а главное, в организации внутреннего жилого пространства.

Суфы, зачастую «П-образной» формы, широко бытовали в традиционном таджикском доме.²⁵ О сходстве культуры таджиков, древнего пласта оседлых узбеков, и восточнотуркестанских уйгуров, написано достаточно много, вскрыты причины этого сходства и этнологами даже подведена теоретическая база дальнейшего углубленного анализа этого феномена – культурного единства оседлых туркестанцев.²⁶ Сходство древних форм организации жилого пространства следует рассматривать в контексте этого явления.

Постановка проблемы. Сравнительный анализ материалов по отрарскому жилищу привел исследователей к выводу, что в целом этот тип жилища лежит в русле традиций среднеазиатского домостроительства, некоторые отдельные элементы роднят отрарский дом с жилищами многих народов Средней Азии, но наиболее системные и близкие аналогии известны в жилищах горных таджиков и присырдарьинских сартов, т.е. потомков наиболее древнего оседло-земледельческого, городского пласта населения Средней Азии.²⁷ Это наблюдение позволило нам в свое время сформулировать предположение о том, что «отрарский тип дома» имеет древний генезис и является результатом развития одного из древнейших среднеазиатских типов оседлого/стационарного жилища, происходившего от формы «кочевого» жилища.²⁸

В начале 80-х годов, возможно, было преждевременно ставить и рассматривать вопрос «о происхождении жилищ Отрара XVI-XVIII вв.», поскольку недостаточно известным был ранний сравнительный материал.²⁹ За прошедшее время этот вопрос, к сожалению, так и не был поставлен и рассмотрен, хотя появились публикации мате-

²⁴ Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилища узбеков южного Казахстана // Жилища народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.137-163; Жилина А.Н., Томина Т.Н. Народы Средней Азии. Традиционное жилище народов Средней Азии (XIX-начало XX вв. Оседло-земледельческие районы). М., 1993, 273 с.

²⁵ Давыдова А.С. Традиционное жилище таджиков верхнего Зеравшана // СЭ, 1969, №6, с.100.

²⁶ Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв. М., 2006, с. 231-235.

²⁷ Смагулов Е.А. К вопросу об этнической атрибуции культуры позднесредневекового Отрара // Позднесредневековый город Средней Азии. Ташкент, 1990, с. 211-215; Смагулов Е.А. К вопросу об этнической принадлежности позднесредневековой культуры древних городов Южного Казахстана // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 70-летию организации Чимкентского обл. историко-краеведческого музея. Алма-Ата, 1990, с. 47-50.

²⁸ Смагулов Е.А. Новые данные к реконструкции комплекса культовых атрибутов на средней Сырдарье // Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 5, 1991, с. 28.

²⁹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилища позднесредневекового Отрара... с.132.

риалов по жилищу более ранних эпох,³⁰ изданы монографические исследования по жилищам разных исторических периодов смежных регионов,³¹ изданы новые этнографические материалы по жилью различных народов Средней Азии.³² В частности, имеющийся теперь археологический материал, несомненно, свидетельствует, что все основные признаки «жилища отрарского типа» имеются в жилищах XIII-XIV вв. Т.е. пока ранний этап существования «жилища отрарского типа» можно хронологически отнести как минимум к XIII в. Именно в этот период, по Л.Б. Ерзаковичу, происходит «окончание процесса формирования» позднесредневекового традиционного типа южноказахстанского жилища.³³

Жилища XIII-XV вв. Строительный горизонт с жилищами послемонгольского времени вскрыт раскопом III в юго-западной части основного холма городища Отрар. Здесь, на площади около 300 м², в одном из жилых массивов V строительного горизонта (СГ5), вскрыты частично и полностью четыре жилых комплекса (дома).³⁴ Датируется данный горизонт XII–сер. XIII вв.³⁵ (рис.17). Вышележащий строительный горизонт (IV) датируется последней третью XIV–XV вв. Л.Б. Ерзакович отмечает отсутствие в раскопе строительного горизонта «монгольского времени», т.е. указывает на существование хронологической лакуны, которая составляет «более полувека», в регулярной застройке данного участка города.³⁶ Если исходить из предложенных дат, то лакуна, очевидно, составляет, скорее, более века (!) (от сер. XIII в. до последней трети XIV в.). Но, как показывают материалы по стратиграфии Отрара, слои этого времени присутствуют в других частях застройки города. Как раз к этому времени относится сгоревший строительный горизонт в СВ части хол-

³⁰ Напр.: Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI-начале XIII вв. Алма-Ата, 1986; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987, с. 35-65.

³¹ Напр.: Распопова В.И. Жилище Пенджикента. (Опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990, 205 с.; Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. СПб., 2008, с. 36-97; Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. I. «Археологические исследования Кампыртепа». Ташкент, 2000; Раскопки в Пайкенде в 1999-2007 гг. Материалы Бухарской экспедиции, вып. IX, СПб., 2000-2008.

³² Напр.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, 240с.; Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000; Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989. 181 с.; Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. М., 1991; Жилина А.Н., Томина Т.Н. Народы Средней Азии. Традиционное жилище народов Средней Азии (XIX-начало XX вв. Оседло-земледельческие районы). М., 1993.

³³ Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986, с. 101.

³⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987, с. 35 и сл, рис.15.

³⁵ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв., с.19.

³⁶ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв., с.30.

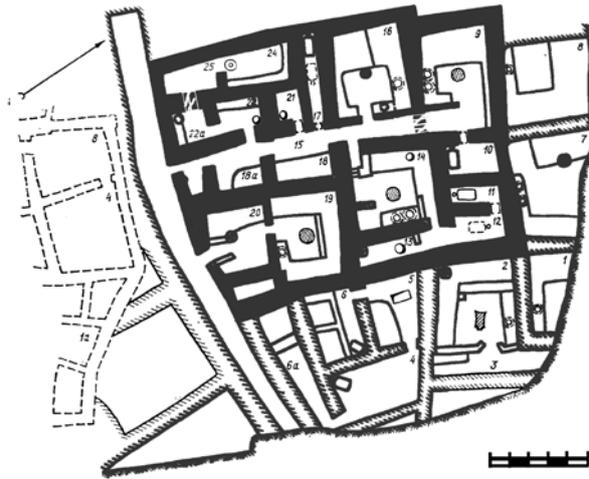

Рис.17. Участок застройки Отрара по уровню XII-XIII вв. (Раскоп III, СГ5, по: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, рис. 15)

ма Отрартобе. Здесь небольшим «Раскопом X» был расчищен дом анфиладной планировки, сгоревший в результате внезапного пожара. При его расчистке были найдены уникальные находки: бронзовая хорасанская чернильница, сирийский стеклянный полихромный графин, сгоревшая книга в кожаном переплете.³⁷ В центральном жилом помещении расчищена «П-образная» суфа, занимавшая основную часть помещения, с большим тандыром, который имел, узкий дымоход, проложенный в суфе в направлении к ближайшему углу. У тандыра было топочное отверстие вровень с полом, и плоскость стенки суфы с этой топкой была оформлена декоративной керамической плитой.³⁸ Традиция устанавливать «керамические тандырные плитки» или как-то иначе оформлять устья топок тандыров в наиболее благоустроенных домах, существовала в синхронных домах Саурана и сохранилась в более поздних жилищах Отрара.³⁹

Система отопления в этом доме пережила два этапа; последний представлен вышеописанным тандыром, а до него на этом месте, похоже, стояла небольшая печь. От нее, через всю длину суфы, в дальний угол помещения, тянулся двухканальный дымоход, из обломков и целых обожженных кирпичей. Этот дымоход в суфе жилого помещения, вероятно, 2-й пол.-конца XIII в., имел ряд отличий от более поздних отрарских систем отопления «типа тандыр с дымоходом». Прежде всего, он шел в суфе вдоль длинной стены, на некотором расстоянии от нее, через все помещение, и этот участок был двухканальным. Дымоход делал поворот и вел к внутренней

³⁷ Смагулов Е.А. Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре // ИМКУ, вып. 28, Самарканд, 1998, с.169-174.

³⁸ Смагулов Е.А. Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре., с.169, рис.1.

³⁹ Байпаков К.М. По следам древних городов..., см. фото на с.98.

стене дома, отделявшей жилое помещение от небольшой кладовки. Дым и жар в этот дымоход поступали от небольшой печки, как это практиковалось в домах золотоордынского времени в Хорезме и Северном Прикаспии.⁴⁰ Во второй период жизни хозяева дома отказались от кана и на место печи был встроены тандыр, а «жаропровод» остался замурованным в суфе. Очевидно, это первый (и единственный!) зафиксированный на Отраре случай, когда действительно в первом строительном периоде отопление дома можно отнести к «системе типа кан» — ее главная задача была согреть как можно большую часть суфы и удержать тепло внутри дома. Более поздние (XVI-XVIII вв.) тандыры с дымоходами в суфе вряд ли можно называть канами, поскольку основная их функция все же была не отопление, а вывод дыма из помещения. Поэтому сами исследователи, понимая принципиальную разницу между «тандыром с дымоходом» и «дальневосточным каном», признают, что «отрарские каны таковыми можно назвать лишь условно».⁴¹ Расчистка дома XIII–пер. пол. XIV вв. в «Раскопе X» показывает, что в послемонгольское время в Отраре знали систему отопления «типа дальневосточного кана»; она здесь не прижилась, однако, как нам представляется, подсказала путь вывода дыма из отапливаемого тандыром помещения. Такую систему отопления можно назвать «тандыр с дымоходом» и рассматривать, как пример культурной мутации, или стимулированной трансформации, произошедшей в результате количественного накопления инноваций во взаимодействии с вековыми традициями.⁴² Теперь, при изготовлении тандыра, в его корпусе, наряду с арочной выемкой внизу для топки, в верхней части корпуса предусматривалось отверстие для вывода дыма. Более ранние же тандыры, как показывают материалы Каратобе и Отрара XI-XII вв., и другие известные примеры, не имели дымоходов, а лишь небольшое круглое отверстие-поддувало в фасадной стенке. Это отверстие могло затыкаться обломком ручки тандырной крышки, чем регулировалась тяга. In situ такие «затычки» встречены на РЗ Каратобе (рис. 14). Как показывают археологические материалы, тандыры в виде специально изготовленных керамических изделий появляются в городских жилищах Средней Азии

⁴⁰ Секционные жилища из 2-3 помещений с центральным жилым, очень напоминающие планировку и устройство «отрарского жилища», но с типичным каном, изучались нами в регионе непосредственно граничащем с поволжскими золотоордынскими центрами, на городище Жайык на р.Урал (Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005, с. 72-86).

⁴¹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1981, с. 146; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.133. Вероятно, такая «условность» понадобилась как повод поговорить о влияниях, «кочевническом», «монгольском» и пр. компонентах в средневековой городской культуре (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР, сер. общественная, 1972, вып. 2, с. 64-69).

⁴² Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990, с. 37-39.

Раскоп 1. Общий вид

в VIII-IX вв. В домах Пянджикента, построенных или реконструированных во 2-й четверти VIII в., таких тандыров еще нет. Но есть их вероятные прототипы – печи, устроенные из перевернутого хума без дна, установленного в специальную тумбу. Традиционно они называются в литературе «тонур».⁴³ На Каратобе в СГ4 на Р1 («участок у разреза») в помещении с напольным очагом-алтарем, которое мы можем датировать не позже VIII в., расчищен полностью сохранившийся специально изготовленный тандыр (рис.15). Более широкое распространение тандыры получают во 2-й пол. IX–X вв.⁴⁴ Поначалу они не имеют ни поддувала, ни дымохода и устанавливаются в отдельную тумбу внутри помещения. И только позже находят свое место, ставшее на многие века традиционным: в суфе у входа «жилища отарского типа», в качестве универсальной печи, в которой можно было и хлеб испечь, и другую пищу в котле приготовить и которая согревала жилую часть дома в холодный период. Атрибутами тандыров были массивные круглые керамические крышки с грибовидной ручкой в центре и керамические декоративные плиты, которые вмазывались в борт суфы и оформляли устья поддувала, а потом и топок. Внешняя поверхность таких крышек зачастую инкрустировалась маленькими фрагментами стенок глазурованных сосудов, преимущественно синего или бирюзового цвета, расположение которых образовывало элементарные орнаментальные фигуры (рис. 15).

Небольшая исследованная площадь жилой застройки XIII в. на Отраре ограничивает источниковедческую базу по жилищу этого важного исторического периода. Но эту хронологическую лакуну заполняет застройка, вскрытая нами на Древнем Сауране (городище Каратобе).⁴⁵ Установлено, что во время ВСГ (конец XII–XIII вв.) и, тем более, в период СГ2 (XII в.) планировка этой части города представляла собой типичную плотную городскую застройку, состоящую из жилых массивов пристроенных вплотную жилищ, разделенных узкими улочками. Жилые массивы состояли из домов (жилищ) горожан различных социальных категорий. Большие дома, включающие целый комплекс помещений («жилые блоки»), зачастую имеют в своем составе жилые секции, состоящие, в свою очередь, из основного жилого помещения с суфой и тандыром и служебных помещений (коридор, кладовая и пр.). Выявляются жилища (дома), более представительные, и дома бедноты. Основными показателями (признаками) для такой градации принято считать площадь, занимаемую жилищем, тщательность отделки интерьеров, наличие/отсутствие декоративных элементов и особых элементов благоустрой-

⁴³ Распопова В.И. Жилище Пянджикента. Л., 1990, с.161-162.

⁴⁴ Ташходжаев Ш.С. Самаркандский жилой дом IX-X вв. // ИМКУ, вып. 13, Т., 1977, с. 97.

⁴⁵ Смагулов Е.А., Столярова Н.П. Городище Каратобе - древний Сауран // Материалы Международной научно-практической конференции «Древний Тараз и тюркская цивилизация». Тараз, 2007, 22-24 октября, с. 105-108; Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования Древнего Саурана // Известия НАН РК, сер. общ. наук, 1, 2009, с. 236-257.

ства. Традиционно площадь жилища считается наиболее объективным и универсальным показателем.⁴⁶ Наличие второго строительного периода на некоторых участках ВСГ, в ходе перестроек которого несколько исказилась первоначальная планировка домов, затрудняет понимание плана жилых комплексов, но, тем не менее, отдельные дома реконструируются довольно надежно. Установлено, что западный массив Р1 имеет в середине одно большое домовладение или жилой блок. Площадь этого дома составляет около 600 м². В его состав входит не менее девяти помещений, два из которых являются жилыми зимними секциями (пом. № 25, 29) (рис. 2). Здесь перед нами дом большой и довольно зажиточной патриархальной семьи, состоящей из двух малых, но ведущих общее хозяйство, семей. От всех прочих раскопанных на Каратобе жилищ его отличает большая площадь, наличие дополнительных спальных помещений, наличие декоративных деталей, тщательность отделки и общая благоустроенность.

Главными жилыми помещениями дома являются помещения № 29 и 25, которые отличаются наличием П-образных суф и тандыров в них. Большее помещение № 29 принадлежало главе дома, а в меньшем (№ 25), вероятно, размещалась семья взрослого сына.

Сразу же следует отметить, что общий облик и интерьеры жилых помещений сауранских домов ВСГ значительно ближе к домам Отрара СГ4 (XIV в.), чем к домам СГ5 (XII–XIII вв.). Из признаков, отличающих дома Отрара СГ4 от домов СГ5, авторы отмечали: расширение площади суфы в основном жилом помещении, исчезновение керамических ванночек-«тазаров».⁴⁷ Сюда же надо добавить, как существенный момент, исчезновение керамических алтарей в центре помещения; преобразуются тандыры: у них вместо маленьких отверстий-поддувал в нижней части, появляются широкие топки в виде арочного проема (в наиболее благоустроенных домах топки оформляются специальными керамическими плитками или просто лепными по штукатурке деталями) и дымоходы, проложенные горизонтальными отрезками в суфе и выходящие вертикальным колодцем, обычно, в ближайшей стене; перед тандыром под полом стали устраивать «ташнау», чего не было раньше, в виде поглотительной ямы со вставленным в нее крупным керамическим сосудом, перекрытым обожженным кирпичом со специальным отверстием. Тем самым завершается процесс преобразования тандыра в универсальную печь.

При этом жилища Отрара и Саурана XIII в. имеют явные отличия от жилищ других среднеазиатских городов. Так, например, хро-

⁴⁶ Беленицкий А.М., Распопова В.И., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 253; Распопова В.И. Жилище Пянджикента. Л., 1990, с.7.

⁴⁷ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв., с. 20.

нологически близкие жилища изучались в застройке города Ахсикент (Фергана). Вскрытый участок включал около полутора десятков домов анфиладной планировки. В их структуре отмечено наличие открытых или полуоткрытых дворигов и отдельных небольших санитарно-гигиенических помещений. Дома, состоящие из 2-7 помещений, интерпретированы, как относящиеся к рядовому ремесленному населению города и по комплексу данных (стратиграфия, керамика, монеты) датированы XI-XII вв. По имеющемуся описанию можно сделать вывод, что в отличие от хронологически близких домов Отрара и чуть более поздних домов Саурана, в интерьерах ахсикентских домов отсутствуют тандыры и «П, Г»-образные суфы в оформлении центрального жилого помещения, но имеются отопительные устройства типа «сандал» и открытые очаги. Нет здесь и керамических алтариков, керамических ванночек-тазаров. В ферганском Карабулаке, при всей широкомасштабности вскрытия слоев «караханидского периода», отмечено лишь два тандыра без топков.⁴⁸ В описании жилищ Самарканда караханидского периода нет сведений о суфах в помещениях, но есть упоминания тандыров. Ташнау в Самарканде появляются в IX в. – это «явление, связанное с новой религией».⁴⁹

В целом происходят весьма существенные преобразования в деталях интерьера и в общем облике южноказахстанского дома, что, естественно, свидетельствует о кардинальных изменениях в бытовой культуре населения. Следует присоединиться к ранее сформулированному мнению Л.Б. Ерзаковича, что в конце XIII–начале XIV вв. завершается процесс формирования «отрарского типа жилища».⁵⁰

Интересно отметить, что в застройке синхронных поволжских городов Золотой Орды исследователями выявлены жилища «монгольской традиции», имевших ряд деталей аналогичных «отрар-

⁴⁸ Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974, с. 41.

⁴⁹ Ташходжаев Ш.С. Самаркандский жилой дом IX-X вв. // ИМКУ, вып.13, Ташкент, 1977, с. 99.

⁵⁰ Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с.91; Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986, с. 43; см. так же: Егорова Н.П. Жилые дома Отрара XVI-XVII вв. // Национальное своеобразие зодчества народов СССР. М., 1979, с. 92; Однако мы не можем согласиться с мнением Л.Б. Ерзаковича о том, что тип позднесредневекового жилища Отрара сложился в XIV в. путем переноса «очажной ямы» от дальней стены дома к входу. Оно основано на не всегда показательном материале поздних отрарских слоев, где зачастую представлены остатки жилищ после многочисленных перестроек, последовательность которых не всегда удавалось адекватно реконструировать (Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 83). К тому же такое представление противоречит логике развития отрарского типа жилища в караханидское и раннесредневековое время.

ским жилищам».⁵¹ По определению Э.Д. Зиливинской, «все они имеют только одну комнату и сходное внутреннее оформление: вдоль стен устроена Г-образная или П-образная суфа, в одну из сторон которой встроен горизонтальный дымоход – кан, который отапливается печью или тандыром. Площадь пола в помещении обычно меньше площади суфы; пол глинобитный или же выложенный жженым кирпичом. В полу часто делали сливную яму для умывальника – ташнау.

Таким образом, в архитектурном плане эти дома совершенно единообразны, и отличительной чертой их является не только квадратная (или близкая к квадрату) в плане форма, но и наличие всего одного жилого помещения. Группы, выделенные внутри этого типа, отличаются лишь по строительному материалу и, соответственно по технике строительства».⁵²

Этот тип жилища сформировался, надо полагать, еще в «дзолотоордынское» время как преобразование в стационарную форму кочевого сборно-разборного жилища – юрты, и был свойственен традиционной культуре монгольских «кочевников».

Отметим, что кардинальное расширение площади суфы, произошедшее в XIII в., по нашему мнению, напрямую взаимосвязано с исчезновением из интерьера домов напольных глиняных очагов-алтарей, занимавших до этого всю центральную часть пола помещения, при этом, естественно, вдоль стен могли разместиться лишь узкие (0,5-1,2 м) суфы. Теперь же края суф выдвигаются к двери и образуют перед ней «площадку ташнау». Это явление можно связать с усилением процесса исламизации местного городского населения, следствием чего стало исчезновение из центра основных жилых помещений очагов-алтарей, имевших явно языческий культовый характер. При этом удивляет столь позднее, как в Отраре, так и в Сауране, исчезновение из интерьера жилищ этих явно языческих атрибутов (?!). Высота суф стандартизируется (45-60 см), поскольку теперь в них размещаются керамические, отдельно изготовленные по определенным стандартам, тандыры, служившие печью универсального назначения. В тандыре можно было печь хлебные лепешки, на него можно было ставить казан. Жар тандыра согревал окружающую его суфу, которая продолжительное время, надо полагать, сохраняла и равномерно отдавала тепло. В это же время исчезают из интерьеров жилых помещений алтарные подиумы у стен, и, вероятно, культовые ниши алтарей над ними. Или же они преобразуются в декоративные ниши, служившие для размещения престижных

⁵¹ Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М., 1970, с. 172-193; Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 80-88; Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 89-131.

⁵² Зиливинская Э.Д. Усадебные дома в городах Золотой Орды // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1, с. 364.

Раскоп 1. Общий вид

атрибутов, посуды и пр. Причем эти преобразования не выглядят как распространение сложившегося где-то и привнесенного типа жилища, а более похожи на результат естественных эволюционных изменений, вследствие накопления и модернизации отдельных элементов. Т.е. можно говорить о вполне местном автохтонном явлении – «отрарском типе жилища», начиная, как минимум, со 2-й половины XIII в. Представляется вполне естественным, что завершение формирования «отрарского жилища» происходит в период, последовавший за монгольским завоеванием края. Можно предположить, что в этот период в регионе происходят существенные преобразования в этническом составе населения, повлекшие изменения в материальной культуре. Благодаря недальновидной политике хорезмшахских управленцев Отрар подвергся сильнейшим разрушениям и, хотя быстро возродился как город, но так и не достиг прежнего уровня развития, а облик его материальной культуры существенно отличался от прежнего. Но при этом имеющиеся археологические материалы свидетельствуют, что истоки позднего отрарского жилища лежат в более ранних исторических пластах.

4.3. Жилище раннесредневековой эпохи

Обобщая материалы по жилищу Отрарского оазиса VI–X вв., где вскрыты достаточно широкие площади застройки, таких городищ, как Кок-Мардан, Куйрук-тобе, Коныр-тобе, Алтын-тобе, можно реконструировать развитие единого типа жилища с различными вариантами. Аналогичные по основным типобразующим признакам жилища распространены и в Туркестанском оазисе (Сидак, Каратобе, Шойтобе). Отметим, прежде всего, что жилище отдельной малой семьи, в условиях плотной застройки поселения внутри стен, состояло из одного-двух-трех помещений, связанных между собой дверными проходами. Т.е. и тут мы видим ту же жилую ячейку/секцию, являющуюся «эмбрионом» формирования разнообразных планировочных вариантов жилищ. Центральным и зачастую единственным помещением было жилое «помещение с суфами». Есть все основания полагать, что это помещение являлось главным жилым, и путем присоединения к нему дополнительных «служебных» комнат происходило варьирование этого типа жилища. Наличие дополнительных помещений, за счет которых увеличивалась общая площадь жилища, может служить показателем состоятельности и социального статуса хозяина. Появление дополнительных комнат происходило не обязательно путем «сегментации из первоначального помещения» (что должно было вести к сокращению площади жилого («первоначального») помещения), а, скорее, путем присоеди-

нения дополнительной селитебной площади внутри жилого массива (квартала). При этом, на наш взгляд, появлялся не новый тип жилища, а варианты внутри единого типа.⁵³

Что же представляло собой центральное («основное») жилое помещение в раннесредневековом присырдарьинском доме? Это было достаточно просторное подквадратное помещение площадью примерно 18-32 м². Вход в него вел прямо с улочки или же из подсобного помещения-прихожей. Дверной проем устраивался в углу помещения, вдоль одной из продольных стен («скользящий проход») или в середине фасадной стены. Перед входом примерно в 0,9-1,1 м от стены ставилась стенка-«экран», закрывавшая от входящего внутреннее пространство помещения. Обогнув ее, посетитель, оказывался в жилом пространстве, перед открытым напольным очагом, в котором, надо полагать, всегда тлел огонь. Очаг представлял собой слегка приподнятую над полом огороженную глиняным валиком площадку около 1 м², в центре которой была круглая лунка (вариант: вмазанный в дно небольшой керамический сосуд). У короткой стороны очага обычно имеется пара симметричных глиняных конусовидных выступов (рис. 18).

Вдоль 2-3-х стен помещения устраиваются суфы-лежанки. На ранней стадии (IV-VI вв.) они были довольно узкими (около 0,8-1,0 м) и невысокими (15-30 см). Со временем намечается тенденция их увеличения, как по высоте, так и по ширине. В одном из углов, чаще у лицевой стены, суфа отсутствовала, но здесь в тщательно обмазанном полу фиксируются развалы керамики, лунки для установки сосудов (?), зернотерки, т.е., можно предположить здесь кухонно-хозяйственный отсек. Помимо напольного очага в одной из стен устраивался простейший очаг-камин, в виде полукруглой выемки в стене с отгороженным глиняным бортиком узким участком перед каминной нишей для золы. Подобные каминны обычно устраиваются на суфе, иногда же суфа в этом месте стены отсутствует. В таких каминях зачастую находятся обломки плоских керамических сковород-жаровен, служивших, как полагают, для выпечки хлебных лепешек. Там же, на суфе, иногда устраиваются, в виде полукруглого, сегментовидного или подпрямоугольного возвышения, алтарные подиумы. Над ним, при хорошей сохранности высоты стен, иногда удается установить наличие в стене алтарной ниши с арочным верхом. Иногда фиксируются глиняные валики, по контуру ниши, с какими-то отростками, венчающие или как бы «вырастающие» из ниши.⁵⁴

⁵³ Обобщая данные по раннему жилищу отрарского оазиса, К.М. Байпаков выделяет до трех типов домов (Байпаков К.М. Гордище Куйрыктобе - город Кедер. Алматы, 2005, с. 52-53). Подобные «типологии» есть следствие не проработанности адекватной системы признаков для классификационных процедур, и не унифицированности терминологии, т.е. круга теоретических вопросов, достойных специального рассмотрения.

⁵⁴ Смагулов Е.А. Новые данные к реконструкции комплекса культовых атрибутов..., с. 27-28.

Рис. 18. Типичное раннесредневековое жилое помещение. Каратобе, 2010 г.

В том случае, если в жилище есть дополнительное помещение-кладовка, то она расположена за задней стеной жилого помещения (в глубине жилища). В нее ведет также «скользящий» проход вдоль продольной стены. В этом месте суфа вдоль задней стены прерывается; иногда же вход в кладовку сделан прямо с суфы. Кладовка – это обычно узкое помещение вдоль всей стены жилого помещения. Часть ее занята суфой, в нее были вкопаны один-два хума, развалы тарных сосудов фиксируются вдоль стен (рис. 19: 6,7).

Как показывают исследования раннесредневековых памятников, в Отрарском оазисе жилища этого типа распространены на наиболее раннем этапе, или в «Кокмардановском комплексе» VI–I-й пол. VII вв.⁵⁵ Уже на этой стадии жилища являют собой вполне развитый и устойчивый тип, адаптированный к местным климатическим условиям, с устоявшимся набором элементов благоустройства, приспособленный к плотной застройке огражденной стенами территории.

Таковой представляется «модель» типичного дома населения средней Сырдарьи (Ташкентский, Отрарский, Туркестанский оазисы, бассейн Арыси) в раннесредневековую эпоху (IV–VIII вв.). Признано, что этот тип жилища «традиционен» для данного региона (наиболее ранние датируются примерно с III в. н.э.) и обнаруживает устойчивые синхронные и типологические связи, прежде всего, со всем присырдарьинским регионом (от низовьев до Ферганы).⁵⁶ Нетрудно заметить, что планировка его является прототипом планировки «жилой ячейки» позднего «жилища отрарского типа» (рис. 19). В последующем развитие этого типа организации внутреннего жилого пространства идет по пути расширения и увеличения в высоту суф, появления в интерьере жилого помещения тандыров (устройство которых существенно эволюционирует в период IX–XIII вв.), при расширении размеров самого жилого помещения, в его центре появляется опора-колонна, поддерживающая кровлю и т.д. В ходе развития и постепенного отхода от архетипа, такой тип жилого помещения становится прототипом культовых помещений («святотелиц», «капелл»). В них консервируются наиболее типические черты – периметральные суфы, дополнительная изоляция дверного проема от интерьера, алтарь-очаг в центре, шатровое перекрытие со светодымовым отверстием в центре пирамидальной (конусообразной?) крыши и пр. Такие культовые помещения характерны для раннесредневековых жилых комплексов Средней Азии, в которых, по определению Гуревича Л., они выполняли определенную социально-культурную функцию – «воспроизводить традиционный образ жизни предков»⁵⁷ и

⁵⁵ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана ... с. 42.

⁵⁶ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана..., с. 85, 86.

⁵⁷ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990, с. 85.

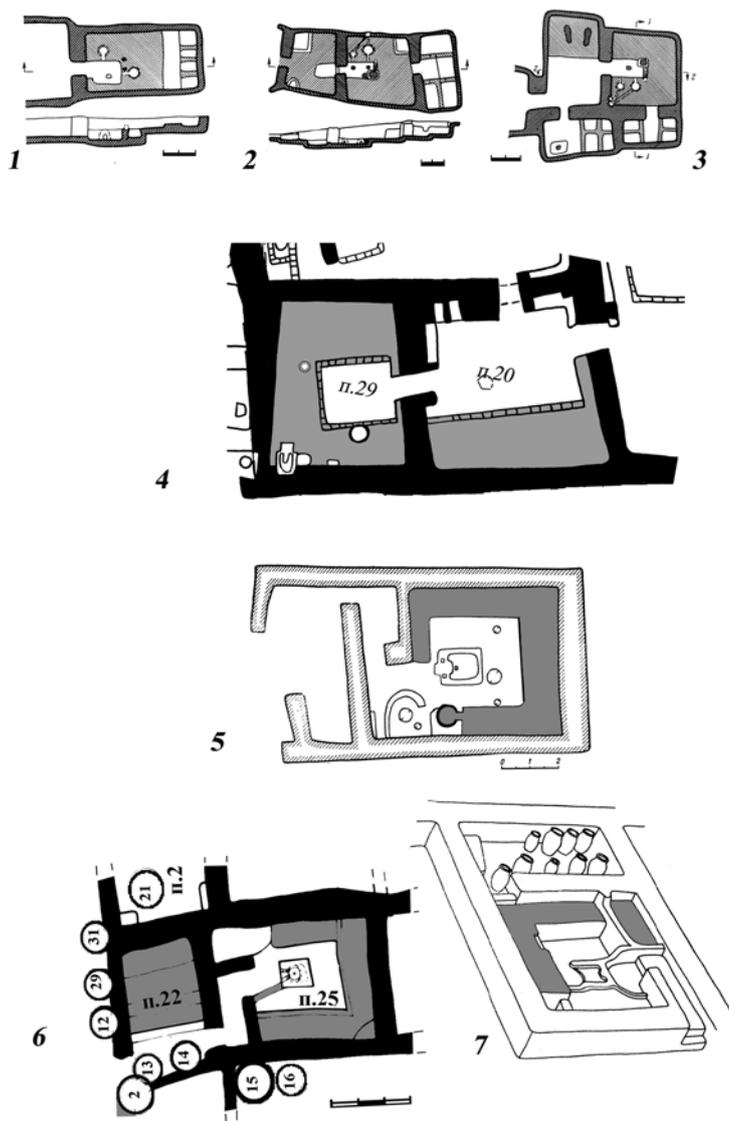

Рис. 19. «Жилище отрарского типа» VII–XVIII вв. 1–3 – жилища Отрара XVI–XVIII вв.; 4 – жилая ячейка сауранского дома XIII в.; 5 – жилище Куйрук-тобе, X–XI вв.; 6 – жилище Алтын-тобе, VII–VIII вв.; 7 – реконструкция жилища Коныр-тобе, VII–VIII вв.

тем самым осуществлять необходимую для всякого социума «связь времен», приобщения к духовным истокам народных традиций.

В следующем по времени «Куйруктобинском археологическом комплексе» VII–IX вв. продолжает существовать и развиваться прежний тип дома, с одним основным жилым помещением с суфами по периметру и подсобной кладовой.⁵⁸ Как показали исследования

⁵⁸ Характеристика жилища в «куйруктобинском комплексе» почему-то отсутствует (Байпаков К.М. Средневековая городская культура ..., с. 48–52), но она имеется в других публикациях (напр.: Байпаков К.М. Городище Куйрук-тобе – город Кедр. Алматы, 2005, с. 46–47).

Куйруктобе, этот тип жилища стал достаточно интенсивно трансформироваться лишь со 2-й пол. XI в., когда в интерьере домов широко распространились тандыры, появились «ташнау», исчезли напольные «очаги-алтари», суфы стали занимать значительно большее место в жилом помещении. При сохранении традиционной связи «жилое помещение+кладовка» стали появляться планировки, которые объединяли в явно одном комплексе помещений, связанном проходами через общий коридор или вестибюль (т.е. «в доме», «под одной крышей», «в жилом блоке»), две и три такие жилые ячейки. В домах городской элиты появляются дополнительные помещения-спальни, отдельные помещения-«мехмонхана», небольшие комнатки «даретхана» и т.д. (рис. 19:5,4). При этом возникают различного вида планировки, которые были обусловлены, прежде всего, теснотой земельного участка и необходимостью «вписать» жилище в сложившуюся застройку жилого массива. Их обычно описывают как «крестовидные», «коридорные» и пр. планировки.

Т.е. имеющиеся материалы свидетельствуют, что в период IV–XII вв. в Отрарском и соседних оазисах существовал и развивался единый тип жилища. С IX–X вв. в этом типе жилища на селективной основе накапливаются новые признаки, т.е. детали интерьера, свидетельствующие о некоторых преобразованиях в бытовой культуре. Эти новации укладываются в бытовые предписания ислама, и можно считать, что на окончательное оформление позднесредневекового жилища «отрарского типа» оказало влияние завершение процесса реальной исламизации местного городского населения. Массовое распространение новой формы жилища, точнее, новой вариации прежней формы, среди рядового городского населения происходило в условиях консолидации новых черт в городской культуре в новых этнокультурных условиях, возникших как следствие монгольского завоевания.

4.4. К вопросу о происхождении жилища «отрарского типа»

Происхождение и распространение. Поскольку слои первых веков до и нашей эры в Отрарском и соседних оазисах изучены очень слабо, мы не имеем представления об облике жилищ этого периода, не имеем надежных данных о времени появления оседлой культуры в регионе вообще. Т.е. остаются неясными, наряду с другими, вопросы появления в регионе оседлого типа жилища и его происхождения. Эти два взаимосвязанных вопроса, на наш взгляд, в целях адекватного анализа следует разделить и рассмотреть на фоне материалов из соседних регионов.

В центральном жилом помещении жилища раннесредневекового Чача, Тохаристана и Согда основной деталью интерьера яв-

ляется «П-образная» суфа и очаг-алтарь в центре помещения. Такая же планировка консервируется в устройстве интерьеров святилищ.⁵⁹ Интересно отметить, что поиски генетических аналогий такой планировке святилищ в культурах древнеземледельческого типа не увенчались до сих пор успехом. Единственно Л. Гуревичу принадлежит интересное наблюдение, связывающее подобные планировки в раннесредневековых жилищах Согда с жилищами джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи: «В итоге краткого обзора квадратных помещений с алтарями можно сказать, что этот архитектурный тип сложился в русле градостроительной традиции восточноиранских народов Средней Азии, памятникам которой свойственна и центральная симметрия, и статичность композиции. *Истоком типа, возможно, является форма архаических жилищ обитателей Приаралья.* Устанавливается, что деревянное перекрытие раннесредневековых помещений этого типа имело форму усеченного шатра, огонь на алтаре поддерживался в замкнутом помещении, без дымохода, несмотря на присутствие в некоторых случаях настенной сюжетной росписи. В помещениях происходили торжественные трапезы с возлияниями, возможно связанные с семейной обрядностью. Остатки костей в определенном месте указывают и на характер жертвоприношений»⁶⁰ (выделено нами – С.Е.). И в другом месте относительно аналогий планировке с «П-образной суфой» в застройке Зар-тепе кушанского периода им отмечено, что «ближайший прототип помещения находится среди памятников дельты Сырдарьи. Это помещения жилых домов Джеты-Асар 12, функционировавших в первых веках нашей эры и прекративших существование «несколько позднее, чем Джеты-Асар 2», т.е. по-видимому, в III–IV вв. н.э. Каждая из жилых секций включает близкое к квадрату помещение, с трехсторонней суфой, тамбурными выгородками и разными очагами, среди которых выделяют расположенный недалеко от входа обязательный овальный очаг с рогатыми-кирпичами. По-видимому, квадратное помещение было в доме главным, выполнявшим утилитарные и символические функции».⁶¹

Изучение культурных преобразований в Средней Азии в период поздней античности и в начале раннего средневековья, по мнению специалистов, показывает, что, здесь произошло кардинальное изменение форм материальной культуры, и, прежде всего, изменился

⁵⁹ Филанович М.И. К типологии святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987, с.148-156; Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф. Культовые помещения при жилых домах с городища Канка // ИМКУ, вып. 21, Т., 1987, с. 76-88; Ахунбабаев Х.Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987; Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990, с. 67-87; Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.). СПб., 2009.

⁶⁰ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл»..., с.78.

⁶¹ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл»..., с. 73.

Раскоп 1. Общй вид

характер такого важного этнокультурного показателя, как жилище. Стало «общим местом», по Вайнберг Б.И.,⁶² связывать распространение этих инноваций с продвижением на рубеже IV–V вв. «джетыасарцев» вверх по Сырдарье, что дало импульс смещению «каунчинцев» во внутренние оазисы Средней Азии. Л.М. Левина датирует время массового распространения джетыасарских керамических форм вверх по Сырдарье, на территорию среднесырдарьинских культур, концом III–нач. IV вв. Причем эта инвазия культурных признаков столь существенна, что значительно изменяет облик самих культур, и дальнейшее их развитие характеризуется уже как следующий, третий, этап, со своим характерным комплексом признаков.⁶³ С этой инвазией, в частности, связывается распространение погребальных сооружений в виде наземных склепов в Фергане.⁶⁴ А также это явление отразилось, по аргументированному мнению Р.Х. Сулейманова, в формировании СГIII городского храма городища Еркурган, и в целом облика культуры этого периода в Нахшебе (Южный Согд). Здесь выявлено примыкающее с запада к храму монументальное здание (20x20 м по периметру интерьера), в планировке которого отразились инновации «джетыасарской архитектурно-строительной традиции».⁶⁵ Автор сопоставляет его планировку с планировкой интерьеров джетыасарских наземных погребальных склепов (тип 3), во множестве исследованных Л.М. Левиной на высохших руслах Сырдарьи.⁶⁶ С этой же инвазией носителей присырдарьинских культур во внутренние оазисы Средней Азии связывает Р.Х. Сулейманов формирование архитектурного облика раннесредневековых замков и распространение крестовидных в плане культовых сооружений.⁶⁷

Надо полагать, что это движение осуществлялось по давно проторенным путям, и в среде генетически родственных племен и общин. Присутствие в более раннее время на средней Сырдарье населения «сарматского круга» четко документируется стратиграфией городища Шаштобе (Ташкентский оазис), где могильник «пришельцев с северо-запада – из Приуралья и Приаралья» – размещается на развалинах бургулюкского поселения, а этот горизонт перекрывается монументальной постройкой культуры Каунчи.⁶⁸ В это же

⁶² Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., с. 255.

⁶³ Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первой половине тысячелетия н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с.174.

⁶⁴ Матбабаев Б.Х. К вопросу изучения подземных склепов и погребений в камышовых гробах Ферганы // ИМКУ, вып. 29, Самарканд, 1998, с. 71.

⁶⁵ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э.- VII в.н.э. Самарканд-Ташкент, 2000, с.143.

⁶⁶ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.

⁶⁷ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб..., с. 259, 265.

⁶⁸ Филанович М.И. К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа а Ташкенте // ИМКУ, вып. 25, Ташкент, 1991, с. 77-87; Филанович М.И. К вопросу о путях движения ранних номадов (Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизации. Мат-лы Междунар. конф. СПб., 1999, с.124-125.

время здесь наблюдаются процессы активного заселения всех ирригационных районов, появление множества новых поселений и их систем, т.е. это явление можно охарактеризовать как «урбанистический взрыв».⁶⁹

Очевидно, аналогичные последствия имела эта миграция и в других регионах средней Сырдарьи, где на базе местных гидроресурсов закладывалась основа последующей оазисной системы расселения, и складывалась своеобразная оседлая культура, имевшая для многих компонентов прототипы именно в джетыасарском урочище этапа 1б (по Л.М. Левиной⁷⁰). Е.Е. Неразик вполне обоснованно обратила на это особое внимание. Она подчеркивает, что в Средней Азии в это время изменился облик жилищ, распространились большие дома-массивы с центральным коридором или двором и многими жилыми и хозяйственными помещениями, подведенными под общую кровлю. Если в Согде, Чаче, Фергане в VI–III вв. до н.э. были традиционные жилища «земляночного типа»,⁷¹ то со II в. до н.э. распространяются наземные дома в которых «интерьер жилых помещений... так же, как и в Хорезме, был организован, прежде всего, П-образной или Г-образной суфой, не характерной ранее для жилищ этих областей... Интерьер жилых комнат стал иным: вдоль трех или четырех стен тянулась кирпичные суфы, посредине помещался открытый очаг-кострище, на одной из суф устраивался тандыровидный очаг».⁷² Действительно, отмеченные детали интерьера жилых помещений не известны в городских жилищах античной периода Средней Азии. В то же время они характерны для жилищ самых ранних слоев городищ низовьев Сырдарьи (джетыасарская культура). Здесь сильно укрепленные крепости застраивались «жилыми секциями», характерными признаками которых было наличие в центре на полу открытого типа очага-алтаря и невысоких суф-лежанок по периметру стен. Жилище состояло из 2-3-х помещений («жилая секция»), в нем центральное жилое помещение имело выше отмеченные признаки. Стоит привести подробную характеристику этих вариантов по Л.М. Левиной: «Основные, или главные, жилые помещения в каждой секции – всегда самые большие по площади, в центре имели открытый очаг, обычно в плане овальный или подпрямоугольный с закругленными углами, заглубленный ниже уровня пола, с глиняными бортиками, часто соединенными маленькими дугообразными глиняными же валиками с предвходовыми валикообразными

⁶⁹ Буряков Ю.Ф., Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев // ИМКУ, вып. 29, Самарканд, 1998, с. 77.

⁷⁰ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996. с.

⁷¹ Омельченко А.В. К вопросу о технике домостроительства Средней Азии в эллинистический период (по материалам поселений долины Кашкадарьи) // ИМКУ, вып. 34, Самарканд, 2004, с. 62-68.

⁷² Неразик Е.Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с. 37.

краями суф, расположенных вдоль стены по обе стороны прохода. Совместно с такими же маленькими валиками, отделяющими торцовые части суф от прохода в помещение, упомянутые очаговые валики отделяли предвходовое пространство, получившее название «лоткового входа». В месте соединения этих валиков с бортиками очагов помещались симметрично по отношению друг к другу два усеченно-конической формы «рогатых кирпича» (или «очажные подставки»). Низкие и широкие суфы чаще всего строились вдоль двух противоположных стен и в центральной своей части перерезывались проходами. От проходов площадь суфы отделялась невысокой загородкой, изготовленной из поставленных на длинное ребро сырцовых кирпичей, дополнительно обмазанных глиной, или на каркасе из дерева и прутьев, также обмазанных глиной. Суфы-лежанки в большинстве помещений джетыасарских городищ сооружались следующим образом: из поставленных на ребро сырцовых кирпичей делалось внешнее ограждение суфы, пространство между стеной помещения и кирпичным ограждением заполнялось кирпичным ломом с костями животных и рыб, фрагментами керамики, а затем тщательно обмазывалось глиной.

Иногда на суфе (ширина их обычно 1-1,3 м, высота 10-20 см) помещался пристеночный очаг-камин с отражателем из поставленного на ребро кирпича. В основных жилых помещениях встречались и своеобразные спиралевидные в плане глиняные конструкции-подставки для зернотерок. Такие конструкции-подставки для зернотерок, как и специальные сосуды-зернохранилища, неоднократно отмечены в интерьере основного жилого помещения каждой секции. Жилыми трехкомнатными и двухкомнатными секциями с основным помещением, имеющим вышеописанный интерьер, в периоды 1б и 1в застраивались вторые и третьи площадки городищ (раскоп V Бедаик-асара, раскопы VI, VII Томпак-асара). Стены секции ставились или на материковую поверхность или на культурный слой или на забутовку больших помещений типа сараев.

Наряду с вышеописанной планировкой основного жилого помещения секции существовал и другой ее вариант. На городище Томпак-асар последний вариант составлял менее трети от числа раскопанных здесь секций. При втором варианте внутренней планировки основного жилого помещения секции проход в него располагался не в центре одной из стен, а в углу (так называемый «скользящий» проход), а предвходное пространство, своеобразный тамбур, отделялся от основной площади помещения высокой (1,5 м и более), узкой кирпичной стеночкой, длиной 1,5-2 м. Вдоль трех стен помещения П-образная суфа, более узкая и высокая, чем суфы в таких помещениях при планировке первого варианта. Здесь также в центре помещения располагался заглубленный ниже уровня пола открытый очаг, круглый в плане, с высокими бортиками, с пристроенной к очагу трапециевидной в плане площадкой, на которой поставлены две усеченно-конической формы «очажные подставки». При неоднократных перестройках основного жилого помещения внутри

секций обычно менялись, в первую очередь, местоположение и размеры суф. Что касается центрального очага, то даже при капитальных перепланировках изменялась лишь ориентация длинной оси очага, но центр его оставался неизменным».⁷³

Возникнув в первых веках до н.э., эти варианты жилья без особых изменений просуществовали в основном регионе распространения Джетыясарской культуры вплоть до VIII–IX вв. Последний вариант, как отмечает Л.М. Левина, количественно менее представлен, но он, похоже, получил развитие в ранних жилищах средней Сырдарьи (в зонах распространения Отрарско-Каратауской и Каунчинской культур),⁷⁴ а позже и в раннесредневековых домах других оазисов Средней Азии. Еще предстоит выяснить, проведя целенаправленные исследования ранних слоев памятников, имеют ли жилища такого типа местный генезис с конца I тыс. до н.э., или же они распространились по присырдарьинским оазисам с волнами «джетыясарских миграций». Массовый материал из низовьев Сырдарьи теперь наглядно демонстрирует важную, если не определяющую, роль в этнокультурогенезе всей Средней Азии степных племен, массово расселявшихся в оазисах и прилегающих степях. По мнению специалистов, «подобные факты фиксируются многократно, но особенно значительный приток носителей иных культур отмечается в последние века до н. э., в III–IV вв. н.э., в конце V–VI вв. Но взаимодействие носителей джетыясарской культуры с иными племенами в урочище не проходило бесследно для «джетыясарцев». Так, в конце III–IV вв. гибнет в огне военных столкновений целый ряд джетыясарских городищ, другие покидаются их жителями. В материальной культуре появляются «чужие» элементы, в том числе и «гуннские». Вероятно, под влиянием волны кочевников с востока происходит передвижение больших групп джетыясарского населения в районы Северного Кавказа и далее на запад, и одновременное продвижение другой части «джетыясарцев» по правому берегу Сырдарьи, на юго-восток и юг, по крайней мере, до районов Ферганы».⁷⁵

Происхождение такого типа жилищ в среднеазиатских оазисах принято связывать с заселением их выходцами из присырдарьинского региона, поскольку наиболее ранние слои (первые века до н.э.) с такого типа домами вскрыты на поселениях низовьев Сырдарьи. Эта миграция населения присырдарьинских культур предопредели-

⁷³ Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э.- I тысячелетие н.э. М., 1996, с. 25-26, рис. 10, 29, 27-30, ил. 15-17, 35.

⁷⁴ Археологические исследования пока не выявили преемственной связи ранних этапов Каунчинской культуры с предшествующей ей Бургулюкской культурой в части жилищного строительства (Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с.50-67).

⁷⁵ Кляшторный С. Г., Левина Л. М. Об одной рунической надписи с городища Алтын-Асар (Восточное Приаралье) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989, с. 90.

Раскоп 1. Общий вид

ла ход этнокультурного развития всей Средней Азии в конце I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э.⁷⁶ Это время, по основанному на множестве археологического материала мнению, может характеризоваться как эпоха череды волн массовых миграций кочевого в недавнем прошлом и полукочевого населения, значительно изменившей облик местной древней культуры во всех ее проявлениях. Племена и народы, ведшие комплексное хозяйство в присырдарьинском регионе, сохранявшие традиционные устои общественной жизни и идеологии, вторглись в среднеазиатские оазисы, местами сменили местную социальную элиту,⁷⁷ и в конечном итоге, принесли много нового и своеобразного в местную культуру, от гончарных традиций до культовой архитектуры. Однако, вопрос о происхождении жилищ «джетыасарского типа», насколько нам известно, не ставился.⁷⁸

Учитывая известное положение, рассматривающее джетыасарскую культуру как культуру осевших, прежде кочевых и полукочевых в основном восточно-иранских по происхождению племен,⁷⁹ логично видеть в ранних формах джетыасарского жилья воспроизведение жилищ, свойственного этим народам на кочевой стадии, когда им **в качестве жилищ служили преимущественно крытые повозки или жилища на колесах. Т.е. есть основания считать, что «истоки типа» раннего джетыасарского жилища лежат в домостроительных традициях кочевых в прошлом племен.** О существовании такого типа жилищ у скифов, алан, гуннов, вплоть до поздних кочевников, неоднократно говорят древние и средневековые авторы, наблюдавшие кочевой быт. Имеются и археологические материалы, позволяющие судить о внешнем и внутреннем облике этих домов на колесах. Это известные глиняные модели кибиток, т.н. «игрушки».⁸⁰ Или, например, детали интерьера скифских погребальных катакомб, которые, по мнению В.С. Ольховского, «свидетельствуют о стремлении смоделировать в камере интерьер

⁷⁶ Напр.: Аскарлов А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с. 3-14; Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна средней Сырдарьи в древности и средневековье... с. 50-67.

⁷⁷ Об этом в частности свидетельствует совпадение начертаний тамгообразных знаков на керамике средней Присырдарьи и тамг на ранних местных монетах кангюйских владений (Смагулов Е., Яценко С. Тамги и рисунки на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Мат-лы международной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 2006, с. 8-24; Ержигитова А.А., Смагулов Е.А., Демиденко С.В. К происхождению одной чачской династии // Известия НАН РК, сер. обществ. наук, 1, 2009, с.168-173.)

⁷⁸ Жилина А.Н. О некоторых древних чертах жилища оседлого населения Средней Азии // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых работ 1972 года: Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Т., 1973, с. 54-55.

⁷⁹ Проблемы происхождения и датировки ранних этапов Джетыасарской культуры см.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999, с.173-194.

⁸⁰ См.: Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – пер. пол. II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 7-49.

жилой постройки или крытой повозки».⁸¹ Из древних авторов интересно сообщение Гиппократов, который отмечает, что у скифов «нет домов, а живут они в кибитках», из них «наименьшие бывают четырехколесные, а другие – шестиколесные, они кругом закрыты войлоком и устроены *подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями*, они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях» (выделено нами – С.Е.).⁸²

Здесь интересна подчеркнутая важная деталь – жилище на повозке, в отличие от другого более позднего изобретения кочевников, сборно/разборной юрты,⁸³ состояло из двух-трех «отделений», мы бы сказали, – комнат, если бы это было стационарная, более капитальная каркасная, бревенчатая или кирпичная постройка. О мобильном жилище гуннов имеется сообщение у Аммиана Марцеллина: «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение, как к гробницам... У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша... и на чужбине они не входят в жилища, за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей». «Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости».⁸⁴ Вполне справедливо замечание Л.Г. Нечаевой о том, что у гуннов в кибитках так же существовало разделение на 2-3 отсека.

Имеются свидетельства очевидцев, которые необходимо принимать во внимание, оценивая развитость форм мобильного жилища, их многообразие, существовавшее еще в сравнительно недавнем средневековом прошлом. Ибн Баттута во время его знаменитого путешествия по Золотой Орде (1-я пол. XIV в.) довелось видеть ставку одного из ханов, которая традиционно называлась Урду/Орда. Он с нескрываемым удивлением писал: «...и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары, да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху: они варят пищу во время самой езды своей, и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки...».⁸⁵

⁸¹ Ольховский В.С. Поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991, с.33.

⁸² Цит. по: Нечаева Л. Г. О жилище кочевников..., с.11.

⁸³ По мнению некоторых исследователей, юрта возникла у тюркских кочевников в середине I тыс. н.э. (Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991, с.50).

⁸⁴ Цит. по: Нечаева Л. Г. О жилище кочевников..., с.19.

⁸⁵ Золотая Орда в источниках. М., 2003, с.132.

Нам же следует добавить, что **при воспроизведении планировки мобильной кибитки в стационарных условиях в виде каркасной или сырцовой постройки, очевидно, и получались планировки жилищ, подобные тем, что исследованы в нижних слоях джетыясарских, отрарских, каунчинских памятников, т.е. линейно расположенные 2-3 помещения с одним центральным жилым, подквадратным в плане.** К тому же над этими центральными жилыми помещениями можно реконструировать пирамидально-ступенчатую крышу («типа дарбази») с центральным дымовым/световым отверстием над центральным очагом. Такие пирамидальные перекрытия были и над кибитками, как можно судить по их керамическим моделям.⁸⁶ Они же реконструируются над святилищами присырдарьинских культур.⁸⁷ Интересно отметить, что позже иной тип кочевого жилища – юрта, стала прототипом стационарного жилища в застройке золотоордынских городов. По мнению В.Л. Егорова, жилая ячейка/секция золотоордынской усадьбы имеет происхождение от формы жилища, возникшей в степях Монголии в результате трансформации юрты.⁸⁸

Предпринятый обзор палеозтнографических данных по развитию жилого домостроительства в присырдарьинском регионе, органической частью которого были Отрарский и Туркестанский оазисы, свидетельствует о том, что здесь в течение более двух тысячелетий развивался один традиционный тип жилища. Он возник как повторение в новом материале образа и планировки жилища, существовавшего в мобильном виде, в виде жилища каркасной конструкции, обтянутой войлоками, кожами и тканями на повозке.⁸⁹ Значение и роль этого вида мобильного жилья в истории культуры кочевничества оказалась, на наш взгляд, недооцененной. А появление у оседающих тюрко-монгольских племен и народностей стационарных форм жилья всегда и всюду объяснялось или заимствованием у ранее оседлых народов, или трансформацией юрты и ее более ранних прототипов.⁹⁰ Мы же считаем, что «отрарский тип жилища» имеет самостоятельное древнее происхождение, и прототипом его планировки было внутреннее устройство кочевой кибитки. Вероятно, что такой тип дома был распространен по бассейну Сырдарьи с движением «джетыясарцев», но вполне возможно, что при оседании очередной кочевой орды (ее части, естественно) на разных территориях каждый раз происходило независимое воспроизводство этой общей и естественной для новых участников процесса оседа-

⁸⁶ Нечаева Л. Г. О жилище кочевников..., рис. 1.

⁸⁷ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл»..., с. 76-77.

⁸⁸ Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая..., с. 180-182; Егоров В.Л., Жуковская Н.Л. Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979, с. 198-216.

⁸⁹ С.И. Вайнштейн называет такой вид жилища «шалаш на колесах» (см.: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии..., с. 49).

⁹⁰ Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России..., с. 1, 43-46.

ния формы жилища, но с различиями в мелких деталях интерьера. О том, что в прошлом кочевое население могло достаточно долго сохранять приверженность древним формам построек, выглядевшим в новых условиях как экзотичный рудимент, свидетельствует например, бытование в Средней Азии перекрытий в виде деревянного шатра над раннесредневековыми культовыми помещениями в массиве застройки из сырца и пахсы; или сохранившаяся в южных индийских штатах, вплоть до средневековья, традиция строить каменные индуистские ратха-храмы на колесах (храмы Суры, Индры). По существующему мнению, эти каменные храмы на колесах воспроизводили форму деревянного мобильного храма, бытовавшего еще у древних ариев.⁹¹

В результате нескольких волн инвазии населения с берегов Сырдарьи во внутренние оазисы Средней Азии, этот тип жилья, отразившийся в планировке культовых помещений, получил широкое распространение. Дальнейшая эволюция была обусловлена появившимися в условиях стационарного быта новыми возможностями, а также особенностями местных домостроительных традиций. Существенные преобразования в интерьере жилища повсеместно происходили в эпоху проникновения в культуру местного населения бытовых норм ислама. Этот процесс, как и процесс исламизации оседлого населения края, был растянут во времени. В конечной фазе на нем сказались последствия этнокультурного смешения, вызванного монгольским завоеванием края. В результате, к концу XIII в. сложился «отрарский тип жилища», просуществовавший в регионе вплоть до XX в. Учитывая четко различимый «южноказахстанский компонент» во влияниях на сложение городской культуры Поволжских городов золотоордынской эпохи,⁹² можно сформулировать предположение, что этот тип жилища (в полной «трехчастной форме») в период интенсивного строительства городов и поселений в северо-каспийских регионах Золотой Орды, распространился с берегов Сырдарьи до среднего течения р. Урал. Как оказалось, усадьбы Жайыкского городища состояли из подобных жилых ячеек, но только с системой отопления в виде типичных канов.⁹³ В то время как в синхронной застройке Поволжских городов преобладали усадьбы с жилищами «монгольского типа», с похожими жилыми ячейками, но отличными по планировке и технологии строительства от «отрарского жилища».⁹⁴ Похоже, это был последний исторический период, когда «жилища отрарского типа» оказали влияние на жилищное строительство в отдаленных от берегов Сырдарьи регионах.

⁹¹ Павлов Н.П. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. М., 2001, с. 153-154.

⁹² Ерзакович Л.Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 60-68.

⁹³ Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык..., с. 72-80.

⁹⁴ Зиливинская Э.Д. Усадебные дома в городах Золотой Орды // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1., с. 364-377.

глава 5

Находки: следы материального мира

5.3.

245 Изделия из камня

5.7.

278 Находки неясного назначения

5.4.

248 Изделия из бронзы.
Бронзовая домашняя утварь

5.8.

282 Изделия из стекла

5.1.

234 Изделия из железа

5.5.

261 Ювелирные изделия.
Украшения

5.9.

284 Нумизматические находки

5.2.

241 Изделия из кости

5.6.

273 Детали ремней и поясов

5.10.

302 Эпиграфические находки

Каждый полевой сезон на городище Древнего Саурана приносит нам десятки и сотни новых артефактов, всесторонне характеризующих высокий уровень городской культуры. Большинство их радовали своей функциональной узнаваемостью, некоторые раздражали непонятностью назначения, но все удивляли мастерством, с которым они изготовлены. Всякий раз, приступая к описанию обычно фрагментированных изделий, составлявших вещный мир средневекового горожанина, приходится решать специфические задачи упорядочивания разнородного множества. Археология выработала опробованные алгоритмы группировки и описания подобных коллекций. Как обычно, некоторые из них удачны, другие дают новый и интересный угол зрения на это собрание осколков былой жизни. Нам для первичного описания находок из Древнего Саурана достаточно будет следовать наиболее традиционной группировке, как наиболее адекватной поставленным задачам: по видам материала, из которого изготовлены те или иные группы вещей – **железо, бронза и цветные металлы, кость, керамика, камень, стекло**; далее совокупности подразделяются по функциональным группам и на виды по морфологическим признакам. При этом мы вынужденно не будем следовать построению группировки строго по какому-то одному принципу – технологическому, функциональному, хронологическому и т.п. Этому есть несколько причин, среди которых и неопределенность зачастую наших знаний относительно некоторых категорий изделий, и состояние коллекции находок. Естественно речь не идет о строгих, действительно, классификационных процедурах, поскольку совокупность находок уже на третьем-четвертом шаге распадается на статистически малые группы, легко обозримые и описываемые традиционными методами.

5.1. Изделия из железа

При вскрытии ВСГ и нижележащих конструкции СГ2 на Каратобе отмечены многочисленные находки фрагментов различных железных изделий. Чаще это столь невыразительные обломки, что они не дают сколько-нибудь полного представления об изделиях, частью которых некогда были. Это – сильно коррозированные обломки каких-то стержней, пластин, фрагменты колец и т.п. Ниже мы приводим описания лишь тех железных изделий, которые более или менее надежно идентифицируются. Наиболее ранние из них – находки из СГ3 Р1 2008 г. Из этого горизонта происходят панцирные пластины, которые отсутствуют в вышележащих горизонтах.

Панцирные пластины. Отдельная панцирная пластина найдена на прирезанном участке 2 в заполнении помещения 3, над уровнем пола верхнего периода СГ3. У пластины обломан верхний угол. Ширина пластины – 33 мм, длина – 93 мм, толщина – 3 мм. Же-

лезе сильно коррозировано, просматриваются лишь два парных отверстия в средней части пластины (рис. 1-8; рис. 2-3).

На полу пом. 1 СГЗ, у алтаря, при зачистке обнаружены еще две целые панцирные пластины – широкая и узкая. Узкая пластина имеет размеры: ширина – 38 мм, длина – 96 мм. Пластина сильно окислена, разломилась на три части; крепежные отверстия не просматриваются. У широкой пластины раскрошился один из углов, но размеры фиксируются: ширина – 75 мм; высота – 107 мм. Углы пластины явно скруглены. У узких пластин скруглены углы одного конца, а на другом они прямые (рис. 1-9,10; рис. 2-2,4).

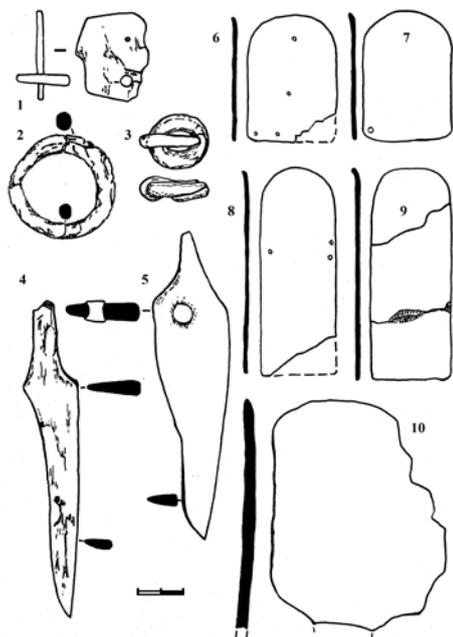
При зачистке пом. 2 того же СГЗ обнаружены еще две короткие идентичные панцирные пластины (рис. 1-6,7; рис. 2-5, 6). Размер их 58x41 мм, толщина – 2,5 мм. Местами по краям пластин просматриваются затянутые окислами отверстия.

Интересны условия находки разрозненных панцирных пластин на полу помещений VIII в., с явно культовыми функциями (суфы по периметру, в центре пола – глиняный очаг-алтарь, тамбурный вход и т.д.). Впрочем, уникальная находка массы панцирных пластин в культовых помещениях раннесредневекового храма на городище Канка уже поставила вопрос о не вполне ясной связи святилищ и престижной воинской амуниции (дары, трофеи?).¹

¹ Богомолов Г.И. Панцирный доспех с городища Канка // ИМКУ, № 28, Самарканд, 1997, с. 79.

Рис. 1. Изделия из железа. Рисунок

Рис. 2. Изделия из железа.

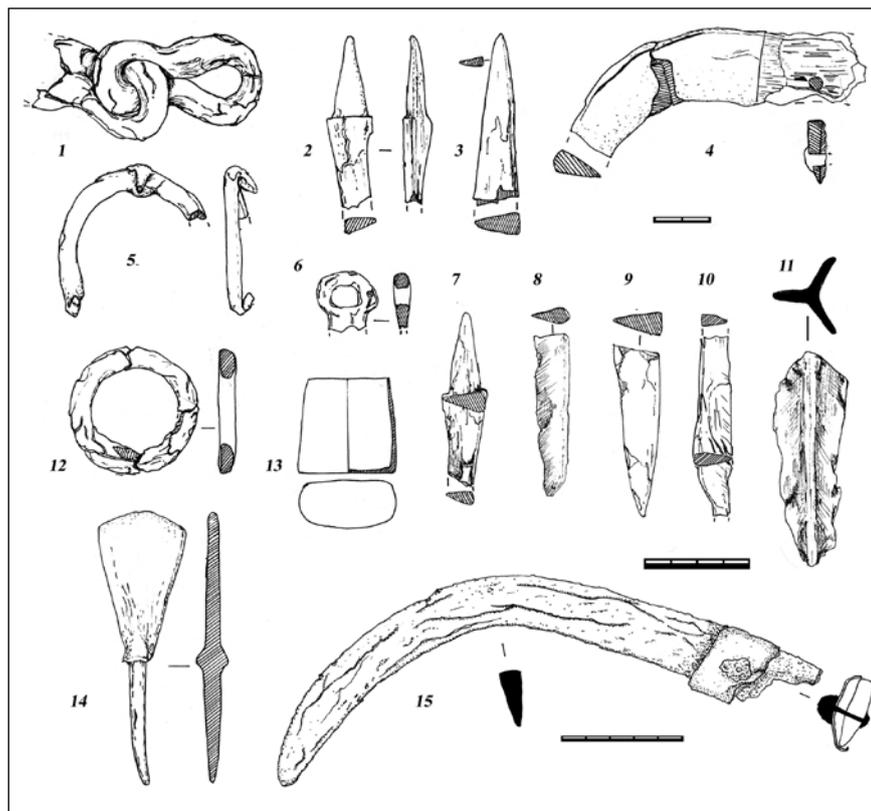

Рис. 3. Изделия из железа. Рисунок

Наконечники стрел. Плоский железный наконечник стрелы из завала СГ2. Сохранность хорошая. Наконечник состоит из двух частей: насада длиной 42 мм и плоской боевой части длиной 54 мм, шириной 32 мм. Их разделяет слегка выпуклый валик-упор (рис. 3-14).

Наконечник с плоской ромбовидной боевой частью происходит из ямы под стенами ВСГ в западной части раскопа. Он – хорошей сохранности, лишь обломан конец насада и сильно коррозирован. Общая сохранившаяся длина изделия – 90 мм, длина ромба – 50 мм, ширина – 30 мм. Под головкой явно выделяется утолщение упора, длина сохранившейся части черешка – 27 мм. (рис. 4-4).

В заполнении пом. 9 Р1 2006 г. в ВСГ найден крупный железный наконечник стрелы. Наконечник – плоский, ромбовидной формы. Размеры – 6 см, ширина – 3,5 см, сохранившаяся длина черешка – 3 см. Подобные по форме и размерам наконечники стрел характерны для комплексов XIII–XIV вв.

Другой наконечник, происходящий с уровня СГ2, – трехперый; вероятно, грани перьев были профилированы («с перехватом»). Железо сильно коррозировано. Насад утрачен. Длина головки – 70 мм, высота пера – 12-13 мм (рис. 3-11).

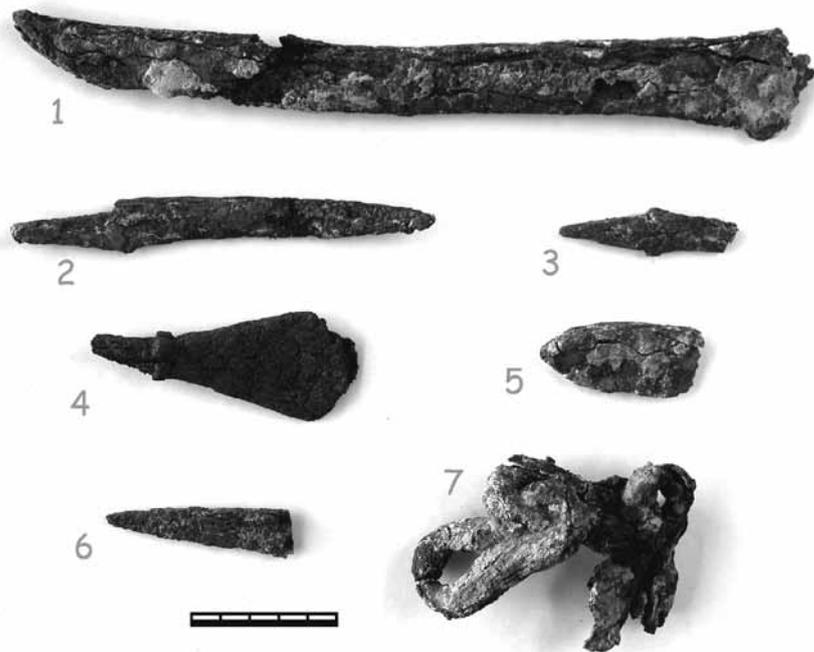

Рис. 4. Изделия из железа. Рисунок

Ножи. Обломки обычных бытовых ножей являются массовыми находками. С уровня ВСГ происходят фрагменты двух маленьких ножей с обломанными концами. Сохранившаяся длина первого – 80 мм, длина насада – 38 мм, длина второго фрагмента – 66 мм, длина обломанного насада – 20 мм. Ножи были сильно сточены, ширина лезвия составляла не более 17-18 мм. Интересен длинный нож (кинжал?), найденный в ВСГ РЗ. Длина его лезвия – 20,5 см, ширина у черенка – 3-2,5 см. Насад утрачен (рис. 4-1).

Еще один нож найден при расчистке помещений СГ2. Общая длина – 13,5 см, ширина лезвия у черенка – 3,2 см. Черенок короткий – 2,5 см. Ширина лезвия у черенка не пропорциональна длине лезвия. Это обстоятельство, а также положение самого насада посередине лезвия, говорят о том, что, возможно, нож сделан из обломка кинжала и был сильно сточен (рис. 1-5).

Другой нож также сильно сточен (рис. 3-7). Его длина – 14 см, длина черенка – 3 см, ширина лезвия у черенка – 2,3 см.

Обломок кинжала сохранился в длину 6 см, однолезвийный. Черен-насад отходит от середины ширины лезвия, также обломан. Ширина лезвия – 3 см. У верхнего конца к лезвию окислами «приварилась» поперечная железная пластина, вероятно, обойма устья ножен.

С уровня СГ2 происходят фрагменты еще трех небольших ножей. Два фрагмента лезвий длиной 60-65 мм и шириной до 15 мм, а также фрагмент части лезвия с насадом. Длина насада – 30 мм, ширина сточенного лезвия у ручки – до 17 мм (рис. 3-8, 9, 10).

К иному типу специализированных инструментов относятся

большие **серповидные ножи с дугообразной спинкой (или серпы?)**. Первый был найден на суфе пом. 29 дома 1 раскопа 1, другой – в пом. 7 раскопа 3 в ВСГ (рис. 3-15; рис. 5). К деревянной рукояти они крепились посредством насада с заклепками. К тому же крепление было усилено бронзовой (в первом случае) и железной обоймой. Длина искривленных лезвий – около 15 и 20 см. Ширина у насада – 3 и 4 см. Фрагмент еще одного подобного инструмента найден на уровне ВСГ при расчистке пом. № 27 (рис. 3-4).

Подобного типа орудия относятся к категории садовых инструментов – серповидных ножей (рис. 5). В материалах Пенджикента подобного рода инструменты описаны как тип 2 ножей, которые могли

служить и для обработки дерева.² В поздних материалах Отрара они определяются как серпы.³ По размеру каратобинские изделия с несколько большей длиной лезвия, но оно не так массивно, что, вероятно, не противоречит определению их функции как прототипа поздних серпов.

Железная пряжка. Пряжка происходит из СГЗ. Круглая рамка (диаметр – 25 мм) со слегка вогнутым язычком (рис.1-3).

Кетмень, найденный на уровне ВСГ, в камине пом. 34 Р1, имеет ширину лезвия 32 см, высоту – 21 см. В центре верхней части – частично обломанная трехслойная втулка для рукояти. Боковые плечи слегка скошены (рис. 6). Подобного рода мас-

Рис. 5. Железные ножи-серпы из ВСГ

сивные земледельческие орудия издревле были основным полевым инструментом среднеазиатских земледельцев и массово производились местными кузнецами. Они использовались, как при прополке полей, вырубке мелкого кустарника, так и при прокладке арыков и каналов. Аналогичный по форме и сохранности кетмень был найден в свое время в позднесредневековых слоях Отрартобе.⁴ Известны их находки среди продукции семиреченских кузниц X–XII вв.⁵

² Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 75-76, рис. 43.

³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1974, рис. 85.

⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар..., рис. 84.

⁵ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986, с.168, рис.74.

Ключ. Железный ключ найден при расчистке ямы № 12 СГ2. Рядом с ним найдены другие железные изделия, возможно, составляющие с ключом один комплект. Изделие имеет длину 14 см, сильно коррозировано и имеет форму профилированного плоского стержня. На конце – колечко диаметром 15 мм, ширина стержня в концевой части – 10 мм, ручка – шириной 20 мм. Найденные рядом железные детали от одной сложнопрофилированной сильно проржавевшей плоской пластины общей длиной 13 см (рис. 7-2).

Аналогичное по форме железное изделие из Каялыка почему-то определено как «сундучная петля».⁶

Культурный слой Каратобе насыщен разнообразными обломками железных изделий. Интересны находки фрагментов **железных подков**, вероятно, для сапог (?). Это дугообразное изделие высотой 50 мм и шириной между концами 55-60 мм. На концах и в середине дуги имеются три небольших шипа (рис. 3-5). В раскопе 1, при расчистке пом. 38 ВСГ, была найдена, как мы полагаем, деревянная крышка, оббитая железными пласти-

Рис. 6. Железный кетмень

⁶Воякин Д.А., Савельева Т.В. Изделия из железа средневекового Каялыка // Известия МОН РК, НАН РК, сер. обществ. наук, 1, 2000, с.156, рис. 2.

Рис. 7. Детали замка

Рис. 8. Железные пластинки обивки крышки сундука

нами. Гвозди, которыми были прибиты пластины, имеют крупные выпуклые шляпки. Вдоль одного края крышки расположен ряд треугольных по форме пластин с петлями для шарнирного крепления (рис. 7).

Среди разных находок из железа неопределенного назначения из ВСГ следует упомянуть кольцо диаметром 42 мм; фрагмент железной цепи и пр. (рис.3-1,12). В ВСГ РЗ найдена массивная железная пластина размером 20х24см. Она слегка выгнута по высоте, в средней части вогнутой стороны прикреплена скоба крепления. Верхний край – прямой, с треугольной выемкой посередине. Нижнему краю, похоже, была придана слегка овальная форма. Назначение этого предмета неясно (рис. 9).

Рис. 9. Железная пластина непонятного назначения

5.2. Изделия из кости

При расчистке ВСГ и нижележащего СГ2 встречались довольно многочисленные обрезки костей и обломки рогов различных копытных животных. Большой частью это – детские «шумеки» – атрибуты колыбели-«бесик», сделанные из трубчатой кости ноги овцы; игральные альчики и пр. Это, так сказать, рядовой массовый материал. Но среди них имеются и оригинальные находки костяных изделий.

Костяная рукоять. В заполнении СГ2 обнаружена костяная рукоять какого-то изделия (рис. 10-1; 11-1). Поверхность кости тщательно отполирована. С одной стороны имеется короткий поперечный штрих-нарезка. Сечение линзовидного профиля: ширина – 17 мм, толщина – 9 мм; длина ручки – 11,5 см. Один торец подрезан и обработан, а в противоположном торце просверлено круглое тонкое отверстие глубиной около 2,5 см, служившее для вставки, очевидно, насада какой-то металлической части инструмента.

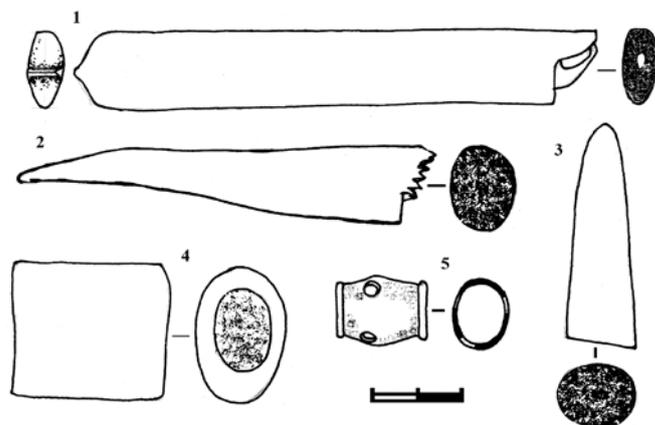

Рис. 10. Изделия из кости
Рис. 11. Изделия из кости

Костяная трубочка. На уровне СГ2 найдена костяная поделка неясного назначения в виде короткой трубочки с тремя отверстиями в стенках. Длина трубочки – 21 мм, диаметр – 9x12 мм. Стенки трубочки слегка выпуклы в средней части, края подточены в виде валиков, шириной 1,5 мм (рис.10-4). Три отверстия расположены в средней выпуклой части на одном уровне; диаметр их – 3 мм.

Костяной инструмент. Из этого же горизонта происходят находки обработанных концевых частей рогов (рис. 10-2; 11-2, 3). Острые рога, длиной 90 мм, специально отпилено и обработано. Рабочим, очевидно, являлся острый конец инструмента. От употребления кость залощилась, особенно на острие. Учитывая находки в этой части застройки цитадели керамических штампов, явно служивших

Рис. 12. Костяные пуговицы. СГ2

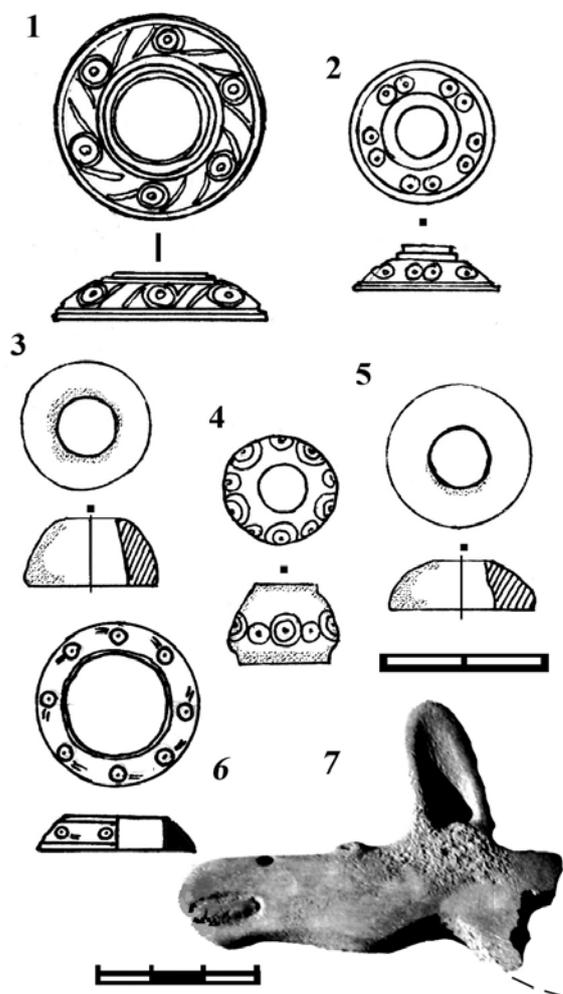

Рис. 13. 1-6 – костяные пуговицы; 7 – фрагмент костяной пластинки с изображением головы лося (?)

инструментами мастеру-гончару, можно признать и в этих костяных поделках инструмент для нанесения прочерчено-вдавленных орнаментов на стенки керамических сосудов.

Пуговицы. Пуговицами принято считать находки костяных миниатюрных колец (или дисков с относительно большим отверстием). На Каратобе находки подобного рода чаще происходят из второго строительного горизонта (СГ2). Серия таких изделий (5 экз.) была найдена в раскопе 2 на «ци-тадели» Каратобе в мусорных прослойках на уровне второго строительного горизонта (Р2, 2006 г., 3-5 яруса), датруемого нами XI–XII вв.

Все эти изделия выточены из кости на токарном станке. Имеют форму в разной степени уплощенного конуса с отверстием по оси. На четырех экземплярах имеется гравированный орнамент с основным элементом – «циркульными кружками».

1. Наиболее крупная пуговица диаметром 25 мм, высотой – 5 мм, отверстие диаметром 11 мм. По краям верхней поверхности пары линейных кольцевых нарезок. Поясок между ними заполнен шестью циркульными колечками с глубокой центральной точкой, а от колец отходят в разные стороны пары черточек (рис. 12-3; 13-1).

2. Орнаментированная пуговица меньших размеров, диаметр – 17 мм, высота – 5 мм, отверстие – 6 мм. Поясок на верхней поверхности, между парами кольцевых линий, заполнен спаренными циркульными кружками (пять пар) (рис. 13-2).

3. Высокая орнаментированная пуговица усложненного профиля со скругленными боками. Наибольший диаметр в нижней части корпуса равен 14 мм, диаметр основания – 12 мм, высота – 11 мм, отверстие – 7 мм. Орнамент на боковой поверхности в виде пяти чередующихся одинарных и пяти двойных циркульных кружков (рис. 12-1; 13-3).

4. Круглая костяная пуговица обнаружена на уровне СГ2. Ее диаметр – 20 мм, толщина (высота) – 3,5 мм, диаметр отверстия – 13,5 мм (рис. 10-3). По выпуклой поверхности ободка нанесен прочерченный орнамент – кружочек с точкой в центре и справа два косых штришка.

5. Неорнаментированная костяная пуговица диаметром 17,5 мм, высота – 6 мм, отверстие – 7 мм (рис. 12-3).

6. Аналогичная неорнаментированная пуговица диаметром 15,5 мм, высотой – 8,5 мм, отверстие – 7 мм.

С большой степенью вероятности к пуговицам можно отнести также находки двух керамических изделий в виде черных миниатюрных круглых «шашечек» с отверстием в центре. Они найдены также на уровне СГ2 Р1.

7. Керамическая пуговица 1 имеет диаметр – 17 мм, высоту – 10,5 мм, диаметр отверстия – 6 мм. Нижняя поверхность – плоская, корпус на высоту 7,5 мм цилиндрический, а верхняя часть выпуклая (рис. 14-2). По краю выпуклой поверхности прочерчены две концентрические линии.

8. Вторая керамическая пуговица аналогична первой по форме и также диаметром 17 мм, высотой – 8 мм, диаметр отверстия – 6 мм (рис. 14-3). По верхней выпуклой поверхности прочерчены два концентрических кольца. Пуговицы изготовлены из хорошо отмученной керамической массы, которая при обжиге приобрела серый цвет; покрыты черным ангобом, отшлифованы и, вероятно, подработаны (обточены) на токарном станке.

Подобные миниатюрные изделия из кости и керамики не редкость среди находок из слоев X–XII вв. различных городищ Центральной Азии. Известны они и из более ранних слоев. На Канке (Ташкентский оазис) найдена костяная пуговица «в виде колечка, толщиной 0,3 см и диаметром 1,3 см. По краю пуговицы прочерчены двойные круги с точками (перлы)».⁷ Аналогичные пуговицы были встречены и в верхнем слое Пенджикента. Т.е. появление их можно отнести к VIII в. И на Каратобе одна аналогичная пуговица (половинка) происходит из СГ4 участка, у стратиграфического разреза (рис.30-1, гл.3). Впервые как пуговицы подобные изделия определил и отнес к X–XII вв. А.Н. Бернштам, публикуя находки из Семиреченских памятников.⁸ И хотя не все исследователи приняли это определение, функциональная атрибуция этих находок надежно обоснована.⁹ Аналогичные находки костяных пуговиц связаны с ямами верхнего, последнего, строительного горизонта Куйруктобе,¹⁰ массово представлены по-

Рис. 14. Костяные (1, 2) и керамическая (3) пуговицы

⁷ Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990, с.60.

⁸ Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА. №14, М.-Л., 1950, с.129, табл. LXXI.

⁹ Находки аналогичных костяных изделий из Куйруктобе назывались кольцевыми накладками (Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов..., с. 56, рис. 22).

¹⁰ См.: Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигирбента. М., 2001, с.108.

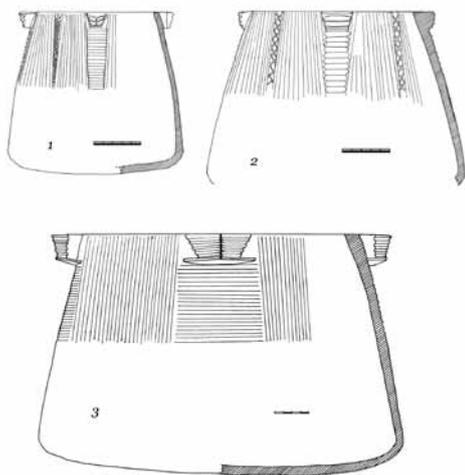

Рис. 15. Каменные котлы

добные находки и в материалах Отрарского оазиса, где они датированы XIII–XIV вв.¹¹ Широко известны они и в слоях хорезмийских памятников; отмечены среди находок с городища Пайкенд.¹² В материалах Хорезмийского Джигербента известна серия из 15 орнаментированных и неорнаментированных подобных деталей средневекового костюма. Вишневская Н.Ю. классифицировала их по профилю на три вида: округлые уплощенные, биконические скругленные, полусферические, а по признаку «характер орнамента» на пять групп.¹³ В Восточно-Европейских степях и городах подобные застёжки массово представлены в коллекции из Саркела, в других памятниках хазарского и золотоордынского времени. Исследователи полагают, что распространение костяных орнаментированных с одним отверстием пуговиц могло быть связано с византийским провинциальным импортом, или же как развитие среднеазиатской костюмной традиции.¹⁴ Очевидно, что решение вопросов истоков и распространения костяных пуговиц с одним центральным отверстием следует рассматривать в контексте истории развития и распространения типов одежды, атрибутами которых были костяные пуговицы.

Головка лося. На уровне ВСГ в мусорных прослойках раскопа 2 на цитадели Каратобе был найден обломок плоской костяной пластинки, конец которой оформлен в виде головки животного, внешне очень напоминающего голову оленя или лося (?) (рис. 13-7). Характерна вытянутая морда, отставленное большое ухо, выпуклый глаз и т.д. Рога отсутствуют. На носу – небольшое сквозное отверстие; с помощью таких отверстий, видимо, и крепилась эта пластинка к какой-то поверхности. Вероятно, костяная пластинка с зооморфным изображением, к которой относится наш фрагмент, принадлежит к той группе плоских «зооморфных накладок», назначение которых все еще остается не выясненным.¹⁵

¹¹ Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. Отрарский оазис. Фотоальбом. Алматы, 2006, с. 75.

¹² Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. III, Раскопки в Пайкенде в 2001г. СПб., 2002, рис. 97.

¹³ Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия из Джигербента., с.105, 107, рис. 42.

¹⁴ Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв. СПб., 2001, с.103.

¹⁵ Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв., с.101.

5.3. Изделия из камня

Массовое распространение в слоях XI–XII вв. имели различные изделия из камня. Это различного вида терочки, отбойники (инструменты ударного действия), каменные точила (абразивы), ручные жернова, состоявшие из двух уплощенно-круглых с центральным отверстием камней. Это – массовые и вполне тривиальные атрибуты быта, неизменно сопровождавшие традиционную жизнь с древнейших времен.

Каменные котлы. При снятии оснований стен, суф и прочих конструкций ВСГ на участке 2 Р1 2007 г., помимо фрагментов массовых бытовых керамических сосудов, были сделаны интересные находки. Так, в забутовке над помещениями 2 и 4 второго строительного горизонта (СГ2) найдены многочисленные обломки каменных (тальковых) сосудов. Они оказались обломками трех разновеликих котлов, составлявших, вероятно, единовременный комплекс утвари какого-то домовладения (рис. 15, 16). Котлы имели трещины в корпусе в результате долговременного использования. Трещины ремонтировались бронзовыми (в отдельных случаях, – железными) скобами-стяжками, которые вставлялись в заранее просверленные отверстия и расклепывались; сколы восполнялись бронзовыми заплатками, которые крепились так же заклепками. Следы таких ремонтов имеются на всех трех экземплярах. Наружная поверхность тулова котлов от долгого пребывания на огне приобрела черный цвет (рис. 16).

Размеры котлов: диаметр венчика малого котла – 12,2 см, высота – 17 см, диаметр дна – 19 см; диаметр венчика среднего котла – 19,5 см, высота – 19,5 см, диаметр дна – 25–26 см; диаметр венчика большого котла – 31,8 см, высота – 25 см; диаметр дна – 42 см. Сосуды с изрядным мастерством были вытесаны из цельных блоков талька; при этом толщина стенок котлов колеблется в пределах 0,5–0,8 см; 0,7–1,3 см; 0,8–1,5 см, соответственно. Венчики – прямые, никак не выделенные, лишь слегка утолщенные. Фигурные ручки, по четыре у каждого изделия, вырезаны в единстве со стенками; наружная поверхность примерно до уровня середины тулова покрыта выточными желобками, образующими сложное декоративное убранство, этих, явно не рядовых, бытовых изделий. В двух ручках малого котелка имеются сквозные отверстия, в которых сохранились обломки железного прута, очевидно, остатки ручки для подвешивания котелка над огнем. У остальных двух котлов этой детали нет.

Каменные котлы, а тем более их комплект, – довольно редкая находка в слоях среднеазиатских городищ. Зато они обычны среди бытовых предметов в городах Хорасана. Известны их находки, например, при раскопках Ярты-депе.¹⁶

¹⁶ Бабаев А. Раскопки на Ярты-депе // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабат, 1982, с. 100, рис. 8.

Обстоятельства находки (фрагменты разных котлов лежали вперемешку на довольно ограниченной площади) дают возможность предположить, что эти три котла использовались одновременно в быту какой-то зажиточной семьи и были одновременно выведены из обихода и отправлены на свалку. Произошло это, по всей вероятности, перед строительством зданий ВСГ, т.е. период бытования котлов можно отнести ко второму строительному горизонту (XII в.). Здесь же были получены данные по абсолютной хронологии верхних строительных горизонтов центрального холма (цитадели) Каратобе.

На этом же участке, в основном над и внутри заполнения пом. 4 СГ2, собран комплекс медных и посеребренных монет. Находки монет концентрировались над и вокруг устья большой ямы, устроенной в суфе, в южном углу помещения. Некоторые монеты найдены и в заполнении ямы. Сохранность монет очень плохая, но большинство из них сохранило ряд типичных признаков. Согласно определению, любезно сделанному П. Петровым, данные монеты представляют собой хронологически относительно единый комплекс дирхемов и фельсов хорезмшаха Мухаммада ибн Текеша. Они отличаются диаметром монетного кружка. Подобные крупным монеты чеканились в Самарканде в 610-614 гг. х. и ходили до 650-х годов. ***Стратиграфическое положение данного монетного комплекса – в забутовке и заполнении СГ2 – может быть важным хронологическим репером (первые десятилетия XIII в.) отделяющим самый верхний, последний, строительный горизонт (ВСГ) от нижележащего, который теперь может быть безусловно отнесен ко 2-й пол. XII–первые десятилетия XIII в. А последний строительный горизонт (ВСГ) теперь более обоснованно может быть отнесен полностью к XIII в. Т.е бытование комплекта каменных котлов, найденных на Каратобе, может быть датировано XII в.***

Функция города как ремесленного центра обуславливала концентрацию ремесленного производства внутри городских стен. При расчистке помещений ВСГ и СГ2 на цитадели Каратобе (раскоп 1) обнаружены некоторые артефакты, которые легко определяются как ремесленный инструментарий.

Литейные формы (калыбы). При расчистке ВСГ на раскопе 1 в 2006 и 2008 гг. были найдены части каменных форм для отливки ювелирных изделий. Эти находки свидетельствуют о том, что одно из домовладений, расчищенное нами по уровню ВСГ, могло быть домом местного ювелира.

Первая находка имеет размеры: ширина – 44 мм (в средней части), высота – 55 мм, толщина – 6-7 мм. (рис. 16-1). В мягкой мелкозернистой породе камня зеленовато-серого оттенка выточен трехканальный литник, по которому металл заливался в формочки в виде сдвоенных круглых бляшек. С помощью двух сое-

динительных штифтов, вставлявшихся в соответствующие отверстия в камне, к этой части литейной формы крепилась вторая половина, которая была, вероятно, зеркальна к этой части. На задней стороне каменной плитки видны следы попытки первоначально выточить двухканальный литник, и лунки намечавшихся отверстий крепления двух частей литейной формочки.

Фрагмент другой ювелирной литейной формочки обнаружен при расчистке помещений на восточном участке Р1 в 2008 г. Фрагмент представляет собой едва ли четвертую часть калыба (рис. 16-2). Формочка выточена из мелкозернистого сланца серого цвета в форме прямоугольной пластины. Материал, т.е. каменная плитка, аналогична первой находке по структуре и цвету. На поверхности сохранилась часть формы для отливки дисковидных с широким центральным отверстием деталей с орнаментированной зигзагообразным узором поверхностью. С торца к выточенной формочке идет воронкообразный канал для заливки металла. В углу имеется сквозное отверстие для скрепления двух частей литейной формы. Размер фрагмента – 55х32 мм, толщина – 12 мм.

Рис. 16. Каменные литейные формочки

5.4. Изделия из бронзы. Бронзовая домашняя утварь

С верхним и вторым строительным горизонтами (ВСГ, СГ2) связаны многочисленные находки предметов домашнего хозяйственного обихода. Они обнаружены, как при вскрытии конструкций этих горизонтов в раскопе 1, так и на поверхности центрального холма (ранней цитадели) и ближайших участков шахристана городища. Поскольку третий и более ранний, четвертый, строительные горизонты (СГ3, СГ4) вскрыты пока на незначительных по площади участках, то и находок из них значительно меньше. Ниже приведем краткую характеристику более или менее надежно идентифицируемых находок. При описании в каждом отдельном случае стратиграфическое положение находки будет оговорено особо.

Бронзовые усьмадоны. На городище, в верхнем и втором строительных горизонтах, найдено, три целых и фрагментированных экземпляра (рис. 17; рис. 18-2,3,4). По форме и деталям устройства они аналогичны известным образцам из опубликованных комплексов находок на других городищах (и некрополях) Центральной Азии. Поскольку известно их применение в этнографической городской культуре, то и за археологическими находками этих элементов традиционной культуры в литературе закрепилось название «усьмадон» (м.б., точнее «усмаджушак»?) – сосудик для приготовления натурального косметического красителя – усьмы.¹⁷ Они, очевидно, наследовали функции миниатюрных каменных сосудиков-чашечек, находимых зачастую в женских погребениях рубежа н.э. Краткий обзор и функциональное определение таких миниатюрных сосудиков в свое время были сделаны Б.А. Литвинским.¹⁸ Стоит отметить еще находку маленькой каменной чашечки в одной из катакомб могильника Чоон-капка на р. Талас, датированного 1-й пол. I тыс. н.э. Эта чашечка, со слоем киновари внутри, лежала под бронзовым зеркалом с центральной петелькой, а сверху была положена посеребрённая бронзовая ложечка. Этот «косметический комплект» в деревянной шкатулке был положен у левого плеча погребенной.¹⁹ Этим же временем датируются погребения с находками специальных каменных палочек-сурматашей с кусочками графита.²⁰

Но уже с VIII в. в Средней Азии распространяются литые бронзовые специальные миниатюрные чашечки, связанные с использованием не минеральных, а органических красителей, дожившие в на-

¹⁷ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978, с.134-136.

¹⁸ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников..., с.133-134.

¹⁹ Смагулов Е.А. Катакомбный могильник Чоон-капка в долине р. Талас // ИМКУ, вып. 34, Самарканд, 2004, с. 99.

²⁰ Горбунова Н.Г. Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с.17-183.

родной бытовой культуре вплоть до этнографической действительности.

Бронзовый усьмадон 1 найден на уровне 1 яруса при вскрытии северного прирезанного участка к раскопу 1 в 2008 г. Миниатюрная бронзовая чашечка с уплощенным дном, с носиком-сливом, отходящим от закраины, с ручкой с противоположной стороны от слива и небольшими декоративными элементами по бокам. Практически целый, утрачены лишь один из боковых элементов и частично ручка (рис. 18-3; 17). Чашечка слегка примята, ее диаметр около – 40 мм, высота – 18 мм, носик выступает на 20 мм. Полностью аналогичный усьмадон найден в «позднекараханидских слоях» городища Кува.²¹

Бронзовый усьмадон 2. Подъемка. Найден на глубине 24 см от уровня современной дневной поверхности (СДП) цитадели Каратобе с помощью металлодетектора. Практически целый, утрачена лишь выступавшая ручка (рис. 18-2). В виде миниатюрной круглодонной чашечки с выступающим от закраины носиком-сливом и следом ручки с противоположной стороны. Стенки довольно массивны, дно лишь слегка уплощено, а в целом, округлое. Диаметр чашечки – 40 мм, высота – 20 мм, длина носика – 25 мм, его ширина у закраины – 9 мм.

Бронзовый усьмадон 3. Найден под полом 2СГ в пом. 2 на северном участке 2008 г. Фрагментирован. Корпус в форме уплощенной чашечки с диаметром венчика 50-52 мм, высотой – 20 мм. Со стороны вытянутого носика борт чашечки отломан, утрачены также большая часть плоской ручки и боковые выступавшие элементы (рис. 18-4; 17). По форме и деталям этот усьмадон аналогичен найденным в ВСГ, отличается лишь большими размерами чашечки и более выраженной уплощенностью дна.

По признаку наличия/отсутствия «боковых выступов» три наших экземпляра относятся к двум различным вариантам формы. К тому же вариант «без боковых выступов» характеризуется округлым дном и большей массивностью сте-

Рис. 17. Бронзовые усьмадоны

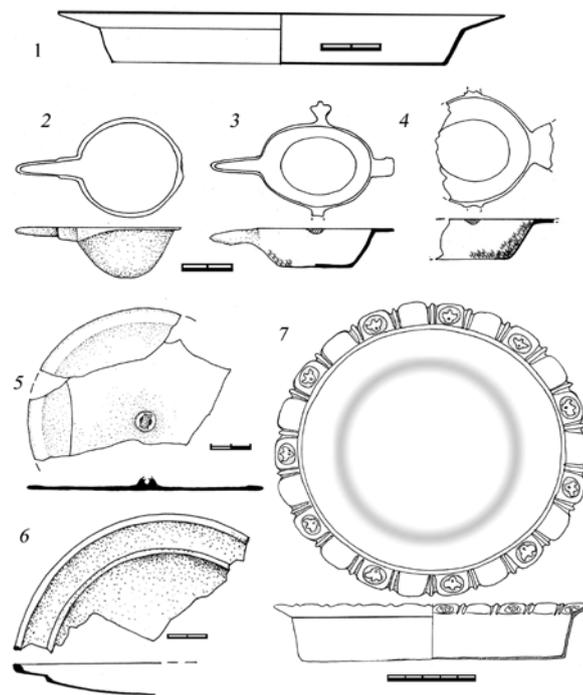

Рис. 18. Изделия из бронзы. 1,6,7 – блюда; 2-4 – усьмадоны; 5 – зеркало

²¹ Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы (Кубы) // ИМКУ, вып.31, Самарканд, 2000, с.108, рис.13.

нок изделия. Этот вариант, вероятно, аналогичен усьмадонам с верхних слоев Харашкета (городище Канка),²² а по характерному основанию носика-слива – одному экземпляру из Сурхандарьи.²³ Вариант «с боковыми выступами» полностью аналогичен по форме одному экземпляру кувинской коллекции,²⁴ аналогичные выступы имеются и на раннесредневековых экземплярах из Аджинатепа в Тохаристане.²⁵

Находки аналогичных изделий достаточно многочисленны и известны во всех регионах Средней Азии. Они распространяются здесь в различных вариантах с раннесредневековой эпохи. Существует несколько предположений об их функциональном назначении, рассмотренные сравнительно недавно в публикации небольшой кувинской коллекции усьмадонов.²⁶ Распространенным стало функциональное определение, обоснованное Б.А. Литвинским.²⁷ Вполне вероятно, что производством массовых незатейливых изделий, каковыми в основном и являются находимые в слоях городищ экземпляры, занимались мастера в различных региональных центрах.

Бронзовый пинцет. Наряду с усьмадонами к косметическим средствам можно отнести и маленький пинцет – щипчики для удаления волос (рис. 19).

Рис. 19. Бронзовые щипчики – пинцет

²² Богомолов Г.И., Гендельман П.И. Бытовые металлические предметы с городища Канка // ИМКУ, вып. 25, Ташкент, 1991, с.139, рис.1-39,40.

²³ Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997, рис.16-10.

²⁴ Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Кувинские усьмадоны // ИМКУ, вып. 34, Самарканд, 2004, с.198, рис.1-1.

²⁵ Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997, рис.16-4,6

²⁶ Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Кувинские усьмадоны... с.197-200.

²⁷ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников... с.134-136, табл.34-19-21.

Блюдца. При расчистке помещений СГ2 на участке 2 Р1 2007 г., в завале пом. 3, найдено бронзовое декорированное блюдце. Диаметр блюдца – 17 см, низенький бортик, высотой 3,4 см, имеет плоско отогнутую фестончатую закраину шириной до 0,8 см (рис. 18-7). В полукруглых фестонах шириной 1,5 см изображены трилистники. Внутри плоского дна вокруг центра – кольцевая лента с эпитафическим орнаментом (рис. 20). Из-за плохой сохранности металла надпись не читается. Подобные небольшие плоские блюдца (их фрагменты) – довольно обычная находка в слоях XII–XIII вв. Здесь же, в Р1, нами найдены еще два фрагмента бортиков подобных изделий.

Рис. 20. Бронзовое блюдце

Еще одно бронзовое плоское блюдце найдено почти на поверхности, в западной стороне центрального холма цитадели городища. Изготовлено из довольно толстого листа золотистой бронзы. Круглое тулово, диаметром 12 см, со слегка расширяющимися стенками, имеет высоту 2 см (рис. 18 -1). Закраина в виде широкого (1,5 см) плоского отогнутого венчика. На нем имеется квадратный (1,5x1,5 см) вырез. Диаметр по внешнему краю венчика – 15 см. Декоративные детали в виде гравировки или насечек и пр. отсутствуют. Внутри, в центре дна, имеется шестиугольный след (4,5 см) от некогда припаянной здесь детали. Вероятно, данное блюдце является частью простого бронзового осветительного прибора – «ширакдона».

Бронзовое зеркало. Фрагменты бронзового зеркала найдены в заполнении ямы второго строительного горизонта. Это плоский круглый (диам. – 11 см) тонкий диск с маленькой (8 мм) петельчатой ручкой в центре оборотной стороны. По краю имеется слабо выраженный плоский ободок шириной 7-8 мм (рис. 18-5; рис. 21). Аналогичное нашему бронзовому зеркалу по размерам и деталям формы железное зеркало с бронзовой ручкой-шишечкой из Канки. Его диаметр – 11,4 см, по краю – выпуклый бортик, бронзовая шишечка с отверстием в основании. Датируется эта находка XI–XII вв.²⁸

28 Богомолов Г.И., Гендельман П.И. Бытовые металлические предметы с городища Канка..., с.143.

Рис. 21. Обломки бронзового зеркала

Ручка бронзового котла найдена в заполнении этой же ямы на глубине 2,5 м.

1. Представляет собой «подковообразную» скобу с расплюснутыми концами. В сечении ручка имеет удлиненно прямоугольную форму (5х12 мм). В раскованных концах – отверстия, в одном из них сохранилась бронзовая же заклепка. Расстояние между отверстиями – 6 см, высота скобы – 8 см (рис. 22-2).

2. Еще одна подобная «подкововидная» бронзовая ручка найдена при расчистке помещений ВСГ. Ее толщина 4,5х9 мм, расстояние между отверстиями – 8 см, высота скобы – 6 см.

3. Концевой обломок такого же типа ручки поднят на поверхности холма городища в западной части. Сечение ручки более округлое, 7 мм в диаметре. Возможно, крепилась двумя заклепками на каждом конце, одна заклепка сохранилась в отверстии, нижнее отверстие обломано.

Очевидно, что подобные «подкововидные» ручки, по две, как минимум, являлись деталями **бронзовых кухонных котлов**, которые были обязательным атрибутом каждого домохозяйства. Они, похоже, приклепывались непосредственно к прямому вертикальному венчику котла и выступали дугой над его закраиной.

Бронзовый котел. Другой способ крепления ручки (и, вероятно, другой вид котлов) демонстрирует находка в одной из мусорных ям на южном склоне основного холма городища. Здесь в верхней части заполнения ямы, очевидно, относящейся ко второму, или же ВСГ, обнаружен практически целый, но сильно окисленный и деформированный (сплюснутый) кованый бронзовый котел с высокой дуговидной ручкой, сделанной из бронзового же прута (толщиной 10-13 мм) и крепившегося к двум приклепанным чуть ниже венчика петлям (реконструкция формы, рис. 23-2). Пет-

Рис. 22. Ручки котлов

ли сделаны из куска такого же прута, один конец которого раскован в округлую плоскую часть, которая прикрепывалась к корпусу котла, а другая была загнута в небольшое кольцо (рис. 24). В эти кольца вставлялись утонченные и загнутые крючком концы дугой изогнутого стержня-ручки.

Корпус котла выкован из тонкого листа (2-2,5 мм), имел полусферическую форму (диаметром около 30-34 см, высотой около 20-22 см) с прямым и лишь слегка утолщенным венчиком.

Бронзовые тазы и ступка. На участке цитадели, справа от восточного въезда на холм (в 24 м к северу от северной бровки Р1), при сканировании ВСГ металлодетектором обнаружен комплект массивных бытовых бронзовых изделий. Комплект состоит из двух тазов, вставленных друг в друга, и большой бронзовой ступки. Предметы находились *in situ* в середине просевшего пола помещения ВСГ. Внешний таз, возможно, был вмазан в обмазку пола, второй таз вставлен в первый, а ступка лежала рядом с бортиком первого таза.

Тазы изготовлены из тонких бронзовых (медных?) листов с поверхностью золотистого цвета. Изделия сильно окислены и склеились в средней донной части слоем окислов; при расчистке и изъятии изделия распались на части разных форм и размеров.

1. Внешний (первый) таз простой формы. Вертикальные борта высотой 11,5 см, диаметр закраины – 51 см. Закраина простая, продолжение вертикального борта. Венчика нет (рис. 25). Стенки достаточно толстые (около 1,5 мм), при расчистке бортик дал вертикальную трещину (вероятно, по месту спайки листа), также по месту соединения отделилось плоское дно (рис. 23-3).

2. Второй таз изготовлен из более тонкого листа (не более 0,5 мм в донной части). Бортик имеет округлую форму и плавный отгиб, образуя плоский венчик-закраину, шириной 3 см. Здесь толщина листа металла – около 2 мм. Внешний контур венчика имеет в плане 12-тигранную форму (рис. 26). Длина граней 13 см; диаметр таза по внешнему краю венчика – 49 см, высота бортика – 9,5-10 см. По месту отворота борта к венчику чеканкой нанесен орнаментальный поясok шириной 2,5 см, состоящий из геометрических и растительных элементов, плохо различимых до очистки изделия от окислов. В центре дна имеется рисунок, вероятно,

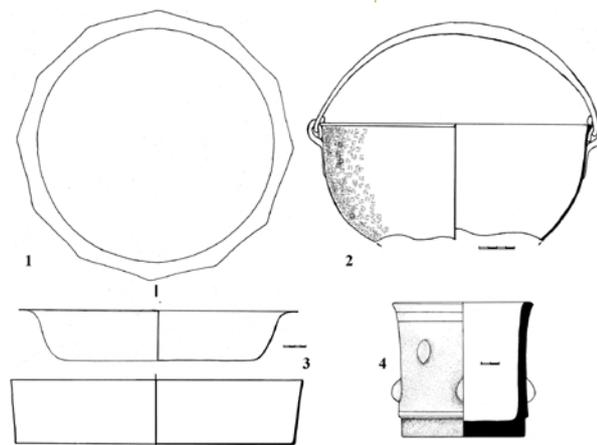

Рис. 23. Сосуды из бронзы. ВСГ: 1,2 –тазы; 3 – котел; 4 – ступка

Рис. 24. Бронзовый котел. Деталь

Рис. 25. Находка бронзовых тазов в помещении ВСГ

Рис. 26. Деталь бронзового таза с гравировкой

Рис. 27. Бронзовая ступка

птицы, выполненный такими же тонкими чеканными линиями.

3. Массивная литая бронзовая ступка лежала на боку, вплотную к борту внешнего таза. Диаметр по внешней закраине утолщенного венчика – 16,5 см, высота – 14 см. У дна снаружи имеется гладкий поясok меньшего диаметра (рис. 27). На внешней поверхности изделия отсутствуют декоративные элементы, не считая восьми миндалевидных «шишечек» расположенных в два уровня (рис. 23-4).

Бронзовые чаши. Другой не менее распространенной формой бронзовых сосудов у городского населения были бронзовые полусферические чаши.

Крупный фрагмент стенки бронзовой чаши обнаружен в закреме пом. 1 СГ2 Р1 2007 г. (рис. 28). Размеры фрагмента – 80x87 мм. Стенки чаши, с плавным изгибом и прямым утолщенным венчиком, орнаментированы чеканкой с обеих сторон. Снаружи по закраине – поясok шириной 15 мм с повторяющейся замысловатой фигурой. Ниже – гладкий, слегка выпуклый поясok, шириной 10 мм между двумя также выпуклыми полосками. Еще ниже – поясok перевитой веревочки, шириной 24 мм, а по основной части борта – сложно плетеный растительный медальон в прямоугольных картушах. Картуши разделены двумя вертикальными гладкими полосками и между ними одной заштрихованной крестиками. С внутренней стороны, по краю венчика, поясok с арабграфичной надписью, шириной 10 мм, ниже – концентрическими поясами орнамент центральной зоны, в котором, очевидно, размещалась сложная розетка. Сохранность металла – удовлетворительная. После удаления слоя зеленых окислов металл приобрел красновато-коричневый цвет.

О массовом распространении в быту горожан аналогичных по форме бронзовых чаш, но с более скромным декором, говорят находки фрагментов венчиков не менее четырех-пяти подобных сосудов. Они обнаружены при расчистке ВСГ и более раннего СГ2 в 2008 г. Диаметр венчика можно достоверно определить по наиболее крупному фрагменту (рис. 28-1); он составлял около 18 см (остальные сосуды были близки по размерам). Венчик не выделен; он – прямой, лишь слегка утолщен. В 1 см под закраиной гладкий поясok между

двойными, в одном случае, между одинарными (рис. 28-2) линиями. В другом случае, гладкий поясок, шириной 1 см, ограничен как бы рельефной линией, шириной 2 мм (рис. 28-4).

Бронзовые полусферические чаши были широко распространенным и, судя по зачастую богатому гравированному декору, – любимым атрибутом домашнего быта в городах и селениях Центральной Азии в X–XII вв. Фрагменты закраин бронзовых чаш, чуть меньшего диаметра (14 см), известны среди находок на городище Канка.²⁹ Находки их фрагментов и целых экземпляров довольно многочисленны в различных музейных собраниях, коллекциях восточной тюревтики. Они могли быть с небольшой кольцевой ручкой или же без ручки, могли быть богато декорированы и инкрустированы. В последнем случае престижные изделия такого рода, вероятно, использовались в комплекте с литыми же бронзовыми подставками на трех ножках. Возможно, об этом свидетельствует находка случайно подобранного комплекта бронзовых изделий из поселка Кара-куль Кетменьтюбинской долины Киргизии. Здесь при земляных работах найдены бронзовый кувшин, две чаши (одна фрагментирована) и две кольцевые подставки на ножках (от одной – фрагмент). Причем диаметр кольца подставки несколько меньше внешнего диаметра чаш, т.ч. они могли устойчиво стоять в кольце этих подставок.³⁰ Впрочем, В.Л. Воронина почему-то определила подобные изделия как подставки для котла, хотя опубликованный ею образец имел внутренний диаметр кольца всего лишь около 12 см.³¹

²⁹ Богомолов Г.И., Гендельман П.И. Бытовые металлические предметы с городища Канка // ИМКУ, вып. 25, Ташкент, 1991, с.141, рис.1-33,34.

³⁰ Иванов А.А., Кожомбердыев И.К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе // Киргизия при караханидах. Фрунзе, 1983, с.193-202; Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Л., 1983, № 277-281.

³¹ Воронина В.Л. Бронзы Ахсикета // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: «Наука», 1977, с.136.

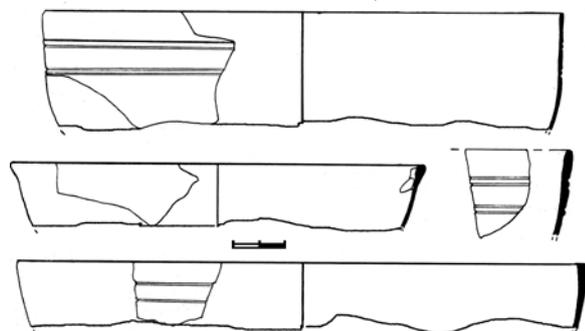

Рис. 28. Фрагмент литой бронзовой чаши с надписью

Рис. 28а. Венчики бронзовых чаш

Бронзовый кувшинчик найден на восточном участке шахристана, в 115 м к востоку от склона центрального холма городища, на глубине 26-20см, в поверхностном слое. Сосуд изготовлен из золотистой бронзы методомковки, шлифовки и спайки. У него утрачена имевшаяся вертикальная ручка, тонкие стенки тулова сильно окислены. Корпус кувшинчика имеет грушевидную форму на довольно высоком полем поддоне. Блоковидная горловина заканчивается слегка отогнутым в виде закраины венчиком с сильно оттянутым носиком-сливом. Общая высота сосуда – 15 см, высота поддона – 1,5 см, высота тулова – 9,5 см, горловины – 4 см. Диаметр поддона – 6 см, тулова – 8,7 см, горловины в наиболее узком месте – 2,25 см, длина носика с горловиной – 5 см (рис. 29; рис. 30-1).

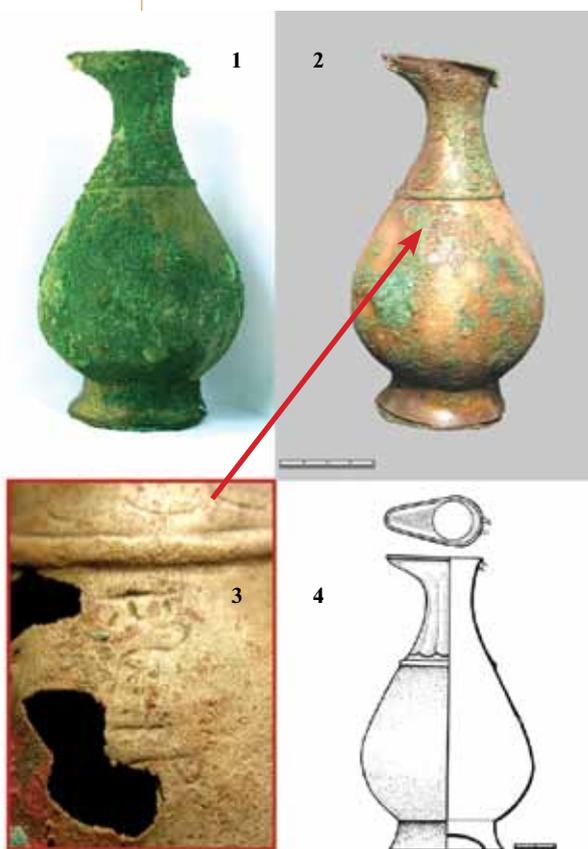

Рис. 29. Бронзовый кувшинчик

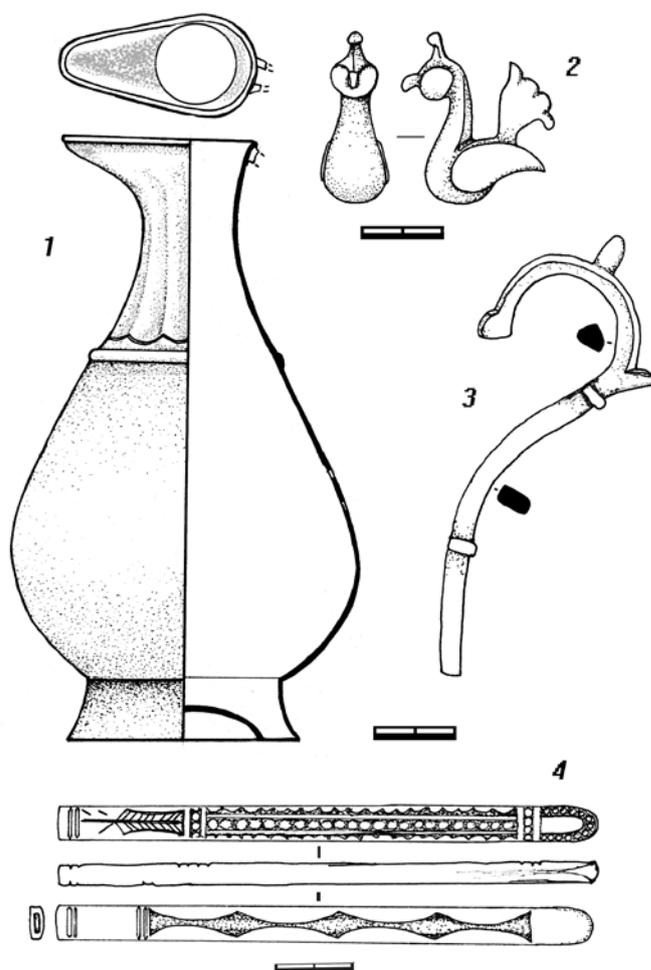

Рис. 30. Изделия из бронзы. 1 – бронзовый кувшинчик; 2 – декоративная бронзовая деталь «птичка»; 3 – ручка кувшинчика; 4 – бронзовая ручка столового прибора

Очевидны следующие детали сосуда, которые были первоначально изготовлены отдельно: круглое вогнуто-выпуклое донце диаметром 6 см, вогнуто-конический поддон, грушевидное тулово, горловина и отсутствующая ручка. По горловине прокованы вертикальные расширяющиеся книзу каннелюры, место соединения горловины с корпусом подчеркнуто выпуклым валиком шириной 3 мм. Других декоративных элементов на сосуде не отмечено.

Ручка кувшина. Бронзовая декоративная ручка сосуда, скорее всего, небольшого кувшинчика, но большего чем вышеописанный, найдена в 2007г., при расчистке помещений ВСГ на восточной части Р1. Ручка – литая, в виде знака вопроса; на верхней дуге выступ – упор для пальца. Общая высота ручки – 12,5 см, толщина прута в нижней части – 5-6 мм. Ручка сложного профиля, в нижней части сечение прямоугольное, в верхней – треугольное. По длине изделия имеется два валика-перехвата, делящие всю длину ручки на три участка (рис. 30-3).

Бронзовая птичка являлась, вероятно, деталью более сложного изделия. Возможно, она венчала ручку кувшинчика или бронзового чирага. Фигурка литая, ее размеры 44x45 мм, отлита из золотистой бронзы (рис. 30-2; 31). Интересно отметить, что при раскопках Самосдельского городища в дельте р. Волги, отождествляемого исследователями с легендарным Итилем, в «предмонгольских слоях» XI-XII вв. были найдены глиняные литейные формы для выплавки небольших, близких по размерам нашей находке, объемных фигурок в виде птичек (чайки, фламинго, по определению авторов).³² Канал литника на формочке подходит снизу к корпусу птички. В том же месте заметны литейные следы и на нашей фигурке. Такие фигурки птичек, возможно, были навершиями ручек кувшинов, крышек бронзовых сосудов. Или же, они могли быть деталями ручек своеобразного вида бронзовых чирагов на конических поддонах.³³ Птичка с Каратобе – почти полный аналог таких же бронзовых фигурок с городища Бударч (XI в.).³⁴

Традиция венчания ручек или крышек бронзовых сосудов фигурками птичек сохранилась в искусстве среднеазиатских мастеров вплоть до последнего времени. Фактически копию средневековым «птичкам» представляет собой, например, фигурка навершия крышки чаши, изготовленной бухарскими мастерами в начале XX в.³⁵

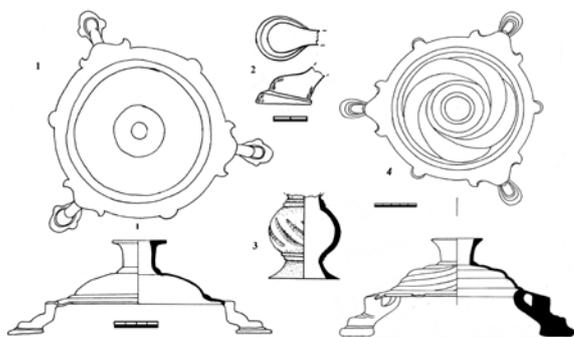
Рис. 31. Бронзовая птичка – навершие ручки

³² Зиливинская Э., Васильев Д. Городище в дельте Волги // Восточная коллекция. № 2 (25), 2006, фото на обложке и на с. 47.

³³ Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973, с. 64-66; Хахимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983, илл. на с. 101.

³⁴ Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2, М., 1991, с.114-115.

³⁵ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1961, илл. 199.

**Рис. 32. Основание подставок
светильников – триподы**

Фрагмент литого бронзового сосудика

найден на поверхности в северной части основного холма городища. Сохранилась лишь донная часть сосуда с поддоном. Диаметр кольцевого поддона – 36 мм, высота – 3 мм, толщина кольца – 2 мм. На наружной стороне поддона имеется кольцевая ложбинка, придающая кольцу профилированный вид. К тому же, на нижней части кольца поддона три выступа длиной 5 мм, на которых собственно и стоял сосудик. Толщина стенок сосудика – около 1 мм.

Трипод и детали триподов.

Еще одна группа находок легко идентифицируется – это детали бронзовых канделябров. Еще их называют «подставками под светильники», «торшеррами» довольно сложной конструкции. Они состояли из основания-трипода, в котором стояла круглая или граненая колонка, на которой устанавливалась плоская чаша, куда собственно, и ставился светильник. Находки деталей подобных сложносоставных изделий обычны в слоях среднеазиатских городов XI-XIII вв. Известны и целые комплекты.³⁶ Здесь они появляются, по мнению В.Л. Ворониной, по крайней мере, с раннего средневековья.³⁷ При этом они конструктивно однотипны, что свидетельствует о едином источнике происхождения конструкции. Но вариации в декоративном убранстве и оформлении кое-каких деталей, могут свидетельствовать о разных ремесленных центрах, освоивших их производство.

1. Первым из найденных на Каратобе был трипод из завала пом. 16 Р1 ВСГ в 2007 г. У него обломана одна из ножек с небольшой частью корпуса. Параметры изделия: диаметр чаши корпуса – 18 см, ее высота – 5,5 см; высота ножек – 6,5 см, высота полого цилиндра для установки стержня светильника – 3,5 см (т.е. общая высота – 15,5 см). Поверхность полусферической выпуклой части корпуса оформлена рельефными, как бы скрученными ложками (рис. 32-4; 33-1).

2. У находки сезона 2008 г. отломана одна ножка с частью корпуса, но форма изделия, тем не менее, довольно надежно реконструируется (рис.30-1; 31-1,2,3). Основные параметры трипода: диаметр корпуса чаши – 16 см, высота ножек – 3,7 см, общая высота – 11 см, диаметр основания вертикального ствола – 5 см. В отличие от трипода 2007 г., у данного экземпляра выпуклая часть корпуса гладкая, и диаметр корпуса немного меньше.

3. На уровне ВСГ Р1 2007 г. найдена обломанная ножка еще одного трипода. Они не являются частями двух ранее найденных

³⁶ Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и связь их с культом огня // СА, 1968, 1, с. 208-225; Воронина В.Л. Бронзы Ахсикета // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: «Наука» ГРВЛ, 1977, рис. 37-38.

³⁷ Воронина В.Л. Бронзы Ахсикета // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: «Наука», 1977, с. 133-137.

изделий, иные размеры и отличаются детали оформления. В юго-западной части основного холма городища, на уровне дневной поверхности найдена отломанная ножка другого трипода (рис. 32-2).

4. Основанием вертикального ствола канделябра, опиравшегося на трипод, является обломок полой внутри детали, найденный на поверхности основного холма городища (рис. 32-3), в виде шара (диам. – 4,5 см) с «витой» поверхностью на расширяющемся конусом основании (диам. – 4,4 см). Общая высота обломка – 5,4 см.

5. Фрагмент бронзовой трехногой подставки под светильник найден в основании стены СГ2 в западной части раскопа 1 (Р1 2007). Фрагмент представляет собой ножку с прилегающей небольшой частью основного корпуса подставки с выступами по сторонам ножки. Высота ножки – 70 мм, с обратной стороны имеется дуго-видный упор с подвижно надетым на него бронзовым же колечком, диаметром 15–17 мм.

Такие бронзовые светильники/курильницы, многочисленные фрагменты которых найдены на Каратобе, были неперменным атрибутом домашнего быта зажиточного слоя горожан в XI-XIV вв. Археологические находки аналогичных атрибутов быта известны в раз-

Рис. 33. Бронзовые триподы. Фрагменты

личных городах Центральной Азии.³⁸ Известны они и по музейным коллекциям. Так, например, известно обширное собрание бронзовых изделий из городища Лягман («Узунская коллекция», Таджикистан), основная часть которого датируется по монетам XI-XII вв.³⁹ В нем имеются и целые бронзовые светильники на триподах, их фрагменты, декорированные полусферические бронзовые чаши, фрагмент бортика подобной обнаружен нами в СГ2 р.1, бронзовые низкие блюда, подобные найденному нами также в СГ2 р.1 городища Каратобе. Вопросы хронологии, типологии и происхождения подобных атрибутов культуры городского быта, имевших широкое распространение в средние века на мусульманском Востоке, достаточно проработаны в историографии.⁴⁰ Известны находки подобного рода изделий из слоев ближайших средневековых городищ Отрара, Тараза, Талгара, а также в отдаленном поволжском городище Булгар.⁴¹ Интересно отметить, что на первых этапах изучения семиреченской городской культуры широкое распространение светильников на триподах датировалось послемонгольским временем (XIII-XIV вв.).⁴² Для нас же важно констатировать, что, как и следовало ожидать, в быту жителей Саурана в карханидскую эпоху были обычны достаточно сложные и высокохудожественные бронзовые изделия.

Бронзовая рукоять. Бронзовая литая ручка какого-то, возможно, столового атрибута (ложка, вилка?). Длина отлитой из золотистой бронзы узорчатой ручки – 13,5 см, ширина – 1,0 см, толщина – 0,5 см. В торце имеется плоское отверстие, служившее для закрепления другой части изделия, которое, возможно, делалось из другого материала (рис. 30-4).

Бронзовый колокольчик. На уровне ВСГ найден обломок корпуса массивного бронзового колокольчика. Сохранилась лишь верхняя часть корпуса, имевшего вид высокого конусовидного купола. Корпус колокольчика литой, толщина стенок до 2 мм в верхней части купола, диаметр основания мог быть около 4-4,5 см. Отлит вместе с высокой петлей на вершине с круглым отверстием (диам. – 0,5 см) для подвешивания. Рядом с петлей в куполе имеется два сквозных маленьких отверстия для крепления язычка (утрачен).

³⁸ Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973, с. 66, рис. 21; Ямпольская Н.М. Металлические подставки под светильники из коллекции А.Н.Смирнова в собрании ГМИНВ // Сообщения ГМИНВ. Вып. 5, 1972; Воронина В.Л. Бронзы Ахсикета из коллекции А.Н.Смирнова // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 143-135, рис. 36-37; Искусство Средней Азии эпохи Авицены. Душанбе, 1980, табл. 64; Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. ГЭ. Л., 1935, № 9, 15, 17, и др.

³⁹ Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985, с. 165-180, рис. 49, рис. 47-3, рис. 50-4.

⁴⁰ Например: Воронина В.Л. Бронзы Ахсикета // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: «Наука» ГРВЛ, 1977, с. 133-137; Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и связь их с культом огня // СА, 1968, 1, с. 208-225; Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана., с.181 и сл.

⁴¹ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996, с. 244-245.

⁴² Бернштам А.Н. Опыт классификации археологических находок // Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, № 14, М.-Л., 1950, с. 141.

5.5. Ювелирные изделия. Украшения

Браслеты. С поверхности центрального холма цитадели происходят два фрагмента, которые, безусловно, можно отнести к обломкам бронзовых браслетов.

1. Первый изготовлен из уплощенно-выпуклого дрота с расширенными концами. Диаметр браслета был около 7-8 см, ширина в узкой части – 4 мм, у конца – 7 мм, толщина – 3,5 мм. Длина фрагмента – 54 мм (рис. 34-2).

2. От второго сохранилась почти половина массивного округлого в сечении дрота с прямо срезанным концом. Толщина по всей длине – около 5 мм, на конце небольшое утолщение до 7 мм. Диаметр браслета – 60-65 мм (рис. 34-3).

3. Небольшой концевой обломок витого серебряного браслета найден в завале СГ2 (рис. 34-1).

4. Фрагмент пластинчатого бронзового браслета найден при расчистке полов (между полами) пом. 2 СГ3. Сохранившийся фрагмент длиной 45 мм, ширина пластины 8 мм. Конец пластинки слегка расширен и скруглен.

Перстни. Всего в коллекции насчитывается 13 экземпляров. Четыре из них серебряные, остальные медные (бронзовые).

Серебряные перстни. Два из них происходят из верхнего строительного горизонта.

1. Первый, диаметром 21 мм, имел каменную вставку (утрачена) крепившуюся в круглой (диам. – 8 мм) жуковине, высотой 5 мм (рис. 35-4). Кольцо у жуковины имеет ширину до 8 мм, в средней части (утрачена) утончается до 3-4 мм.

2. Второй перстенок явно детский; диаметром 14 мм. Верхняя площадка расширена до 5 мм, на ней кубик с гранями в 5 мм (рис. 35-3).

3. Третий серебряный перстень происходит из второго строительного горизонта (2СГ). Его диаметр – 20 мм. Овальная расширенная площадка с очень низким бортиком. Если здесь была каменная (или стеклянная) вставка, то она могла крепиться, видимо, только с помощью клея. Размер овальной площадки 10x13 мм (рис. 35-5).

4. С поверхности городища (т.е. связан с ВСГ) происходит перстень, имевший массивную (каменную?) вставку (утрачена), которая крепилась на подквадратной формы жуковине четырьмя загибающимися шипами. Диаметр уплощенного кольца – около 18 мм, квадрат жуковины – 12x12 мм, высота шипов – 6-7 мм (рис. 35-1, 36).

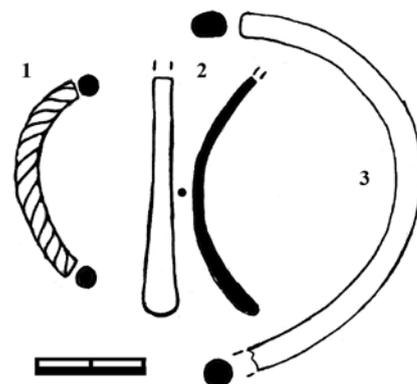

Рис. 34. Фрагменты бронзовых браслетов

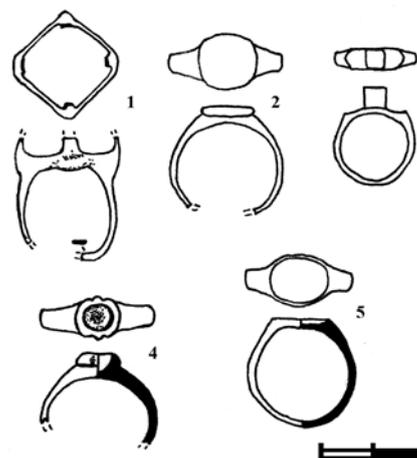

Рис. 35. Серебряные перстни

Рис. 36. Серебряные перстни

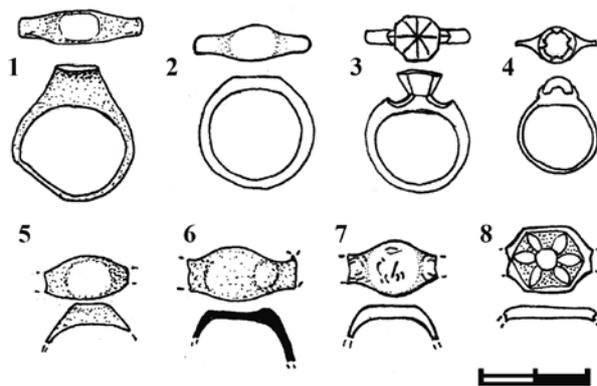

Рис. 37. Бронзовые перстни

Бронзовые перстни. Наиболее распространенная форма их в виде кольца с разной степенью расширенной и утолщенной площадкой (рис. 37, 38). Внутренняя сторона кольца тонкая и зачастую оказывается обломанной, или рассыпается при очистке. К этой группе можно отнести шесть (6) экземпляров (рис. 38). Они происходят из заполнения ВСГ или же найдены на поверхности городища; лишь один перстень найден в заполнении ямы в пом. 1 СГЗ.

5. Диаметр его около 20 мм. Площадка высотой – 7,5 мм, размерами – 8x7мм (рис. 37-1).

6. Другой аналогичный по форме, но с плоской овальной площадкой, перстень имеет диаметр 22 мм. Размер площадки – 8x10 мм. Он найден на уровне ВСГ.

7. К этому же слою относится фрагмент перстня, у него сохранилась лишь более массивная овальная уплощенная площадка с шишечкой-выступом. Размер площадки – 10x12 мм (рис. 37-5).

Рис. 38. Бронзовые перстни

8. Овально-выпуклую площадку (6x8 мм) и чуть более возвышающуюся (толщина – 4 мм) имеет другой перстень, от которого сохранилась лишь эта площадка (рис. 37-6).

9. Более сохранился другой более массивный перстень, найденный на уровне ВСГ (рис. 37-2). Диаметр его кольца был 21-22 мм, размер округлой уплощенной площадки 8x10 мм.

10. Возможно, что на уплощенных выступающих площадках такого типа перстней были в свое время какие-то знаки, орнаменты или надписи, которые при удалении окислов утрачены. Но на одном таком перстне с круглой (диаметр – 8 мм) уплощенно-выпуклой площадкой, в ее центре сохранилась прочеканенная надпись арабским шрифтом – . В местах соединения расширяющегося кольца с площадкой сохранились следы чеканного же узора (рис. 37-7).

11. Другая разновидность этого вида украшений – перстней, представлена фрагментом – «площадка» с частью прилегающего к ней кольца. Здесь «площадка» плоская и шестигранная, ее ширина – 12 мм. На плоской поверхности прочеканен узор в виде шестилепестковой розетки на точечном фоне с гладким кружком в центре (рис. 37-8). Сечение дужки кольца, особенно в широкой части, ближе к площадке, выпукло-вогнутое. Аналогичный узор имеют серебряные щитки перстней из неоднократно воспроизводившегося т.н. «отрарскогоклада» 2-й пол. XIII в.⁴³

12. Маленькое детское бронзовое колечко (диаметр – 16 мм) с голубой пастовой вставкой в круглой жуковине (диаметр – 6 мм). Вставка крепится четырьмя противостоящими загнутыми шипами (рис. 37-4).

13. Интересен литой перстень с конусовидной круглой площадкой, украшенной двумя крестами с общим центром. Диаметр кольца – 18 мм, диаметр площадки – 8 мм, ее высота – 6 мм (рис. 37-3).

Серьги. 1. При вскрытии ВСГ найдена простая медная серьга в виде изогнутого кольцом (диаметром 16-18 мм), заостренного с двух концов прута максимальной толщиной 3 мм (рис. 39-1).

2. На поверхности цитадели найден фрагмент кольца серебряной серьги, толщиной 2 мм.

3. Из прослоек ВСГ раскопа 2, помимо различного рода бесформенных фрагментов бронзовых и железных поделок, происходит бронзовая сережка (рис. 39-3). Она сомкнуто-кольцевой формы, сделана из прута, утонченного к заостренному концу и расширенного к противоположному концу. Диаметр кольца – 3x3,5 см.

Бубенчики. Эта категория изделий была, очевидно, весьма распространенным атрибутом средневекового костюма или «украшений». На уровне второго и ВСГ на цитадели Каратобе найдено три целых и одна половинка небольших бубенцов.

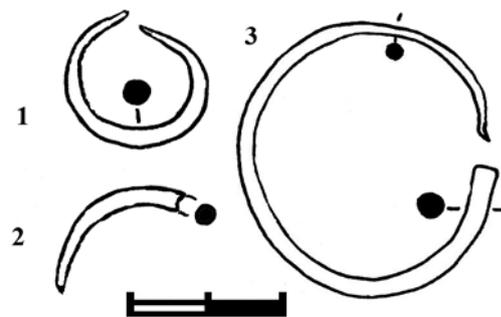

Рис. 39. Серьги. 1,3 – бронза; 2 – серебро

⁴³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв..., с. 203, рис. 90.

1-3. Три из них близки по размерам и аналогичны по технологии. Это полые шарики с ушком для подвешивания и щелевидной прорезью в нижней половинке. Внутри может быть или кусочек металла, или специальный бронзовый шарик, вызывавший мелодичный звон при сотрясении бубенчика. Верхняя половинка шарика с ушком отливалась отдельно. Четко заметен шов спайки двух половинок. Он мог быть специально рельефно выделен или же совсем не заметен на поверхности. Диаметр этих бубенчиков – 16-19 мм.

4. Другой технологический прием изготовления демонстрируют бубенчики меньших размеров (диаметр – 15,5; 19 мм), но с большим ушком (рис. 40-5,8). Они найдены при вскрытии ВСГ. Половинка одного такого бубенчика разделена вертикальными рельефными дольками, и он имел вертикальный шов спайки. Возможно, такие бубенчики использовались как пуговицы-застежки костюма.

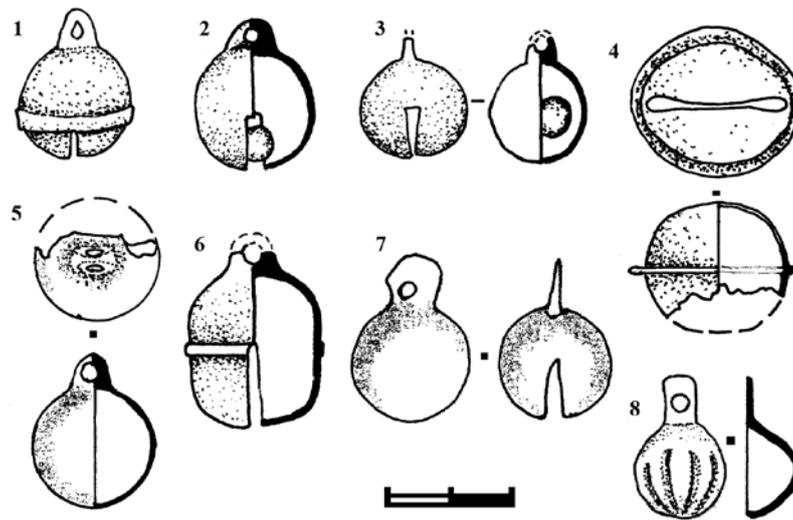

Рис. 40. Бубенчики

В раскопе 2, на уровне СГ2, обнаружена нижняя половинка бронзового шаровидного бубенчика-подвески с прорезью. Диаметр – 2,5x2,8 см. А также обломок другого бронзового шаровидного бубенчика с ушком для подвешивания. Его размеры несколько меньше первого – диаметр 2 см.

Находки бронзовых бубенчиков обычны при вскрытии средневековых слоев городищ и поселений. Они были, очевидно, атрибутами одежды и часто терялись в повседневной жизни. На Канке найдено несколько экземпляров двусоставных бубенчиков с припаянным сверху ушком и щелью на нижней половинке.⁴⁴

⁴⁴ Богомолов Г.И., Гендельман П.И. Бытовые металлические предметы с городища Канка., с. 145.

Кулоны. На уровне ВСГ, СГ2 и СГ3, в завалах и забутовках помещений, в напольных слоях найдены украшения, которые мы можем отнести к категории кулонов (подвесок), и которые, очевидно, были частью каких-то комплектов (ожерелий).

1. На уровне СГ2 (XI–XII вв.) найдена **лазуриновая подвеска**. Она имеет плоскую каплевидную форму. На обеих поверхностях нанесен простой линейный орнамент широкими проточенными линиями. В узком конце, в вершине капли, просверлено отверстие для шнурка. Высота подвески – 28 мм, максимальная ширина в нижней части – 19 мм, толщина пластинки – 4,5 мм. Очевидно, что подвеска была частью богатого ожерелья. На поверхности заметны явные потертости – следы ее долгого использования. Лазурит высокого качества, глубокого насыщенного синего цвета, с мельчайшими «золотыми» блёстками (рис. 41). Аналогичной формы лазуриновые подвески были в XI–XII вв. широко распространенным в Евразийских степях украшением-амулетом. Не редки они и в комплексах находок из слоев городищ, пограничных со степями зоны. Аналогичные подвески в ожерелье известны нам из верхнего слоя, который датируется 2-й пол. XI–XII вв., городища Куйруктобе, что в Отрарском оазисе (город Кедр).⁴⁵ Известны аналогичные находки на городищах низовьев Сырдарьи, в регионе распространения кедрской культуры.⁴⁶ Несколько экземпляров подобных украшений происходят из домонгольского слоя городища Болгары и из Селитренного городища на Волге.⁴⁷

Исследователями этого вида украшения установлено, что они широко представлены в кочевнических погребениях, от юга Западной Сибири до Днепровских степей, причем в довольно узко датированных комплексах.⁴⁸ Находки подобных лазуриновых амулетов в слоях XI в. городища Саркел (Белая Вежа) исследователи связывают с появлением здесь групп кочевников огузо-печенежского массива племен, составлявших военный гарнизон крепости. Из интересных наблюдений, сделанных Т.И. Макаровой, исследовательницей распространения этих амулетов, следует отметить, что они связаны преимущественно с женскими погребениями.⁴⁹

В низовьях Сырдарьи такие лазуриновые подвески известны среди находок из нижнесырдарьинского городища Кескен-Куюккала,⁵⁰ отмечены они и на Ток-кале в низовьях Амударьи.⁵¹

Рис. 41. Лазуриновый кулон-подвеска

⁴⁵ Байпаков К.М. Городище Куйруктобе – город Кедр. Алматы, 2005, с. 45.

⁴⁶ Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000, с.187, рис. 40-2.

⁴⁷ Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991, с. 65, рис. 5-1.2.3.4.

⁴⁸ Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // Археологический сборник ГЭ, вып. 4. Ленинград, 1962, с.127-134.

⁴⁹ Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв... с. 133.

⁵⁰ Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000, рис. 40-2.

⁵¹ Гудкова А.В. К изучению раннекердерских бус (XII–XIII вв.) // Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973, с.130.

Исследователи пришли к заключению, что подобные лазуритовые подвески ромбовидной, каплевидной формы – очень популярное женское украшение в степных культурах Евразии, от Енисея до Дуная. В восточноевропейских степях они датируются XI-XII вв. и обычно связываются с половцами.⁵² В городах и поселениях присырдарьинских оазисов они распространились, очевидно, с осевшими кочевниками половецко-огузского происхождения.

2. Из этого же горизонта происходит бронзовая литая подвеска в виде, возможно, кувшинчика (амфоры?) очень вытянутых пропорций. Высота изделия 42 мм, наибольший диаметр – 11 мм. В месте соединения горловины и плечика сохранились едва заметные следы, возможно, от крепления миниатюрной ручки, которая теперь утрачена (рис. 42-б; 43-2).

3. С ВСГ связана находка плоской подвески квадратной формы, некогда инкрустированной по углам и в центре вставками. Подвеска имеет размеры 23х22 мм, два верхних ушка для шарнирного (?) крепления отлиты вместе с пластинкой и с гнездами для вставок. Гнез-

⁵² Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981, с. 259, 261, рис. 82, 83.

Рис. 42. Бронзовые кулоны

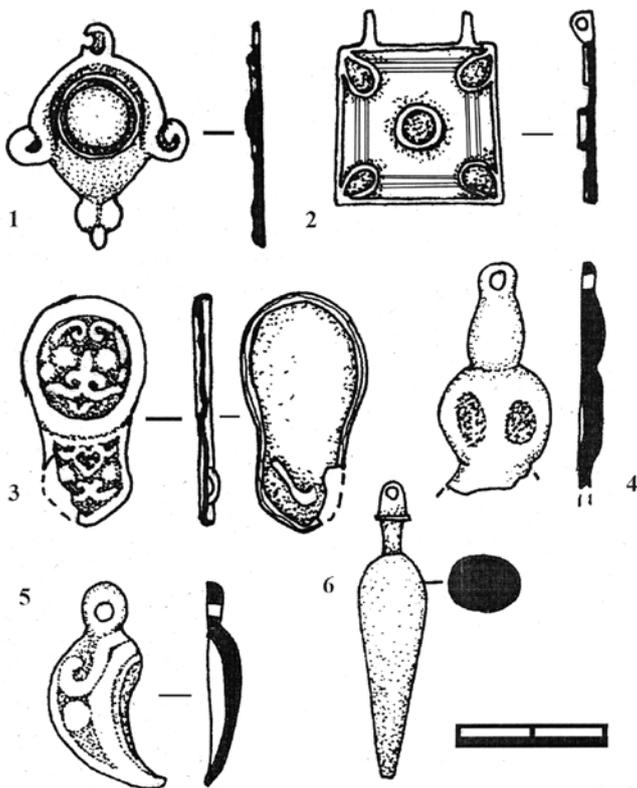

Рис. 43. Бронзовые кулоны

да по углам имеют миндалевидную форму, гнездо в центре круглое (диам. – 7 мм). По краю кулона прочеканен орнаментальный пояс, который рамкой охватывает центр кулона (рис. 42-2; 43-5). Толщина пластинки – около 1 мм, обратная плоскость гладкая.

4. Частью более сложного украшения была и другая бронзовая подвеска округлой формы (рис. 42-1; 43-4). Центральный круглый элемент диаметром 18 мм. Приостренный нижний конец оканчивается «пирамидкой» ложной зерни. В верхней части дугообразный элемент с загнутыми в валюты концами над выпуклым центральным кругом диаметром 9 мм.

Со СГЗ (пом. 3, пол) связаны находки еще двух бронзовых подвесок-кулонов.

5. «Клювовидная» подвеска с рельефной поверхностью, которой придан вид головы хищной птицы (?). Высота – 30 мм, ширина – 13 мм. Обратная сторона вогнута (рис. 42-5; 43-1).

6. Антропоморфная подвеска-амулет найдена при зачистке пола пом. 3 СГЗ. У нее обломана нижняя часть, но верхняя достаточно четко передает силуэт мужской (?) фигурки с руками, сведенными в области паха. Сохранившаяся высота фигурки – 33 мм, ширина в области отведенных локтей 16 мм (рис. 42-4; 43-3). Данный бронзовый амулет явно относится к широко распространенной группе антропоморфных апотропеев, известных в обширном регионе, от Ферганы до Северного Кавказа.⁵³ Датируется он по комплексу строительного горизонта VIII в.

Амулеты в виде керамического сапожка. Среди специфических находок в ВСГ цитадели (Р1) интересен амулет в виде керамического сапожка (рис. 44-2; 45-1). Амулет изготовлен из плотного теста, качественно обожжен. Одна сторона изделия частично имеет черный цвет, словно он побывал в огне, если это не дефект обжига. Высота сапога – 4,5 см, диаметр верха голенища – 2,8 см, размер стопы – 4,0 см. Носок моделирован так, что можно считать, что это правый сапог. Голенище пустотелое, сверху имеется сделанное при лепке круглое (4 мм) отверстие во внутреннюю полость. В верхней плоскости имеется еще одно меньшее сквозное отверстие, выходящее в верхнюю часть задней стороны голенища.

Это отверстие, очевидно, служило для подвешивания амулета на тонком шнурке. По бокам голенища острым инструментом до обжига прочерчено схематичное изображение дерева с шестью ветвями. Между ветвями нанесены наколы, изображающие, вероятно, плоды на ветвях. Есть нюансы в изображении дерева на наружной и внутренней поверхности.

Сапожок 2. Другой аналогичный по форме и назначению керамический предмет, но более миниатюрный, найден в мусорных слоях на уровне СГ2 раскопа 1. Он также воспроизводит форму сапога, но

⁵³ Левина Л.М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джеты-асарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с.167-178; Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // КСИА, 176, М., 1983, с. 43-50.

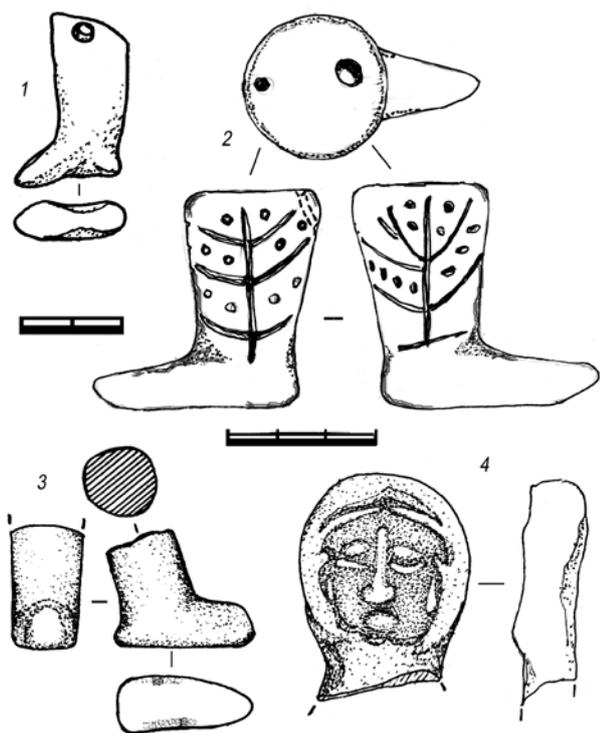

Рис. 44. Керамические амулеты-сапожки (1-3); фрагмент керамической формочки-калыба (4)

Рис. 45. Керамические амулеты-сапожки

не имеет каких-либо декоративных деталей. Керамика прокалена до черного цвета. В верхней боковой части голенища сделано маленькое отверстие для шнурка. Высота амулета – 3,5 см., размер стопы – 2,1 см, максимальная ширина голенища – 1,6 см (рис. 44-1; 45-2).

Сапожок 3. В коллекции находок из раскопа 1 Каратобе имеется также фрагмент от аналогичного по типу изделия. находка происходит из завала помещения 2СГ. Сохранилась лишь головка от более массивного, чем второй амулет «сапога». Высота сохранившейся части – 2,6 см, диаметр голенища в месте излома – 1,5 см, размер стопы – 2,8 см. Головка сделана довольно широкой так, что сапог устойчиво стоит на подошве. Изделие вылеплено из черного плотного теста, подрезано ножом и сверху покрыто черным ангобом (рис. 44-3).

Подобного рода керамические амулеты известны среди находок на средневековых городищах Южного Казахстана. Например, аналогичные по форме изделия известны среди находок на Отрартобе и Куйруктобе. В данном случае они лишены какого-либо декора. Параметры одного из них – 9,0x5,8 см, у него имеется сквозное

отверстие в районе «лодыжки», другой, крупнее (11,0x8,5 см). Назначение этих находок автор публикации определил как инструменты для формования кожаной обуви. При этом не обращено внимание на то, что обувь с этих «колодок» была бы уж очень миниатюрной, и подошла бы разве что для новорожденного.⁵⁴ А обычая шить для новорожденных кожаную обувь в Средней Азии не зафиксировано. К тому же находки подобных богато декорированных изделий заставляют отвергнуть их интерпретацию как «сапожные колодки». Великолепно орнаментированный сапोजок-амулет недавно найден при случайных обстоятельствах на Сайрамском городище. Рисунок его орнамента воспроизводит детали кроя и пошива реальных кожаных сапог, бывших непременным атрибутом средневекового костюма.⁵⁵

Особенно же интересен и очень редок декор голенищ каратобинского сапожка в виде «Мирового древа» с типичными семью ветвями на каждом. У тюркских народов (а также в средневековом Иране и Афганистане) такая орнаментация сапог не отмечена ни в археологических, ни в изобразительных материалах, за одним исключением. Но подобный декор в виде двух крупных «Мировых деревьев» надежно зафиксирован у иранских этносов именно Средней Азии (у других иранцев – нет), причем как древних, так и современных. У согдийцев-мужчин он известен так же размещенным (с боков), однако на них 9 ветвей.⁵⁶ Наиболее полную аналогию декору каратобинского сапога-амулета находим у этнографических таджиков (размещение двух Мировых деревьев с 7 ветвями с боков голенища).⁵⁷ Сапоги девушки-невесты у узбеков Хорезмского оазиса, имеющих древний местный этногенез, «кюнджали массы» также имеют на голенище два вышитых Мировых древа с 7 ветвями, но размещены они иначе, чем у согдийцев и таджиков и чем в Каратобе – спереди и сзади, что диктуется иным кроем.⁵⁸ При этом оба поздних «этнографических» сапожка отличаются от каратобинского и такой деталью кроя тюркского происхождения, как треугольный выступ спереди по верхнему краю голенища; этим они отличаются от более древних согдийского и каратобинского.⁵⁹ В раннесредневековом исламском мире сапожки такого кроя с богато декорированными растительным орнаментом голенищами известны, например, на синхронных росписях XI в. из газневидского дворца в Лякшри Базаре (Афганистан).⁶⁰

⁵⁴ Ходжаев М.Б. Инструменты сапожника из Отрара // Города Туркестана. Сборник научных статей. Алматы, 1999, с.165-168.

⁵⁵ Яценко С.А., Байтанаев Б.А. Глиняный амулет-сапोजок из Сайрама XI-XII вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии (выпуск 8) (Отв. ред. А.А. Бурханов). Казань, 2007.

⁵⁶ Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006, рис. 181, 87.

⁵⁷ Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т. II, Душанбе, 2004, рис. 57.

⁵⁸ Сазонова М.В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989, рис. 13, 5а

⁵⁹ Автор с благодарностью использовал консультации по истории обуви у С.А. Яценко.

⁶⁰ Schlumberger D. Le palais ghaznevide de Lakshkari Basar // Syria. - Vol. 29, 1952; Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Том II. Душанбе, 2004, с. 25, рис. 2.

Сапожок из Сайрама имеет два сквозных отверстия в голенище, при помощи которых он может подвешиваться на ремешке так, что в силу тяжести он будет висеть носком вверх и будет обращен к зрителю подошвой, покрытой сложным орнаментом. Отверстия для подвешивания присутствуют так же и на каратобинском и на отарских амулетах. Издатели сайрамской находки вполне аргументировано доказывают, что эти находки служили амулетами, т.к. подобные керамические предметы в виде сапожков известны во многих древних и средневековых обществах на Ближнем Востоке, на юге Европы, у кельтов, поздних скифов и германцев-готов. Но это обычно сосуды, покрытые росписью или гравировкой. Выточенные из мягких пород камня амулеты в виде миниатюрной ступни известны среди находок в комплексах ожерелий из погребений эпохи бронзы Средней Азии (Сапаллитепа, XVII-XVI вв. до н.э.).⁶¹ Глазурованный керамический сапожок известен также среди находок из Афрасиаба (городище древнего Самарканда) и датируется предположительно IX в.⁶² Бытовали также золотые амулеты в виде сапожков, входившие, видимо, в состав ожерелий (они, например, известны в составе Сибирской коллекции Петра I и в одной из могил знаменитого юэчжийского некрополя Тилля-тепе в Афганистане). Каменный амулет в виде остроносого полусапожка был подвешен у пояса женщины-сарматки I-II вв. н.э. из кургана 4/1 Булановского могильника в Приуралье.⁶³ Бронзовые миниатюрные амулеты в виде «сапожка» известны среди находок из слоев XII-XIV вв. городищ Шехр-Ислам, Мерв, Афрасиаб.⁶⁴ Авторы предполагают, что эти амулеты-сапожки могли висеть в каком-либо раннеисламском святилище-мазаре в качестве приношения, но не менее вероятно, что они служили личными амулетами и могли носиться на шее или поясе.

От комплекса верований, в которых сапог (ступня, нога, башмак) играли какую-то, не совсем теперь ясную роль мало что осталось в народных поверьях. Культурная функция изображения ноги/ступни и круг религиозных пережитков-верований, связанных с амулетами-сапожками, неоднократно рассматривалась специалистами в связи с археологическими находками.⁶⁵ Как известно, у многих народов Евразии особая функция придавалась обрядам именно с правым сапожком (клятва, принятие в новый род и т.д.).

⁶¹ Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн.1, М., 1991, с. 74-75.

⁶² Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2, М., 1991, с.123, № 564.

⁶³ Халяпин М.В., Моргунова Н.Л. Новые материалы среднесарматской культуры с территории Южного Приуралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актюбе, 2005. с. 128; рис. 9, 1.

⁶⁴ Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973, с. 71, рис. 23-12.

⁶⁵ См. напр.: Корневский С.Н. Культ стопы у племен юга восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древнейших верований) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999, с. 54-77; Богомолов Г. К вопросу о культе ступни в Средней Азии // Transoxiana. История и культура. Ташкент, 2004, с. 287-290.

Гемма. Миниатюрная гемма из молочного халцедона в виде «ложного перстня». Найдена при снятии верхнего штыка на прирезанном к раскопу 1 в августе 2008 г. небольшом участке к северу от страт. разреза 1. Диаметр – 13,5 мм, высота – 11 мм, толщина – 9 мм. Размер площадки оттиска – 8x10 мм. Диаметр отверстия – 4 мм (рис. 46). На спинке геммы имеется небольшой скол, края отверстия зашлифованы. В овале отшлифованной поверхности выточено изображение птицы. Показаны две ноги, штрихами – хвост и оперение крыла. Изображение аналогично рисунку на одной из гемм из «сидакского клада» амулетов, только более миниатюрно и не показана веточка в клюве.⁶⁶ Очевидно, что нахождение ее в слое XII в. случайно. Как и в вышеотмеченном случае с антропоморфной формочкой-калыбом, эта гемма может происходить из более раннего слоя. Возможно, конечно, что и в это время сасанидские геммы использовались по назначению, но, скорее всего, этот артефакт был найден случайно кем-то из жителей Саурана в древних развалинах и хранился как редкостная диковинка.⁶⁷

Рис. 46. Халцедоновая гемма

Бусы. К категории женских украшений, встречавшихся в раскопе и на дневной поверхности в районе раскопа 2, можно отнести многочисленные отдельные бусины и пронизки из поделочных камней и цветной стеклопасты. Наиболее популярны были бусины и пронизки из красного сердолика различных форм (круглые и граненые), из горного хрусталя и глазчатые из стеклопасты (рис. 47). Каким-то, вероятно, женским аксессуаром служила раковина моллюска с циркульным орнаментом, фрагмент которого был обнаружен среди прочего мусора. Встречены фрагменты явно бракованных изделий (с неправильным отверстием, со сколами и т.д.), что может свидетельствовать о существовании где-то рядом с раскопом 1 на цитадели Каратотобе мастерской, специализированной на огранке бусин из поделочных камней и изготовлении ювелирных украшений.

Рис. 47. Бусины из различных материалов

⁶⁶ Раннесредневековый храмовый комплекс на цитадели Сидака (Средняя Сырдарья) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М., 2008. с. 292-296, рис.2-2.

⁶⁷ Пугаченкова Г.А. Мервские геммы-инталии // Труды ЮТАКЭ, т.12, Ашхабад, 1963, с. 88.

Рис. 48. Свинцовая фигурка кошкара

Фигурка барана. В южной части холма цитадели Каратобе, на уровне современной дневной поверхности, найдена литая свинцовая (?) фигурка барана. Размер фигурки 5x7 см. Скульптурка изготовлена методом литья по глиняной основе, поэтому она – полая, с заполнением рыхлой керамической массой.

Животное изображено стоящим с поднятой головой. Характерен массивный курдюк. Головка животного отломана, но сохранилось основание правого рога. Копытца так же отломаны; вероятно, фигурка была установлена на каком-то основании. Значительные трещины имеются на левой стороне корпуса и на левой задней ноге (рис. 48).

Бронзовая застёжка в виде круглого профилированного стерженька длиной – 45 мм, диаметр – 9 мм. Подобные бронзовые застёжки, как детали костюма в период VIII-XI вв., имели широкое распространение от Алтая до Дуная (рис. 49-6). Они, как бронзовые, так и костяные, известны в кругу средневековых древностей под наименованием «стержневидные застёжки». Известны находки комплектов таких застёжек *in situ* в погребении в области грудной клетки.⁶⁸

⁶⁸ Могильников В.А., Конилов Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА, 1983, № 2, с. 173.

Рис. 49. Наременные накладки

5.6. Детали ремней и поясов

Поясная фурнитура. Наременные накладки. Наиболее многочисленную категорию находок составляют разнообразные по форме бронзовые накладки на кожаные ремни различного, вероятно, назначения (пояса, ремни конской сбруи, портупейные ремни). К этой категории мы относим бронзовые литые, преимущественно, изделия, имеющие на оборотной стороне штифты-заклепки для крепления на кожаной основе. Естественно, теперь невозможно определить достаточно уверенно, какие по назначению ремни украшали найденные на Каратобе накладки. Поскольку найдены не сами ремни, которые бесследно истлели, а разрозненные, вероятно, утерянные детали. В основном они обнаружены на уровне современной дневной поверхности, т.е. стратиграфически (и хронологически) могут быть связаны с верхним (последним) строительным горизонтом и датированы XIII в. Последнее обстоятельство повышает ценность публикуемой здесь пока еще небольшой коллекции. Методические сложности работы с комплексами находок подобного происхождения рассмотрены в публикации А. Торгоева.⁶⁹

Поскольку изделия подобного рода весьма отличаются по форме и размерам, то в основу их группировки в дальнейшем изложении положим признак – общую форму контура изделия. Но прежде остановимся на некоторых уникальных находках.

1. С верхним слоем цитадели Каратобе связана находка большой орнаментированной бронзовой наременной накладки. Накладка в виде миндалевидной бляхи с двумя подпрямоугольными прорезями. С обратной стороны – разной степени сохранности три штифта для крепления бляхи к ременной основе. Размеры бляхи: наибольшая ширина – 35 мм, высота – 47мм, толщина пластины – 1,5 мм (рис. 50-3; рис. 51).

⁶⁹ Торгоев А.И. О хронологии наременных украшений Семиречья // Степи Евразии в древности и средневековье. кн.II, СПб, 2003, с. 285-289.

Рис. 50. Наременные накладки

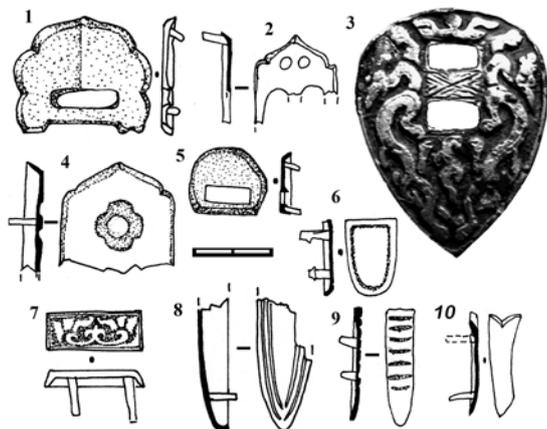

Рис. 51. Большая накладка с изображениями драконов

Приостренный конец накладки, вероятно, был обращен вниз. Вокруг прорезей скомпонована орнаментальная композиция с двумя зеркальными изображениями драконов по сторонам, с солнечным диском в огненных языках в центре верхней части, и облачным мотивом под прорезями, между драконами. Детали иконографии дракона – лошадинообразная ушастая голова, змеевидное тело, из которого вырываются язычки пламени, мощные лапы тигра, мотивы облака и солнца, вероятно, присущи образу китайского небесного огненного дракона Луну.

2. В 23 м к западу от Р1, на поверхности цитадели городища собраны мелкие круглые накладки-«заклепки» в количестве 38 штук. Они имеют форму миниатюрной полусферы со штифтом, проходившим через центр накладки; он был расклепан так, что рельефно выделялся в центре сферы. С обратной стороны конец штифтов расклепан, и можно примерно определить, что толщина кожаной основы ремня была – около 3-4 мм. Диаметр накладок – 11-12 мм, высота полусферы – 4-5 мм.

Среди прочих находок количественно преобладают простые круглые и «сердечковидные» накладки-заклепки с одним штифтом посередине. Круглые маленькие «накладки-заклепки» отличаются формой поверхности (конусовидные, полусферические) и устройством крепления штифта.

2.1. Круглая конусообразная накладка. Диаметр – 12 мм, высота выпуклой конусом поверхности – 7 мм. Штифт припаян в центре с внутренней стороны.

2.2. Круглая накладка с конусообразно вогнутой поверхностью. Диаметр – 11мм, толщина – 2,5 мм. К плоской обратной стороне припаяны два штифта, их длина – 7 мм.

2.3. Круглая плоская накладка с орнаментированной поверхностью. Диаметр – 12 мм, толщина – 2 мм. К оборотной стороне припаян один штифт. Гладкая лицевая поверхность оформлена в виде восьми лепестковой розетки.

2.4. «Сердечковидные» накладки (8 экз.) имеют один штифт с оборотной стороны и выпуклую лицевую поверхность; различаются размерами и характером оформления лицевой поверхности. В отдельных случаях, они – плоские или слегка выпуклые (рис. 52-5, 9, 14); в других – явно «распадаются» на две или три доли (рис. 52-13, 15). Накладки этой формы обыкновенно миниатюрны, т.к. украшали, вероятно, узкие дополнительные ремешки поясов. Среди них выделяется сравнительно крупный экземпляр (23х20 мм, толщина – 3,5 мм), имеющий к тому же три сквозных отверстия от штифтов (рис. 52-9).

3.1. Бронзовые прямоугольные поясные накладки. Большая бронзовая накладка найдена между полами пом. 2 СГЗ. Ее размеры 28х26 мм, прорезь отверстия – 14 мм. Высота бортика – 4 мм. На обратной стороне сохранились четыре штифта-заклепки высотой 7-8 мм (рис. 53-4;).

3.2. Малая накладка аналогичной формы найдена в мусорном

заполнении «углового» помещения. Ее размеры 20x18 мм, прорезь – 15x7 мм. Накладка крепилась к ремню двумя штифтами-заклепками. Они расположены по диагональным углам с обратной стороны (рис. 53-3; рис. 54).

Прямоугольные наклейки с прорезью, безусловно, были деталями поясных ремней, т.к. известны находки в погребениях полных комплексов подобных поясов.⁷⁰ Интересно, что обе прямоугольные наклейки найдены при расчистке третьего строительного горизонта (СГ3), который мы можем отнести к VIII-IX вв., и не встречены среди находок, связанных с ВСГ или 2СГ.

4. Довольно представительную группу образуют наклейки подпрямоугольной формы с профилированной короткой стороной. Эта категория включает шесть экземпляров разных размеров и различного оформления.

4.1. Две идентичные крупные наклейки со сложно орнаментированной поверхностью найдены в разных местах раскопа 1 на уровне ВСГ (рис. 53-10; рис. 55). Бляхи подпрямоугольного контура, размером 43x27 мм, с одной аркообразно профилированной короткой (верхней?) стороной. Высота бортика с оборотной стороны – 4,5 мм, на гладкой обратной поверхности имеется два штифта.

4.2. Одна наклейка с гладкой поверхностью и профилированными короткими сторонами (рис.53-12; рис. 49-6). Размеры – 32x17 мм, высота – 4,5 мм, с обратной стороны два штифта, расположенные ближе к коротким сторонам.

4.3. Аналогичная по размерам наклейка с гладкой поверхностью, но с профилированными, помимо коротких, и длинными сторонами (рис. 53-11). Один короткий край обломан. Ширина наклейки – 19 мм, сохранившаяся длина – 31 мм, толщина – 4 мм.

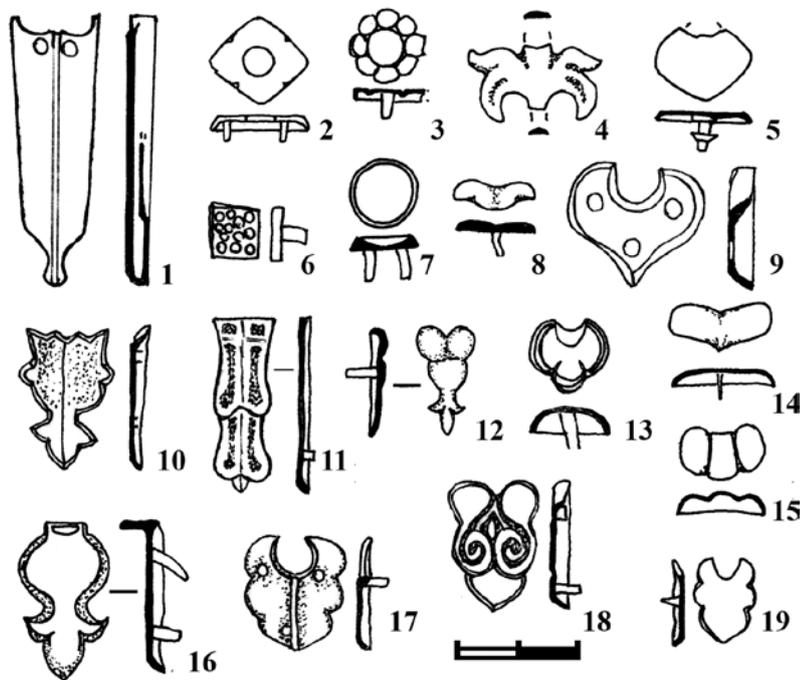

Рис. 52. Наременные наклейки

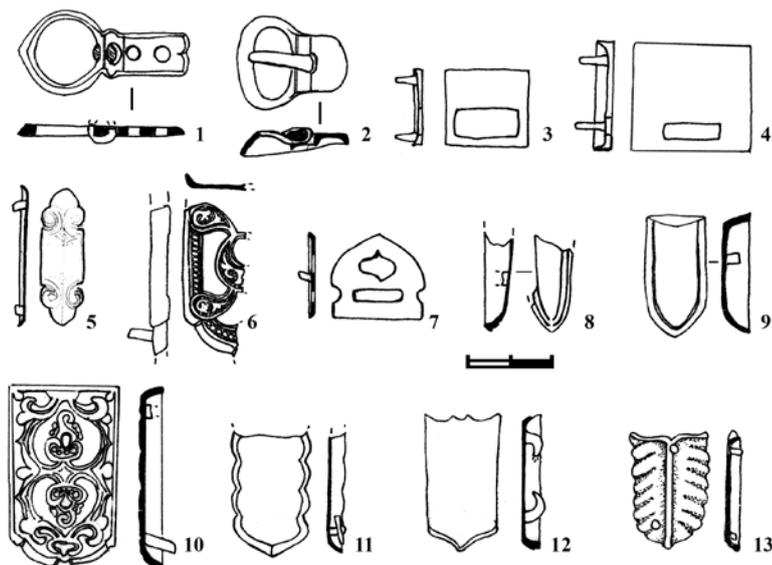
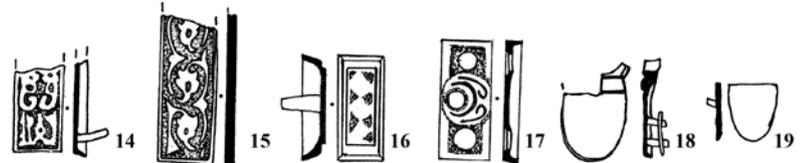

Рис. 53. Наременные наклейки

⁷⁰ Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990, с. 39, табл. 27, 28.

4.4. Близких размеров сложно профилированная накладка с рельефным вертикальным ребром (рис. 53 – 13; рис. 49-5). Размеры контура – 28x18 мм, толщина – 4 мм. На оборотной стороне остались следы от трех штифтов. При вторичном употреблении, вероятно, накладка крепилась посредством двух отверстий в противоположных концах.

4.5 Накладка с гладкой поверхностью и прямоугольной прорезью у короткой стороны (рис. 53-18). Ширина – 15 мм, сохранившаяся длина – 23 мм. Имеется утрата со стороны, где была прорезь; возможно, профиль накладки был усложнен отходящими от углов этой стороны отростками (?).

4.6. Выпуклые накладки «стреловидного контура». Имеется три экземпляра, меньший фрагментирован (рис. 53: 8, 9). Большой экземпляр имеет размеры – 29x13,5 мм, толщина – 7 мм. Поперечный профиль бляшки образует четко выраженное продольное ребро. По контуру проходят две профилированные полосы, подчеркивающие «стреловидность» контура гладкой поверхности бляшки. С оборотной стороны имеется один штифт крепления. Меньшая бляшка аналогична по форме. Размеры – ?x12 мм, толщина – 7 мм.

4.7. Прямоугольные накладки (рис. 52:14-17). Поверхность этого вида накладок, как правило, орнаментирована узором в технике низкого рельефа. Интересен обломок бляшки с узором, включающим арабографичную надпись (?). Размер фрагмента – 12,5 мм, сохранившаяся длина – 22 мм, толщина – 4 мм. С оборотной стороны имеется штифт для крепления.

4.8. Другая прямоугольная орнаментированная бляшка с одним штифтом крепления имеет размеры – 25x11 мм, толщина – 6 мм.

4.9. Сюда же можно отнести миниатюрную бляшку квадратной формы, на поверхность которой пуансоном нанесен орнамент в виде маленьких чешуек. Размеры бляшки 9x9 мм (рис. 52-6).

5. С поверхности центрального холма городища происходит серия сложно-профилированных накладок (рис. 52-10-12, 16-19). В эту группу можно отнести 9 экземпляров. Все они индивидуальны и, очевидно, относились к разным гарнитурам.

Рис. 54. Квадратные наременные накладки из СГЗ

Рис. 55. Наременные накладки

Рис. 56. Наременные накладки

Интересен **позолоченный наконечник** подвешного ремешка (рис. 52-1; рис. 56-4). Его длина – 45 мм, ширина в верхней части – 15 мм, толщина – 4 мм. По середине внешней гладкой поверхности проходит рельефное ребро, которое на нижнем конце оканчивается шариком. На обороте отсутствует штифт-заклепка, но вся обратная сторона была закрыта напаянной тонкой пластиной, и в образовавшуюся внутреннюю полость, очевидно, вставлялся конец ремешка. Дополнительно ремешок закреплялся еще двумя тонкими заклепками, проходившими через сквозные отверстия в верхней части наконечника.

Остальные сложно-профилированные накладки имеют на оборотной стороне штифты для крепления. Они все – литые, только одна накладка из серебра с позолотой, украшенная волютообразной розеткой, похоже, была изготовлена способомковки и чеканки (рис. 53-5).

Коллекция средневековых поясных накладок из Древнего Саурана по сравнению с другими аналогичными коллекциями (например, с городища Красная речка⁷¹) отличается стратиграфической определенностью. Все накладки, кроме пока еще редких из СГЗ или СГ4, связаны с верхними слоями городища Каратобе, которые датируются в пределах XI-XIII вв.

Круглые разнообразные накладки возникли еще в VI-VII вв. и распространились из Северного Причерноморья в эпоху первого Западнотюркского каганата по всей Евразии, и с тех пор они всегда количественно преобладают в коллекции того или иного памятника или региона.⁷²

⁷¹ Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная речка (VI-начало XII вв.). Алматы, 2007.

⁷² Ковалевская В.Б. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА, вып. 199, М., 1990, с. 43.

5.7. Находки неясного назначения

Среди каратобинских находок есть группа изделий и фрагментов, о назначение которых можно судить лишь предположительно.

1. Это, прежде всего, многочисленная серия литых круглых конусовидных в профиле свинцовых (оловянных?) изделий с отверстием в центре (рис. 54; 57: 6-10). Таких изделий на поверхности Каратобе и в раскопах уже найдено около полусотни. Они – литые и могут быть разного профиля; на скошенной поверхности могут иметь выпуклые линии, точки и пр.; или же они – гладкие. Размеры варьируют от 2 см до 3,5 см в диаметре.

Назначение этих предметов остается до сего дня окончательно не выясненным. Их определяли как пряслица, как «прясловидные подвески», как грузики, и даже как «грузики-пломбы», как пуговицы, гирьки.⁷³ Возможно, что это местный вариант свинцовых разновесов. Близкие по форме «дисковидные», «шайбовидные» свинцовые разновесы, с отверстием в центре представлены среди находок из средневековых слоев славянских, болгарских, золотоордынских городищ.⁷⁴ Обычно они присутствуют в большом количестве в более или менее хорошо исследованных слоях городов домонгольского времени и времени Золотой Орды. Например, подобных свинцовых «грузиков» на городище Болгара отмечено более 130 экземпляров, на Билярском – более 80. В изобилии они встречаются в слоях Водянского, Царевского, Селитренного и др. городищ. По форме они аналогичны, подразделены на: конусовидные, усеченно-конические и усеченно-конические с втулкой. Г.Ф. Полякова предположила, что «среднеазиатские грузики» могли быть прототипами таковых в Поволжье, где в основных крупных городских центрах было налажено свое их производство. Хотя эта категория артефактов находится в сфере внимания специалистов довольно продолжительное время, окончательно и однозначно вопрос об их назначении пока не решен.⁷⁵ Вполне возможно их применение в качестве своеобразных товарных пломб. Аргументировано рассмотреть вопрос о назначении этих находок представится возможным, надо полагать, по мере накопления и обработки всей коллекции и соотнесения полученных статистических весовых данных с какой-либо весовой системой. Вероятно, как морфологический вариант разновесов, можно будет определить и следующую группу находок в виде свинцовых дисков с центральным отверстием.

⁷³ Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М., 1985, с.109-112.

⁷⁴ Крыласова Н.Б. Разновесы из коллекции Рождественского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003, с. 144-149, рис. 1; Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁷⁵ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996, с. 240, рис. 76: 4-14, с. 246-248.

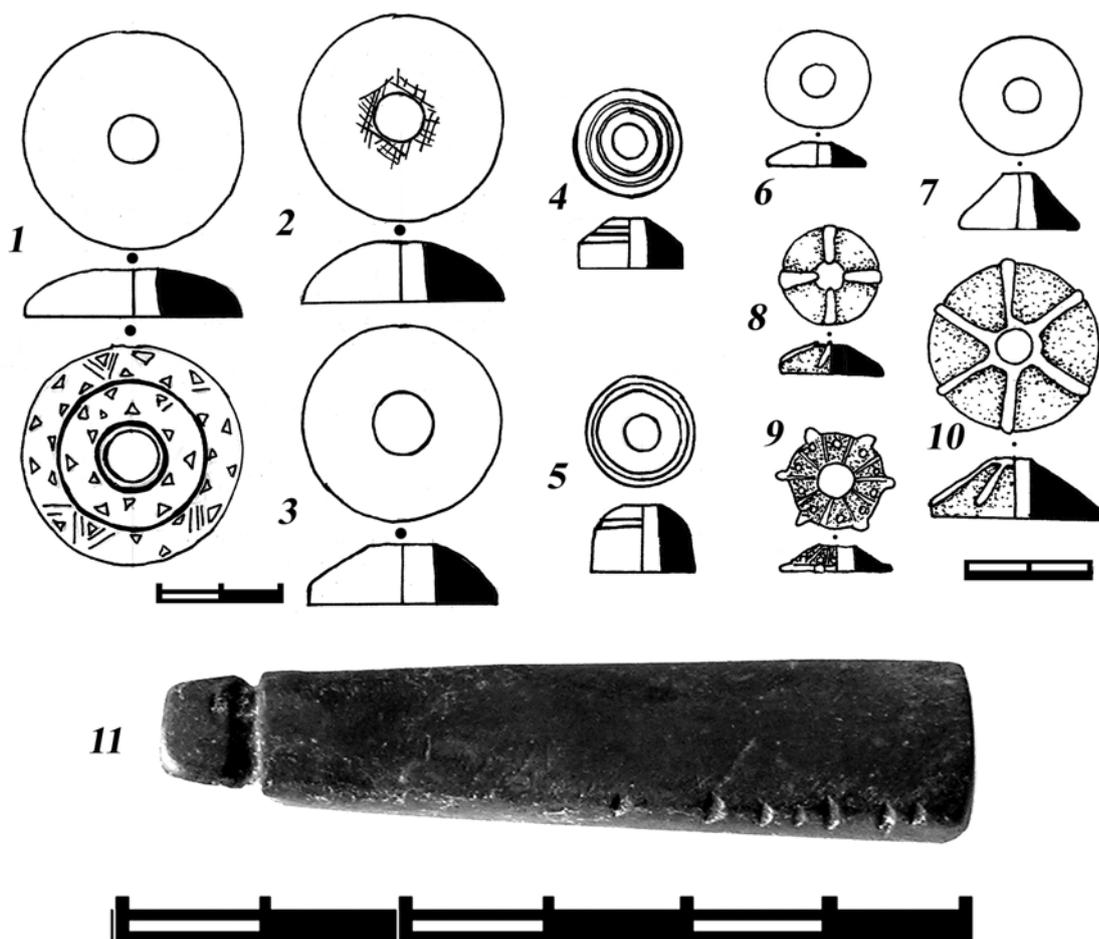

Рис. 57. 1-5 – керамические пряслица и пуговицы; 6-10 – свинцовые диски с отверстиями; 11 – каменный шаблон

2. **Бронзовые диски.** При вскрытии ВСГ и на поверхности памятника в разных местах на цитадели найдены четыре металлических диска с круглым отверстием в центре. Они различаются по технологическим и морфологическим признакам и, кроме одного, напоминают небольшие пряслица или крупные пуговицы. Однако назначение их остается неясным, и мы сочли возможным объединить их пока в одну группу по чисто формальным признакам. Впрочем, изделия № 1, 2, 3, 5 (рис. 58) вполне могли быть застежками-пуговицами для верхней одежды (?). Три из них аналогичны по технологии, форме и размерам. Это небольшие, 26-28 мм в диаметре, плоско-выпуклые изделия, отлитые из серого металла (свинец, олово?) и «обтянутые» медью. Отверстия – 6-8 мм, толщина – 3,5-6 мм (рис. 58-1). Другой литой диск – с «зубчатым» краем. Диаметр его – 25 мм, диаметр отверстия – 11 мм, толщина – 3,5 мм (рис. 58-5).

3. Другая находка неясного назначения, сделанная в заполнении мусорной ямы (СГ2), представляет собой скопление миниатюр-

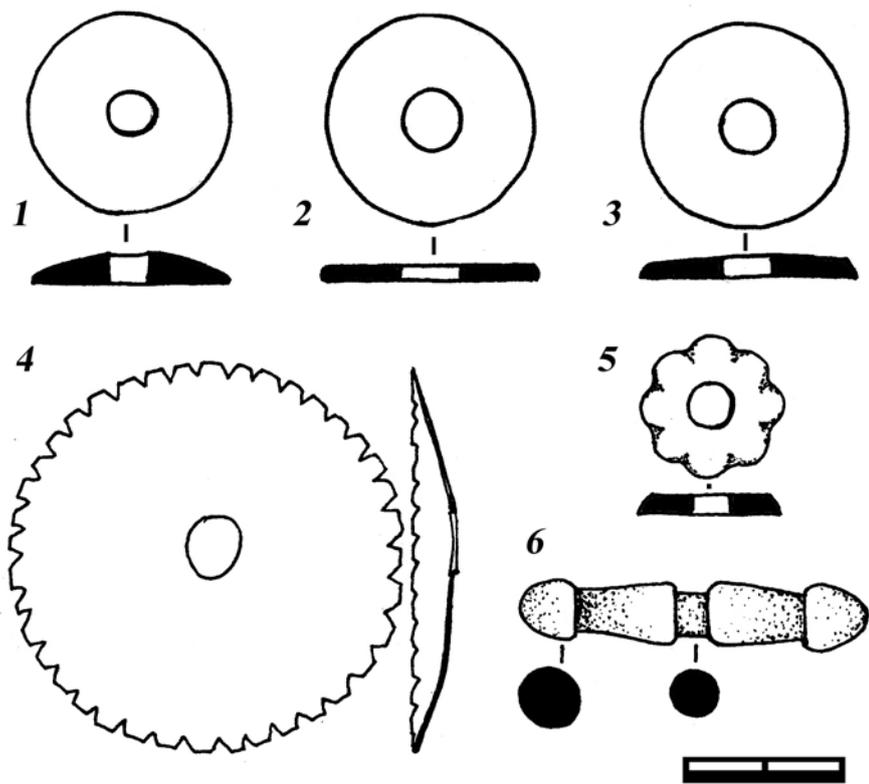

Рис. 58. Бронзовые диски (1-5), бронзовая застёжка (6)

ных бронзовых «прутиков» или «гвоздиков». Около сотни прутиков (равные аккуратные обрезки медной проволоки?) длиной 18 мм, толщиной около 2 мм, были соединены в плотный ряд в какой-то органической основе (дерево?). Они сохранились слипшимися окислами по 2-3 прутика (рис. 59). Причем в эту основу они были углублены на 12 мм, остальная длина их, похоже, выступала наружу.

Эта находка очень напоминает пролежавший в земле до полного разложения деревянной части среднеазиатский инструмент хлебопеков «дукки». «Дукки» представляют собой круглую деревянную основу с ручкой, в виде печати, в рабочую плоскость которой плотными рядами вбиты стальные штырьки. Эти ряды образуют линии оттискиваемого на тесте лепешки узора (рис. 60). Диаметр круглой рабочей поверхности мог быть различным, от 10-12 см до 2-4 см, как и узор, образуемый линиями плотно вбитых гвоздиков. Они служили для нанесения на лицевую поверхность лепешек узоров в виде солнечных розеток; этот ремесленный инструмент до сих пор встречается на местных базарах.

4. На уровне 4 яруса найдена интересная поделка из камня, представляющая собой стержень, длиной 56 мм, с одной уплощенной стороной. На утонченном конце вырезана кольцевая глубокая канавка, а на одной грани плоского основания нанесено семь насе-

Рис. 60. Деревянные со стальными прутиками на базаре г. Туркестан

Рис. 59. Бронзовые «прутики» не ясного назначения

чек (рис. 57-11). Расстояния между ними не равны. Возможно это какой-то измерительный инструмент ремесленника, который носился привязанным на шнурке.

5. Большой тонкий диск, вырезанный из листа золотистой бронзы. Его диаметр – 52 мм, диаметр отверстия – 8 мм, толщина листа около – 1 мм. По внешнему краю вырезаны неглубокие (3 мм) зубчики (рис. 58-4).

За исключением последнего, плоско-выпуклые бронзовые диски весьма напоминают круглые костяные, или каменные застёжки, крепившиеся посредством узла и выполнявшие роль пуговиц на одежде. Подобные костяные поделки, как отмечалось выше, весьма распространены среди находок из слоев и погребений X-XIV вв., но их зачастую описывают как пряслица.⁷⁶

Каменное пряслице. На уровне СГ2 найдено каменное пряслице круглой плоско-выпуклой формы. Напрясло выточено из серого мелкозернистого мягкого камня. Диаметр – 36 мм, толщина – 6,5 мм, диаметр отверстия – 7 мм. Верхняя выпуклая поверхность зашлифована, а на плоской – прочерчены циркулем две концентрические линии, разделяющие два концентрических пояса орнамента. Внешний пояс разделен наклонными линиями на треугольники, в середине которых треугольные же углубления. Во внутреннем поясе просто треугольные углубления, а в средней сделано отверстие (рис. 57-1).

Керамическое пряслице. Изготовлено из плотной глины черно-серого цвета в изломе в виде плоско-выпуклого диска. Диаметр – 32 мм, отверстие – 10 мм, толщина – 9,5 мм; поверхность – лощенная, имеет блестящий черный цвет. Имеются сколы и следы сработанности. Найдено при зачистке оснований стен СГ2 (рис. 57-2,3).

Таким образом, разнообразные находки из верхних слоев городища Древнего Саурана характеризуют многогранную бытовую культуру развитого средневекового города. Некоторые «мобильные» категории изделий (украшения, детали поясов и пр.) имеют широкий общеевразийский ареал распространения, что характеризует роль города Саурана в системе сложившихся в X-XIII вв. межрегиональных связей.

5.8. Изделия из стекла

Как и подобает крупному ремесленному городскому центру, в Сауране было налажено собственное производство изделий из стекла. Очевидно, основное место занимало изготовление стеклянной посуды, всевозможных сосудов находивших применение в по-

⁷⁶ Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв. Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб, 2001, с. 112.

Рис. 61. Горлышки стеклянных флакончиков

вседневной жизни сауранцев. Поскольку исследование городских участков с явными признаками ремесленного производства еще не производилось, мы не можем определить технологический уровень местных мастеров. Судя по многочисленным находкам фрагментов стеклянных сосудов, можно сказать, что интерьеры горожан украшали стеклянные сосуды разного цвета – прозрачные, синие, фиолетовые, красные, голубые и т.д., декорированные стеклянными нитями. Переливы блеска стеклянных изделий местные мастера достигали выдуванием сосудов в рельефные формы-калыбы.

Пока в сауранских культурных слоях выявлены сильно фрагментированные обломки стеклянных изделий, по которым обычно невозможно полностью реконструировать форму сосудов (рис. 61-63). Нам удалось восстановить лишь маленькую кружечку из желтоватого стекла, выдутую в рельефную форму (рис. 61, 62). Но очевидно, что здесь производилось большинство, если не все известные в средневековых среднеазиатских городах формы стеклянных изделий.

Рис. 62. Стеклянная кружечка. Рисунок

Рис. 63. Стеклянная кружечка. Фото

5.9. Нумизматические находки⁷⁷

Монеты достаточно редкие находки из верхних слоев городища Каратобе. К тому же, сильная засоленность культурного слоя способствовала полному окислению достаточно тонких монетных кружков, т.ч. информативной оказывалась лишь малая часть из найденных монет. Тем не менее, за время археологических исследований (2006-2008 гг.) был собран интересный нумизматический материал (45 разновре­мённых монет), изучению которого и посвящен этот раздел. Атрибуция монет приведена в приложении (Табл. 2) к этому разделу, изображения некоторых наиболее интересных из них размещены в фототаблицах №1 и 2 (рис. 65; 66) под теми же номерами, что и в таблице №2.

Анализ нумизматических находок, обнаруживаемых в контексте археологических слоев, априори должен помочь получить ответ на несколько важных вопросов касающихся истории города. И в первую очередь – о

⁷⁷ Подготовка и написание этого раздела осуществлена при активном участии П.Н.Петрова. Пользуюсь случаем выразить свою признательность Павлу Николаевичу за оперативное и профессиональное определение монет из наших раскопок.

Рис. 64. Монеты Ануштегинидов до очистки

времени прекращения жизни города, о хронологии строительных горизонтов. Монетные находки были сделаны на современной дневной поверхности памятника (подъемный материал), а так же в слоях первого, второго и третьего строительного горизонтов. Рассмотрим династийный состав этих находок (см. Табл. 1).

Таблица 1

№ п/п	Династия	Время чеканки зафиксированных монет	Количество монет, шт.
I-й строительный горизонт			
<i>Подъемный материал</i>			
	<u>Саманиды</u>	рубеж IX-X вв.	3
	<u>Караханиды</u>	XI в.	3
	<u>Ануштегиниды</u>	нач. XIII века	1
	<u>Чингизиды</u>	- 646-663/1258-1265 гг. - обломки золотых динаров	1 2
	<u>Джаниды(?)</u>	XVII в. (?)	1
<i>Монеты из раскопов</i>			
	<u>Караханиды</u>	начало-середина XI в.	2
	<u>Чингизиды</u>	- 646-663/1258-1265 гг.	2

II-й строительный горизонт			
	Локальный выпуск города Кердера (найден на границе строительных горизонтов I и II)	VIII век	1
	Не устанавливается (чеканились со времён правления Аббасидов до правления Караханидов включительно)	- «бухархудатский» тип с именем Махди (158-169/775-785 гг.) - монеты длительного обращения	2
		- «бухархудатский» тип (медная монета – возможно выпуск XI-XII вв.)	1
	<u>Тахириды</u>	251/	1
	<u>Саманиды</u>	281/894 г.	1
	<u>Караханиды</u>	конец XII – начало XIII в.	1
	<u>Ануштегиниды</u>	начало XIII века	19
III-й строительный горизонт			
	<u>Тюргеши</u>	VIII век	1
	<u>Аббасиды(?)</u> – <u>Саманиды(?)</u>	«бухархудатский» тип с именем Махди 158-169/775-785 гг. - монеты длительного обращения	1

Монеты первого строительного горизонта

Рис. 65. Фототаблица 1

Монеты второго строительного горизонта

Монеты из третьего строительного горизонта

Первое, что бросается в глаза при оценке состава монетных комплексов первых двух строительных горизонтов по данным таблицы 1 – присутствие монет широкого спектра династий. Особо обращает на себя внимание присутствие караханидских и саманидских фельсов в самом верхнем слое городища и при вскрытии первого строительного горизонта. Причину этого явления мы рассмотрим несколько позднее, а сейчас необходимо оценить время существования каждого строительного горизонта, пусть даже приблизительно. Принципов оценки по данным монетных находок может быть два. Первый – по наличию монет тех или иных династий в пределах каждого изучаемого строительного горизонта. Второй – по отсутствию монет самой младшей по возрасту династии в ниже лежащем горизонте по сравнению с предыдущим горизонтом. Первый принцип в данном случае применить проблематично, поскольку в верхних слоях порой есть монеты тех же династий, что и во всех нижних слоях. Поэтому при анализе этого монетного комплекса был использован второй вариант оценки, который позволил однозначно фиксировать (по имеющемуся на настоящий момент нумизматическому материалу) следующее:

1. в СГ1 присутствуют монеты Великой Монгольской империи, и они отсутствуют в нижележащих слоях;

2. в СГ2 присутствуют в наибольшем количестве медные монеты хорезмшахов Ануштегинидов начала XIII в. и они отсутствуют в нижележащих слоях;

3. в СГ3 присутствует медная монета Тюргешей VIII в., которая отсутствует не только в СГ1 и 2, но и в IV-ом. Замечу, что IV-й строительный горизонт пока вообще не дал ни одной монетной находки, видимо, вследствие ограниченности раскопанной площади.

Рассмотрим монетные находки, находящиеся в каждом строительном горизонте.

I-й строительный горизонт. Самыми младшими монетами первого строительного горизонта оказались отрарские медные посеребренные дирхемы Великой Монгольской империи Чингизидов, выпущенные в середине XIII века. Кроме того, к тому же XIII веку могут относиться два мелких обломка золотых динаров. Обломки столь малы, что атрибуции не поддаются (рис. 65-9, 10). Возможно, это остатки растащенного небольшого кладика. Столь мелкие обломки золотых монет характерны для монетного обращения второй и третьей четверти XIII века. Но точной датировки эти обломки, естественно, не дают. Таким образом, последний этап активной жизни города, однозначно датируемый типом отрарских медных дирхемов, начался не позднее 663/1264-65 г. (год прекращения чеканки этих монет на отрарском монетном дворе⁷⁸). Позднее, в 670/1271 г. в соседнем

⁷⁸ Бурнашева Р.З. Клад чагатаидских монет 2-й половины XIII в. с городища Отрар. // Известия АН Казах. ССР. Сер. Общественные науки. №2. 1978, с. 49; Петров П.Н. Очерки по нумизматике могольских государств XIII – XIV веков. Нижний Новгород, 2003.

городе Отраре, входившем уже в состав государства Кайду, была возобновлена регулярная работа монетного двора, но находок этих типов уже серебряных дирхемов на Каратобе не зафиксировано во все. Из этого следует, что активная торгово-экономическая деятельность затухла в период между 1264 и 1271 годами. Этот вывод можно считать предварительным. Не исключено, что окончательный ответ на вопрос о времени оставления города жителями может быть связано уже с решением другого вопроса – когда был заложен новый (поздний) средневековый город Сауран. Ответ на этот последний вопрос, возможно, скрыт в материалах самого нижнего слоя городища Сауран, лежащего в трех километрах к северу от Каратобе.

Предполагаемый временной интервал запустения древнего Саурана может быть косвенно обоснован историческими событиями, известными нам по сведениям письменных источников. Так, по данным Рашид ад-Дина в 663/1264-65 г. город Отрар был разгромлен и разграблен войсками Алгу.⁷⁹ Основной целью похода этого Чагатаида было изгнание джучидских подданных с этой территории и восстановление Чагатаидского юрта в прежних (по возможности) границах. Возможно, что именно с этими событиями следует связывать следы пожара, зафиксированные Л.Б. Ерзаковичем в слое V раскопа III стратиграфии Отрартобе. Верхнюю границу этого слоя он отнес к середине XIII в. и констатировал временное запустение большого участка застройки в центре города.⁸⁰ Такое объяснение вполне согласуется с фактом прекращения работы монетного двора в 663/1264-65 году, когда и был разграблен Отрар.

Поскольку развалины Отрара находятся относительно близко (в 70 км) от Каратобе, то Алгу не мог обойти стороной Сауран. Следовательно, причиной запустения последнего могли стать эти же исторические события.

II-й строительный горизонт. Комплекс монет в 25 шт. (поддающихся атрибуции) с этого горизонта характеризуется преобладанием находок монет Ануштегинида Мухаммада ибн Текеша, битыми в начале XIII века. Обращает на себя внимание комплекс монет хорезмшаха (рис. 66-37, 40).

Комплекс монет найден при расчистке завала в помещении №4 СГ2. Под завалом СГ1 в восточной части помещения выявилась большая яма (для хранения зерна?) в заполнении которой собраны медные монеты. Яма некоторое время служила для сброса различного хозяйственного мусора – костей мелкого и крупного рогатого скота, обломков керамики... Среди этих находок и было собрано 16 монет. Они находились последовательно разновремененно и ни разу

⁷⁹ Рашид-ад-дин в своем «Сборнике летописей...» отметил: «Один раз он дал сражение войску Беркая, разбил его и разграбил Отрар, а через год умер». (Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л. 1941, с. 73). Известно, что Алгу умер в 664 / 1265/66 г., следовательно, описываемые события произошли в 663 г.х.

⁸⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XVвв. Алма-Ата, 1987, с.19.

не встречены две или несколько монет вместе, «спекшимися» слоями окислов. Все экземпляры найдены на ограниченном участке, при расчистке заполнения ямы. При этом они найдены на разных уровнях по всей глубине заполнения ямы, т.е. сказать определенно, что это небольшой кладик – было бы не корректным. Но, тем не менее, мы имеем дело с хронологически компактным комплексом монет, отложившимся в период предшествующий застройке верхнего строительного горизонта. Отдельные монетки лежали на костях мусорного завала и от них сохранились характерные зеленые пятна окислов на костной поверхности (два случая).

Из шестнадцати монет три экземпляра имеют диаметр 40 мм – это крупные медные посеребренные дирхамы Самарканда.

Другая группа монет (13 экз.) имеет диаметр 26-28 мм. Тип этих монет напоминает по оформлению крупные медные посеребренные дирхемы Термеза и Балха последних трех лет правления Мухаммада б. Текеша. Однако монеты этой группы значительно отличаются от термезских и балхских выпусков и метрологическими характеристиками и оформлением. Подобных монет хорезмшаха ранее мы не встречали. Возможно, это продукция местного монетного двора (древнего Саурана), но вероятнее всего это эмиссия монет Параба (=Отрара). Известны медные посеребренные дирхемы Параба 607/1210-11 гг. (диаметр 40-44 мм) Мухаммада б. Текеша.⁸¹ Как Отрар он начал функционировать, по известным сейчас монетам, в 613/1216-17 гг. (медные [?] дирхемы диаметром 26-27 мм).⁸² Краткий, но достаточно полный обзор чеканки Отрара с X по XVII вв., не учитывающий, однако, подробностей работы этого монетного двора в XIII – XIV вв., был сделан в свое время В.Н. Настичем.⁸³ Однако, можно полагать, что пока мы не знаем всех типов монет Ануштегинидов, выпускавшихся монетным двором Параб (Отрар), поскольку их ареал обращения был ограничен, а объем чеканки и время обращения, судя по всему, было не велико. В этом смысле в ходе будущих археологических изысканий на Каратобе можно ожидать новых нумизматических открытий.

Но к величайшему сожалению, все монеты нашей коллекции из этой группы полностью утратили выпускные сведения (год чеканки и название монетного двора), поскольку размещались в круговой легенде близко к краям, поврежденным и даже уничтоженным коррозией. Нам остаётся надеяться, что будущие археологические изыскания позволят найти неповрежденные экземпляры интересующих

⁸¹ Давидович Е.А. Бараб – новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегинидов. // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1972. М. 1977, с. 126-128; Майер Т. *Sylogae Numorum Arabicorum* Tubingen. Nord- und ostzentrasien. XV b Mittelasien II. Berlin, 1998, p.14, №5.

⁸² Байпаков К.М., Настич В.Н. Новые данные по истории Отрара X-XIII вв. // Известия АН Каз. ССР. Серия обществ. Наук. №2. 1978, с. 47-48.

⁸³ Настич В.Н. Монетные дворы средневекового Казахстана. // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 4. Алма-Ата, 1989, с. 64-65.

типов монет и прочесть название монетного двора, а также установить годы его активной работы.

Очевидно, что второй строительный горизонт существовал еще в первые два десятилетия XIII века, то есть до монгольского нашествия.

III-й строительный горизонт.

Количество монет (2 экз.) с этого стратиграфического слоя не является достаточным для каких-либо даже предварительных выводов. Столь незначительное количество найденных монет объясняется малой площадью раскопа, достигшего третьего горизонта, по сравнению с площадью раскопа I и II строительного горизонтов (примерно в 20 раз меньшей). Драхмы «бухархудатского» типа с теофорным именем багдадского халифа Махди активно обращались и в правление Аббасидов, и при Саманидах, и при Караханидах (рис. 66-45; 67). Это были налоговые деньги.⁸⁴ По причине их длительного использования в денежном обращении в течение сотен лет находка этих монет не может датировать стратиграфический слой без учета сопутствующих находок. В нашем случае сопутствующей оказалась медная монета китайского типа Тюргешей (рис. 66-44). Семиреченские выпуски этих монет не несут на себе каких-либо дат выпуска. Время обращения тюргешских монет может накладываться на время обращения драхм «бухархудатского» типа лишь в течение нескольких десятилетий VIII века, и на ограниченных территориях. Более вероятно предположение, что мы имеем дело с переотложением ранее тезаврированного нумизматического артефакта времени тюргешского владычества.

В любом случае, датировать третий строительный горизонт с помощью нумизматических находок однозначно не представляется возможным. По монетным находкам можно лишь предполагать, что этот строительный горизонт начал формироваться в VIII-IX вв., и за-

Рис. 67. Бухархудатские монеты. Серебро

⁸⁴ Давидович Е.А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. //Нумизматика и эпиграфика. М., 1966, с. 103-134.

вершился в Хв. Дальнейшие археологические исследования памятника уточнят наши представления.

Хочется особо остановиться на вопросе появления ранних монет в верхнем слое изучаемого археологического памятника. Причины появления таких монет в слое не соответствующем времени их чеканки и обращения вполне объяснимы. Во-первых, если город строится несколько раз на протяжении сотен лет на одном и том же месте, то при строительстве и обустройстве жилищ на новую дневную поверхность попадали утерянные в прежние времена монеты в следствии «перекопов» (различного рода ямы) нижележащих, т.е. предшествующих по времени, слоев (строительных горизонтов). Иногда они превращались в амулеты, подвески-украшения. И это мы видим по специально пробитым в таких монетах отверстиям.

Кроме того, когда город забрасывался (или погибал) и более не восстанавливался, то по мере его разрушения под действием деструктивных сил природы на склонах холмов неравномерно обнажались разные строительные горизонты, откуда на современную дневную поверхность также попадают некогда разновремененно утерянные монеты. Степные грызуны, активно осваивая городища, также способны выбрасывать на поверхность у своей норки монеты и иные артефакты. Все это осложняет нумизматический анализ обнаруживаемых находок, как в стратиграфических слоях, так и подъемного материала с таких многослойных памятников, как городища. Однако это же обстоятельство не мешает, как не странно, составить более точную картину монетного обращения в разные периоды жизни города при условии максимально полного учета всех без исключения монетных находок, сделанных на памятнике. Этот интегральный нумизматический комплекс крайне важен для нумизматического анализа.

Не сложно заметить, что в составе найденных экспедицией монет присутствует разновременная продукция монетных дворов близлежащих областей: Кердера, Параба, Отрара, Испиджаба. Это свидетельствует о том, что экономика древнего Саурана была органично вплетена в экономику региона, а сам город издревле находился в сфере экономического влияния Отрара.

О иных связях свидетельствует неожиданная находка в предмонгольском слое цитадели Каратобе медной монеты чеканки начала VIII в. Эта монета (№ 42) хотя и имеет некоторые утраты, но на аверсе хорошо различим портрет правителя повернутый вправо (рис. 68). Характерны крупный нос, толстые губы, большой миндалевидный глаз, на голове убор с наушниками. На реверсе монеты четко читается изображение тамги – «трезубец на подставке». Монета с аналогичной тамгой на реверсе известна нам из находок в верхнем слое расположенного неподалеку городища Сидак. После очистки той монетки на одной из сторон ее была различима лишь тамга в виде «трезубца на подставке». Другие детали оформления чекана не сохранились. На основании иконографии тамги, мы отнесли тогда эту монету к медному чекану Хусрова - удельного хорезмийско-

го правителя области Кердер (низовья Аму-Дарьи).⁸⁵ Б.И. Вайнберг считает, что этот редкий в самом Хорезме тип монет возник в конце VII- самом начале VIII вв. Как она пишет: «монеты Хусрава имеют чуждые Хорезму символы, происходящие, как мы это пытались показать выше, из Турана-Кангюя, локализуемого нами от северных склонов Каратау и низовьев Сыр-Дарьи, Сары-Су и Чу (места зимовок) до района Южного Приуралья (места летовок). Вместе с тем имя Хусрав чисто иранское, надпись на монетах передана знаками хорезмийского алфавита, титул правителя также заимствован в Хорезме. Все это указывает, что чекан Хусрава производился на территории Хорезма».⁸⁶ По классификации Вайнберг Б.И. эти монеты отнесены к типу Г12,⁸⁷ что также отмечено в таблице 2. Появление их в столь отдалённом от низовьев Аму-Дарьи регионе не случайно. Чаше чем в других регионах Средней Азии они встречаются именно на берегах Сыр-Дарьи, что обусловлено, по мнению Б.И.Вайнберг, активными связями этих двух регионов в VII-VIII вв. Эти связи хорошо документируются и прочими археологическими материалами, которые свидетельствуют о проникновении, где-то в конце VII в., с берегов Сырдарьи на запад, в низовья Амударьи, большой группы племен.

Находка монеты Хосрова на Каратобе, на которой идентифицируется и лицевая сторона, подтверждает прежнее определение монеты с Сидака. А поскольку монета имеет специальное отверстие, то это может свидетельствовать о продолжительном использовании ее в качестве популярного амулета-украшения.

Рис. 68. Монетка Хусрава. Медь

⁸⁵ Смагулов Е.А. Сидакский культовый центр в системе межрегиональных связей// Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008г. Шымкент, 2008, с. 390-391, рис. 8-2; Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты Туркестана. Алматы, 2006, с.25.

⁸⁶ Вайнберг Б.И. Удельный чекан средневекового Кердера//Антропология и культура Кердера. Т., 1973, с.114-115.

⁸⁷ Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, таб. XI.

ПРИЛОЖЕНИЕ: МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ КАРАТОБЕ

ПЕРВЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

Таблица 2

Таблица 2

№ п/п	Металл	Вес, г	Диаметр, мм	Атрибуция монеты	Год н.э. или век
ПОДЪЕМНЫЙ НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ					
Саманиды*					
1	медь	-	-	Фалс. Исмаил б. Ахмад. Самарканд, 286 г. х.	899
2	медь	-	-	Фалс. Наср II б. Ахмад + Маттид Ахмад б. Матт. Испиджаб, 307 г. х.	919-920
3	медь	-	-	Фалс. Наср б. Ахмад + Али. Параб, 310 г. х.	922-923
Караханиды					
4	медь	-	-	Дирхам(?) Узгенд, 380-е гг. Тегин Наср б. Али. выпускная легенда полностью утрачена. В центре поля изображен лук.	990 – 999 гг.
5	?	-	-	Дирхам. Испиджаб. Арслан-хан Мансур б. Али + Насир ад- дава Атим-тегин Ахмад б. Мухаммад. 412 г. х. (публикуется впервые)	1021-1022
6	медь	-	-	[Параб, 59(6? -8? г. х.)]. Хакан ал-Адий Шамс ад- дунийа ва-д-дин Кутлуг Биша-хакан Хасан б. Абд- ал-Халик.	1200 – 1202 гг.
Ануштегиниды(?)					

Ануштегиниды(?)					
7	медь	-	-	Медный посеребренный дирхам. Обломок (1/4 кружка). Не определяется даже тип монеты.	нач. XIII в.
Чоугизиды					
8	медь	-	-	Отрар. Медный дирхам. Выпускная легенда утрачена полностью. Обломан по краям.	646-663/1 248-1265 гг.
9	золото	0,86	-	Не атрибутируемый (не монгольской чеканки – вверху в поле стоит эпитет <i>адил</i>)	Время обращения – XIII в. (не позднее 1270-х гг.)
10	золото	0,50	-	Не атрибутируемый	Время обращения – XIII в. (не позднее 1270-х гг.)
Джанинды(?)					
11	медь	-	-	Выпускные данные утрачены	XVII в. (?)
НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В АРХЕЛОГИЧЕСКОМ СЛОЕ					
Караханиды					
12	медь	1,66	27	Фалс. <u>Иштихан</u> , 404 г. х. <u>Кутб ад-давла хакан Ахмад б. Али</u> . Местами края монеты выкрошены. Публикуется впервые.	1013-1014
13	?	-	-	Медный дирхам. Династия и время выпуска определяется лишь по типу монеты. Все выпускные легенды утрачены.	первая половина XI в.
Чоугизиды					
14	медь	-	31,5	Монета очень плохой сохранности – медный посеребренный дирхам монетного двора Отрар. В легенде поля упомянуть имя покойного аббасидского халифа <i>ан-Насир ли-д-Дина</i> .	Время чеканки таких монет: 646-663/1 248-1265 гг.
15	медь	-	-	Отрар. Медный дирхам. Выпускная легенда утрачена полностью. Обломок монеты с отверстием.	646-663/1 248-1265 гг.

ВТОРОЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

№ п/п	Металл	Вес, г	Диаметр, мм	Атрибуция монеты	Год н.э. или век
ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ					
Тахириды					
16	медь	-	-	Фалс. Мухаммад б. Тахир. Аш-Шаш, 251 г.х.	865
Саманиды					
17	медь	-	-	Фалс. Самарканд. Исмаил б. Ахмад 281 г.х.	894
Караханиды					
18	медь	-	31,5	Монета очень плохой сохранности – медный посеребренный дирхем. Эмитента установить не удалось. На одной из сторон читается: <i>ал-имам ал-/азам [ан-На] /сир [ли-д-Дин?]</i> .	конец XII – начало XIII в.
Монеты длительного обращения					
19	серебро	-	25	Обломанная на ¼ драхма «бухархудатского» типа с именем халифа Махди.	
20	серебро	-	-	Обломанная на 1/3 драхма «бухархудатского» типа, имя обломано.	
21	медь	-	Нет границ у монеты – края раскрошены	Медная монета «бухархудатского» типа, год на монетах этого типа отсутствует, обращались при Караханидах. Искусственное отверстие для подвешивания.	
Неатрибутированные					
22	медь	-	Ок. 40	Монета полностью стывшая, не имеющая металлического ядра. По размеру – крупный медный посеребренный дирхем.	
23	медь	-	38,5	Стывший крупный медный посеребренный дирхем. Не читается. Династия не определяется.	
24	медь	-	30-32	Монетный(?) кружок полностью гладкий. Края неровные. Похож на монетную заготовку.	
Ануштегиниды					
25	медь	2,72	26,5	Фалс Мухаммада б. Текеша? От легенд в поле остались лишь следы. Л.с. Поле заключено в тройной ободок (два – линейных, между ними – точечный). Легенда	нач. XIII

				в 3 строки. За ободком – следы от круговой легенды. О.с. Поле заключено в однолинейный ободок. В поле от легенды читается только окончание лакаба – <i>ад-дм</i> . Круговой легенды не видно.	
26	медь	-	26-26,5	Фалс. Мухаммад б. Текеш. Год обрезан, монетный двор не виден. Л.с. В поле сложного фигурного картуша (круг вписан в квадрат) – кашима в 3 строки. Вверху – виньетка. По внешним сторонам квадрата видны следы выпускной легенды. О.с. В однолинейном ободке легенда в 5 строк. Вверху мелко эпитет – <i>султаны Султан / ал-азам / Мухаммад ибн / Текеш</i> . За пределами ободка просматриваются остатки круговой легенды. Кружок облам на ¼.	нач. XIII
	медь	-	-	Фалс Мухаммада б. Текеша. Возможно чекан Отрара (=Параба) или местного <u>МОНЕТНОГО ДВОРА</u> .	нач. XIII
НАХОДКА КОМПЛЕКСА МОНЕТ					
Ануштегинды					
27	медь	2,14	23-25	Фалс. Мухаммад б. Текеш. Год обрезан, двор не виден. Л.с. В поле сложного фигурного картуша (круг вписан в квадрат) – кашима в 3 строки – <i>Нет Бога кроме / Аллаха Мухаммад / посланник Аллаха</i> . Вверху – виньетка. По внешним сторонам квадрата вск стерто. О.с. В однолинейном ободке легенда в 5 строк. Вверху мелко эпитет – <i>султаны Султан / ал-азам / Мухаммад ибн / Текеш</i> . За пределами ободка просматриваются остатки круговой легенды. Края монеты местами раскрошены. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
28	медь	-	29	Фалс Мухаммада б. Текеша. Нет металлической основы.	нач. XIII

				Монета нечищена. Возможно чекан Отрара или местный.	
29	медь	-	27	Фалс, по размеру соответствует монете №26 этого описания – Мухаммада Хорезмшаха. Монета нечищена. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
30	медь	-	-	Фалс Мухаммада б. Текеша. Бесформенный обломок монеты. Видны две строки легенды поля – <i>Мухаммад ... / Текеш</i> . На др. Стороне – видна верхняя виньетка. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
31	медь	-	26,5-27	Фалс Мухаммада б. Текеша. Хрупкий, разломился при расчистке на две части. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
32	медь	-	-	Фалс Мухаммада б. Текеша. Бесформенный обломок монеты. Виден сложный картуш Л.с. На О.с. кроме кругового ободка все изображения утрачены. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
33	медь	2,38	26	Фалс Мухаммада б. Текеша. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
34	медь	1,91	26,5-27	Фалс Мухаммада б. Текеша. В ходе расчистки в монете выгравировались два сквозных отверстия, образованные коррозией. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
35	медь	1,96	28-29	Фалс Мухаммада б. Текеша. Один край фельса обломан. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
36	медь	2,34	25,5-27	Фалс Мухаммада б. Текеша. Один край фельса обломан. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
37	медь	-	25,5	Фалс Мухаммада б. Текеша. Обломан. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
38	медь	-	25,5	Фалс Мухаммада б. Текеша. Очень плохо сохранившийся. Надписей почти не видно. Один край фельса обломан. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII

39	медь	1,73	27,5	Фалс Мухаммада б. Текеша. От круговой легенды О.с. сохранилось слово: <i>санат (год)</i> . Обломан по краям с 3-х сторон. Возможно чекан Отрара или местный.	нач. XIII
40	медь	5,55	36-37	Медный посеребренный дирхам Мухаммада ибн Текеша. Монета сильно изъедена коррозией, потеряны края монеты с круговыми легендами. Л.с. эпитет вверху – не читается. Калима в 3 строки: <i>Нет Бога кроме / Аллаха Мухаммад / посланник Аллаха</i> Слово ниже калимы – не читается. О.с. эпитет – <i>султани</i> <i>Султан величайший / Ана ад-Дунья в ад-Дин абу ал-Фатх Мухаммад / ибн султан / Текеш.</i> По типу – дирхам похож на самаркандский выпуск 610-х гг.х.	нач. XIII
41	медь	5,64	38,5-39,5	Медный посеребренный дирхам хорезмшаха Мухаммада ибн Текеша. Монета сильно изъедена коррозией, частично потеряны края монеты с круговыми легендами. По типу – дирхам похож на самаркандский выпуск 610-х гг.х.	нач. XIII
Монеты, найденные на границе I и II строительного горизонтов					
42	медь	1,0	Около 20	Медная монета с искусственным отверстием (для подвешивания). Хорезм. Аналог – Б.И. Вайнберг. Легенда MRÚ MLK с именем <u>Хосров</u> – локальный выпуск города <u>Кердера</u> . Монеты древнего Хорезма. М., 1977, табл. XXVI, тип Г-12.	VIII в.
43	медь	-	41,5-39	Монетный кружок большого медного посеребренного дирхема? Использовался в хозяйственных целях, несет на себе следы ударов. Возможно этот кюский кружок никогда не был монетой.	-

ТРЕТИЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

№ п/п	Металл	Вес, г	Диаметр, мм	Атрибуция монеты	Год или век
Тюргешн					
44	бронза	-	-	выпуск в Семиречье	первая половина VIII в.
Монеты длительного обращения					
45	серебро	-	-	Драхма «бухархудатского» типа с именем халифа Махди.	

*Атрибуция куфических монет осуществлена Вадимом Капониным за что я выражаю ему искреннюю признательность.

5.10. Эпиграфические находки

Согдийская надпись. На венчике одного из хумов из СГ2 Р1 Каратобе обнаружена надпись, которая была показана ВЛ. Лившицу. Исследователь не уверен, бактрийская она или согдийская, но высказал мнение, что, если читать по-согдийски, то получается что-то вроде – sw{?}nt{?}kk – («Чвантак»). Возможно, это – личное имя. Сомнения в точности чтения обосновываются тем, что знаки «выглядят странно», хотя и «похожи» на согдийские⁸⁸ (рис. 69).

Рис. 69. Процарапанная на венчике хума, возможно, согдийская надпись

Арабская надпись на керамическом сосуде. Интересна находка маленького фрагмента (размером 3x1,6 см) плечика тонкостенного миниатюрного сосудика, покрытого снаружи красным ангобом, по которому прочерчена арабографичная надпись почерком насхи (рис. 70). Надпись сохранилась, естественно, лишь фрагментарно. Возможное чтение «...ад-даула ва-с-салам...», перевод: «...государство и мир (благоденствие)...».⁸⁹ Используемые в надписи арабские слова известны и в тюркском языке, и в фарси, с тем же значением. По фрагменту надписи невозможно однозначно заключить, на каком языке была сделана надпись, но ряд моментов позволяет предположить, что в данном случае мы имеем дело с благопожеланием на арабском языке. Из особенностей палеографии – второе слово (ас-салам) написано с «удвоенным» алифом, а финальный «мим» утерян, что несколько затрудняет чтение.

⁸⁸ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить В.А. Лившица и Д. Рухлядева за атрибуцию этой надписи.

⁸⁹ Транскрипция, чтение и перевод Альфрида Бустанова.

Рис. 70. Арабографичная надпись на плечике миниатюрного керамического сосудика

Имеются и другие случаи кратких «потребительских» и «декоративных» надписей, которые свидетельствуют о достаточно высоком уровне грамотности среди городского населения. Многие из них, как например надпись на внутренней стороне фрагмента закраины бронзовой чаши (рис. 71), по ряду причин пока остаются непрочитанными.

Серию арабографичных надписей дало обследование «северного городского некрополя». Некрополь этот известен у местного населения под названием Жалаулы ата. Есть все основания предполагать, что данный некрополь является кладбищем раннего (домонгольского) Саурана, но он продолжал функционировать и почитается как «аулие» в наши дни.

Рис. 71. Надпись на внутренней стороне венчика бронзовой орнаментированной чаши

В настоящее время этот участок с некрополем расположен практически на северной внешней крепостной стене города и ограничен следами арыка с южной и восточной стороны. Все пространство некрополя занято невысокими холмиками древних могил с развалами кирпичных надмогильных сооружений в виде прямоугольных выкладок. По характерным, сильно оплывшим, глиняным холмам можно предположить, что здесь могли быть также надмогильные сооружения иного типа – оградки-торткулаки и сырцовые мавзолеи; имеются довольно большие провалы, вероятно, от подземных купольных склепов, но основную массу составляют погребения под невысокими скромными холмиками, в которые превратились со временем кирпичные надмогильники.

С именем, вероятно, исторической личности, Жалаулы ата в народной памяти связано историческое предание и руины особо почитавшегося мемориального сооружения в центре некрополя. Сооружение имело вид невысокого холма (высота – до 0,7 м, размеры – примерно 20x18 м) со следами кирпичной кладки от предпринимавшихся в позднейшее время (XIX–XX вв.) восстановительных работ.

При поверхностном осмотре кладбища, помимо многочисленных «выходов» целых и обломков обожженных кирпичей в местах былых погребений, на поверхности был найден фрагмент керамической декоративной плиты с резным узором типа гирих (рис. 72).

Плита размером 40x40 см при толщине в 6-7 см была довольно грубого изготовления. В центре – восьмилучевая звезда, вокруг которой – плетение простого гириха. Подобные по строению орнамента декоративные плиты украшали фасады степных мавзолеев типа Жошы-хана и т.д.

Помимо этой декоративной плиты, пояс из которых служил украшением фасада некоего мавзолея, найдены фрагменты двух глазурованных декоративных плиток, явно служивших для облицовки в интерьере (возможно, надгробий).

Это небольшой фрагмент плитки (1/6 или 1/8 часть), покрытой зеленой глазурью, размером 8x6,5 см, толщиной 2 см. Тесто плотное, ровного качественного обжига, до светло-коричневого. Внеш-

Рис. 72. Фрагменты глазурованных плиток, найденных на территории некрополя Жалаулы ата

нее ребро имеет скос, а на поверхности плитки, в 3,5 см от края, была прочерчена прямоугольная рамка (рис. 72). Возможно, плитка – бракованная. Зеленая глазурь покрывает часть внешней поверхности, боковые грани и затекает частично на обратную ее сторону.

Фрагмент другой плитки – значительно больших размеров (рис. 72). Она была прямоугольной формы, размером 14,5x12см. Толщина – 2 см. Тесто плотное, однородное, прекрасного промеса и равномерного обжига. Откос по внешнему краю и прочерченная рамка в 2-2,5 см от края. По откосу прочерчен темно-коричневой краской поясok из «уголков», а поверхность покрыта очень некачественной глазурью зеленоватого оттенка.

Другой интересной находкой на поверхности кладбища является обломок ствола каменной колонны. Длина фрагмента – 52 см. Ствол в сечении имеет восьмигранную форму, толщиной (расстояние между гранями) – 27,5x24,5 см, при ширине граней – 11-12 см и 10,5 см. Т.е. восьмиугольник не правильный, а уплощенный: расстояние между широкими (12 см) гранями – 24,5 см. На одной из них имеется начало рельефной надписи. Другие три фрагмента этой же колонны найдены при расчистке гурханы намогильного сооружения. При соединении они составили часть колонны длиной (высотой) около 2,65 м.

На сохранившейся части колоны можно обозначить три ее структурные части: капитель, декоративный поясok-манжет и собственно 8-гранный ствол. Капитель – верхняя часть длиной (высотой) 75 см; она также восьмигранна, на одной грани имеется арабская надпись. Ниже ствол как бы перехвачен выпуклым манжетом, шириной 8 см, ниже – гладкая полоса (4,5 см) и под ней – поясok граненных выпуклых прямоугольников (11x7 см). По этому пояску проходил первый излом колонны. В месте перехвата 8-гранный ствол переходит в 16-гранный. Основной ствол колонны не в виде правильного восьмигранника, а чуть сплюснен – грань с надписью и противоположная ей шире остальных на 2-1,5 см. На следующем фрагменте, длиной 49 см, частично сохранились выпуклые, граненые прямоугольники и начало надписи на одной из граней ствола, которая имеет ширину 12 см. Третий фрагмент, это – часть ствола, длиной 77 см. На одной его грани – продолжение надписи. К сожалению, надпись на колонне пока не прочитана. Материал – желтоватый мелкозернистый песчаник – и почерк надписи, все говорит о том, что это – части одной колоны.

На поверхности некрополя Жалаулы ата также найдены обломки намогильных камней-«коккасoв» с арабографичными надписями. Надпись на фрагменте «коктаса», вероятно более раннего времени, судя по палеографии почерка, пока не поддается прочтению (рис. 73). А надпись на позднем «коктасе» прочтена А. Муминовым.

Транскрипция:

.....
.....

Рис. 73. Фрагмент коктаса с непrouчитанной надписью

Чтение:

*«Ла илаха илла Аллах, Мухаммад Расул Аллах. Ибн Кунак-бай
ибн Беркин-бай мирзага мубарак булгай!»*

Перевод:

*«Нет бога кроме Аллаха! Мухаммад его Пророк! Да будет бла-
годатным для господина Ибн Кунак-байа ибн Беркин-байа!»*

По ряду признаков, это – типичная поздняя (XIX–нач. XX вв.) поминальная надпись. Язык надписи смешанный, тюрко-арабский, характерный для такого типа эпитафий нашего региона. По обычаю, подобные эпитафии высекались на надмогильных камнях, устанавливаемых на погребениях правоверных.

Данный «коккас» был найден лежащим на руинах в виде холма центрального сооружения некрополя. Сюда он был положен явно местными прихожанами уже в позднейшее время. Расчистка намогильного сооружения, предпринятая нами в 2010 г. с целью последующего его восстановления, показала, что оно явно относится к более раннему времени. А сама постройка пережила многовековую судьбу и представляет собой интересный региональный тип намогильных сооружений, практически не идентифицированный и не исследованный.⁹⁰

⁹⁰ Древние некрополи Саурана представляют собой отдельную тему исследования. Детальная их публикация будет предпринята в следующем издании материалов Каратобе.

Рис. 74. Коктас XVIII–XIX вв.

При расчистке гурханы этого сооружения была обнаружена большая сводчатая сагана (высотой – 1,75 м, шириной в основании – 1,7 м, длиной – 3 м). Рядом с саганой, вдоль ее западной стороны, был установлен, очевидно, позднее, намогильный камень, простой призматической формы, с плохо сохранившимися арабографичной эпитафией и декоративным убранством (рис. 74). Материал – желтоватый мелкозернистый песчаник. Надпись на восточной торцевой грани камня располагалась в шести строках. Сохранность надписи очень плохая, транскрибируется и читается фрагментарно.⁹¹

Транскрипция:

.....

Чтение:

- Строка 1 – «кад иртахалат мин дар ал-гуру[r]»
- Строка 2 – «ила [дар ас-сурур] сахибат ...»
- Строка 3 – не поддается чтению
- Строка 4 – не поддается чтению
- Строка 5 – «Сабр...»
- Строка 6 – «.. валидай ва илайха! Амин, Рабб ал-'а[ламин]»

Перевод:

*«Отправилась из этого [мира гордости]
 В [мир радости] владельница ...*

.....

Сабрани (?)...

[да простит Аллах] ее родителей и ее, Амин! О, Владетель миров!»

Язык надписи – арабский. Фрагментарно прочитанная надпись, безусловно, свидетельствует, что этот надгробный камень был установлен над могилой почтенной женщины. Тип надгробия, палеография надписи, детали оформления позволяют отнести время его изготовления к XV–XVI вв. Стратиграфическое положение находки го-

⁹¹ Транскрипция, чтение и перевод арабографичных надписей с некрополя осуществлены А. Муминовым, которому мы, пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность.

Рис. 75. Восточный торец призматического надгробия из гурханы мазара Жалаулы ата

ворит, что камень был занесен в гурхану после одного из капитальных ремонтов-перестроек, произведенных после случившегося внутри постройки пожара. От пожара на первоначальном полу мавзолея сохранился почти полуметровый слой, с золой и углями от сгоревшего перекрытия. К более ранним деталям оформления саганы, но явно не первоначальным, относятся фрагменты 8-гранной каменной колонны. Они были вертикально установлены в ее изголовье и изножье (фрагмент с капителью). На одной из граней имеется арабоязычная надпись (рис. 75). Эта надпись по ряду причин пока достоверно не прочитана специалистами, даже в предварительном порядке.

Как оказалось, наша каменная колонна с арабской надписью, расположенной по длине ствола, на одной из ее граней, не уникальна в туркестанском регионе. В музее-заповеднике «Азрет Султан» в г. Туркестане хранятся несколько деревянных и каменных колонн. Наше внимание привлекли три больших фрагмента, лежащих

во дворе поздней мечети.⁹² Уникальность им придает арабоязычная надпись, расположенная по длине и выполненная особым затаенным «строительным» почерком (рис. 76).

Большой фрагмент имеет длину 236 см, при толщине ствола 30-31 см. Второй – длиной 122 см. Третий фрагмент – это капитель другой, уже третьей, каменной колонны. На ней надпись расположена обычно, по кругу. Большой фрагмент на одном конце имеет призматический элемент со скошенными углами. Очевидно, этот элемент является «капителю». В этой конструкции рассматриваемой каменной колонны близка структуре деревянной колонны из Отрара XIV в.⁹³ Высота этой «капители» – 42 см, сечение – 33х30 см. На боковых плоскостях выпуклым рельефом изображен листовидный элемент с фестончатыми краями. Ниже идет 6-гранный ствол колонны, чередующиеся грани которой по ширине равны 15 и 11 см. На одной широкой грани выпуклым рельефом вырезана сверху вниз надпись на арабском языке.

На расстоянии 107 см от верхнего конца колонны начинается орнаментальный пояс, шириной 23 см. В середине его – поясок «двойная веревочка», шириной 7 см. Этому пояску очень близки аналогичные пояски, отделяющие верхнюю часть от собственно ствола, на деревянных колоннах XIV–XV вв. из Туркестана.⁹⁴ Сразу же от пояска, по той же грани, продолжается надпись, начатая на капители. Длина этого участка ствола с надписью – 106 см.

Транскрипция надписи на этой колонне:

Чтение: «Амал 'Али-шайх. ал-Мулк фани. ал-Мумлик лахум аш-шарара. Касим ибн Йусуф ибн...».

Перевод: «[Это] работа 'Али-шайха. Владение [всем на этом свете] преходяще. Владение ими [вещами этого мира] – зло. Касим ибн Йусуф ибн...»

Язык надписи – арабский. Хотя перевод и имеет некоторые лакуны, но ясно, что перед нами «авторская надпись», в которой, после известной мусульманской сентенции, прославляющей благотворительность, упомянут, вероятно, и меценат, финансировавший некую явно немалую постройку, опорой перекрытия которой служила данная колонна.

Фрагмент другой (второй) колонны в длину составляет 122 см, на нем – 72-сантиметровый участок с надписью, но уже окончания строки. Заканчивается этот обломок колонны 50-сантиметровым

Рис. 76. Каменная колонна из гурханы мазара Жалаулы ата

⁹² Инвентарная карточка экспоната не содержит сведений о происхождении этого артефакта.

⁹³ Воронина В.Л. Черты архитектурного ордера на территории Казахстана // Архитектурное наследство. Вып. 27, М., 1979, с. 170-179.

⁹⁴ Воронина В.Л. ...; Пугаченкова Г.А. О резных деревянных колоннах XIV-XV вв. в г.Туркестане // Известия АН КазССР, серия архитектурная, вып. 5, 1948, с. 40-53.

Рис. 77. Каменная колонна № 1 из музея Азрет Султан

гладким участком, который, по всей видимости, должен был вставляться в соответствующий паз массивной каменной базы (рис. 77). На боковых гранях колонны имеются специально вырубленные в камне трапециевидные в плане пазы, сделанные для соединения и крепления двух частей колонны (рис. 77).

Надпись на фрагменте второй колонны из музея, содержащая концовку строки, также пока полностью не прочитана. Очевидно, она содержит традиционное благопожелание в адрес некоего лица («... да продлит Аллах его...»), покровительствовавшего постройке.

Скорее всего, «работой Али-шаиха», упомянутого на первой колонне, является не просто каменная колонна или даже все колонны какой-то постройки, а сама постройка, которую он спланировал и, может быть, был прорабом на ней. Вполне вероятно, что и надпись на «жалаулыатинской колонне» имеет тот же характер, и после ее прочтения мы узнаем имя строителя грандиозной Каратобинской мечети-намазгох.

Дело в том, что, по всей видимости, «жалаулыатинский некрополь» первоначально (в IX–X вв.) стал формироваться у стен большой мечети-намазгох, располагавшейся на северной границе городской территории раннего Саурана. После перемещения города на место городища Сауран мечеть-намазгох, естественно, была заброшена.⁹⁵ Ее части, возведенные из обожженного кирпича, надо полагать, как и другие общественные постройки раннего Саурана, подверглись разрушению с целью добычи качественного кирпича. А части, построенные из сырца, теперь очерчивают пунктиром желтых вытянутых холмов обширную подквадратную территорию (примерно 175x175 м), планировочно как бы вписанную в систему внешних крепостных стен города. Некрополь продолжал здесь существовать, поскольку кладбище приобрело статус «аулие», погребения распространились на руины мечети, а пониженные участки этой обширной территории распахивались под поля и огороды. Предварительный зондаж на одном из участков сырцовой михрабной стены мечети показал, что основание стены залегает на 1,1 м глубже уровня современной дневной поверхности, т.е. культурный слой на этом участке составляет толщину более 1 м. У нас есть основание высказать предположение, что фрагменты каменной колонны, использованные в интерьере гурханы мавзолея, приписываемого Жалаулы ата, были взяты из руин этой мечети. Возможно, вполне намеренно были использованы обломки колонны с арабской надписью, поскольку мусульманской культуре свойственно особо трепетное отношение к надписям, сделанным буквами священного Корана, т.е. арабской графикой.

При исследовании Каратобе встречаются не только арабографические надписи. Поистине уникальной находкой из культурного слоя цитадели является руническая надпись на керамическом сосуде.

⁹⁵ За стенами Саурана была построена своя новая мечеть-намазгох площадью 1 га.

Руническая надпись. Фрагменты керамического сосуда с частично сохранившейся рунической надписью обнаружены при снятии верхних слоев заполнения помещения №3 СГЗ на северном участке,⁸⁶ прирезанном в сентябре 2008 г. к раскопу 1. При зачистке участка у западной стены пом. 3, на уровне 0,9 м от уровня пола этого помещения (т.е. на глубине 1,6 м от уровня современной дневной поверхности, на уровне 5 яруса) найдено несколько фрагментов нижней придонной части чернолощеного горшковидного сосуда ручной лепки (рис. 79). Четыре фрагмента склеились по линиям излома, а пятый, явно от того же сосуда (по тесту, технологии и характеру нанесенных знаков), не имеет общего излома со склеенной частью. Склеенные фрагменты образуют придонную часть корпуса до нижней части плечика. Удалось установить диаметр дна сосуда (15 см), максимальный диаметр корпуса (19,5-20 см), высоту до максимального диаметра (11 см). Толщина стенок – 0,8-1,0 см (рис. 80).

В керамическом комплексе Каратобе верхнего и второго строительных горизонтов керамика аналогичных технологических и декоративных свойств образует отдельную, наряду с красноглиняной, технологическую традицию. Получены разнообразные формы сосудов, выполненные по этой технологии – кружки, горшковидные сосуды с двумя петельчатыми ручками, кувшины, особенно многочисленны крышки и пр.

Уникальность данному сосуду придает своеобразный резной орнамент, располагавшийся на округлых плечиках, включая зону максимального диаметра корпуса, и прочерченная руническая надпись, расположенная ниже, между орнаментальным поясом и дном. Линии орнаментальных элементов и знаки надписи прочерчены четкими тонкими линиями глубиной около 0,5 мм. При этом заметно, что орнамент нанесен до обжига, а линии знаков надписи – уже после обжига, или, во всяком случае, уже по подсушенному черепку.

Сохранившиеся детали орнамента позволяют предположить, что плечико сосуда и средняя часть корпуса были заполнены двумя поясами роговидных элементов, обращенных загнутыми концами вниз; линий, разделяющих орнаментальные зоны, нет.

Ниже орнаментальной зоны расположена руническая надпись. На склеенном фрагменте она – в одну строку из крупных, высотой до 30 мм, знаков. Всего насчитывается 7 полностью сохранившихся знаков, и два частично. Если знак в виде трех, вертикально один над другим расположенных, штришков является знаком слово-разделителем, то сохранилось полностью одно слово из 5 знаков (рис. 80).

На отдельном фрагменте, который также относится к придонной части того же сосуда, надпись была расположена в две строки.

Рис. 78. Фрагмент колонны № 2

⁸⁶ На этом участке, на склоне холма цитадели, предполагалось углубиться до более ранних слоев, подстилающих СГ2 (Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Продолжение исследования стратиграфии Древнего Саурана., с. 204-206).

Рис. 79. Фрагменты горшка с рунической надписью

Здесь знаки более мелкие, высотой до 25-26 мм. В верхней строке сохранилось 8 знаков, плотно расположенных друг к другу; у некоторых из них утрачены верхние части; в нижней строке сохранился один знак полностью, другой частично (рис. 80).

Одним из достижений современной рунологии стало осознание в конце прошлого века, что руническое письмо Евразии представлено несколькими алфавитами. Они объединяются в три группы рунических алфавитов, имеющих свои самобытные генетические корни: I гр. – тисский алфавит представлен единственной находкой из Надь-Сент-Миклоша (Венгрия); II гр. – евроазиатская, в которую входят донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты; III гр. – азиатская группа алфавитов (енисейский, орхонский и таласский). И.Л. Кызласов насчитывает в этих трех группах девять известных рунических алфавитов, названных по месту нахождения. И если азиатская группа алфавитов дешифрована усилиями плеяды виднейших ученых-филологов (Томсен В., Радлов В.В.), то тисское письмо (I гр.) и надписи евроазиатской группы алфавитов (II гр.) **следует признать недешифрованными**. По мнению И.Л. Кызласова, поскольку у каждой из этих трех групп свои, а не общие корни, то нет оснований привлекать знаки одной из них

для прочтения надписей другой или третьей.⁹⁷ После ознакомления с находкой из Каратобе, И.Л. Кызласов отнес данную руническую надпись к кругу надписей, сделанных «ачикташским алфавитом» (письмом).⁹⁸ Кроме собственно надписи на палочке из Ачикташа (Кыргызстан), к этому кругу надписей им отнесена находка краткой рунической надписи на керамическом фрагменте с городища Алтын-асар (низовья р. Сырдарья). В связи с алтынасарской находкой С.Г. Кляшторный наметил связь «ачикташской» письменности с огузо-хазаро-болгарской линией этногенеза западных тюркоязычных народов.⁹⁹

Вообще же находки рунических надписей на памятниках бассейна Сырдарьи множатся прямо пропорционально объемам раскопочных работ. Помимо случайных находок, известны краткие рунические надписи на керамическом амулете из раскопок городища Актобе I Чардаринского, в материалах городища Алтынтобе на р. Арысь.¹⁰⁰ На городище Канка в Ташкентском оазисе найден обломок кувшина V–VI вв. с рунической надписью.¹⁰¹ Известна руническая надпись на стенке хума из хумханы городища Актепе в Фергане.¹⁰² «Древнетюркским письмом» процарапана надпись на кувшине из склепа мунчактепинского некрополя.¹⁰³ Касаясь перспектив исследования евразийской руники в своем «Заключении», И.Л. Кызласов отметил, что «время и условия бытования ачикташского письма предстоит уточнить. Этому в большой мере способствуют сделанные Е. Смагуловым находки и, надо надеяться, будут способствовать новые археологические открытия на Сауране».¹⁰⁴

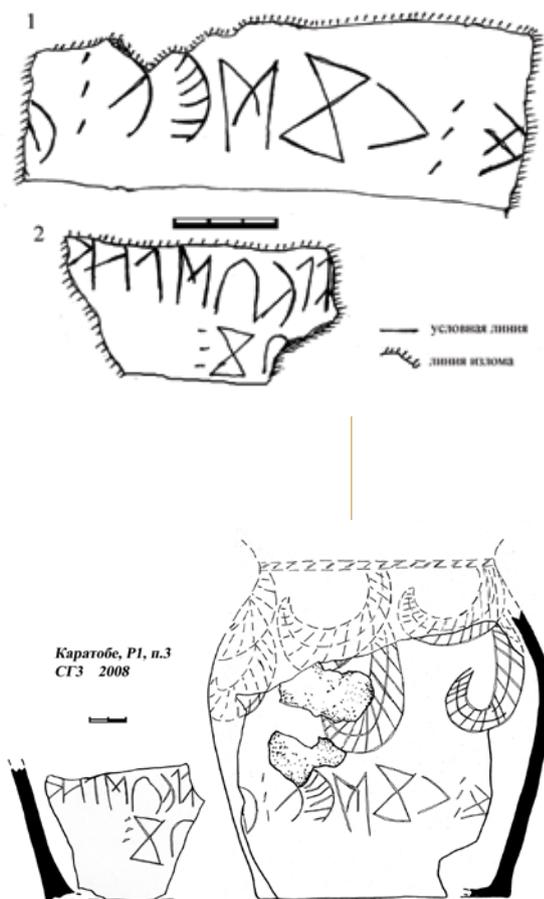

Рис. 80. Реконструкция горшка и орнамента с надписью

⁹⁷ Кызласов И.Л. Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005. с. 429.

⁹⁸ Кызласов И.Л. Экспертное заключение о характере надписей на обломках глиняного сосуда, обнаруженных в 2008 г. на городище Каратобе (Древний Сауран (Республика Казахстан)). М., 2009, Архив ТАЭ.

⁹⁹ Кляшторный С.Г., Левина Л.М. Об одной рунической надписи с городища Алтын-Асар (Восточное Приаралье) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989, с. 87-97.

¹⁰⁰ Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003, с. 239-244.

¹⁰¹ Маликов А.М. Тюрки на средней Сырдарье // ИМКУ, 31, Самарканд, 2000, с.163.

¹⁰² Батманов И.А. Новые тексты // Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г). Фрунзе, 1962, с. 20.

¹⁰³ Матбабаев Б.Х. К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент, изд. «Tafakkur», 2009, с. 66.

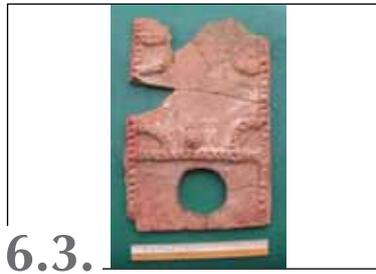
¹⁰⁴ Кызласов И.Л. Экспертное заключение о характере надписей на обломках глиняного сосуда... с. 2.

глава 6

Изделия из глины

6.3.

325 Тандырные керамические декоративные плитки

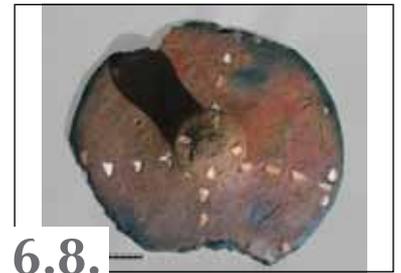
6.7.

344 Дастарханы

6.4.

328 Алтари-очажки

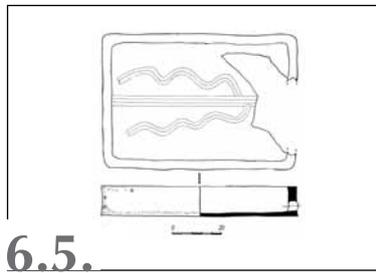
6.8.

348 Крышки

6.1.

320 Инструментарий гончара

6.5.

343 Тазары

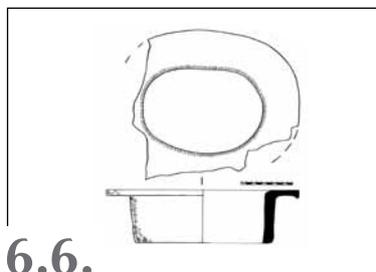
6.9.

354 Светильники-чираги

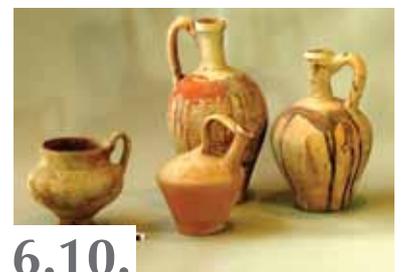
6.2.

324 Керамические чернильницы

6.6.

343 Керамические унитазы

6.10.

356 Бытовая посуда

Бытовая посуда из обожженной глины прочно вошла в быт и культуру людей с эпохи неолита. Мы можем теперь только гадать: случайно ли были открыты полезные свойства прокаленной глины или же в результате целенаправленных действий какой-нибудь гениальной «хозяйки очага», но с тех давних пор хозяйственная посуда и масса других полезных вещей из обожженной глины сопровождают жизнь человека.

Археологические раскопки городища Каратобе обнаруживают множество фрагментов разбившихся некогда сосудов. Эта категория находок, пожалуй, самая многочисленная и разнообразная. Исследуя массовый и, казалось бы, невыразительный материал, археология может многое поведать о технических достижениях, художественных предпочтениях и верованиях жителей города и их культуре в целом. Первый и очевидный вывод, который может быть сделан при исследовании комплекса керамических находок из Каратобе, свидетельствует о существовании в Древнем Сауране собственно традиционного высокоразвитого производства всех видов керамических изделий, и разнообразной посуды в том числе. Неоспоримым свидетельством этого являются находки инструментов и приспособлений мастеров-керамистов.

Как показывают результаты раскопа 1 на Сауране, зоны ремесленного производства, требовавшие особых площадей и специального производственного оборудования (например, печей), и жилые дома ремесленников, вероятно, локализовались в разных местах. Если производственный процесс ювелира вполне мог разместиться в его же жилище, в одном из вскрытых помещений с небольшим очагом-горном, то для деятельности гончара нужна была специальная гончарная печь, следов которой пока не отмечено на цитадели города. Ну, а печи для выпечки хлебных лепешек – тандыры присутствуют в каждом жилом помещении.

На юге Казахстана каждый крупный средневековый город имел свое собственное керамическое производство, удовлетворявшее повседневный спрос горожан, а также жителей окрестных сел и степей. На территории городища древнего Саурана имеются места с явными следами концентрации ремесленной деятельности, связанной с использованием огня – печей по обжигу керамики, горнов для плавки металлов и т.п. Раскопки на этих участках и широкомасштабные исследования роли Саурана как регионального ремесленного центра – дело будущего. Пока же отметим, что сауранские гончары удовлетворяли самые разнообразные бытовые и эстетические потребности горожан. Последующие описания находок изделий из керамики, как уникальных, так и серийных, свидетельствуют, что местные мастера производили широкий ассортимент изделий из глины – от чернильниц до керамических печей/тандыров, ванночек, унитазов и водопроводных труб. Наличие некоторых из нижеописанных комплексов находок можно признать определенными маркерами, наличие которых отличало быт города от бытовой культуры сельских поселений.

В бытовой керамике среднеазиатских средневековых городов различаются две основные группы: посуда, покрытая поливой (глазурью), и неглазурованная керамика. Исследователями установлено, что глазурованная керамика в городах Южного Казахстана появляется в VIII в. и широко распространяется в IX–XI вв. До этого мастера, дабы улучшить «потребительские свойства» своей продукции, использовали специфические приемы, улучшающие ее технологические и декоративные свойства. Сосуды после просушки покрывались ангобом — специально приготовленной глиняной массой жидкой консистенции. Эти ангобные покрытия могли быть разных расцветок. Сосуды столового назначения, использовавшиеся для приема пищи, — кружки, небольшие кувшинчики, миски и т. д., зачастую подвергались еще и лощению (шлифовались специальным инструментом), отчего поверхность становилась блестящей и менее пористой.

Орнаментация, наносимая на керамику, как поливную, так и неполивную, использование других декоративных приемов отражает существовавшие в обществе эстетические и ритуально-магические представления. Исследования этой стороны керамики древнего Саурана являются важным и плодотворным направлением в изучении историко-культурных процессов. Поскольку бытовая керамика, иначе, керамическая посуда, является массовым материалом, находимым при раскопках средневековых культурных слоев обычно во фрагментированном состоянии, то встает задача упорядочивания обширного комплекса фрагментов. Эта задача решается обычно применением различных методов классификационных процедур. Сложность и эффективность этих методов обусловлена сложностью исследовательских задач и состоянием источниковедческой базы. Наука выработала разнообразные методические подходы к этому историческому источнику, от статистико-комбинаторных методов до исследования структуры и химического состава черепка, соответствующих тем целям, которые выдвигает перед собой исследователь.¹ На городище Каратобе идет накопление обширной источниковедческой базы, анализ которой может со временем привести историка культуры к интересным историко-культурным выводам и реконструкции многих сторон жизни общества. Помимо прочего, для археолога глиняные черепки служат обычно надежным ориентиром при определении времени существования того или иного культурного слоя в многовековой толще культурных напластований, накопившихся на месте существования города. Разработанные в среднеазиатской археологии стратиграфические колонки эволюции глазурованной и неглазурованной посуды могут

¹ См., напр.: Керамика как исторический источник: Сб. науч. тр. М., 1989; Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.

служить надежным ориентиром для хронологических определений.²

В данном очерке мы не ставим задачу всестороннего и систематического рассмотрения керамики древнего Саурана X-XIII вв. Это тема отдельного цикла исследований, требующая для своего раскрытия значительно большего места и специального «монографического» подхода. Здесь же мы ограничимся лишь характеристикой отдельных типичных керамических групп/категорий, а также отдельных пока уникальных находок, подчеркивающих своеобразие керамического производства этого города.

6.1. Инструментарий гончара

Оригинальным и редким ремесленным инструментом является обломок терракотовой формочки-калыба для оттиска в глине антропоморфной личины (или фигурки?) (Р1, 2006 г.). Ее размеры: ширина – 35 мм, сохранившаяся высота – 45 мм, толщина формочки – 11 мм. На внутренней поверхности невысоким рельефом переданы миндалевидные глаза, прямой, расширяющийся к ноздрям нос, надо лбом – дуга, отделявшая прическу от поверхности лба. Обратная сторона – плоская, шершавая. Излом приходится на область шеи, поэтому неясно – были ли показаны на калыбе детали туловища (рис. 1).

Другими свидетельствами проживания в период XII в., на вскрытом участке или поблизости, мастера-гончара являются находки нескольких керамических штампов для нанесения орнамента на крупные глиняные изделия, а также находки мелких, небрежно слепленных керамических сосудиков, которые можно определить как детские игрушки.

Штампы керамиста. При расчистке и снятии конструкций СГ2 на участке у восточной стены в разных местах были найдены пять предметов из обожженной глины, которые мы идентифицируем как гончарные штампы. Два из них имеют форму печатей – профилированный конус с ручкой-набалдашником кругло-уплощенной формы и плоской рабочей частью с вырезанным на ней рисунком штампа (рис. 2).

Первый оттиск имел рисунок вихревой розетки с конической шишечкой в центре. Высота его – 4,9 см, диаметр – 4,4-4,5 см. Второй, аналогичный по форме, инструмент имеет высоту 5,6 см, диаметр оттиска – 4,5 см. Рисунок получался в виде трех концентрических углубленных колец с шишечкой в центре и с косы-

Рис. 1. Фрагмент формочки для оттиска человеческой фигурки

² Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XII вв.) // Труды ХАЭЭ, т. IV «Керамика Хорезма», М., 1959, с. 261-342; Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982; Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII веков. Ташкент, 1986; Шишкина Г. В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.

Рис. 2. Штампы мастера-керамиста

ми «лучами» во внешнем кольце. Третий инструмент имеет удлиненную форму, на одном слегка утолщенном его торце – изображение вихревой розетки диаметром 3,5 см, с шишечкой в центре, а оттиск другого конца получался в виде веточки (или деревца? Здесь имеется скол). Длина инструмента – 7 см. Четвертый штамп имеет выраженную «катушковидную» форму, оба рабочих конца его, с негативным рисунком утолщены и поверхность их уплощена. На ней вырезан рисунок «вихревой розетки» с шишечкой в центре. Длина (высота) инструмента – 55 мм, диаметр рабочей поверхности – 38 мм, толщина цилиндрической ручки – 22 мм (рис. 4-4).

Керамическим штампом служила, очевидно, и другая находка. Она имеет вид плоского толстого диска, на поверхности которого

Рис. 3. Штампы мастера-керамиста

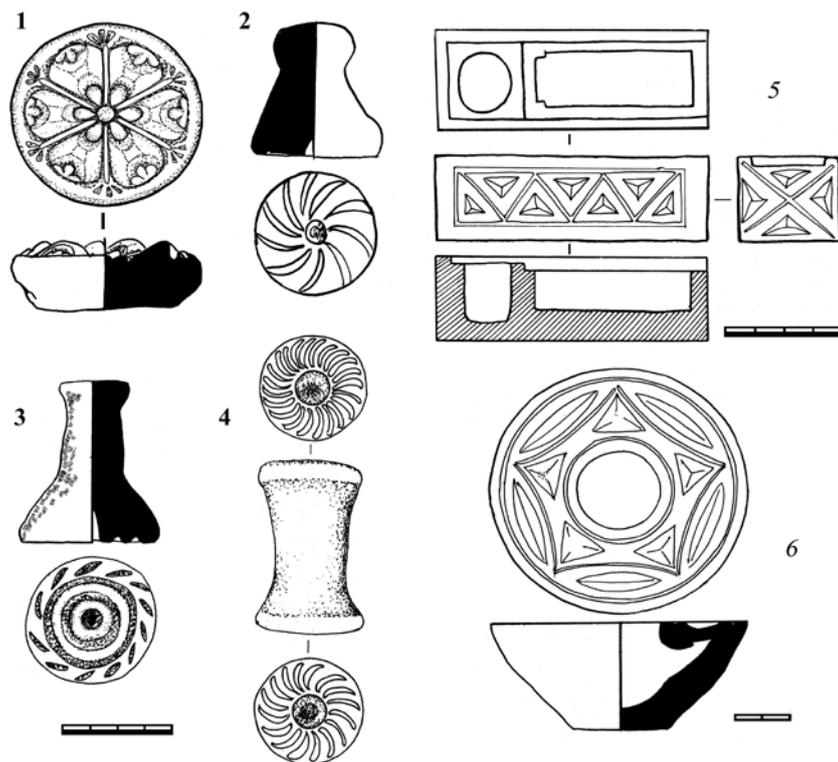

Рис. 4. 1-4 – основные типы штампов; 5-6 – керамические «чернильницы»

негативно оттиснута сложная «шестидольчатая» розетка. Диаметр розетки – 7 см, толщина – 2,5 см. Края обратной стороны имеют характерные сколы, а средняя часть ее плоская. Что дает основание предположить также, что это просто сколотая и выточенная из обломка готового изделия (столлик-дастархан?) декоративная розетка (рис. 4-1).

Таким образом, мы имеем три формы инструмента для нанесения оттисков при декоративном оформлении, очевидно, крупных, массивных, керамических изделий (хумы, дастарханы, керамические алтари и пр.). Это – односторонние штампы в виде печати с короткой ручкой, «катушковидные» двусторонние штампы и плоские штампы для оттиска крупных и сложных по композиции розеток. Находки подобных штампов, служивших, как мы полагаем, для декорирования крупных керамических изделий, известных и на других памятниках Средней Азии. Отметим попутно, что, вероятно, один такой катушковидный штамп с двумя рабочими сторонами случайно попал в комплекс «каунчинских печатей», т.е. в комплекс инструментов нанесения личных знаков, хотя авторы отметили его необычность в кругу каунчинских личных печатей (массивность, отсутствие отверстия для подвешивания).³

Рис. 5. Находки из СГ4 (VII-VIII вв.).
1 – фрагмент керамической пуговицы; 2 – штамп керамиста; 3 – игральная кость (асык)

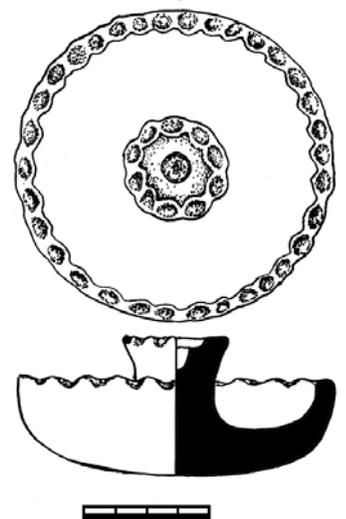
Впрочем, одна находка в раннесредневековом слое, СГ4, аналогичного по форме керамического штампа наводит на мысль о вероятности иного назначения данных керамических штампов. Штамп в виде односторонней керамической печати (рис. 5) был найден при очистке тандыра, расположенного в специальной тумбе у восточной стены помещения 1 СГ4. Диаметр рабочей поверхности – 5,8 см, общая высота инструмента – 3,6 см. Проточенные глубокие линии образуют узор в виде пятиконечной розетки с шишечками/точками в углах. Находка этого штампа в тандыре, печи для выпечки хлебных лепешек, дает основание для вероятной трактовки этой категории находок, как штампов, с помощью которых украшали поверхность лепешек.

К несомненным инструментам мастера-гончара относится находка в ВСГ Р1 2007 г. инструмента в виде керамического слегка выпуклого массивного диска, с грибовидной ручкой (рис. 6, ба). Это, так называемая, «наковаленка», использовавшаяся мастером, в паре с деревянной колотушкой, при формировании стенок крупных глиняных сосудов типа хума или хумчи.⁴

⁴ Смагулов Е.А. К изучению знаковой системы позднесредневекового Отрара // Известия АН КазССР, сер. общественная, № 6,1979, с. 58-64.

Рис. 6, ба. Инструмент гончара – «наковаленка»

6.2. Керамические чернильницы

Керамическая чернильница сделана в виде прямоугольного призматического объема (9,5х3х3,5 см), состоящего из двух резервуаров: удлиненного прямоугольного (5,5х1,6 см) и круглого (диам. – 1,8 см). Резервуары имеют черный цвет, над ними вырезан, достаточно небрежно, бортик с пазом, вероятно, для крышки. Наружные ангобированные стороны покрыты резным орнаментом. Боковые длинные грани украшены прямоугольным бордюром из треугольников с характерным вырезом в центре. На торцах прямоугольник разделен по диагонали опять же на треугольники, в центре которых имеются треугольные выемки (рис. 4-5; 7).

Как другой вид керамических «чернильниц» можно интерпретировать еще одну находку с небольшим резервуаром внутри. Небольшое керамическое изделие с конусообразно расширяющимися стенками корпуса и плоским орнаментированным верхом, в котором имеется небольшое отверстие. Сосудик вылеплен вручную. Высота – 4,5 см, диаметр донца – 3,8 см, диаметр верхней плоскости – 9,8-10,0 см, диаметр отверстия – 2,8 см. (рис. 4-6; 8).

Вокруг отверстия вырезана декоративная пятилучевая розетка. Причем, очевидно, что циркульные линии прочерчены специальным инструментом, выемки вырезаны по подсушенному тесту. Борта сосуда подрезаны ножом, поверхность покрыта желтоватым ангобом. Хотя на внутренних поверхностях сосуда нет следов окрашенности, наиболее вероятно понимание этой находки как «чернильницы», или специальной ёмкости для какого-либо красителя.

Об уровне грамотности населения Саурана свидетельствует, помимо публикуемых чернильниц, распространение в городском быту бронзовой посуды (блюдца, тазы, блюда), многочисленной керамической посуды с эпиграфическим декором. Но если эти пись-

Рис. 7. Керамическая чернильница-пенал

Рис. 8. Круглая керамическая «чернильница»

менные образцы можно отнести к профессиональной грамотности мастеров, то среди находок имеются и вторичные, «потребительские» надписи, сделанные, надо полагать, уже при использовании вещи.

6.3. Тандырные керамические декоративные плитки

Тандыры в домонгольском Сауране (XI-XIII вв.) не имели дымоходов, т.е. топились «по-черному». При этом, в наиболее зажиточных жилищах, тандыр, точнее участок края суфы, на который выходило отверстие поддувала, оформлялся специальной керамической декоративной плитой, как например в пом. 29 Р1 2007 г.⁵ Специально изготовленный керамический тандыр устраивался в суфе, слева или справа от входа, так что круглое отверстие поддувала, заранее сделанное в стенке, было обращено к краю суфы, обращенному на свободный участок пола перед дверью. Диаметр основания тандыра в помещении 29 – 0,85 м, высота была не менее 0,7 м. На край суфы выходило круглое отверстие поддувала. В этом месте в край суфы была вертикально вмазана плоская керамическая плита, в которой заблаговременно было сделано круглое отверстие поддувала. Диаметр отверстия – 11 см. Ширина плиты – 27-28 см, сохранившаяся высота – около 50 см, толщина – 2,5 см (рис. 9; рис. 8 гл. 4).

⁵ Смагулов Е.А., Столярова Н.П., Ержигитова А.А., Кумисбаева У. Научный отчет по итогам археологических исследований городища Каратобе (Древний Сауран) в 2007 г. Алматы, 2008, Архив ИА, с. 11-12.

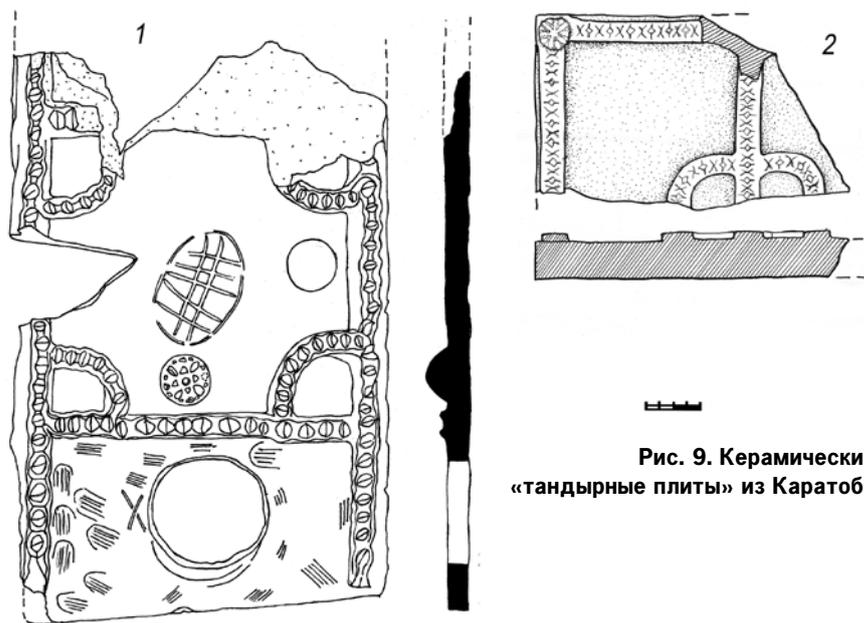

Рис. 9. Керамические «тандырные плитки» из Каратобе

Хотя ее верхний край оказался обломан, плита обнаружена *in situ*, в вертикальном положении, в плотно прилегающем к вертикальному краю суфы положении. На лицевой поверхности плиты нанесен декор наклепными жгутами с примятостями, имитирующими «веревочку» и наклепными же отштампованными розетками (рис. 8 гл. 4; 10). Причем жгутами поверхность плиты была разделена на три зоны. В центре нижней зоны – отверстие поддувала. В средней квадратной зоне жгутом в углах отделены сектора, так что центральная фигура приобрела подобие креста с короткими лопастями (?). В середине края двух лопастей наклеплены выпуклые круглые розетки, сформованные в специальном калыбе. Одна сохранилась на месте, от другой остался лишь след. У двух других лопастей розетки утрачены. Верхняя лопасть, возможно, не имела наклепной розетки (?). Верхняя треть панели большей частью утрачена. Вся панель перед обжигом была покрыта плотным красноватым ангобом. В центре средней части еще перед обжигом был небрежно прочерчен знак в виде круга с косой штриховкой внутри.

Находка *in situ* «тандырной фасадной декоративной плиты» уникальна для Каратобе, поскольку пока расчищен один дом, который, определенно, может быть отнесен к категории зажиточных домов. Однако, в слое ВСГ попадались отдельные фрагменты ангобированных керамических плиток с наклепным, резным или штампо-

Рис. 10. Деталь керамической «тандырной плиты»

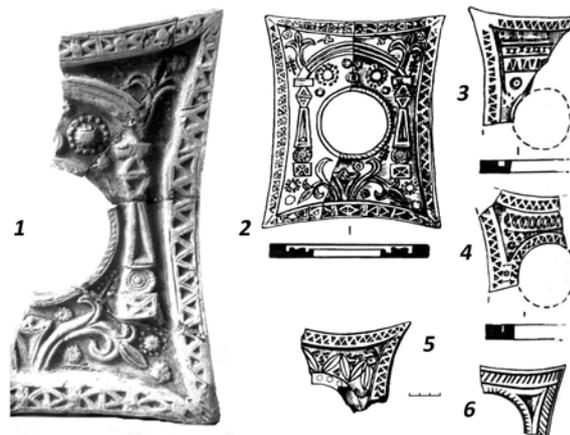
ванным декором (рис. 11-1, 2, 3, 4). Назначение их некоторое время оставалось неясным. Теперь же можно считать **оформление декоративными керамическими плитами фасадов тандыров в наиболее репрезентативных домовладениях как этнографическую черту сауранской бытовой культуры XII-XIII вв.**

Ранее «тандырные плиты» были отмечены в жилищах Баба-аты и Отрара. Бабаатинские керамические «тандырные доски», похоже, очень близки по технике и орнаменту каратобинским.⁶ Но они оформляли тандыры иного варианта – с топками и дымоходами, подобные оттарским, которые относятся к более позднему времени (XIV-XVI вв.).⁷ Как известно, тандыры за период VIII-XVI вв. в городах Южного Казахстана претерпели определенные преобразования. Первоначально они имели небольшие круглые отверстия-поддувала, устраивавшиеся почти на уровне пола или чуть выше. Позже (с XIV в.?) поддувала расширились, преобразовались в топки приобретя вид арки. Эти изменения были связаны, как мы полагаем, с преобразованием тандыров в печь универсального назначения.⁸ Аналогично изменились и тандырные керамические плиты – круглое отверстие в них сменилось арочным вырезом в нижней части.

Аналогичные тандырные керамические плитки, с круглым отверстием в центре, точнее, их фрагменты, известны и в материалах Куйруктобе (рис. 12). Правда, здесь они, следуя научнообразной спекулятивной методе все непонятное (для автора) именовать «культовым» (пусть и не ясно какого культа!), интерпретируются как «плитки-жертвенники», «родовые жертвенники».⁹ Одна такая интересно декорированная плитка реконструирована авторами (рис. 12-2).¹⁰ Следующий шаг этого метода: все, что оказалось известно авторам о «жертвенниках»,

Рис. 11, 12. Фрагменты керамических «тандырных плит» из Каратобе

⁶ Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТРИАЭ, т. 14, Алма-Ата. 1962, с. 161, 172, 204, рис. 28, 37, 44.

⁷ Смагулов Е.А. Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре // История материальной культуры Узбекистана, вып. 28, Самарканд, 1997, с.168-174, рис. 1.

⁸ Смагулов Е.А.К истории происхождения и развития «жилища оттарского типа» // Известия МОН РК, 1, 2010, с. .

⁹ Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйруктобе). Алматы, 2005, с. 146, рис. 104.

¹⁰ Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана., рис. 103.

причем любых народов и эпох, выстраивается в некую онтологию/хрестоматию, и этого оказывается достаточным для обоснования интерпретации. При этом непонятно, почему сквозные круглые отверстия в плоских керамических тандырных плитках ассоциируются с лунками в каменных алтарях, «в которые стекает кровь жертвенных животных». Далее, в построениях авторов, по совершенно формальному совпадению признака – круглое отверстие диаметром 8-12 см в керамическом изделии, сближаются «плитки жертвенники» с керамическими алтарями XII в., в которых так же имелись круглые отверстия, в которых горел огонь или всегда тлели угли, и которые почему-то становятся такими же «жертвенными лунками», в которые льется кровь животных (или вино?). Т.е. этот самый священный огонь домашнего очага, получается, намеренно гасится? Воистину, странными обрядами занимались жители Древнего Кедера/Куйруктобе. Однако находка *in situ* тандырной плитки с круглым отверстием поддувала на Каратобе, предостерегает от спекулятивных построений. Таких реконструкций верований, да и целых «религий», при интерпретации археологических находок, можно было бы избежать, если бы автор, хотя бы учитывал весь археологический и историко-культурный контекст отдельных находок.

6.4. Алтари-очажки

Среди многочисленных керамических фрагментов, происходящих из верхних слоев Каратобе, легко распознаются обломки «напольных керамических алтарей». Они отличаются массивностью невысокой прямой стенки, плотностью черепка, и затейливым штампованным узором. Находки целых изделий показывают, что декоративное оформление очажков всегда индивидуально и орнаментальная композиция «не прочитывается» по фрагментам. Естественно, что наиболее информативны находки целых изделий *in situ*. На Каратобе, помимо многочисленных фрагментов, зафиксированных в ВСГ и СГ2 (рис. 14, 15), на уровне СГ3 расчищен один круглый керамический алтарь. Он обнаружен в 2007 г. в центре помещения № 1 Р1 (рис. 16, 17).

Диаметр алтаря – 1 м, он был вмазан в центр пола помещения № 1 СГ3. Высота вертикальных стенок, завершающихся Г-образной формы венчиком, – 10,5 см, ширина верхней плоскости – 4,5 см. По верхней плоскости венчика, в 0,7 см от внутреннего края, прочерчена четкая кольцевая линия. Бортик по внутренней поверхности разделен на три сектора. Сектора отделены, один от другого, треугольными выступами, верхние части которых оформлены сомкнутыми полуколонками. С наружной стороны стенок, напротив выступов дугообразной ниши, сделаны горизонтально вытянутые вмятины, как бы для пальцев рук.

Напротив центрального выступа кольцо венчика имеет еще и треугольный приостренный выступ наружу (рис. 17; 18; 19). Здесь

оттиснут прямоугольным плоским штампом орнаментальный элемент, разделенный на два квадратика. Каждый квадратик, в свою очередь, разделен по диагонали тремя врезными параллельными линиями, пересеченными в центре. В результате этого пересечения образованы четыре треугольника. Высота колонок – 5,5 см. Основанием для колонок служит треугольный стилобат высотой в 5 см. Верхний край стилобата орнаментирован треугольными врезами, видимо, имитирующими бойницы или парапет стены. От конца выступа этого стилобата через центр круга алтаря можно провести ось его симметрии. В 8 см от угла стилобата к центру алтарика размещены оттиски трех двойных кружков. Внешний край кружков, нанесенных штампом, имеет зубчатую форму. Ближе к центру круга на этой оси имеется оттиск еще трех кружков, далее – лунка с угольками, и вновь – отдельный кружок, но уже на плоскости венчика.

Сектор, через который проходит ось симметрии, оформлен в виде дугообразной «очажной ниши». Ее образуют два симметричных выступа, оформленных так же как центральный архитектурный элемент, стоящий на платформе. На его фасадах оттиснуты те же штампика, которые украшают всю внутреннюю плоскость борта алтаря. На верхней плоскости венчика здесь опять же оттиски строенных в виде треугольника из кружков (рис. 18, 19).

Рис. 13. Деталь. Декор внутренней поверхности борта

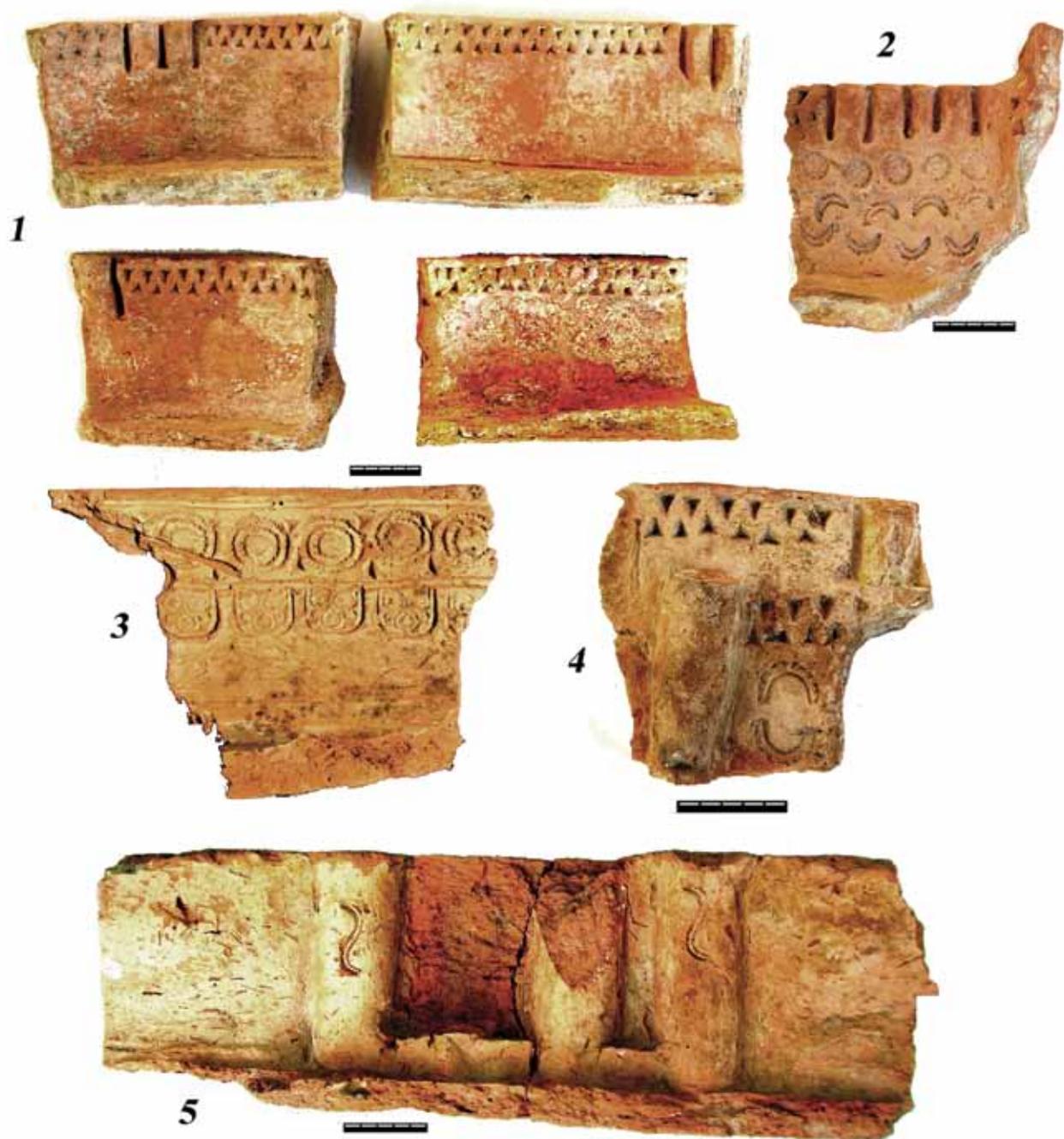

Рис. 14. Фрагменты керамических «очажков-алтариков»

Внутренняя поверхность стенок алтаря разделена врезной линией на два пояса, ширина каждого 3 см. Верхняя полоса заполнена вписанными друг в друга двумя кружками с зубчатыми краями, аналогичными тем, что строеными встречены в оформлении дна и верхней плоскости венчика алтаря. Они отделены друг от друга двумя врезными треугольниками с почти сомкнутыми острыми углами.

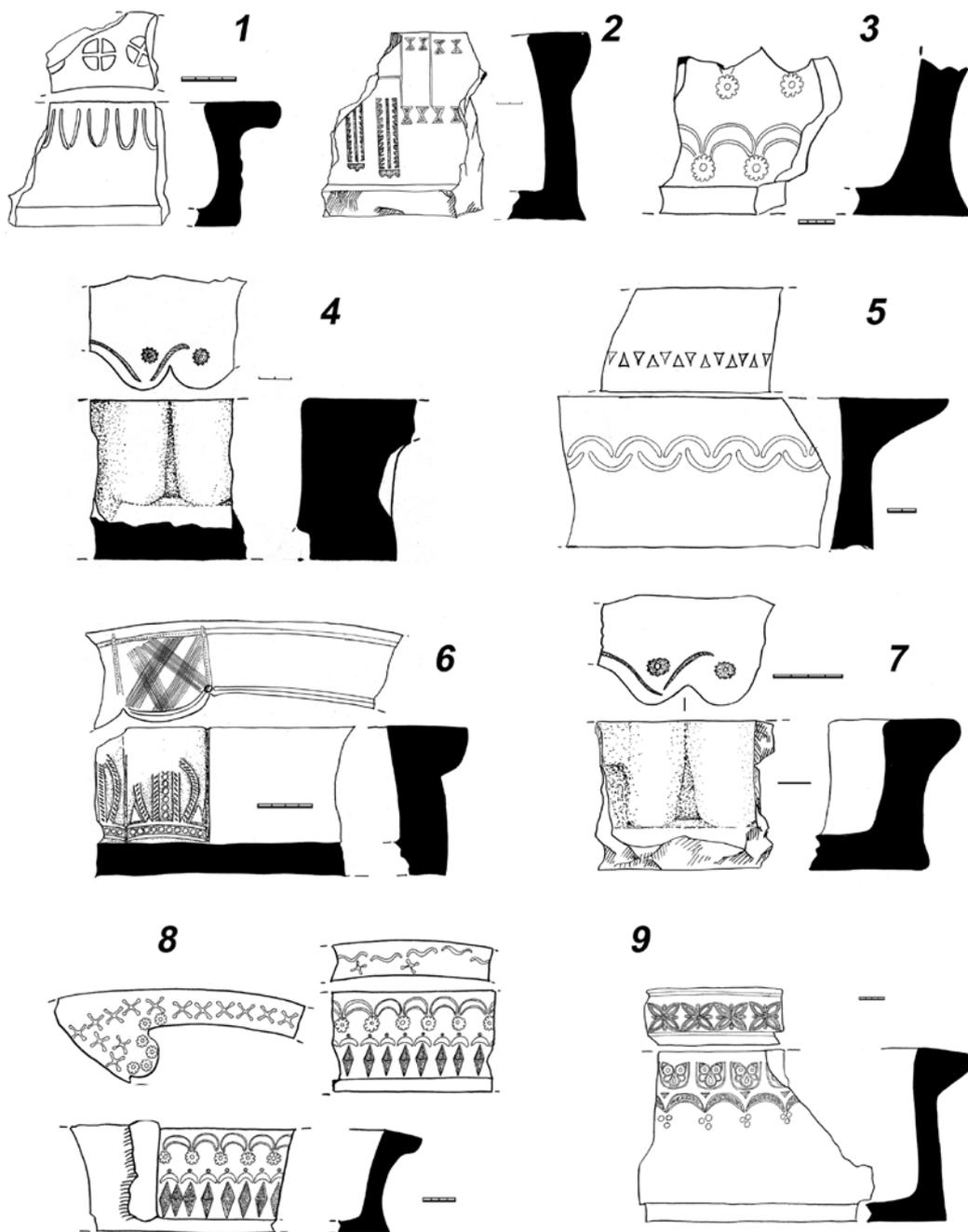

Рис. 15. Фрагменты «очажков-алтариков». Прорисовки

Второй поясик составлен из оттисков, отдаленно напоминающих стилизованную «кошачью морду» в фас. Внутреннее пространство орнаментировано трилистником, в виде строенных окружностей с выпуклой центральной точкой. Нижний или центральный листочек сердцевидной формы, с удлиненным кончиком между двумя верхними лепестками, по обе стороны центрального лепестка вписаны небольшие окружности.

Рис. 16. Расчистка «очажка-алтаря» пом. 1 СП2 СГЗ

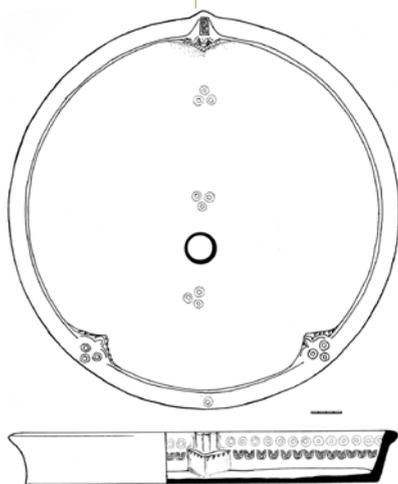

Рис. 17. Очажок-алтарь из Каратобе

Рис. 18. Очажок-алтарь из Каратобе. Детали

Каратобе, 2007, Р1, 3СГ, п.1.

Рис. 19. Очажок-алтарь из Каратобе

В оформлении керамических напольных алтарей-очагов мы наблюдаем каждый раз уникальную орнаментальную композицию, но составляющие эту композицию элементы могут повторяться. Так, штамп «кошачья морда» повторен в оформлении стенки другого каратобинского алтарика (рис. 13).

Вообще же, аналогичные напольные керамические алтари и их фрагменты хорошо известны по материалам пятого строительного горизонта РЗ XII в. Отрара и по слою XII в. городища Куйрук-тобе.¹¹ Впервые обратил внимание на уникальность отрарских очажков-алтарей К. Бурханов.¹² Будучи еще молодым сотрудником ЮККАЭ, он кратко опубликовал описание одного «культового очажка», найденного им на рабаде Отрара.¹³ Интерпретация и описание отрарского алтаря была дана в контексте сложившейся в среднеазиатской археологии традиции связывать всякие следы манипуляций с огнем как проявление «зороастризма». Конечно же, не стоило ожидать от первой краткой публикации постановку, тем более, решения, каких-то проблем связанных с этими уникальными изделиями. **Тем не менее, выводы, о том, что отрарский очажок есть, по сути, модель «зороастрийского алтаря, изображавшего в миниатюре храм, перед которым огнепоклонники зажигали жертвенный огонь во исполнение предписаний Авесты» в отношении очагов-алтарей «отрарского типа», на наш взгляд вполне плодотворен, если не обращать внимание на «зороастризм» и «предписания Авесты».**¹⁴ **Сегодня мы бы сформулировали мысль следующим образом: керамические очажки-алтарики передают образ или являются моделью, некогда существовавших местных культовых сооружений – храмов.**

Неоднократно к анализу этой категории находок обращался К.М. Байпаков, при подготовке многочисленных изданий материалов Отрара и Куйруктобе. Характеризуя эти изделия, он определял их как «глиняные сандалы» «в виде круглых или прямоугольных жаровен с невысокими бортиками»,¹⁵ «очажки»,¹⁶

¹¹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата, 1987. с. 37 и сл.; Байпаков К.М. Городище Куйруктобе - город Кедр. Алматы, 2005, с. 64-65.

¹² Бурханов К. Культовый очажок из Отрара // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 81-83.

¹³ Публикация лишена иллюстрации и остается неясным, тот ли это алтарь, который позже воспроизводился в публикациях других авторов (Байпаков К.М. Средневековая городская культура..., рис. 38). Имеются лишь незначительные расхождения между описанием К. Бурханова и рисунком, который мы воспроизводим на рис.

¹⁴ Бурханов К. Культовый очажок из Отрара..., с. 83.

¹⁵ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986, с. 108.

¹⁶ Байпаков К.М. Городище Куйруктобе – город Кедр. Алматы, 2005, с. 64-66.

«очаги-жаровни»,¹⁷ «очажок-алтарь»,¹⁸ «жертвенник-очаг»,¹⁹ «алтари».²⁰ В этом весьма широком спектре названий-определений, как нам представляется, отразилось и неопределенное отношение к функциональной роли и назначению этих артефактов в городской культуре предмонгольского времени. Появление их в материальной культуре Отрарского оазиса датировано XII в., но вопрос о происхождении очажков остался не раскрытым.²¹ Исследователь отнес их к сугубо утилитарным обогревательным устройствам, в декоративном оформлении которых сохранились утратившие смысл для современников отголоски актуальных прежде значений. При этом автор усматривал в структуре формы и декора алтарей как бы два цикла древних представлений – отраженную «структуру организованного космоса» через «мировое древо» с прототипами в сакских курильницах и культ домашнего очага в сплетении с культом предков (культ Рода).²² Т.е., по сути, весь круг идеологических представлений, составлявших ядро мировоззрения местной, да и любой другой, культуры.

Автором отмечено, что эти изделия составляют два из четырех типов керамических очагов, бытовавших в домах X-XII вв., при этом второй тип назван «антропоморфным».²³ Отмечено также, что в слоях XII в. обломки таких керамических изделий весьма многочисленны, а все известные до сего дня образцы индивидуальны по декоративному оформлению, полных аналогий этой категории изделий нет в материалах предмонгольского времени из других городов Средней Азии, что относятся они к комплексу IX-XIII вв., но появляются только в XII в. и т.д. При этом сформулирована плодотворная тема «сако-усуньских» религиозно-культурных традиций в средневековых городах Семиречья и Южного Казахстана.²⁴ Тема насколько интересная, настолько и сложная, требующая, прежде всего, тщательности в источниковедческой фазе исследования.

¹⁷ Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата, 1990, с.175, 177.

¹⁸ Подписи к рис.11-14. См.: Байпаков К.М. Городище Куйруктобе – город Кедер., с. 120-121.

¹⁹ Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйруктобе). Алматы, 2005, с.37.

²⁰ Байпаков К.М. Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы, 2010, с. 227.

²¹ Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы., с.45.

²² Байпаков К.М. По следам., с.178-182.

²³ Это странное определение, поскольку трудно в рис. 3 увидеть, не совершая жесткого насилия над воображением, что-либо «антропоморфное». Надо полагать, такое определение обязано аналогии с интерпретацией глиняного алтаря из Джигирбента, опубликованного как раз во время активных работ на Отраре (Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе // Этнография и археология Средней Азии, М., 1979, с. 105-112). Нужно отметить, что «классификация» очагов Куйруктобе, предложенная К.М. Байпаковым, охватывает и керамические портативные очаги в виде коротких цилиндров и пр. Мы же считаем необходимым выделять, и классифицировать именно плоские напольные керамические алтари, как совершенно отдельную и самостоятельную категорию культовых атрибутов.

²⁴ Байпаков К.М. Западнотюркский и Тюркешский каганаты., с. 363-373.

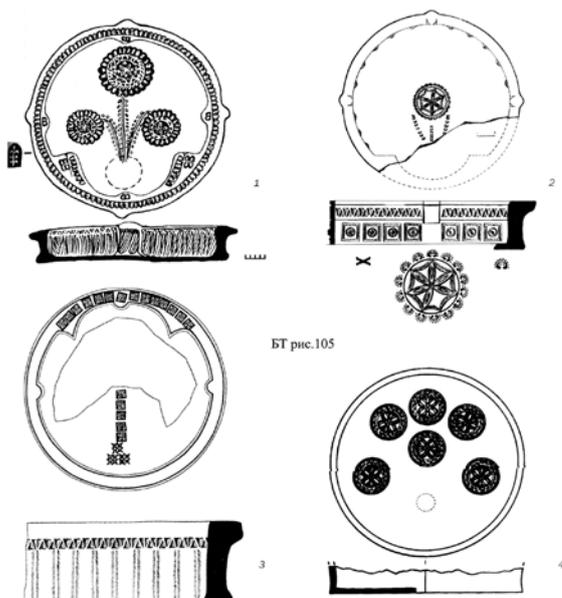

Рис. 19. Круглые очажки-алтарики из Отрара и Куйруктобе (по: Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2008, рис. 105)

По нашим подсчетам, на сегодняшний день изданы в прорисовках или фото всего 4 экземпляра очагов-алтарей 1 типа (рис. 19) и 5 экземпляров очагов-алтарей 2 типа (рис. 20) (по К.М. Байпакову) из Отрара и Куйруктобе. Впрочем, и такого количества вполне достаточно на первой стадии исследования этого своеобразного явления. К тому же находки из домонгольских слоев древнего Саурана (городища Каратобе) количественно увеличивают источниковедческую базу, расширяют зону их распространения и могут пополнить спектр предварительных выводов.²⁵ Так например, после раскопок в пом. № 1 СГЗ и лежащего под ним СГ4 стало очевидным, что керамические алтари – сугубо местное явление, они продолжают традицию ранних напольных глиняных очагов-алтарей, но теперь в ином, более репрезентативном виде. В условиях развитого городского ремесла, вероятно, изготовление алтарей перешло в руки профессиональных гончаров. Они освоили в качестве материала терракоту, которая позволяла создавать семантически более насыщенные и художественно разнообразные образцы. При этом форма и вся декоративная система алтарей, очевидно, воспроизводила облик общественных архитектурных культовых сооружений, исчезнувших с распространением и упрочением позиций ислама. Как известно, отправление общественных обрядов доисламских религий с приходом ислама было запрещено, а культовые сооружения были, или перестроены в мечети, или разрушены. Т.е. нужно полагать, что керамические очаги-алтари, появившись в XII в., воспроизводили структуру и декор давно исчезнувших построек, и если эти орнаменты и образ сооружения «уже давно были забыты», т.е. были из активной зоны народной памяти, то как же их образ и детали оформления сохранились и дошли до мастеров XII в., которые начали их тиражировать, не имея образцов для подражания? Тем более, что других изделий, декоративных систем и пр., хранящих в каком-то виде информацию о древних храмах, в археологических комплексах VIII-XII вв. нам неизвестны. А очаги-алтари предшествующего времени и вовсе не имели этих декоративных признаков, а

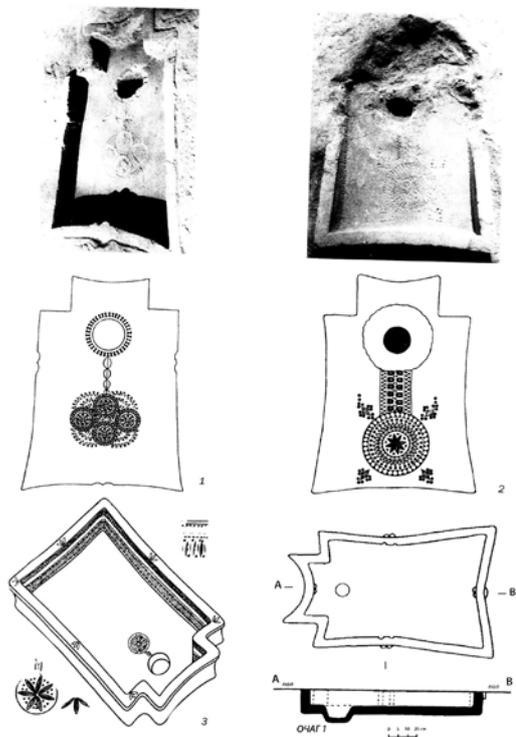

Рис. 20. «Антропоморфные» очажки-алтарики из Отрара и Куйруктобе (по: Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2008, рис. 103)

²⁵ Дальнейшие археологические исследования городищ нижней и средней Сырдарьи по уровню строительных горизонтов XI-XII вв., надо полагать, увеличат количество пунктов, где были распространены подобные алтари.

лишь некое подобие общего плана, лунку для углей, бортики и т.д., свидетельствующие лишь о том, что перед нами однофункциональные изделия.

На полу СГ4 перед тандыром, точно под керамическим алтарем СГ3, на глубине 1,06 м, расчищен круглый алтарь из необожженной глины. Его поверхность слегка прокалена, покрыта золистой прослойкой, т.ч. расчистка выявила все его основные конструктивные детали (рис. 21, 22). Основная часть алтаря – круглое чашевидное углубление в невысокой глиняной платформе. Диаметр чаши – 75 см. Высота вертикальных с выкружкой стенок – 5-6 см. Плоская поверхность чаши слегка прокалена и закопчена. При зачистке на ней найдены 3-4 фрагмента бараньих ребер и несколько рыбьих позвонков. Наружный край бортов фиксировался менее надежно, его перекрывали многочисленные обмазки пола. Тем не менее, борт чаши имел и наружный, видимо, более пологий край, и ширина бортика составляла 10-12 см. С восточной стороны к чаше алтаря пристроена двухуровневая платформа сложной формы высотой 8-9 см. В плане платформа имеет подпрямоугольные очертания размером 46x24 см (рис. 22, 23). Стороны ее, особенно длинные, имеют некоторую вогнутость. Поверхность платформы также имела вогнутость, так что короткие края ее были приподняты и, возможно, имели конический вид, а средняя часть имела седловину. К длинной стороне, обращенной к чаше алтаря, пристроена как бы трапецевидная ступенька. Длина примыкающей к платформе стороны – 24 см, ширина сту-

Рис. 21. Стратиграфия (соотношение) конструкций СП 1 и 2 в пом. 1 СГ3

Рис. 22. Глиняный напольный очаг-алтарь СП1 СГ3. Деталь

Рис. 23. Круглый алтарь в пом. 2 СГ3

пеньки – 13 см, а длина обращенной к чаше стороны – 32 см. Её поверхность чуть ниже поверхности основной платформы (на 3-4 см), а вдоль длиной стороны, в чаше, имеется щелевидное (ширина – 5 см) углубление; в 7 см от него, на оси симметрии алтаря, имеется круглое углубление диаметром 10 см, заполненное белесой золой с угольками (рис. 22). Центральная ось алтаря, проходящая через середину платформы и центр круглой лунки, ориентирована строго по направлению З-В.

Таким образом, зондаж СГ4 показал, что наблюдается абсолютная преемственность в планировке помещения № 1: суфа расположена над суфой, тандыр над тандыром, алтарь над алтарем. Очевидно, при расчистке слоев 3 и 4 строительных горизонтов Каратобе следует ожидать в основном преемственность в планировке жилищ и всего массива застройки. Кстати, в дальнейшем, стратиграфия наслоений керамических очажков-алтарей над глиняными алтариками неоднократно фиксировалась на Каратобе.²⁶ В соседнем с керамическим алтарем помещении № 2 по СГ3 расчищен круглый напольный глиняный алтарь²⁷ (рис. 23). Из этого можно сделать вывод, что СГ3 Р1 Каратобе относится ко времени, когда керамические, специально сделанные мастером очажки-алтари стали только появляться в интерьерах сауранских домов. При этом обращает на себя внимание, что их прототипы – глиняные напольные алтарики, вроде бы полностью лишены архитектурных признаков-деталей, если не считать общего плана (круг, прямоугольник, с закругленной одной стороной и т.д.). Тем не менее, как нам представляется, вопрос о сугубо местном «присырдарьинском» происхождении керамических очагов-алтарей окончательно решается, а очерчиваемая их находками широкая зона, может пониматься, как регион, в котором протекали сходные и однонаправленные этнокультурные процессы.

Расчистка на Отрартобе на площади около 300 м² фрагмента городской жилой застройки (раскоп III, строительный горизонт V)²⁸ показала, что напольные керамические алтари являлись атрибутами каждого жилища, т.е. каждой отдельной семьи. В доме они размещались в центре самого престижного/главного помещения. Значит, они были связаны с обрядами, которые отправлялись в интимной сфере семьи. В этих обрядах активно участвовал огонь, который негасимо хранился в алтаре. Это были, надо полагать, сакральные/духовные центры семьи.

На участке раскопа III Отрара отмечено присутствие всего шести помещений с алтарями, а если учесть, что в пом. 2 зафиксиро-

²⁶ Смагулов Е.А. Продолжение исследования стратиграфии Древнего Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2008 г. Алматы, 2009, с. 204-210.

²⁷ Он оказался частично поврежденным более поздней мусорной ямой СГ2.

²⁸ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата, 1987, с.37-38.

ваны алтари на всех трех последовательных уровнях полов, то всего здесь обнаружено 8 алтарей. Причем в пом. 2 зафиксировано, что первоначальный алтарь имел прямоугольную форму («антропоморфный»), а в более позднее время в этом помещении вместо него устанавливались круглые алтари.²⁹

По таким существенным признакам, как материал и местоположение в помещении, наличие ряда общих элементов, все известные нам 12 изделий можно отнести к одной категории – «напольные керамические очаги-алтари». По форме плана их можно подразделить на три вида: круглый (6 экз.), «полукруглый» (1 экз.), который демонстрирует как бы промежуточный, или комбинированный вид, и прямоугольный, или «антропоморфный» (по Байпакову К.М.)³⁰ (5 экз.).

Вид «круглый напольный керамический очаг-алтарь» по форме представляет собой широкую, с плоским дном чашу («корытце», «тазик», «жаровня»), диаметром от 0,6 м до 1,0 м, с невысокими (9–12 см) вертикальными бортиками, которые заканчиваются довольно широкой (4,5–6 см) отогнутой закраиной. У большинства круглых алтарей на одной стороне бортика выступами фигурной формы выделена специальная «ниша» («загнеток» по К.М. Байпакову³¹). Ось, проходящая через середину этой ниши и центр круга дна, можно принять за условную центральную ось всей композиции алтаря. Между центром алтарного круга и бортиком ниши, на центральной оси в днище алтаря, располагается круглое сквозное отверстие/лунка диаметром 8–14 см. В этом отверстии при расчистке обычно обнаруживается донная часть небольшого керамического сосуда из огнеупорной глины (кружечка или небольшой горшочек), которая служила вместилищем всегда тлеющих углей. Это отверстие, точнее сосудик с углями, во время использования алтаря было центром небольшого открытого огня. Это место является центром сильно прокаленного участка на дне алтаря, причем прокаленность дна, естественно, уменьшается с увеличением расстояния от отверстия. Три экземпляра круглых очагов-алтарей описаны К.М. Байпаковым³² (рис. 19). Но стоит привести более детальное описание первого из опубликованных отарских очажков: «Очажок имеет форму круга диаметром 60 см с бортиком по краям, высота его 10 см, толщина 2,5 см. Верхняя часть бортика с внешней стороны образует карниз, выступающий на 1,5 см. Внутри круга имеется подковообразный выступ из бортика, длина которого по периметру 30 см. В центре подковообразного выступа расположена полуколонка, выступающая из бор-

²⁹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987, с. 37–38, рис.16. (аксонометрия пом. 2 РIII СГV и план алтаря из него приведены в издании: Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культуры средневекового Казахстана (по материалам городища Куйруктобе). Алматы, 2005, рис.103).

³⁰ Это название-определение обязано тому

³¹ Байпаков К.М. По следам..., с.172, 175.

³² Байпаков К.М. Городище Куйруктобе – город Кедр. Алматы, 2005, с. 64–66.

тика на 0,5 см, диаметр ее 2 см. Поверхность бортика на всю длину подковообразного выступа покрыта рельефными изображениями свастики (14 штук). Выполнены они при помощи штампа и каждая свастика заключена в квадрат размером 2х2 см. Две полуколонки, аналогичные и расположенные на одинаковом расстоянии от вышеупомянутой, как бы делят круг очажка на две равные части. Вся внутренняя сторона бортика покрыта вертикальными линиями, расположенными на расстоянии 4–6 мм друг от друга. Выше, как бы покрывая их, идет зигзагообразная горизонтальная линия. На противоположной стороне от подковообразного выступа на поверхности дна имеются два изображения свастики, аналогичные вышеупомянутым. Рядом при помощи штампа нанесены два четырехлепестковых цветка, обрамленных в фестончатые рамки, между лепестками помещено по одному кругу диаметром 4–5 мм. Поверхность центральной части очажка имеет следы воздействия огня.³³

Второй тип формы представлен пока одним известным нам экземпляром, который почему-то не отмечен в классификационных построениях Байпакова К.М. Лишь его фото можно найти в альбоме «По Великому Шелковому пути».³⁴ Учитывая высокий уровень значимости такого признака, как «форма плана», мы считаем возможным отнести этот очажок с уникальной формой плана, к отдельному типу, который условно можно назвать «полукруглым». Тем более, что его форма имеет прототип в распространенной форме ранних глиняных напольных очагов-алтарей с одной полукруглой стороной. Их еще именуют «подковообразные». На Каратобе в СГЗ и 4 нами было расчищено несколько таких очагов-алтарей (рис. 25).

Описание третьего, «антропоморфного» типа дано К.М. Байпаковым (рис. 20). В его «классификации» эта форма отнесена ко «второму типу» – «керамические корытца подпрямоугольной формы с прямыми стенками высотой до 10 см. Верхняя часть корытца имеет выделенный выступ, где располагалась круглая ямка. В плане длинные стенки корытца могут быть прямыми или вогнутыми, но, в целом, абрис плана очага имеет антропоморфный характер. Один из таких хорошо сохранившихся очажков (общая длина равна 160 см, наибольшая ширина в основании – 130, толщина стенок – 5-7 и высота – 10 см) был обнаружен на полу помещения Куйруктобе. Очажок был вмазан в пол до уровня верхних плоскостей стен. Изнутри стенки украшены выемчатым резным орнаментом в двух поясах. Верхний состоит из ряда разновеликих треугольников, второй – из идущих в ряд чередующихся стреловидных фигур и прямых веток деревьев с листьями».³⁵

Раскрытие темы соответствия традиций древних и средневековых доисламских религиозных представлений предпринято К.М.

³³ Бурханов К. Культурный очажок из Отрара., с. 81.

³⁴ По Великому Шелковому пути. «Крамдс-реклама», Алма-Ата, 1991, фото на с. 194.

³⁵ Байпаков К.М. Городище Куйруктобе., с. 65.

Каратобе 2010, пом.1 СГ4
VIIIв.

Байпаковым путем сопоставления и поиска соответствия между комплексами раннесредневековых керамических культовых атрибутов, находимых в городах и поселениях с комплексом так называемых «сакских культовых бронз».³⁶ О вероятной генетической связи сакских курильниц Семиречья и согдийских жертвенников (курильниц) писал еще В.А. Шишкин.³⁷ При этом керамическим алтарям-очагам и их прототипам, важнейшим в комплексе культовых атрибутов, почему-то не находится соответствия в бронзе.

Как было выше отмечено, наиболее перспективной нам представляется трактовка облика керамического очага-алтаря как модели/изображения/презентации культового сооружения, святилища или храма. Этому способствуют некоторые, явно архитектурные, мотивы, присутствующие в декоре очажков. При таком понимании вну-

Рис. 25. Напольный глиняный очаг-алтарь в пом. СГ4

³⁶ Байпаков К.М. Западнотюркский и Тюркешский каганаты..., с. 363-373.

³⁷ Шишкин В.А. Варахша. М., 1963, с. 204.

тренняя поверхность бортика должна воспроизводить облик наружных оборонительных стен культового сооружения. О такой трактовке очажка, опираясь на очевидные ассоциации, говорил еще А.Н. Бернштам, рассматривая фрагменты из Отрарского оазиса и отмечая, что здесь явно изображались стены, «почти в точности копирующие стены Тешиккалы в Хорезме».³⁸ При этом часто подчеркнута членение всей поверхности бортика («стены») по вертикали на две зоны. На верхней обязательны орнаментальные мотивы, оттиснутые или вырезанные, членение плоскости вырезанными полуколонками (рис. 14). Нижняя зона остается гладкой, или же иногда и на ней колонки и оттиски штампа. Т.е. можно предполагать изображение стен, возведенных на мощном цоколе.

Как было выше отмечено, при расчистке жилых помещений ВСГ Р1 такие алтари нами не встречены *in situ*, что может свидетельствовать о том, что к XIII в. в Саурани эти детали интерьера были отголоском «далеких языческих времен» и уже вышли из употребления. Напомним явный след стоявшего некогда круглого алтаря в центре пола пом. 29 ВСГ (рис. 26). Многочисленные же обломки их в мусорных слоях Р2 как раз и говорят о том, что в XII-XIII вв. пропаганда (и распространение) ислама (в суфийской форме) в регионе имела явные успехи. Обилие обломков алтарей в мусорных слоях XII в. можно рассматривать как материальный след успешной исламизации жителей города. Как известно, на 1-ю половину–середицу XII в. приходится годы жизни и активной и, надо полагать, успешной пропагандистской деятельности Ходжа Ахмеда в расположенном неподалеку от Саурана городке Ясы.

³⁸ Бернштам А.П. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, сер. археологическая, 1949, вып. 2, с. 77.

Рис. 26. След от алтаря-очага в центре помещения 29 Р1

6.5. Тазары

По утвердившемуся мнению, появление этого вида керамических изделий в городах Средней Азии было связано с распространением ислама. Как известно, новая идеология оказывала мощное влияние на частную жизнь каждого неофита и привнесла в бытовую культуру горожан некоторые новые черты и элементы. Принято считать, что предписание пятикратной молитвы с обязательным обрядом очищения/омовения перед ней вызвало появление в среднеазиатских частных домах специально отведенных мест для ритуального омовения. С этим предписанием можно, по праву, связать появление и распространение в быту горожан так называемых «тазаров», керамических ванночек, атрибутов небольших изолированных помещений- «даретхана» в домах правоверных (рис. 27-1). Ванночка вмазывалась в пол на краю глубокой ямы-бадраба, куда и стекала грязная вода. В эту же яму-бадраб обычно и попадали обломки этих ванночек при реконструкции дома. В яме 4/07 СГ2 были найдены фрагменты, по которым удастся реконструировать форму этого специфического изделия. Многочисленные обломки от других подобных изделий в слоях, например, Афрасиаба или Отрара, свидетельствуют, что они имели вполне стандартизированную форму и мало отличались в разных регионах Средней Азии.

Тазар представлял собой плоскую, подпрямоугольного плана, керамическую ванночку с невысоким вертикальным бортиком по краю. Углы при этом были скруглены. Размеры нашего экземпляра – 0,8х0,55 м, высота бортика – 8-9 см, при толщине – 1,6-1,8 см. В середине короткой стороны, на уровне дна, в бортике сделано отверстие, оформленное снаружи как сужающийся носик-слив длиной 7-8 см. На плоской внутренней поверхности, по длинной оси, прочерчены тремя пальцами, идущие к сливу неглубокие канавки (рис. 27-1).

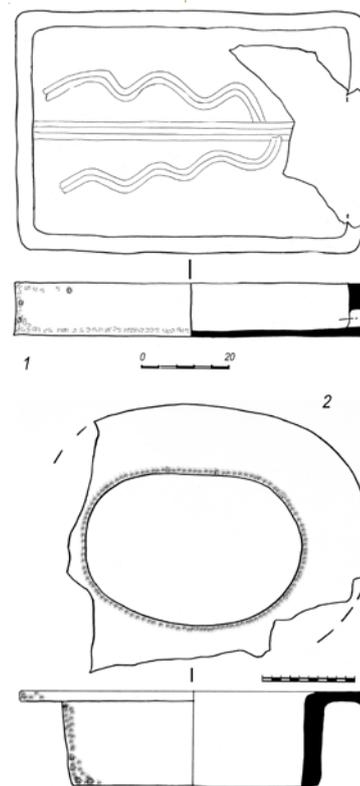

Рис. 27. 1 – керамическая ванночка-тазар;
2 – керамический унитаз (?)

6.6. Керамические унитазы

Интересное керамическое изделие было найдено в другой яме-бадрабе СГ2. Изделие представляет собой короткую (высотой 11 см) трубу овального сечения (23х16 см), с венчиком в виде широкого (7 см) плоского отворота. Изготовлено из плотного теста с добавлением шамота; покрыто желтоватым ангобом; черепок в изломе розового цвета. Толщина стенок – 1,5-1,8 см (рис. 27-2).

Зафиксированных случаев находок подобного рода керамических изделий нам неизвестно. Поскольку яма, в которой сделана эта находка, явно туалетная яма-бадраб, о чем свидетельствует характерный зеленоватый цвет заполнения, особенно у стенок, то вполне логично предположение, что это – керамическое устье туалетной ямы, т.е. своеобразный керамический прообраз современных унитазов.

6.7. Дастарханы

Другим массово представленным видом, судя по обилию встречаемых в слое фрагментов массивных керамических изделий, были круглые столики-дастарханы на круглой же конической невысокой подставке. Этот своеобразный вид керамических изделий и специфический атрибут быта неоднократно привлекал внимание исследователей.³⁹ Дастарханы формовались на гончарном круге и покрывались плотным слоем красноватого (желтого, бежевого) по цвету ангоба. Конструктивно это керамическое изделие состоит из двух частей: круглой массивной столешницы, диаметром 0,5-0,8 м, с манжетовидно отвернутой закраиной, и цилиндрической ножки-подставки, высотой 9-15 см, крепившейся к центру круга. Верхняя «рабочая» поверхность столешницы – плоская, гладкая, а обратная сторона, внутренняя, к которой крепилась ножка-подставка, зачастую декорирована оттисками штампов, в комбинации с наклепными штампованными или прочерченными элементами.

На Каратобе собраны фрагменты от десятков дастарханов, но удалось графически восстановить форму только четырех из них. Они представляют собой диск размером от 44 до 84,2 см. Каратобинские дастарханы оформлены очень скромно, чаще всего просто покрыты густым слоем красного ангоба и залощены, иногда простейшие узоры нанесены просто пальцами по сырой глине, а более декоративные украшены штампованными розетками (рис. 28, 29).

³⁹ Синенькая Н.И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара (X-XI вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с.122-129; Богомолов Г.И., Папахристу О.А. О дастарханах // ИМКУ, вып.13, Т., 1982, с.107-116.

Рис. 28. Керамический столик – «дастархан»

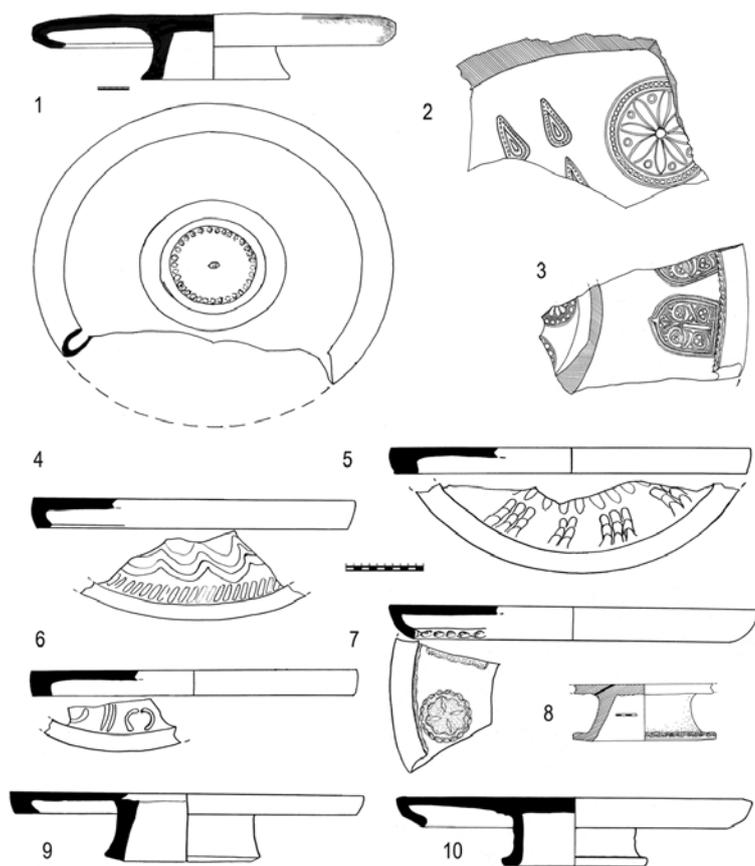

Рис. 29. Фрагменты дастарханов Каратобе

При скупости декоративных средств, примененных в оформлении дастарханов, чувствуется определенный вкус мастеров. В двух случаях имеются украшения в виде жгутика с защипами и вмятинами, и линии насечек. Часты наклепные конусовидные розетки с затейливым орнаментом (рис. 29-3, 4, 6, 7). Они встречают аналоги в материалах Отрара и Куйрук-тобе, где датируются VIII-X вв.⁴⁰ Но дастарханы выявлены у нас в тех же слоях, что и предыдущие находки, поэтому уместно их датировать X–XII вв.

Стоит более подробно описать один из наиболее типичных для Каратобе дастарханов. Массивное керамическое изделие сформовано на круге из плотного хорошо промешанного теста. Толщина стенок изделия – 2,5 см. Обжиг – ровный, полный, до светло-оранжевого цвета. Первоначально дастархан был покрыт плотным слоем красно-коричневого ангоба, но со временем он стерся, особенно по внешнему краю кольца и на самой столешнице. Диаметр столешницы – 66 см, внешний диаметр основания подставки – 28 см. Высота дастархана – 9,5 см. Край столешницы отогнут внутрь в

⁴⁰ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений... с.181, рис. 99-1.8.

Рис. 30. Столик дастархан из Каратобе (СГ1)

виде приостренной закраины (шириной 6,5 см, высота от внутренней поверхности – 4 см), за которую удобно брать дастархан при его перемещении. На внутренней поверхности столешницы размещены три круглые, конусообразно выпуклые розетки; еще одна размещена в центре подставки (рис. 30).

Керамические дастарханы – своеобразная деталь, характеризующая специфическую черту местной бытовой культуры. Низкие керамические столики были весьма удобны при том, что собственно вся жизнь в доме проходила на плоской поверхности суфы. Большую часть времени они, очевидно, стояли у стены, при этом становилась обозримой нижняя зачастую декорированная поверхность. Вероятно, их использовали лишь в особых случаях, при приеме особо почетных гостей.

1

2

3

5

6

4

7

Рис. 31. Образцы штампованных налепов на дастарханах

6.8. Крышки

Среди находок из верхних слоев Каратобе поражает разнообразие керамических крышек с затейливыми ручками. Есть плоские дисковидные массивные для тандыров и хумов, выпуклые полусферические без орнамента, диаметром всего 6-8 см, есть крупные, с резным узором и разнообразно моделированными ручками.

Многочисленны фрагменты массивных крышек тандыров и хумов. Крышки хумов – плоские, сформованы на круге. Толщиной 1,5-2,5 см, диаметром 0,8-1,2 м. Изготовлены из глины светлого тона, в изломе черепок светло-коричневого или интенсивно-розового цвета, глина хорошей отмучки, обжиг равномерный. Они – плоские, покрыты ангобом светлого цвета с зеленоватым оттенком. Такие крышки украшались оттисками круглых штампов или наклепными шишечками со штампованным орнаментом. В центре – грибовидные ручки, зачастую в виде полых круглых приплюснутых полых шаров или чашевидные (рис. 32, 33). Крышки тандыров массивны и вылеплены из рыхлого теста с большой примесью шамота, покрывались толстым слоем розового/коричневого ангоба. Чаще всего они декорировались методом инкрустации. Маленькие обломки стенок глазурованных сосудов, преимущественно синего или голубого цвета, приклеивались к слою ангоба, образуя незамысловатую композицию (рис. 34, 35).

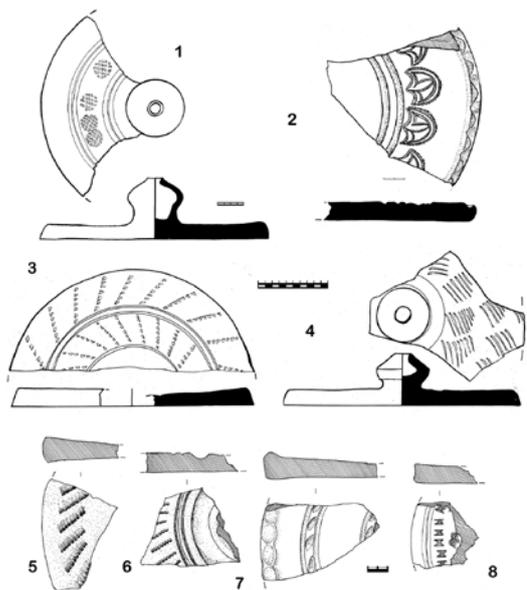

Рис. 32. Керамические крышки на хумы

Рис. 33. Ручки массивных крышек хумов

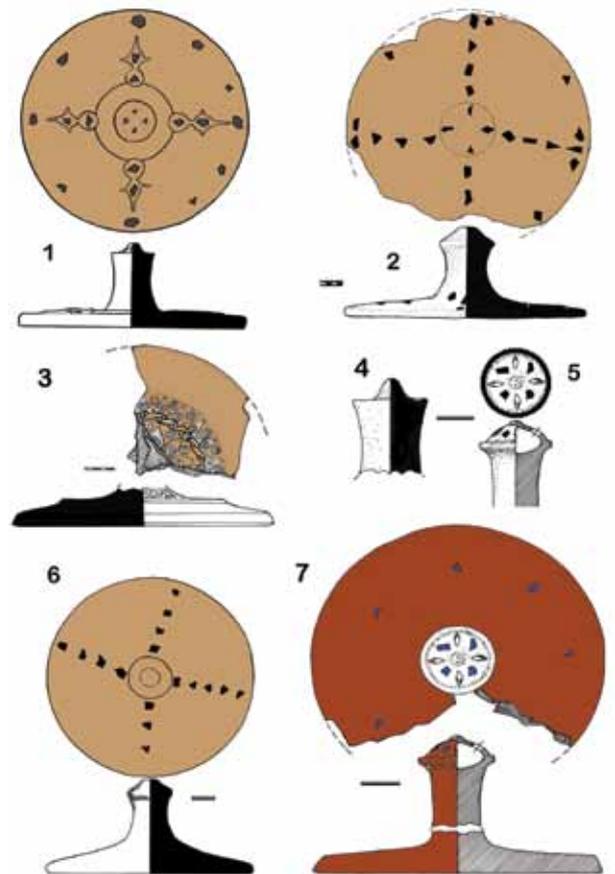

Рис. 34. Тандырная крышка с инкрустацией

Рис. 35. Тандырные крышки

Наиболее многочисленны **крышки горшкообразных сосудов** разных размеров. Они формовались из хорошо отмученной глины красноватого цвета и были покрыты красным или темно-коричневым ангобом. При этом поверхность зачастую лощилась до металлического блеска и орнаментировалась глубоким резным орнаментом. Похоже, что жители Саурана придавали особое значение орнаментации/декорированию крышек горшков. Орнамент наносился на поверхность крышек резьбой, инкрустацией, вдавленными линиями, иногда наклепными жгутами и т.д. Наиболее популярен резной орнамент, композиция которого вокруг ручки как бы превращала круг крышки в орнаментальную розетку (рис. 36-40).

Оригинальную технологию нанесения узора, применявшуюся сауранскими мастерами, можно назвать инкрустированием. При этом линии орнамента состоят из тонких керамических пластинок треугольной, ромбовидной, прямоугольной формы. Пластины окрашены белым ангобом и покрыты прозрачной бесцветной глазурью. По внешнему краю разделительные линии оконтурены еще двумя пластинками. При переходе к

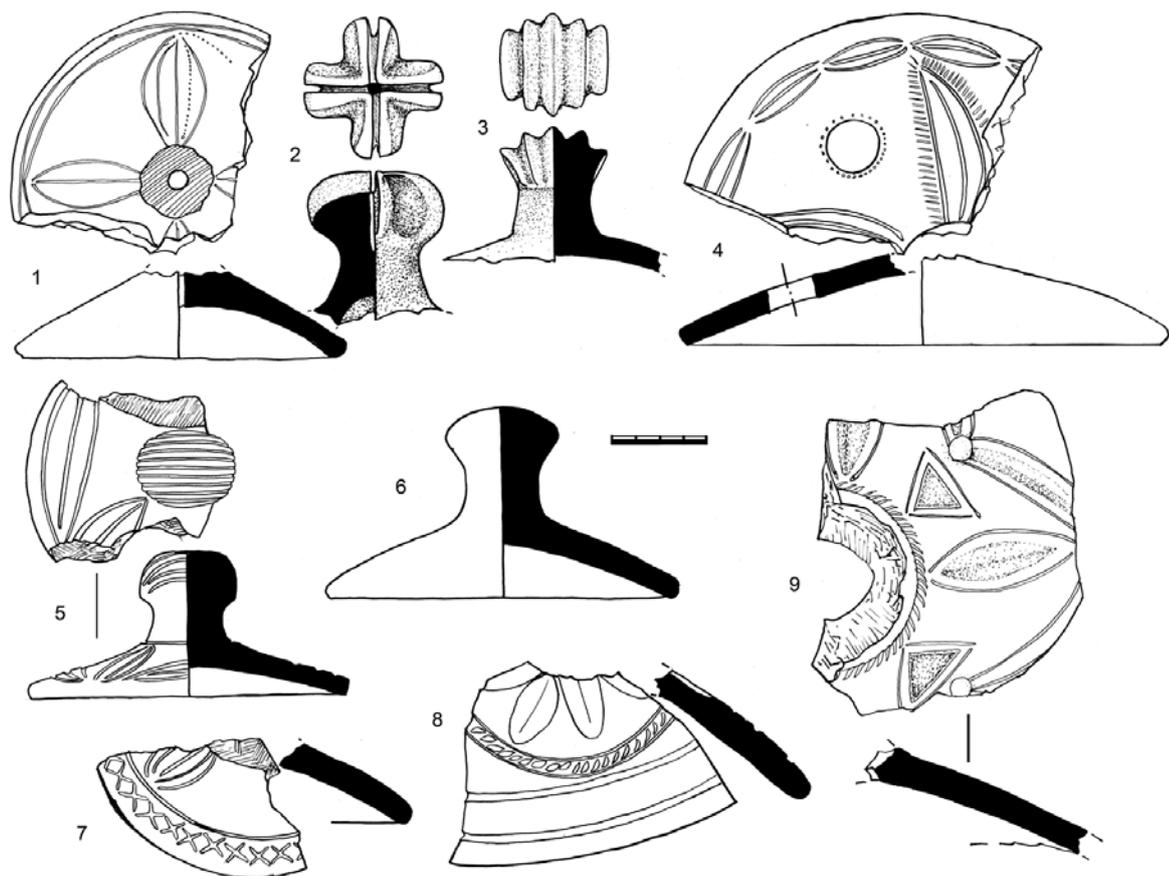
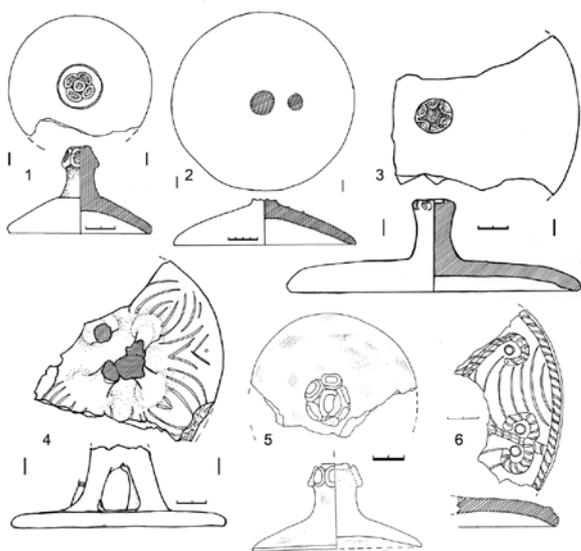

Рис. 36. Крышки горшков разных размеров

Рис. 37. Крышки горшков разных размеров

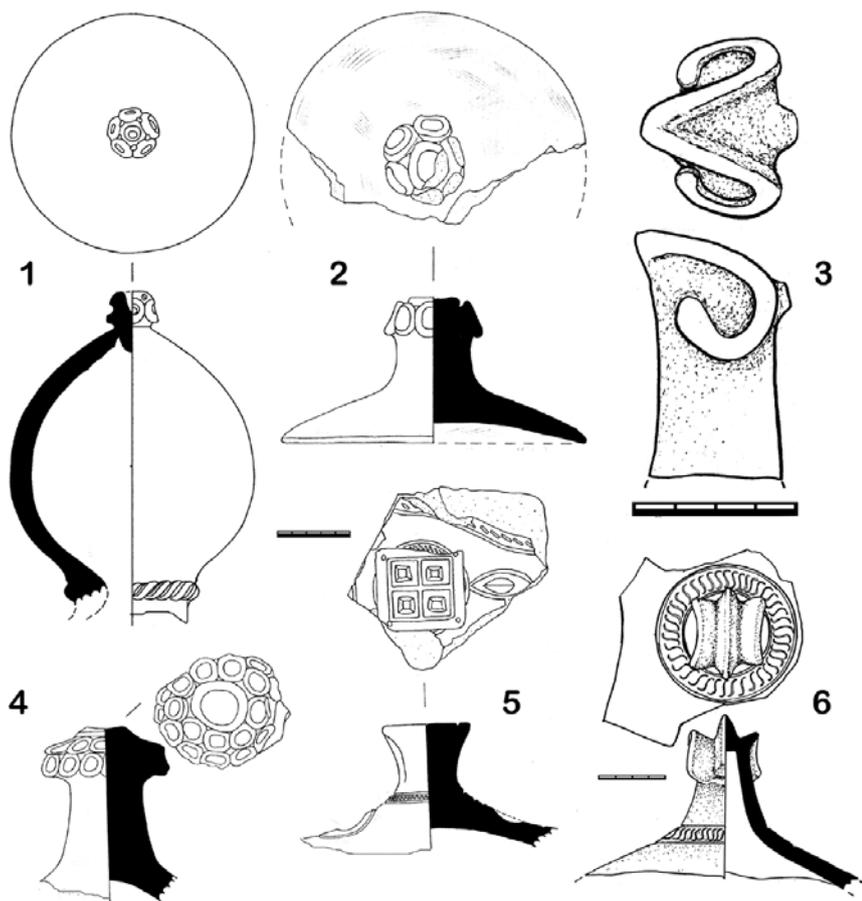
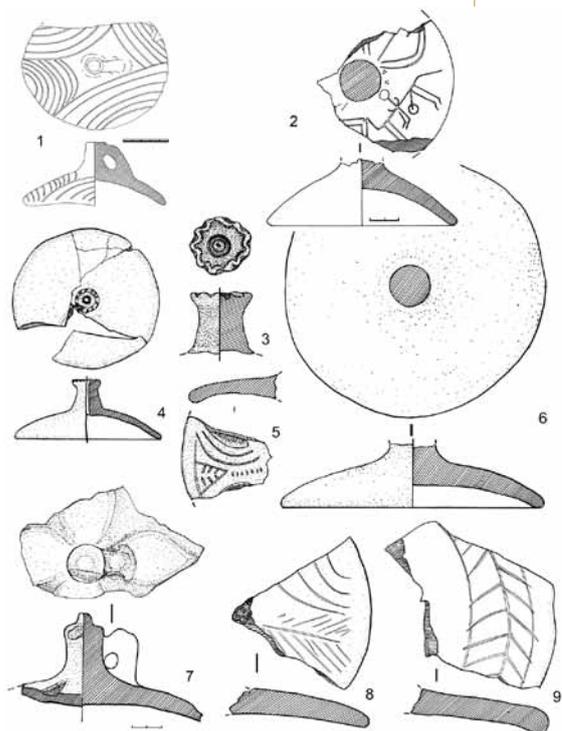

Рис. 38. Крышки и ручки крышек горшков

Рис. 39. Крышка с изображением всадника

Рис. 40. Крышки горшков разных размеров

основанию ручки между секторами вставлено по одной пластинке. Верх ручки конической формы также разделено на четыре сектора пластинками треугольной формы. Чаще эта технология применялась при украшении тандырных крышек (рис. 35).

Инкрустация в сочетании с резным орнаментом украшала коническое завершение ручки крышки. Вертикальные врезы делили окружность на четыре сектора. Каждый сектор был инкрустирован одной прямоугольной керамической пластинкой с белой окраской и глазурованным покрытием.

Поверхность крышки разделена на четыре сектора четырьмя наклепными жгутами с волютообразным завершением. Волюты инкрустированы круглыми пластинчатыми глазками. Край крышки оконтурен таким же наклепным жгутиком. Свободное пространство секторов заштриховано параллельными полукруглыми линиями.

В оформлении наверший грибовидных ручек крышек горшковидных сосудов наблюдается такое же разнообразие (рис. 40), как и в орнаментике их полусферических поверхностей. Количественно преобладают навершия, оформленные в виде четырехугольника с оттянутыми углами (рис. 41), навершия в виде «шестеренок» (рис. 42), «гребенчатые навершия» (рис. 43), в виде «цветка» (рис. 44), в виде «птичьих головок» (рис. 45). Среди них есть, конечно, и совершенно оригинальные образцы (рис. 46; 37). Такое многообразие оформления ручек кры-

шек, среди которых есть и полностью аналогичные каратобинским, нами известно лишь по раскопкам чуйских городищ.⁴¹

⁴¹ Бернштам А.Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции // МИА, № 14, М.-Л., 1950. Табл. LVII- LIX.

Рис. 41-46. Разнообразные формы ручек крышек

Рис. 48. Чираги ВСГ

Рис. 47. Узор на ручках чирагов

6.9. Светильники-чираги

Этот вид специфических керамических изделий являлся неременным атрибутом дома, будь он в городе или в ауле. В быту зажиточных горожан были широко распространены также бронзовые чираги, являвшиеся зачастую образцами незаурядного искусства. Но и керамические масляные светильники в XI-XIII вв. отличались разнообразием форм и изяществом изготовления.

1 тип. Чираги с вытянутым носиком, граненым туловом и ручками оформленными листовидным навершием со штампованным орнаментом в виде веточки с ромбовидным или округлым завершением и отходящими полукруглыми спиралевидными листочками (рис. 47).

2 тип. Чираги округлой формы с граненым вытянутым носиком и ручкой в виде петельки.

По цвету ангоба и глазури можно выделить несколько вариантов:

1. Чираги под однотонной темно-зеленой глазурью;

2. Чираги под светлой глазурью, украшенные крапинами темно-коричневого цвета;

3. Чираги с расплывчатыми зелеными пятнами;

4. Чираги с псевдоэпиграфическим орнаментом.

Наблюдается достаточно отчетливая эволюция этих изделий в период X–XII вв. Для ВСГ Каратобе характерны более массивные изделия под прозрачной или зеленой глазурью с зачастую граненым корпусом и петельчатой ручкой (рис. 48). Со строительными горизонтами СГ2 и 3 связаны находки преимущественно светильников более изящных форм под блестящей прозрачной глазурью по белому ангобу поверх черно-коричневых узоров и под глухой зеленой глазурью (рис. 49).

Рис. 49. Чираги СГ2

6.10. Бытовая посуда

Всю керамическую посуду, полученную в ходе раскопок на Каратобе можно подразделить на две большие группы: глазурованные и неглазурованные изделия. Последние традиционно подразделяются на **тарную, кухонную, столовую посуду**. Кухонная посуда представлена сосудами, предназначенными для приготовления пищи, т.е. они ставились на огонь и поэтому изготавливались из глины специального состава, что обуславливало также и технологию их изготовления (формовки). Это различного вида и типа **горшки, котлы, кувшины**. Тарные сосуды представлены **хумчами, хумами, ямами, корчагами, тагорами, крупными кувшинами**. Столовая посуда состоит из различных видов **кружек, ваз, кувшинов, гончарных горшков и т.д.** Поскольку фрагменты бытовой керамической посуды – самая многочисленная категория находок при раскопках слоев средневекового горда, то эта

составляющая комплекса средневековой городской материальной культуры наиболее исследована. В изучении бытовой керамики выработаны свои, ставшие традиционными, апробированные подходы. При этом традиционен акцент на классификацию форм сосудов и художественно декоративных стилей. Достаточно подробно исследована и технология средневекового керамического производства.⁴² Реконструирован и не единожды описан репертуар форм посуды, а также декоративные свойства ее, изменявшиеся от века к веку.⁴³

Естественно, что развитие керамического производства в среднеазиатском регионе прошло общие эволюционно-технологические этапы, при этом испытывая похожие тенденции и воздействия, находясь под влиянием схожих исторических обстоятельств. Это порождало определенное единство керамического производства в общерегиональном масштабе, но при этом в каждом микрорегионе имелись свои специфические черты, определявшие своеобразие традиций местного гончарного центра.

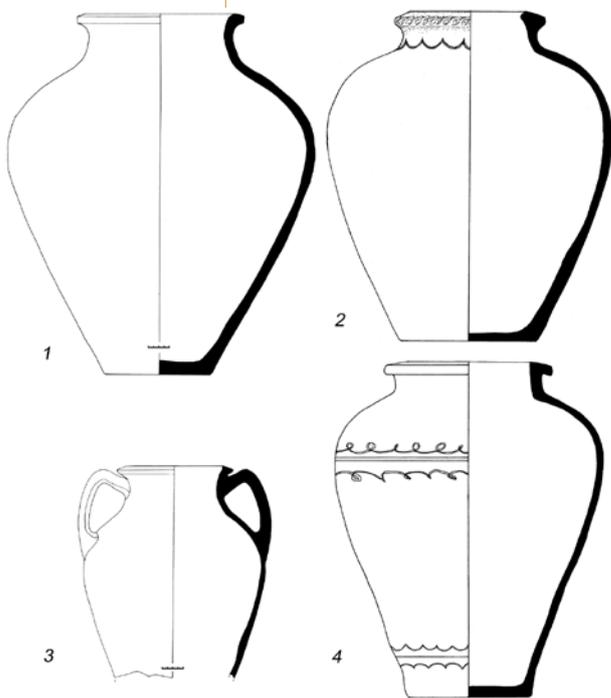

Рис. 50. Хумы ВСГ

⁴² Пещерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Труды ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. серия, 1959, т. 42; Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.

⁴³ Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XII вв.) // Труды ХАЭЭ, т. IV «Керамика Хорезма», М., 1959, с. 261-342; Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982; Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII веков. Ташкент, 1986; Шишкина Г. В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.

Задача изучения сауранского гончарного производства на фоне соседних среднеазиатских оазисов, выявление своеобразных черт художественно-декоративных или технологических традиций – задача отдельного большого исследования, источниковедческая база которого только еще создается. Задачу данного очерка мы видим в том, чтобы ознакомить читателя с основными категориями и формами керамической посуды, бытовавшей у жителей Саурана в XI-XIII вв. Начать при этом следует, пожалуй, с самых крупных сосудов, предназначенных для хранения различных припасов.

Рис. 51. Прочерченный орнамент на хуме из ВСГ

Хумы - большие керамические сосуды, собственно глиняные бочки, предназначавшиеся для хранения различных продуктов. Они обычно высотой от 1,1 до 1,6 м, с диаметром тулова более 1 м. Встречаются типы с высоким горлом и массивным венчиком, лежащим прямо на плечиках. Диаметры венчиков хумов колеблются от 26 до 46 см, горловины – от 21 до 41 см.

Хумы обычно не декорировались. Но иногда встречаются экземпляры с волнистым жгутом под венчиком, прочерченным или нарисованным цветным ангобом рисунком. Орнаментальный рисунок иногда прочерчивался специальным зубчатым инструментом, которым, похоже, «орнаментировалась» и внутренняя поверхность тандыров (рис. 51). Редки оттиски штампов, выполнявших, возможно, роль личных меток (рис. 54, 55).

Хумчи встречались двух типов: первый – с узким горлом (11,2 см) и венчиком (15,2 см) с резко отогнутой наружу закраиной (рис. 34); второй – с Г-образным в сечении венчиком, с горизонтальной площадкой, диаметром 24,5 см, с широким (20,6 см) и высоким (7,2 см) горлом. Для этой формы сосудов характерны также парные плоские ручки (рис. 50-3).

К тарным сосудам с широкой горловиной относятся ша-

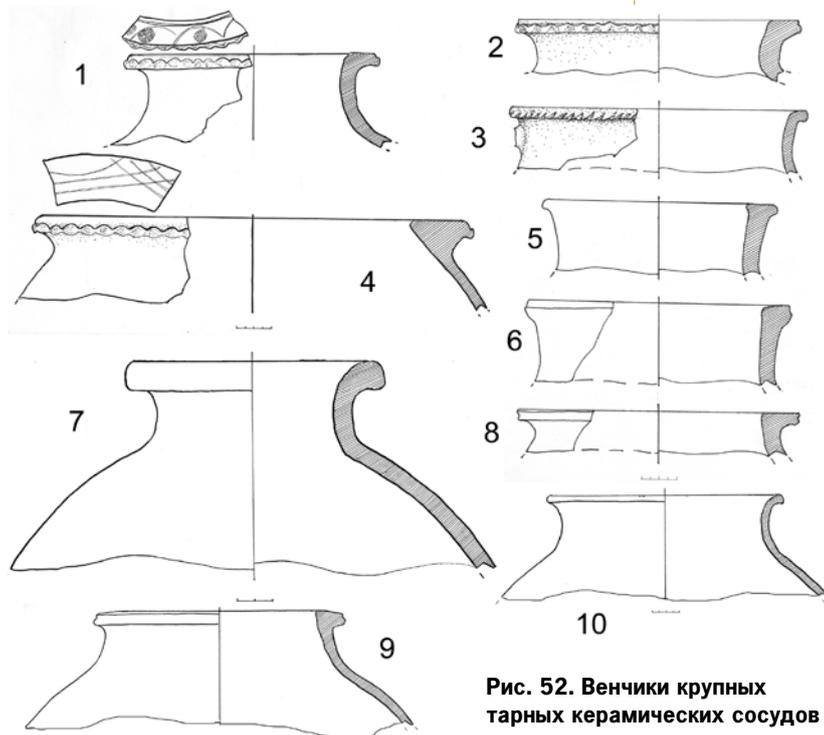

Рис. 52. Венчики крупных тарных керамических сосудов

Рис. 54. Штампы на хуме из СГЗ

ровидной формы **корчаги** с сужающимся к венчику горлом. Возможны два варианта форм оформления горловины. Первый из них имеет закраину в виде широкой горизонтальной площадки, по низу венчика проходит пояс с пальцевыми вмятинами; диаметр венчика – 47,2 см. У второго имеется цилиндрическая невысокая (1-1,5 см) горловина, закраина – горизонтальная, но узкая с бережком-выступом, диаметр венчика – 37,2 см, тулова – 41,2 см. Аналогичны им по форме сосуда в комплексе керамики, например, с городища Мейрамтобе, датирующиеся X-XII вв.⁴⁴

⁴⁴ Акишев К.А. и др. Древний Отрар, с.159, рис. 134-1.6.

Рис. 55. Штамп на венчике хума из СГЗ

Тагоры имеют традиционную для этого типа сосудов форму – трапециевидной, с массивными, наклонными наружу бортами и Г-образной закраиной в виде узкой площадки с уклоном наружу. Площадка венчика иногда отделена пояском прорезанной линии на внешней стороне тулова. Внутренняя, иногда и внешняя, поверхности сосуда покрыты красным ангобом с радиальным полосчатым лощением. Диаметр венчика тагор – 50 см, дна – 38-39 см, высота – 13-14 см. Эта форма специфической хозяйственной посуды была широко распространена в средневековой бытовой культуре городов и поселений. Аналогии им можно найти в комплексах керамики многих южноказахстанских памятников, например, на городище Отрар они датируются X–XII и XII–XIII вв.⁴⁵

Другой, типичной для слоев XI–XIII вв., формой сосудов специального назначения являются **«тубеки»** – горшочки, вставлявшиеся в отверстие детской кроватки «бесик». Они имеют цилиндрическую форму с отвернутым манжетом-венчиком (рис. 56), могут быть неглазурованными, но чаще покрыты внутри и частично снаружи окрашенной глазурью. Известны и стеклянные сосуды подобной формы.

⁴⁵ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений... с.191, рис.108 -1,23; Акишев К.А. и др. Древний Отрар, с.104, рис. 59-4.

Рис. 56. Керамические горшочки-«тубеки» для детской кроватки «бесик»

Рис. 57. Котлы и горшки

Кухонная посуда представлена разнообразием форм деталей и размеров **горшковидных сосудов**. Их объединяет широкое горло, в меру раздутое тулово и особая по составу глина, насыщенная добавками-отощителями, в виде шамота и дресвы, придававшая сосудам особую огнеупорность. Есть фрагменты горшков со сферической формы туловом, с низкой и отогнутой наружу закраиной, но чаще встречаются сосуды с высокой горловиной и прямой или отогнутой наружу закраиной, различной в сечении, иногда подтреугольной, иногда закругленной. Бывают сосуды с одной или двумя небольшими петлеобразными вертикальными ручками, иногда с шишечкой наверху или выступом. Ручка закреплены в средней части горловины. Многие сосуды орнаментированы, у некоторых закраина подчеркнута налепным валиком с насечками или примята пальцами. Аналоги этим горшкам находим в материалах Отрара, где они датированы X-XI вв.⁴⁶ Тулово горшков, малых и средних размеров, зачастую украшено «чешуйчатым орнаментом» из ногтевых вдавлений по толсто-

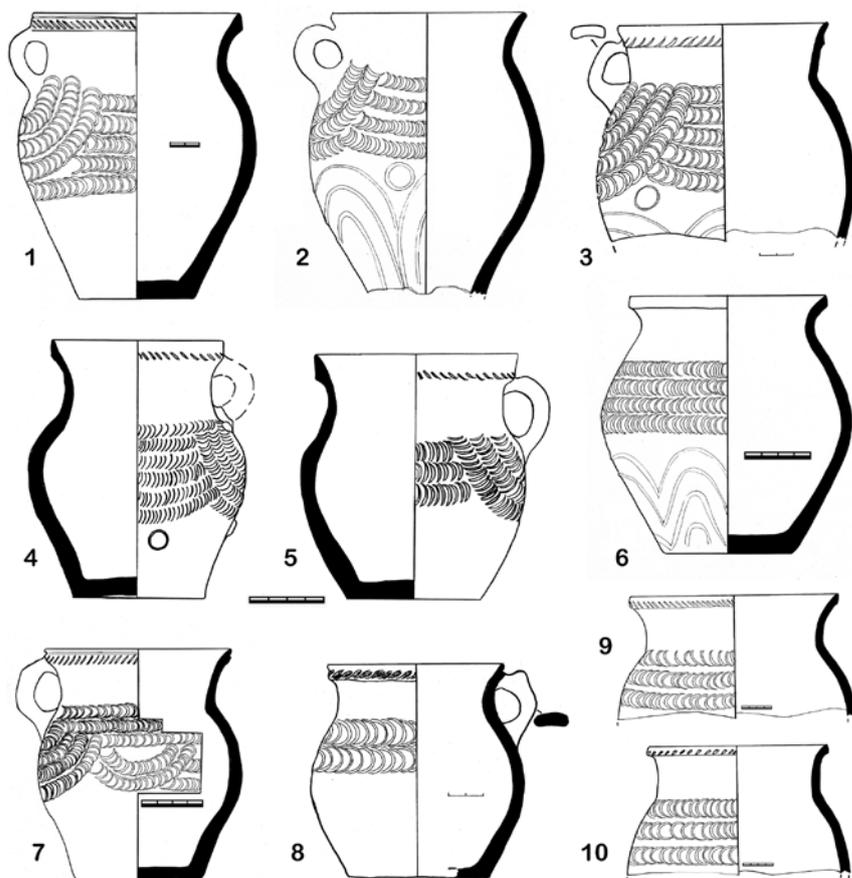

Рис. 58. Одноручные горшочки из черного теста

му слою ангоба (рис. 57-8,9; 58). Горшочки малой формы встречаются не очень часто. Нам известен один экземпляр из городища Бузук с датировкой XII-XIV вв.⁴⁷ По составу теста горшки близки керамическим плоскодонным казанам, но их отличает оформление венчика и наличие у котлов «подковообразных» ручек (рис. 57-1-5).

Кувшины – один из наиболее распространенных видов посуды. Они представлены крупными «водоносными» формами, а также небольшими столовыми кувшинчиками. По большей части имеют сужающуюся сверху высокую горловину с треугольным в сечении венчиком, отогнутым наружу. Плоские широкие коленчатые ручки, несколько приподняты по центру, прикрепляются к горловине и плечикам (рис. 59; 60). Ручки иногда украшены «ёлочным» прочерченным орнаментом.

В совокупности кувшинов четко различимы широкогорлые, средних размеров, и небольшие узкогорлые сосуды (рис. 61). У последних обычно – сильно выпуклый корпус, пластинчатая изящная

⁴⁷ Акишев К.А. и др., там же.

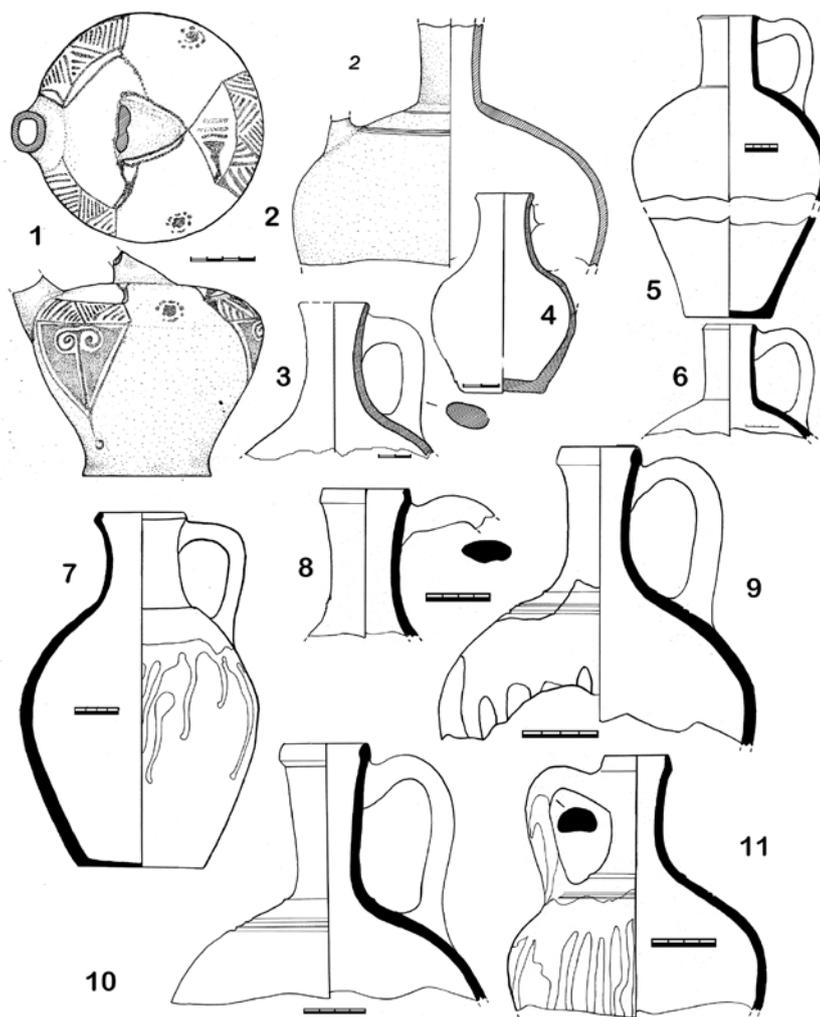

Рис. 59. Узкогорлые кувшины

ручка и профилированная высокая горловина. Другую форму тулова демонстрируют глазурованные образцы кувшинов, которые явно подражают изделиям из металла. В нашей коллекции имеется один совершенно целый экземпляр, покрытый зеленой глазурью. Его корпус имеет покатые высокие плечики, максимальный диаметр корпуса в нижней трети высоты и невысокий поддон (рис. 62).

В группе различных видов кувшинов в нашей коллекции выделяются кувшины с узкой горловиной, установленной не строго вертикально вверх, а расположенной на выпуклом плечике сосуда, т.е. ориентирована как бы в сторону от вертикальной оси тулова, а пластинчатая (или овальная) с желобками ручка прикреплена под венчиком горловины и соединяет ее с верхней частью тулова (рис. 63). Диаметр горловины – 2,5 см, высота горловины – 5-6 см, диаметр донца – 9-10 см, высота – 25-30 см. К тому же, почти все кувшины этой формы украшены странным орнаментом, нанесенным темно-коричневым ангобом. Странным тут является, как техника исполнения узора, так и сама орнаментация (рис. 64). Похоже, нали-

Рис. 60. Кувшины

чие среди неглазурованных сосудов кувшинов с ангобной росписью является характерной особенностью сауранского керамического комплекса.

По форме такой кувшин напоминает современные чайники, но они изготовлены на круге и явно не предназначались для использования на огне. Иногда их определяют как «рукомойники». Можно предположить их использование как специальных водоносных сосудов для обязательных ритуальных мусульманских омовений. Условимся в дальнейшем называть их «кумган». Помимо неординарной формы, эти сосуды выделяет и сложная орнаментация, выполненная тонкими ангобными линиями. В орнаментальной композиции наряду с лентами, различного рода линиями, точками, розетками доминируют своеобразные фигуры, которые можно условно назвать «тумар» (рис. 64).

Эти кувшины-кумганы бытовали одновременно с обычными столовыми, узко- и широкогорлыми, и с крупными водоносными. Их многочисленные ручки и фрагментированные горловины присут-

Рис. 61, 62. Кувшины

ствуют в комплексе керамики раскопа 1 наряду с фрагментами кухонных котлов и горшков, вылепленных из огнеупорного теста с большой примесью шамота и дресвы.

Эта керамическая форма, по сравнению другими формами кувшинов X-XII вв., не имеет столь широкого распространения в известных керамических комплексах древней или средневековой Средней Азии. Они традиционно относятся к категории «столовых» сосудов. По достаточно аргументированному мнению, данная «уникальная» керамическая форма происходит от одной из форм греческой посуды, получившей распространение на землях древней

Бактрии, а позже прочно вошедшей в репертуар форм керамического производства Средней Азии и получившей здесь собственное развитие.⁴⁸

Расписная керамика XI-XIII вв. известна во всех основных историко-культурных регионах Средней Азии. Причины ее распространения в караханидское время остаются не раскрытыми. Одни связывают это явление с притоком масс сельского населения в города, другие видят в этом влияние оседающего тюркского населения.⁴⁹ Тем не менее, в изучении явления «возрождения» в развитии средневековой архаичной технологии и видов орнамента накоплен целый ряд интересных наблюдений. Так, З.И. Усманова обратила внимание, что в одной историко-культурной области, Фергане, в разных керамических центрах⁵⁰ преобладает тот или иной, «растительный» или «геометрический», виды орнаментики. Если для Ахсикета преобладающими являются геометрические мотивы, то в соседнем Узгенте – растительные.⁵¹ Распространение ее в керамике Ферганы отмечал Ю.А. Заднепровский.⁵² В керамическом комплексе

⁴⁸ Абдуллаев К. Аск из Паенкургона. К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии // ИМКУ, вып. 32, Самарканд, 2001, с. 78-80.

⁴⁹ Литвинский Б.А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой // ТИИЭА АН ТаджССР, XXIV, 1954, с. 62; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, 26, 1952, с. 258-261.

⁵⁰ Атаханов Т.М. Расписная керамика из средневекового городища Туткаул // МКТ, вып. 3, Душанбе, 1978, с.179-184.

⁵¹ Усманова З.И. Расписная керамика из Ахсикета // ИМКУ, вып.19, Т., 1984, с. 219.

⁵² Заднепровский Ю.А. Средневековая расписная керамика Ферганы // КСИА, вып. 120, М., 1969, с. 39-45; Заднепровский Ю.А. Дальверзинское селище // КСИА, вып. 69, с. 1957, с. 50-56; Усманова З.И. Расписная керамика из Ахсикета... с. 214-220.

предмонгольского Ахсикета ангобной росписью покрывались кувшины, горшки, кружки. Мотивы орнаментации, по мнению исследователей, имеет истоки в расписной керамике чувстской и эйлатонской культур (эпоха бронзы и РЖВ).

Расписная керамика широко бытовала в городах Уструшаны XII-XIII вв. Кувшины, горшки и котлы расписывались ангобом, но чаще расписывались сосуды типа мургоби ручной выделки.⁵³ Они близки Узгентским⁵⁴ и сосудам из Южного Согда.⁵⁵

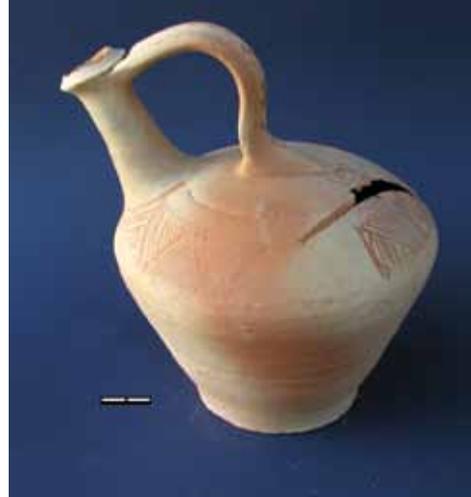
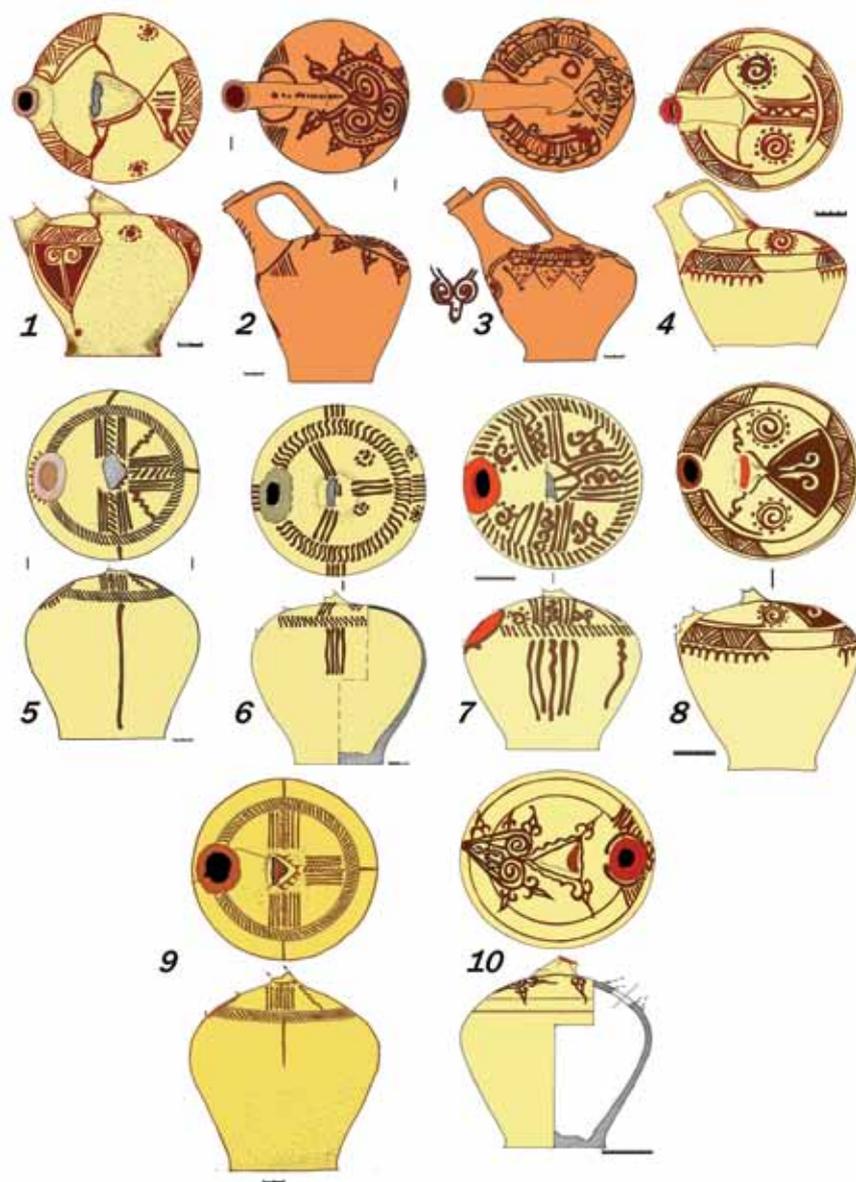

Рис. 63, 64. Кувшины с ангобной росписью

⁵³ Грицина А.А. Гончарная продукция домонгольского Заамина // ИМКУ, вып. 32, Сам., 2001, с.173-179, рис. 5.

⁵⁴ Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии // Тр. КАЭЭ, т. 4, М., 1960, с. 226

⁵⁵ Лунина С.Б. Расписная керамика X-XI вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) // СА, 1987, № 3, с.106-108.

Появление и распространение архаичной на вид расписанной ангобом керамики в X-XII вв. в крупных среднеазиатских городах, являвшихся и керамическими центрами, не будет выглядеть столь неожиданным и загадочным, если учитывать, что традиции ангобной росписи сохранялись в предшествующее время в мелких сельских поселениях, имевших свое («провинциальное») керамическое производство. Так при обследовании памятников в южной части Согда, в бассейне р. Кашкадарьи, в зоне Чимкурганского водохранилища, в слоях целого ряда памятников, явно сельского облика (Сарытепе 1 и 2, Большой Кызтепе и др.) были обнаружены комплексы «псевдо-трипольской керамики», которые могут быть датированы VIII-IX вв.⁵⁶ Расписывались в основном горшки, кувшины, чаши. Мотивы орнаментации – просто пятна, ромбические сетки, простейшие зооморфные фигурки, «косички», просто ритмические полосы и пятна и т.д. Т.е. репертуар орнаментальных мотивов очень ограничен, сами мотивы просты и соединены в незатейливые композиции. В иных районах ангобной росписью украшалась практически вся керамическая посуда, а орнаментальные мотивы отличались сложностью и определенным изяществом.⁵⁷

Своеобразие сауранского комплекса, видимо в том, что ангобная роспись украшает преимущественно кувшинчики-кумганы, и распространенные орнаментальные мотивы находят стилистическое сходство с орнаментами на этнографических войлочных изделиях, в изделиях традиционно связанных с полукочевым бытом.

Кружки. На уровне ВСГ и СГ2, наряду с глазурованными чашами-пиалами, продолжают бытовать кружки разнообразных форм. В основном, это небольшие изделия из плотного теста, покрытые красным или черным ангобом с лощением. Небольшое приземистое тулово имеет шаровидную форму, на котором средней высоты горловина и на выпуклых плечиках – петельчатая ручка (рис. 65; 66-4, 5, 6; 67). Распространена и другая форма кружки – в виде слегка расширяющегося к устью цилиндра (рис. 66-1, 2). Основным способом декорировки кружек являлось тщательное лощение до металлического блеска. Но встречаются и другие приемы: все тулово покрывается чешуйчатыми «ногтевыми» вдавлениями (рис. 67), или же прочерчивается простенькая орнаментальная композиция, но точки узора акцентируются капельками голубой глазури, которая стекленела при обжиге (рис. 69). Такой оригинальный способ включения цветовых акцентов в орнамент неглазурованных сосудов – распространенный прием сауранских гончаров. Введение капелек глазури в орнамент неглазурованных сосудов встречался нами в декоре кувшинчиков, чаш и даже керамических алтариков.

⁵⁶ Усманова З.И., Кабанов С.К. К стратиграфии верхних (VIII-IX вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // ИМКУ, вып. 12, Т., 1975, с.103-120.

⁵⁷ Атаханов Т.М. Расписная керамика из средневекового городища Туткаул // Материальная культура Таджикистана. Вып.3, Душанбе, 1978, с.179-187, рис. 44-47.

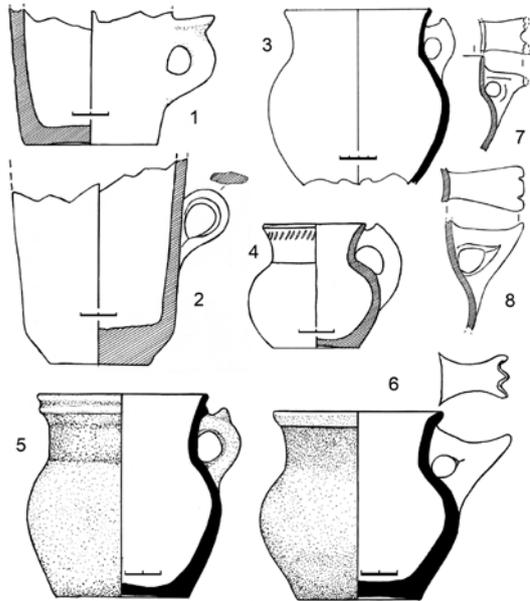

Рис. 65-68. Кружки

Рис. 69. Красноглиняный горшочек с инкрустацией глазурью

Глазурованная керамика. С уровнем ВСГ связан комплекс глазурованной керамики различного вида орнаментации. Это в основном сосуды открытых форм – чаши, пиалы, тарелки, блюда и светильники-чираги; редки – кувшины, вазовидные сосуды, туваки. Явно доминирует, как технологический прием декора, полихромная роспись по белому ангобу под прозрачной глазурью. Рисунок выполнялся обычно краской различного оттенка коричневого цвета, расцветка дополнялась зеленым, активно использовался белый цвет фона (в резерве). Выделяются серии сосудов (семейства), с окрашенными в светло-зеленый (в оттенках), желтоватый, салатовый цвета прозрачными глазурями (рис. 70-80). Обращает на себя внимание неравномерность распределения краски в широких контурных орнаментальных линиях: она, то скапливается более темными участками, то становится очень светлой. Мотивы орнамента и орнаментальные композиции в принципе идентичны таковым на керамике других изученных среднеазиатских керамических центров (Афрасиаб, Шаш и т.д.), что свидетельствует о том, что развитие местного керамического производства шло в общем русле развития керамического искусства среднеазиатского региона. Отличие «сауранского керамического комплекса глазурованной керамики» от керамики других крупных керамических центров, вероятно, будет выражаться в преобладании, массовости того или иного стиля в разные хронологические периоды, в различии трактовок тех или иных мотивов. Установить это будет возможно только после детального всестороннего сравнительного исследования.

В комплексе керамики ВСГ встречено всего несколько фрагментов сосудов с рисунком, прочерченным под прозрачной желтой поливой, расцвеченной зеленоватыми пятнами (рис. 61-1; 75-3). Керамика такого стиля массово представлена в слоях XIII-XIV вв. на других памятниках региона. Она в частности характерна для верхнего, самого последнего по времени, слоя городища Шой-

Рис. 70. Глазурованная керамика ВСГ и СГ2

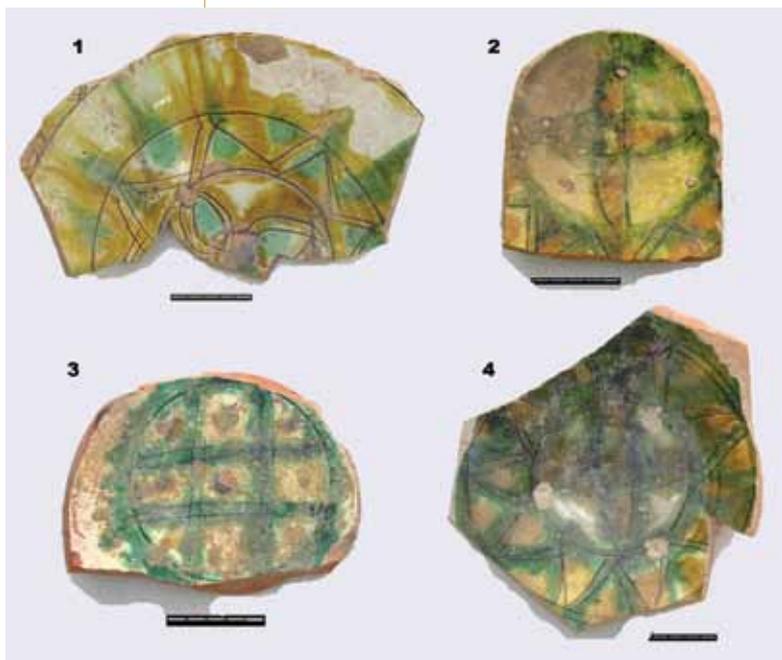

Рис. 71-75. Глазурованная керамика ВСГ и СГ2

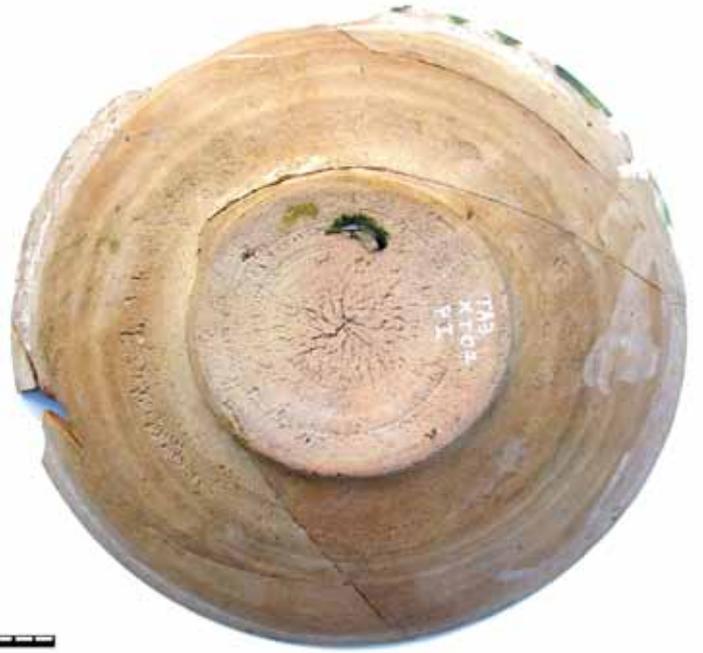

Рис. 76-77. Глазурованная керамика ВСГ и СГ2

Рис. 78-79. Глазуванная керамика ВСГ и СГ2

Рис. 80. Глазурованная керамика ВСГ и СГ2

тобе-2,⁵⁸ для соответствующих строительных горизонтов Отрара, присутствует в самых нижних слоях городища Туркестан и Сауран.

Отсутствует и массовая керамика с окрашенной в бирюзовый цвет глазурью, которая характеризует в XII в. ведущий стиль керамики Афрасиаба.⁵⁹ Со вторым строительным горизонтом (СГ2, 3-7 яруса), и в большей мере с СГ3, связан комплекс глазурованной керамики, в котором ведущую роль играет прозрачная глазурь поверх черно-коричневой росписи (с фисташковым, салатovým) на чистом белом ангобном покрытии. Основой, по-прежнему, является лессово-глиняный черепок ровного полного обжига. Краска (темно-коричневая, до черной) в контурных линиях рисунка положена ровно. Мелкие детали орнамента дополнительно переданы гравировкой по красочному слою. Для этого комплекса характерно обилие эпиграфической орнаментики (рис. 81-87), вихревые розетки в центре композиций (рис. 86, 87), четкость линий рисунка с дополнительной гравировкой деталей, использование сложных орнаментальных композиций с разного рода плетенками. В целом, керамику такого облика принято датировать X-XI вв., что не противоречит стратиграфическому положению этого комплекса в раскопе 2 на цитадели Каратобе.

Полная характеристика комплекса неглазурованной и глазурованной керамики Каратобе будет возможна после пополнения фонда археологически целых форм и ее всестороннего исследования. Пока же отметим, что мастерами Саурана использовались преимущественно лессово-глиняные составы керамической основы, прозрачные глазури (иногда слегка окрашенные в зеленые, желтые, салатовые цвета), положенные на тщательно ангобированную белую основу. Основным художественным приемом была полихромная роспись коричневыми красками со стремлением заполнить орнаментальной композицией как можно большую часть поля. Характерна «сегментная» и «концентрическая» зональность размещения орнамента. Все эти черты были характерны и для керамики более ранних периодов различных керамических центров Средней Азии.

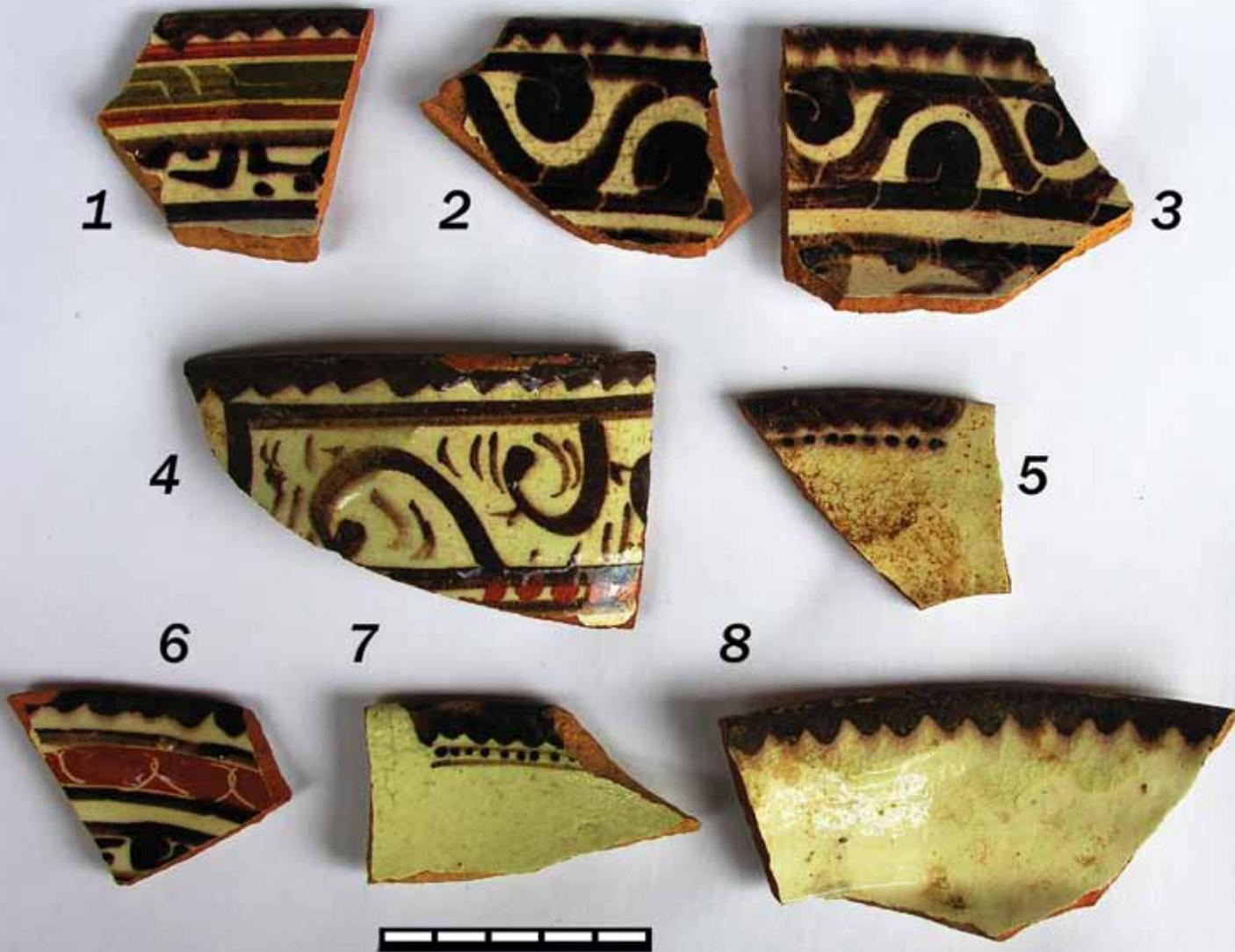
Керамический материал, полученный из верхнего строительного горизонта Каратобе, находит прямые аналогии с керамикой восьмого строительного горизонта Отрара, которую исследователи датировали XII–нач. XIII вв.⁶⁰

Вместе с тем, изучение керамики послемонгольского времени позволяет с полным основанием считать, что середина XIII в. является рубежом существования двух стилей в изготовлении полив-

⁵⁸ Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Ясы-Туркестан-Шавгар: археологические данные к исторической идентификации // Известия МН-АН РК, сер. общ. наук, № 1, 1997, с. 40-41.

⁵⁹ Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда., с. 33.

⁶⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар, Алма-Ата, 1972, с. 98-102, 160, 165.

ной керамики. Это выразилось в огрублении форм, качества поливы, исчезновении керамики с прозрачной свинцовой поливой, положенной на белый ангоб и с подглазурными росписями коричневым, зеленым, красным, а также керамики, покрытой темно-коричневой поливой. Дискovidные поддоны уступают место кольцевым и кольцевым с выступом. Ангоб — преимущественно красный. Исчезают формы крышек, украшенных оттисками штампов, налепами, резьбой.

Руководствуясь аналогичным материалом и выводами, к которым пришли исследователи, а также имеющимися теперь нумизматическими материалами, мы вправе датировать верхний строительный горизонт Каратобе и сопроводительный керамический материал концом XII—XIII вв.

На Каратобе для этого времени выделяются следующие основные группы поливной посуды:

1. Керамика с прозрачной, слегка окрашенной и полупрозрачной темно-зеленой глазурью;

Рис. 81-83.
Глазурованная керамика СГЗ

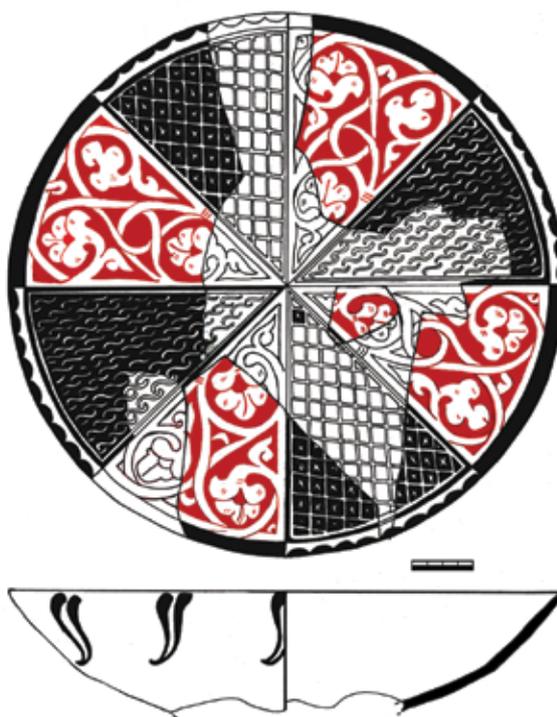

Рис. 84-85. Глазурованная керамика СГЗ

2. Керамика с полихромной росписью по светлому ангобу в сочетании с процарапанным орнаментом под прозрачной бесцветной глазурью;

3. Керамика с полихромной росписью по светлому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью;

4. Керамика с полихромной росписью под прозрачной ядовито-желтой глазурью;

5. Керамика с голубой глазурью и монохромной росписью.

Получает широкое распространение керамика с процарапанным орнаментом и роспись крапинами, потеками зеленого, ядовито-желтого, марганцевого цветов, в самых различных вариантах. Ведущими формами сосудов являются сосуды открытого типа на плоском выступающем поддоне – разного размера блюда, чаши, пиалы. Внутренняя поверхность покрывалась белым ангобом, реже светло-коричневым, поверх которого наносилась глазурь. Снаружи, по краю, проводилась полоска белого ангоба, иногда с затеками, а в основном внешняя поверхность не ангобировалась.

Наиболее устойчивыми элементами декора были треугольники в различных вариантах и четырехлепестковая розетка с крапиной желтого или зеленого цвета, сочетание процарапанного

орнамента с пятнистым. Деление поверхности на сектора и концентрические полосы с заполнением соцветиями контрастных пятен, потеков. Не получает распространения кашинная керамика с бирюзовой поливой, выявлена лишь небольшая группа посуды с бледно-голубой глазурью и черной росписью по лессово-глиняному черепку желтого цвета.

Излюбленным мотивом каратобинских гончаров была расплывчатая пятнистая роспись желтым, зеленым, оливковым цветами по процарапанному рисунку (рис. 74-80). Такой стиль глазурованной керамики распространяется в XI в. по всей Средней Азии и традиционно рассматривается специалистами как ближне-

1

2

3

4

5

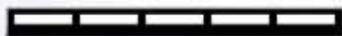

Рис. 86-87. Глазурованная керамика СГЗ

восточное влияние.⁶¹ Следует отметить наличие посуды с художественным оформлением, подражающим декору металлических изделий, лимонный или ядовито-желтый тона являлись подражанием посуде, изготовленной из желтых металлов; белые вставки на крышках, крапины, подчеркивающие контурные линии – это подражание инкрустации посуды из металла. Эти особенности керамики позволяют говорить о возможном выделении отдельной южноказахстанской художественной школы, которая по стилю и колориту более тяготеет к Чач-Илакской и Ферганской. Например, в отдаленном ферганском Карабулаке, в слое с монетами конца XII в., основные декоративные группы керамики, как и на древнем Саурани, это – группы с многоцветной росписью с четким геометрическим орнаментом и пятнистая роспись в сочетании с гравировкой.⁶²

Со временем можно будет выявить и охарактеризовать более детально своеобразие сауранской керамики (керамической школы?) по сравнению с соседними керамическими центрами (Отрар, Ташкент, Самарканд, Бухара). Но уже сейчас нужно отметить разнообразие форм и технологических приемов, высокое качество исполнения, как декора, так и технологии производства, что, несомненно, является свидетельством высоко технологического и художественного уровня развития керамического искусства города Сауран.

Коричневая глазурь. Не лишним основанием для подобных предварительных выводов служит еще один весьма показательный комплекс находок. На глубине 4 яруса в центральной части раскопа 2 в одной из золисто-мусорных прослоек собран небольшой комплекс керамики покрытой коричневой полупрозрачной глазурью. Наибольшее количество фрагментов относится к чашевидным сосудам со штампованным орнаментом. По характеру орнамента, качеству глазури и черепка фрагменты могут относиться, как минимум, к пяти штампованным чашам, одной чаше без орнамента, один фрагмент боковины неорнаментированного кувшина и фрагменты от двух светильников-чирогов с гранеными резервуарами (рис. 88). Восстановлены полные профили двух чаш. Чаша № 1 имеет слегка загнутый во внутрь венчик, и одну ручку с сильно выступающей «раздвоенной» пяткой (рис. 89). Верхний конец ручки отстоит от венчика на 7 см. Высота чаши – 9,2 см, наружный диаметр венчика – 16,0 см, наибольший диаметр тулова – 17,5 см. Закраина горизонтально срезана и слегка утолщена (0,5 см). Толщина стенок чаши – 0,3-0,4 см, с утолщением в донной части. Дно – немного уплощенное, без поддона. На стороне, противоположной ручке, расположена сосцевидная шишечка, образованная натеком глазури.

Черепок в изломе плотный, ровного обжига до красно-коричневого цвета, без заметных примесей. Глазурь покрывает непо-

⁶¹ Большаков О.Г. Поливная керамика Мавераннахра VII-XII вв. как историко-культурный памятник. АКД, Л., 1954, с. 8; Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда..., с. 67.

⁶² Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974, с. 78-79.

Рис. 88. Фрагменты венчиков коричневых чаш

средственно черепок ровным слоем, образуя в понижениях рельефного рисунка более толстый (и более темный) слой.

По конструкции формы, при полном различии прочих характеристик, данная чаша напоминает «кружку» XII в. из Отрара, которая, кроме прочего, имеет еще и кольцевой поддон.⁶³ Наружная сторона стенок у нее расписана по белому фону, под прозрачной глазу-

⁶³ Керамика средневекового Отрара... фото на с.106.

рю, оттенками коричневой краски. Рельефный же орнамент наружной стороны чаш из Каратобе оттиснут в калыбе и состоит из нескольких поясов. Верхний пояс под устьем чаши, шириной 2,5 см, – из ритмичных оттисков штампа, с косыми штрихами между двумя вдавленными полосами. Под ним основной орнаментальный пояс, состоящий из семи картушей с идентичным рисунком, вписанным в прямоугольную рамку, образованную выпуклыми линиями. У самого дна – поясок с лентой наклонных миндалевидных выпуклых элементов. Далее – лента также наклонных вытянутых миндалевидных фигур с зубчиками (ресничками). Внутренний пояс заполнен кольцевидными с зубчиками элементами. Центральная круглая зона свободна от орнамента (рис. 90). Т.е. всего можно насчитать пять орнаментальных поясов, из которых один основной, образованный повторяющимися картушами, занимает всю выпуклую часть стенок чаши. Аналогичное зонирование орнамента в поясах, выделенных четкими выпуклыми линиями, наблюдается и на фрагментах других штампованных чаш. Различаются лишь рисунки орнаментальных фигур в картушах основного пояса, компоновка элементов дополнительных поясков и характер верхнего пояса под закраиной чаш.

Но все же форма глазурованных чаш с ручками из Каратобе не находит полных аналогий в репертуаре керамических форм известных центров Средней Азии. Учитывая известную «подражательность» керамических форм металлическим прототипам, что вообще было свойственно в средние века керамическому производству,⁶⁴ можно предположить, что и в данном случае сауранский мастер-керамист воспроизводил особо престижную форму сосуда, бытовавшего преимущественно в металле. Об этом косвенно может свидетельствовать использование формы-калыба для изготовления орнаментированного тулова, применение желто-коричневой глазури, которая блестящими переливами на линиях орнамента, вероятно, давала блики золотого сосуда. Во всяком случае, убедительные аналогии данной форме сосуда можно найти среди произведений торевтов X-XII вв. В.П. Даркевич называет изделия подобной формы «кружками». Им опубликована подобная серебряная «кружка» из могильника в районе г. Сургут. По верхней части тулова, под гладким пояском по закраине – лента с круговой благопожелательной надписью процветающим куфи. Им же упоминается и иранская, аналогичная по форме, но керамическая, глазурованная кружка. По комплексу находок и художественно-декоративным признакам сосуд датирован концом IX-X вв.⁶⁵ Б.И. Маршак отнес эту находку к изделиям иранских мастеров X в.⁶⁶ - Бронзовая чаша с округло-выпуклым

⁶⁴ Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII вв. // Труды ГЭ, т. V, Л., 1961.

⁶⁵ Даркевич В.П. Художественный металл Востока. Л., 1976, с. 45, табл. 36-8.

⁶⁶ Маршак Б.И. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1973, с. 21.

дном и ручкой с незатейливым орнаментом как бы вы-
 давленных прямых линий в верхней части, на наруж-
 ной поверхности борта, происходит из подкурганно-
 го погребения XIII в. могильника Шумаево (к. 6, п. 5) на
 Южном Урале.⁶⁷ Очевидно, аналогична форма и у отли-
 той из золотистой бронзы чаши с ручкой, которая была
 найдена на городище Актобе на р. Чу. У неё – кольце-
 видная ручка с оттянутой подпрямоугольной наклад-
 ной пластиной («пяткой»); под закраиной – гладкий жел-
 лобчатый поясок, под ним – такой же ширины поясок
 с «перлами». Нижняя часть корпуса и дна оформлена
 узкими ложками. Диаметр устья чаши – 8-9 см, высо-
 та – около 4 см.⁶⁸

⁶⁷ Матюшко И.В. К вопросу о погребальном обряде кочевников
 золотоордынского времени на Южном Урале // Город и степь в контактной
 Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов. М., 2006, с.159-162, рис. 2.

⁶⁸ Шәлекенов У.Х. V-XIII ғасырлардығы Балсағұн қаласы, Алматы, 2006
 (фото на 6-ой стр. цветной вклейки). К сожалению, из текста публикации
 невозможно установить из какого слоя происходит и как датируется
 данная, как и многие другие, находка. Можно предположить, что вещь
 датируется X-XII вв., если она происходит из наиболее интенсивно
 вскрывавшихся здесь слоев городища.

Рис. 89. Коричневая чаша 2

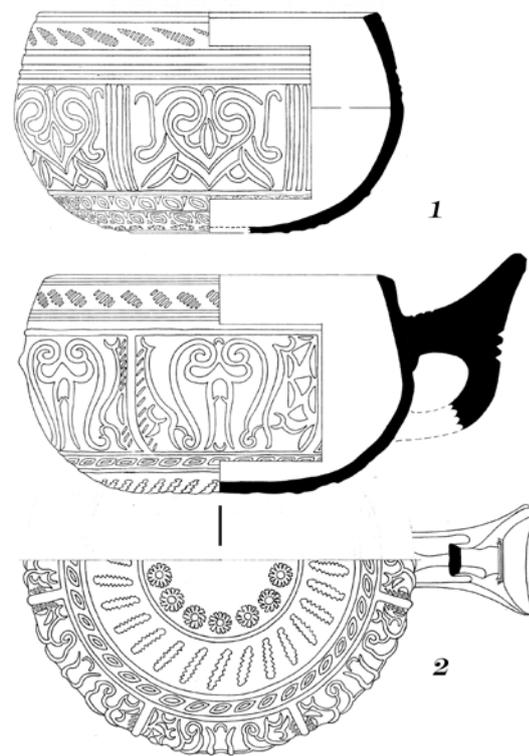

Рис. 90. Коричневые чаши 1 и 2

Наряду с чашами, оттиснутыми в калыбе, в коллекции находок из Каратобе имеется фрагмент донной части чаши без орнамента, но с явными следами изготовления на гончарном круге. При этом поддон никак не выражен, и чаша имела такие же размеры, как и чаши, оттиснутые в калыбах. Упомянем также фрагмент, очевидно, плечика толстостенного кувшина изготовленного на круге, наружная поверхность которого была украшена горизонтальными вдавленными полосами и покрыта по светло-коричневому черепку качественной прозрачной коричневой глазурью. А также имеются фрагменты четырех светильников, покрытых коричневой глазурью. Изделия имеют тонкие стенки, ровный качественный обжиг, четкую профилировку узких вытянутых носиков. На одном фрагменте четко фиксируется, что резервуар светильника имел наружные грани.

Нужно отметить, что находки керамики с такими технологическими и декоративными свойствами (подглазурный штампованный рельефный орнамент) чрезвычайная редкость в слоях самых крупных и известных средневековых керамических центров Центральной Азии. И буквально каждый фрагмент или сосуд привлекает к себе особое внимание. Считается, что керамика со штампованным подглазурным орнаментом не свойственна производственным традициям керамических центров ни Согда, ни Хорезма с Ферганой. Кувшин, покрытый зеленой глазурью, в комплексе 1-й пол. IX в. из хорезмийского городища Джигирбент определен как импортный, происходящий из ближневосточного керамическо-

го центра (Сузы).⁶⁹ Импортным считается наиболее ранний образец глазурованной керамики этого вида – штампованный глазурованный «бычеголовый ритон» из Ханабада. Это изделие вообще отнесено к самым ранним глазурованным сосудам найденным в Шаше (Ташкентская область) – VIII в.⁷⁰

В нашем же случае мы имеем, хотя и косвенные, но все же основания для предположения о том, что производство найденных в Р1 штампованных глазурованных сосудов было налажено в XII в. в одной из керамических мастерских Саурана. Во-первых, это – довольно репрезентативная коллекция фрагментов от нескольких однотипных сосудов (минимум 6 чаш, еще несколько чирагов). И один из найденных крупных фрагментов штампованной чаши имеет не коричневую блестящую стекловидную глазурь, как на остальных фрагментах, а желтовато-зеленую, с пузырьками, шероховатую на ощупь. Т.е. здесь мы имеем явные признаки брака, свидетельствующие о каком-то технологическом сбое в изготовлении этого сосуда (или всей партии?). Вряд ли сосуд такого «не товарного» вида мог стать объектом международной торговли. Вероятно, это следствие производственного брака, что может свидетельствовать о местном производстве данной категории изделий.

⁶⁹ Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигирбента. М., 2001, с. 49.

⁷⁰ Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986, с.31.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема роли городов (городской культуры) в истории кочевых сообществ является традиционным направлением как зарубежных, так и отечественных историко-культурных исследований. В археологической медиавистике сложился вполне определенный спектр подходов к теме, обусловленный, прежде всего, рядом обстоятельств: состоянием источниковедческой базы, багажом общетеоретических положений, выбранным аспектом рассмотрения и т.д. Распространенным, если не общепринятым, является подход к рассмотрению проблемы, в котором изначально заложена определяющая оппозиция «город и степь», «кочевничество и оседлость». Наиболее «продвинутыми» аспектами рассмотрения данной многогранной историко-культурной темы следует признать тему оседания и интеграции «кочевников» в городскую («оседлую») среду, заимствования тех или иных культурных стандартов (эталонов), отдельных (или комплексов) артефактов. В этно-политическом плане это вопросы завоевания и подчинения, интеграции политических элит. В хозяйственно-экономическом – торговля и налоговая политика, тема «Великого шелкового пути» и т.д.

При всех достижениях обозначенного подхода, абсолютизация противопоставления «кочевничество и оседлость», накладывает определенные ментальные стандарты. Как бы забывается, что «кочевничество», «оседлость», «маргинальность» – понятия «кабинетного анализа», и являются аналитическими конструкциями. Реальная история племен и народов, обитавших на территории Казахстана, была значительно сложнее и многообразней и не имела обязательств укладываться в теоретические построения, тем более навязанных нам европоцентристских, по сути, постколониальных, теорий. Зачастую, например, не учитывается, что кочевничество в чистом виде имело, даже применительно к казахам XVIII–XIX вв., пережившим эпоху джунгарской экспансии, вполне ограниченную зону распространения. Возникнув вследствие общественного разделения труда и освоив строго определенные, не самые благоприятные, кстати, для обитания, природно-климатические зоны, которые к тому же, меняли свои границы, будучи подвержены ритму вековых колебаний климата, кочевничество выработало уникальную форму культуры и социальной организации, которую, хотя и с определенной долей условности, можно характеризовать как «степную цивилизацию». Причем на разных исторических этапах роль (и масштабы) кочевнической составляющей в истории культуры Казахстана, надо полагать, была различной. Тем не менее, смею утверждать, что, образно говоря, история Казахстана – это отнюдь не «история кочевий», а «история кочевий и городов».

Принято считать, что «маргинальность» природно-климатических и ландшафтных зон Южного Казахстана порождала «маргинальные» формы хозяйственного, этнического и культурного бытия. Очевидно, что эта «маргинальность» – для нынешних историков и культурологов, а для миллионов обитавших здесь на протяжении многих веков людей это была естественная культурная среда, которую они создавали и обороняли. Достижения именно этой культуры, прежде всего, оказывали непосредственное

влияние на обитателей степи и становились для них культурными нормами и эталонами. Представляется, что от эпохи древнего государства Кангюй до Казахского ханства, социо-политическую историю и историю культуры Казахстана следует рассматривать в рамках единых этногосударственных границ (которые, естественно, были подвержены конкретно-историческим трансформациям) во всем многообразии хозяйственно-экономических и этнокультурных проявлений.

При таком подходе акцент рассмотрения проблемы переносится из плоскости оппозиции в плоскость единства, тем самым устраняется основание для «степного комплекса неполноценности», который заставляет объявлять всякий мало-мальский комплекс стационарных построек в степи городом или конструировать «безгородские цивилизации» и видеть в этом «цивилизационную самобытность». С таких позиций средневековая культура Казахстана представляется во всем многообразии цивилизационных признаков, естественно, с особенностями, обусловленными природно-климатическими факторами.

Многолетними археологическими исследованиями установлено, что в различные исторические периоды древности и средневековья поселения и города так же органично характеризуют культуру Казахстана, как и степные или предгорные кочевья. Письменные источники говорят о городах кангюев, усуней, тюрков (кимаков, огузов, кипчаков) и т.д. Естественно, что возникали и развивались они в местах, обусловленных рядом специфических факторов. Естественно, также, что наиболее развитыми, топографически выраженными и поэтому более исследованными являются города присырдарьинского региона. Некоторые из них имеют длительную историю исследования (Отрар, Тараз, Туркестан), изучение других только начинается. К ним относится город Сауран, один из значительнейших исторических городов средневекового Казахстана, изучение, сохранение и использование которого особенно актуально в наши дни. Его история и культура могут служить ярким примером городской культуры Южного Казахстана. Как показали непродолжительные исследования верхних культурных слоев раннего Саурана (городище Каратобе), и на чем мы пытались акцентировать внимание, культура этого города обладает ярко выраженными самобытными чертами, при этом отражая эпохальные эволюционные изменения во взаимосвязи со всеми высокоразвитыми центрами городской культуры Центральной Азии. Благодаря уникальной сохранности средневековых крепостных стен и окружающего исторического ландшафта, этот памятник интересен не только, как объект научного археологического изучения, но и, прежде всего, в перспективе развития инфраструктуры туристического бизнеса.

По стечению исторических обстоятельств от города Саурана «домонгольской эпохи» сохранился отдельный памятник – городище Каратобе, или Древний Сауран. Как мы попытались показать в данной публикации, Древний Сауран достаточно сложный и интересный памятник городской культуры.

Отмеченные топографические особенности свидетельствуют, что город был заложен и первоначально строился по четкому градостроительному и архитектурному плану. Предварительная характеристика его основ-

ных топографических элементов и структурных частей (концентрическая зональность, продуманность фортификации, обеспеченность водой и пр.) говорят о высоком уровне проявленного здесь градостроительного искусства. Если учесть, что городище в целом мало пострадало от позднейшей сельскохозяйственной деятельности, и его верхние строительные горизонты X-XII вв. не перекрыты более поздними строительными горизонтами, то нужно признать, что этот памятник достоин перспективного комплексного исследования, и главное, охраны.

Не будем забывать, что городище Каратобе, как и более позднее городище Сауран, – лишь компоненты, хотя и важнейшие, «Сауранского археологического комплекса», в который входят другие уникальные составляющие. Таковым, например, является Миртобе – памятник средневековой загородной садово-парковой архитектуры. Обычно в описании этого памятника фигурирует квадратное укрепление с длиной сторон около 70 м и высотой стен до 5-6 м. Помимо собственно квадратного укрепления Миртобе, к востоку от него четко различим на местности и на аэрофото еще один квадрат аналогичных размеров. А благоустроенный загородный сад-парк соответствует, очевидно, планировке, расположенной восточнее и обнесенной прямыми стенами с выступами регулярно расположенных башен. Эти следы особенно отчетливо фиксируются на аэрофото, на расстоянии 150 м к северо-востоку от крепости. Данная планировка, фактически, построена на линиях кяризов и соединена с ними. Внутри ее стен расположен водоем, а также руины какого-то сооружения, которое может соответствовать хозяйственным помещениям, описанным в начале XVI в. Васифи.

Наличие кяризной системы водоснабжения города придает дополнительную уникальность «Сауранскому археологическому комплексу». Удалось выявить, документировать, картографировать в районе средневекового Саурана следы 235 кяризов разной протяженности (в реальности их значительно больше). Протяженность только выявленной части Сауранских кяризов имеют общую длину более 110 км.

В фундаментальном обзоре сведений арабо-персидских письменных источников по Средней Азии В.В. Бартольдом упоминаются лишь кяризы Мерва, Феравы и Саурана. Экологическая ценность кяризной, по сути, родниковой, «живой воды» признана современными гидроэкологами, а в традиционной культуре Центральной Азии широко известно особое ее почитание.

Следы средневековых агро-ирригационных планировок хорошо фиксируются на поверхности и мало искажены позднейшей деятельностью. Зона их распространения как бы охватывает и объединяет вышеописанные прочие элементы «Сауранского археологического комплекса». В целом данный памятник развитой сельскохозяйственной округи Саурана документирует известное теоретическое положение об аграрном характере средневековых среднеазиатских городов, в отличие, например, от западноевропейских.

Уникальность памятника Саурана заключается в том, что все основные элементы его археологического комплекса пока еще имеют удовлет-

ворительную сохранность и доступны для исследований. Причем эти элементы (структуры) территориально смежные, а чаще, перекрывают друг друга. Понимание археологического памятника Саурана как комплекса разнотипных памятников, имеющих обширную зону распространения, позволяет по-иному подходить и к вопросам его охраны. Территория распространения «Сауранского археологического комплекса», по предварительным оценкам, занимает площадь примерно в 45 км², вытянутую по направлению СВ-ЮЗ (рис.2). В нижней, южной, части, с СЗ на ЮВ, ее пересекают автомобильная и железная дорога с соответствующими полосами отчуждения. Очевидна необходимость государственной охраны не только отдельных памятников (крепость Сауран, городище Каратобе и т.д. с полагающимися им по «Закону об охране памятников...» 50-метровой охранной полосой), а зоны (территории) их распространения в целом, как археологического заповедника, с соответствующим землеотводом и статусом.

Abstract

All well-known mediaeval authors, who wrote about the events and situation in the north-east of Central Asia, could make no mention of the city of Sauran, which played an important role in history of Kazakhstan. As current historical, topographical and archaeological studies show mediaeval Sauran is represented by two ancient cities existing at different times: Karatobe and Sauran proper. Together with peri-urban manors, agricultural and irrigation layout planning and constructions, necropolis, suburban park and garden complexes, etc. They form the mainstay of the «Sauran Archaeological Complex».

Targeted archaeological studies of Sauran started in 2004 in the framework of implementation of the «Cultural heritage» State Program. The whole preceding period can be characterized as preparatory stage, when we gathered information from written historical sources, adapted digging procedure and developed plans and projects for making use of the cultural property sites. It should be noted that the city of Sauran was nominated under the State Program for allocating the means slender though it may be for digging. Institute of Archaeology named after A.H. Margulan launched an in-depth study of central city square of late Sauran, as a result a number of significant religious buildings and structures such as Jami Mosque, Medrese, hanaka as well as public works, which form architectural character of the city of the XIV-XVIII centuries have been discovered. Also we examined north city gates with a complex attached to it, Mosque – Namazgoh situated near north necropolis and a number of peri-urban manors. The rest of the cultural property sites of the «Sauran Archeological Complex» have not been studied as yet. Meanwhile by their value and nature they are not less important both for understanding history of the city development process, unbiased reporting and display of cultural heritage of the country. But of paramount importance is archaeological study and excavation of the city of Karatobe, the occupation layers of which conceal the history of Sauran in its foundation and formative stage as well as at the height of its power. We arranged archaeological studies of this site in the years 2006-2008 with the extensive support and financing provided by the Public Fund «Olketanu» (Taraz). Philanthropy investment of this Public Fund in Humanitarian sphere, as well as its activity in preservation and revival of cultural heritage is widely recognized today by general public of the Republic. On behalf of the entire archaeological team we'd like to take this opportunity to thank founders of the Public Fund and its director Mr. Baimurzin Erbolat for their assistance in implementation of this research project.

The purpose of this paper is to provide mini-summary of the studies held at the site of an ancient city of Sauran in a space of three years and description of some artifacts, which reflect mode of life and culture of a large medieval city of southern Kazakhstan. In 2005 prior to in-depth

archaeological study of the ancient city of Sauran we have published an album – monograph «Medieval city of Sauran». It integrated the data of archaeological studies of Sauran at its preparatory stage providing information from written accounts and giving proof of urgency and prospective viability of archaeological studies of this city. This saved us the trouble of writing of already twice-told things and give special priority to the new discoveries that have been made over the last years.

Today it is absolutely clear that two cities of Karatobe and Sauran are both major landmarks in history of one and the same medieval city of Sauran. Meanwhile, the accepted view in the mid of the last century was that early Sauran was located somewhere on the left bank of Syr-Darya river as neither layers nor artifacts dated back to the period prior to the XIII-XIV centuries were found at the base of occupation layers of the city of Sauran. And in historical records Sauran started to be mentioned in the X century. Actually the city changed its location at some historical point and this is quite common occurrence in history of many large cities. Then it was supposed that Sauran in pre-Mongol time was located at the site of an ancient city of Meiramtobe, which had unusual ground forms with multiple ring walls. And only in-depth historical and topographic survey made it possible following A.N. Bernshtam to finally locate early Sauran at the site of an ancient city of Karatobe. Preliminary archaeological studies at the site showed that its upper occupation layer or period of vigorous growth of urban lifestyle is dated back to the XIII century. This date according to the principle of consistency coincides with dating of bottom layers inside the late Sauran walls.

History of the city of Sauran is quite reasonably related to a number of diverse cultural property sites, including those of ancient cities of Sauran, Karatobe, Mirtobe, networks of channels, aryks, togans, kariz, as well as old irrigated farmlands and buildings. It's estimated that all these significant sites are sufficiently compactly distributed in the area of about 45 km². Each of them, naturally, has its own distinct structure, but in the aggregate they form a complex characterizing such a phenomenon as medieval city a great deal better than analysis of each taken separately. The term «archaeological complex» (AC) is widely used in the archaeological conceptual field in description of phenomena of various scale and various degree of complexity (such as «archaeological culture complex» or «archaeological burial complex»). Already A.N. Bernshtam spoke of the «complex of monuments» of particular urban districts and irrigation oasis located in Southern Kazakhstan. As is known there exists a phenomenon of multiplication of the results of investigation while making analysis of a complex of monuments. Therefore summarizing the material obtained and observations made while analyzing topography, written and archaeological account data, we may formulate and propose such a notion as «historical and cultural complex of medieval city of Sauran» or «Sauran Archaeological Complex» (SAC), which characterize in a full and thorough manner medieval urban culture of Kazakhstan. It follows

thence that «Sauran Archaeological Complex» should be understood to mean an aggregate of diverse and heterogeneous archaeological sites related by historic destiny through time and by structural links in space and generally diversely characterizing ongoing history of such a social and cultural phenomenon as medieval city of Sauran.

The most important element of the Sauran Archaeological Complex is the site of an ancient city of Karatobe. The area of the city of Karatobe can be described as three walled interspaces strictly concentrically inscribed into each other.

Broken perimeter of the external walls delineates an oval of 1900-2000m in diameter covering about 252 hectares or 2,5km². Here and there the wall goes straight, in some places forming the right angle or the arch of a circle. There is no trace of a wall detected on the ground, but it can be easily identified on the aerial photographs. It comes under notice that there are no regular bastilles along the perimeter of this wall. But there are distinctive turnings of the wall at right angle not conditioned by the surface relief. Apparently here we have special fortification technique used to ensure flank defense of the most critical sections of the wall from the top firing gallery going along the parapet weathering. Before Mongol time the city of Sauran was actually one of the largest urban centers in area in Southern Kazakhstan and by its basic parameters it can be reasonably compared to the ancient city of Otrar.

The territory inside the external ring of the walls only in some places was densely built-up, especially in the western part. Here the occupation layer occurs in the form of completely built-up area of yellow color occupying approximately one fourth of the total inner-city area. The remaining area most probably had no urban development. It may be assumed that light temporary hutting of a military camp was located here. Judging by meandering channels we may assume that there were two small rivulets running across this area from the north side. Western inner-city rivulet is branching out into a number of natural and artificial channels. The city proper with completely built-up area was located right in the center between the meander beds (Fig.1). This square shape area is approximately 0,3 km² in dimension with lateral length of about 550 m and corners of cardinal points reference. Right angle of this area is well-defined in NW corner. To date the other corners of this area turned out to be cut off and deformed by recent land leveling of the fields.

A citadel of rough oval shape with straight southern wall was found right in the center of this area. Its area of 340x280 m or 7,3 hectares is rising about 6-8 m above the square ground level. Microtopography clearly shows rectangle of 130x115 m in area «swelled out» right in the center of this citadel. The highest point of the whole city in the form of a massive hill is found in its south-eastern part.

As our investigations show, busy urban life period of Karatobe is dated from the XIII c. This implies that the relief of the city described above characterizes the city of the X-XII cc., i.e. the era of Samanids

and Karakhanids, which was characterized by full flourish of urban life in Southern Kazakhstan and boom of urban and sedentary culture in the region in general.

The above-mentioned natural features testify to the fact that the city was founded and initially built in accordance with strict city-building and architectural design. Its preliminary topographic and architectonic features (concentric zoning, fortification reasoning, water situation, etc.) are indicative of high-level of city-building art.

In 2006 we started digging an area of 15x15 m (Dig 2) in SW section of the citadel mound of Karatobe (near trigger point). The purpose was to excavate and study hypothetical ruins of monumental citadel structures. However, the results received failed to prove our assumptions. The stratigraphic data obtained and investigations made at Karatobe citadel (Dig 2) can be summarized as follows. Building structures of the upper construction horizon (UCH) have been exposed only in south and west side of the mound and according to stratigraphy (1-2 layers) and external appearance (walls, clay sofa, family hearth, kitchen-midden) they represent fragments of common residential unit bordering the area in the center, occupied by the layered trash dump. This construction horizon yielded a complex of original pottery of rough artistic execution with a reminiscence of the late Karakhanid style. Only 5th layer exposed the upper part of disintegrated wall belonging to the 2nd construction horizon. The base of corner wall of some structure occurs in the mid of the 7th layer, i.e. up to 1,2-1,4 m high walls survived well in this horizon. Excavation of zone adjacent to these walls yielded layers of trash dump with fragments of glazed ceramics of apparently «Karakhanid style». And the third as yet the lowest construction horizon occurred in the 8th and 9th layers. As this dig showed a mound made up of ashy trash layers at least 4,5 m thick existed in the most elevated part of an ancient city for a long time (X-XIII centuries) Thus permanent trash dump was located right in the center of the city (!). We have to find the reason for it, but to this effect we have to significantly expand and deepen the area of digging.

We succeeded in studying stratigraphy of the upper occupation layers on the larger area (Dig 1) in the SE corner of citadel. The area of digging at the level of UCH was at least 2000 m². Here we discovered compact planning of residential community consisting of one – three – room houses. Some of them may be treated as dwellings belonging to a well-to-do section of urban population. In particular worthy of noting the house of a well-to-do local for it has an antechamber with built-in niches and ceiling embedded type frieze made of clay with inscriptions on it. The interior of all the dwelling houses include built-in tandoor (mud stove) in a clay sofa, built-in fireplace, granaries, etc.

Glazed pottery ware is abundant in the area that is dated by direct analogy back to the XIII century. Among them there are many items covered with green, yellow and red color enamel painted with yellow pattern. At that time there was an abundance of ceramics decorated with scratched ornament and green, acid-yellow and manganese color

spots and stains painted in the most diverse versions of patterns. Open vessels are predominantly made in the form of bowls with flat or discal shaped concave bottom with elbow bend at the top. Diverse versions of triangles and four-leafed rosettes with yellow or green color spots or combination of scratched and spotty ornament were the most frequent elements of a d cor pattern, as well as segmentation and concentric bands filled with contrasting varicolored dots and stains. A special group of unglazed pottery consists of jugs with figured patterns on the external surface made with brown-red or black engobe coating against light – colored background. The most widespread elements of a d cor pattern are spiral-shaped rosettes framed with dots, as well as S-like figures, bands of shaded triangles and combination of straight and wavy lines. Some patterns virtually identical to those found on the glazed articles from Maverannahr that testifies to close relations between pottery experts of Southern Kazakhstan and Maverannahr.

The second construction horizon (CH2) has been investigated on a smaller area (about 300 m²), but it became clear that slightly modified layout of UCH in general is similar to that of CH2. There were found two types of glazed ceramics here decorated with three-color painting in brown, red and green against the light-color background and the same pattern under transparent water-white color enamel as well as scratched ornament on engobe coating under slightly colored enamel in light and dark green color. Diverse are the elements of ornament patterns, including spiral-shaped figures, leaves, flaky netting, wavy and straight lines. Among the unglazed pottery we can single out a complex of ceramics covered with red dense engobe and decorated with diverse ornament patterns made by combination of stamped and incised, scratched and pressed-in lines on glossing surface. This complex of ceramics is similar to the one from Otrar, Chach, Sogd of the XI-XII centuries.

CH2 yielded a collection of fifteen copper and silver coins. According to tentative judgement of P. Petrov, most coins are placed to the time of Mohammed ibn Tekesh, Khorezm shah. Therefore the upper layer of CH2 dates from the first half of the XIII century.

Then occurs the layer of desolation, which is clearly overlaid by CH3. A number of kitchen-midden, detritus pits, ashy disposal tips were found in the ruins of houses. It seems that this site of urban development must have been abandoned for some time in the XII century (or first half of the century?). Probably it was related to the fact that the habitable city area at this time in general has been reduced and once permanent structures have been cut all over by holes and detritus pits of a lower date and ruins were dumped with kitchen midden, which contained few items of ceramics of the XII century.

A small area (20x15 m) has been excavated as yet in the third construction horizon (CH3), and its remains occur at the level of the 5-7th layers. Rooms have various planning patterns ranging from trapezoidal to rectangular and square shape. It appeared that wall direction, planning of rooms used for various functional purposes in the

dwelling houses are not successively related in the horizons CH2 and CH3, as opposed to those of the UCH and CH2. Features of construction material as well as construction process used has been modified. As a rule they used quality rectangular adobe brick as construction material. Mandatory elements in decoration of the rooms were sofas plastered with fine-dispersed clay and ceramic or clay altar placed in the center of the room. Ceramics is represented by excellent quality utensils painted in black and red colors against the light background. Diverse is the ornament pattern including that of vegetable and epigraphic style made predominantly in the form of horizontally elongated inscriptions under the serrated edging of bowl. Also there were found local versions of patterns represented for example by rosette whirl with a figure of fish placed in a concentric composition. We should mention principal morphological features of this complex. Artifacts are mainly represented by semispherical and cone-shaped bowls with disc and slightly concave round bottom. Unglazed pottery is represented by pots, jugs, kettles, mugs, etc. with handles stuck on in a shape of little horn. Similar pottery dating from to the second half of the X – beginning of the XI centuries is found in Sogd and Chach.

Archaeological stratigraphy of Karatobe makes it possible to identify several stages in the development of practical knowledge and skills in making artifacts on a mass scale, as well as observe evolution of their forms and artistic decor, including those of particular medieval ceramics over the period starting from the mid of the X through the XIII centuries as yet. We have also closely observed evolution of the dwelling houses and some residential city districts planning pattern, building technology, etc.

It was established that dwellings of the Upper Horizon of Karatobe are similar to, and contemporaneous with those of Otrar and can be included into the category of «dwellings of Otrar type». A number of dwellings differing in dimensions and provision of urban amenities have been reconstructed at the level of the UCH in the digging areas 1 and 3 at Karatobe citadel. The material obtained prove that «dwelling of Otrar type» is not just regional phenomenon, it is a characteristic feature of living conditions and art of building in the whole vast area of Syr-Darya river basin as minimum starting from the XIII century.

Review of archaeological and paleoethnographic data on the development of dwelling in the Syr-Darya river basin testifies to the fact that here for over two thousand years only one traditional type of dwelling has been developed. It was created as a replica using new material with the same planning pattern of a mobile type of dwelling on a wheeled cart with structural frame covered by felt, skin and fabric. In our opinion, significance and role of this type of mobile dwelling in history of nomads appeared to be underestimated. And creation of permanent types of dwellings by the Turkic and Mongol tribes and ethnic groups who would start living sedentary life has been ever and everywhere explained either by borrowing from the former sedentary people or by transformation of yurt (nomads tent) and its earlier prototypes. But

we believe that origin of the «Otrar type of dwelling» has its own roots stretching back into antiquity and its planning prototype can be found in an interior arrangement of nomadic khibitka (Gypsy van). Probably, such type of dwelling was widely spread in the Syr-Darya river basin due to migration of «Jetyasar» tribe to this area, but it may well be true that when yet another part of hordes of nomads would settle in various areas each time common and typical for the new settlers type of dwelling was reproduced independently only with slightly different interior. And along with these there still survived for a long time some ancient types of buildings which look as an exotic rudiment in a new environment. For example, there are coverings in Central Asia made in the form of wooden hipped roof over early medieval religious buildings and structures in residential districts built of adobe brick and pasha; or there was a tradition preserved till medieval ages in southern Indian states to build stone Hindu Ratha temples on a wheeled cart (Surya, Indra temples). It is a wide-spread opinion that these stone temples on a wheeled cart were made in a shape of wooden mobile temple of the ancient Aryans.

As a result of several waves of invasion of peoples from the banks of the Syr-Darya river into the inner oasis of Central Asia, this type of dwelling was widespread and reflected in the planning pattern of early medieval religious buildings. Further evolution depended on the new opportunities offered by the fixed-site living conditions as well as local house building design features. Fundamental transformations in the interior of dwellings occurred everywhere in the time when Islam with its new social and household standards penetrated into the culture and life of local people. This process as a process of turning local sedentary people to Islam took a long time. Its final stage had an impact of consequences of ethnic and cultural amalgamation caused by Mongol conquest of the territory. As a consequence by the end of the XIII century there was formed an «Otrar type of dwelling», which existed in the region down to the XX century. Taking into account «Southern Kazakhstan element» distinctly identified in the formation of urban culture of Volga region under Golden Horde era, we may assume that this type of dwelling (in its full three-facet form) in the peak of housing and urban development in the North Caspian regions of Golden Horde was borrowed and spread from the banks of the Syr-Darya river basin right up to the middle reach of the Urals river.

In the course of excavations we found big collections of various handicraft wares both of local production and apparently imported here by Caravan routes of the Great Silk Road from the handicraft centers such as Maverannah, Horasan, Middle East and characterizing the culture and life of people living in large and developed centers. Both glazed and unglazed ceramic items are among the most frequently found artifacts. Glazed ceramic artifacts yielded from the UCH and CH2 have a peculiar decor. We have separately described inimitable style of engobe painting on unglazed jugs, bowls with handles totally covered with brown glaze as well as other items of rare form and techniques used. Groups of

artifacts made of iron, bronze, stone, bone, ceramics, etc have been described on a regular basis. Artifacts representing handicraft tooling (jewelry casting moulds, die tooling of ceramists, etc.) testify of the developed local handicraft trade. Some of the artifacts stood out from the rest by their rare perfection of technological state of the art or by their functional features typical only for attributes of urban household. Other artifacts such as bronze vessels, pieces of jewelry, belt plates, etc. are similar to the ones found in the wide Eurasian area, which testify of close commercial relations of Sauran with foreign countries.

Thus archaeological studies getting under way in Karatobe proved prospects for preservation and making Open-Air Museum to have various segments of medieval city of Sauran exposed to visitors showing its once spectacular flourish, as well as providing an opportunity for investigating early stages of urbanization of the region as well as ethnic and cultural history of the land. Segments of urban development prepared for making a museum, including dwelling houses, public buildings, fortifications, etc. together with sites of late medieval Sauran located nearby may visually demonstrate process of development of urban culture in Southern Kazakhstan.

It is customary to assume that «marginality» of natural, climatic and landscape zones of Southern Kazakhstan produced «marginal» forms of economic, ethnic and cultural objective reality. Apparently that this «marginality» is true for modern historians and culture experts, but for millions of those who lived here for many centuries it was natural cultural environment, which they have created and defended. Achievements of this very culture, that turned out to be cultural norms and standards, had primarily, an immediate impact on the inhabitants of prairies. From our point of view social and political history and history of civilization of Kazakhstan from the epoch of an ancient state of Kanguj down to Kazakh khanate should be considered within the framework of an area united by ethnic and state borders (which, naturally, undergo concrete historical changes) with all its diversity in economic, ethnic and cultural aspects.

This approach uses frame of reference «city versus steppe» shifted from opposition to unity thereby eliminating the reason for «steppe complex of inferiority», which forces to declare any slightest complex of immovable structures found in the steppe to be a city or build «unurban civilization» and see in it «civilizational identity».

From this perspective we think medieval culture of Kazakhstan is represented by a variety of civilizational attributes normally with natural and climatic factor features.

Many years of archaeological studies established that in different historical periods, including the time of antiquity and medieval ages, settlements and cities organically characterize the culture of Kazakhstan just as well as steppe and piedmont camping-grounds. Cities of Kanguj, Usun and Turkic people (Kimak, Oguz, Kipchak tribes), etc are mentioned in written records. Naturally, the areas to be built and developed depended on a number of specific factors. And if we

still know little of this aspect of history of civilization, it is not through the fault of our ancestors. It is also natural that the most developed and topographically pronounced and therefore more explored are the cities situated in the Syr-Darya river basin. Some of them have a long history of study (such as Otrar, Taraz, Turkestan, Talgar), the study of others has just been started. The latter refers to the city of Sauran, playing a prominent part in history of medieval Kazakhstan, the study, preservation and making use of which is of special importance today. Its history and culture may become an outstanding example of urban culture of Southern Kazakhstan. Due to good state of preservation of the cultural property sites and surrounding historical environment the city is an interesting and prospective site to be developed as tourist attraction center but foremost as a site of scientific archaeological study.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Абдуллаев К. Аск из Паенкурмана. К вопросу о греческих формах в керамике
Бактрии // ИМКУ. Вып. 32. Самарканд, 2001.
- Абусейтова М.Х. Джувайни об «Отрарской катастрофе» // Вопросы истории (КазГУ). Вып. 7. Алма-Ата, 1975.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958.
- Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // Вестник АН КазССР. 1973. № 4.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. А-Ата, 1987.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.
- Аманбаева Б., Абдуллоев Д. О последствиях арабского завоевания в истории Ферганы // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Б.А.Патынина. Сборник материалов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000.
- Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003.
- Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981.
- Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
- Археологические исследования на северных склонах Каратау // Труды ИИАЭ. Т. 14, Алма-Ата, 1962.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Аскарлов А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
- Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973.
- Атаханов Т.М. Расписная керамика из средневекового городища Туткаул // МКТ. Вып. 3. Душанбе, 1978.
- Ахинжанов С., Ерзакович Л. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // ИАН КазССР. Серия общественных наук. 1972, № 2.

Ахунбабаев Х.Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

Бабаджанов Б. Мир-и Араб // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Материалы Международной конференции. Алматы, 1995.

Бабаев А. Раскопки на Ярты-депе // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982.

Байпаков К.М. Периодизация городской и оседлой сельской жизни Илийской долины // Бартольдские чтения. М., 1978.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI- начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986.

Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата, 1990.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.

Байпаков К.М. Городище Каратобе // Свод памятников истории и культуры. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994.

Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе – город Кедер. Алматы, 2005.

Байпаков К.М. Западнотюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы, 2010.

Байпаков К.М. Присырдарьинские и жетысуйские города в XIII-XV вв. // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008.

Байпаков К.М. Средневековый Сауран // Города Туркестана. Алматы, 1999.

Байпаков К.М., Грошев В.А. Историческая динамика ирригации на Средней Сырдарье // Аральский кризис. М., 1991.

Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. Отрарский оазис. Альбом. Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Настич В.Н. Новые данные по истории Отрара X-XIII вв. // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1978. № 2.

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). Алма-Ата, 1989.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2006.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Туякбаев М.К., Толеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б. Исследования городища средневекового Саурана // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2005 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Айдосов А.Х., Воякин Д.А., Антонов М.А., Бермагамбетов А.Ж., Шишков А. Археологические исследования на дне Арала // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. Алматы, 2007.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйруктобе). Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл

- городища Красная речка (VI-начало XIII вв.). Алматы, 2007.
- Бартольд В.В. История Туркестана. Курс лекций // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
- Бартольд В.В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
- Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. Т. 3. М., 1965.
- Басенов Т.К. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1968.
- Батманов И.А. Новые тексты // Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961г.). Фрунзе, 1962.
- Бейсебаев А.И. Культ святых у современного населения в окрестностях средневекового Саурана // Тезисы докладов научной конференции молодых ученых «Ахинжановские чтения-2004», Алматы, 2004.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26.
- Бернштам А.Н. Опыт классификации археологических находок // Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА. № 14. М.-Л., 1950.
- Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып. 2. 1949.
- Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА. № 14. М.-Л., 1950.
- Бернштам А.Н. Чуйская долина. Труды семиреченской археологической экспедиции // МИА. № 14. М.-Л., 1950.
- Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980.
- Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
- Богомолов Г. К вопросу о культе ступни в Средней Азии // Transoxiana. История и культура. Ташкент, 2004.
- Богомолов Г.И. Панцирный доспех с городища Канка // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997.
- Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф. Культовые помещения при жилых домах с городища Канка // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.
- Богомолов Г.И., Гендельман П.И. Бытовые металлические предметы с городища Канка // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Богомолов Г.И., Папахристу О.А. О дастарханах // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1982.
- Болдырев А.Н. Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. Сталинабад, 1957.
- Большаков О.Г. Поливная керамика Мавераннахра VII-XII вв. как историко-культурный памятник. АКД, Л., 1954.
- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
- Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача. Ташкент, 1986.
- Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.
- Бурнашева Р.З. Клад чагатаидских монет 2-й половины XIII в. с городища Отрар. // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1978. № 2.
- Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты

Туркестана. Алматы, 2006.

Бурханов К. Культурный очажок из Отрара // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980.

Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.

Вайнберг Б.И. Удельный чекан средневекового Кердера // Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XII вв.) // Труды ХАЭЭ. Т. IV «Керамика Хорезма». М., 1959.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигирбента. М., 2001.

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Воронина В.Л. Бронзы Ахсикета // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977.

Воронина В.Л. Городище древнего Пенджикента как источник для древней истории зодчества // Архитектурное наследство. Вып. VIII. Москва, 1957.

Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989.

Воякин Д.А., Савельева Т.В. Изделия из железа средневекового Каялыка // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. 2000. № 1.

Ганзакеци Киракос. История Армении. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Л.А. Ханларян. М., 1976.

Горбунова Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине 1 тысячелетия нашей эры. М., 1982.

Горбунова Н.Г. Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.

Грицина А.А. Гончарная продукция домонгольского Заамина // ИМКУ. Вып. 32. Самарканд, 2001.

Грицина А.А., Алимов К. Каунчинские печати // ИМКУ.

Грошев В.А. Древняя ирригация юга Казахстана. Алматы, 1996.

Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985.

Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. 1. СПб, 1896.

Гудкова А.В. К изучению раннекердерских бус (XII-XIII вв.) // Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973.

Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (ландшафт и этнос) // Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.

Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.

Давидович Е.А. Бараб – новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегинидов // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1972.

- М., 1977.
- Давидович Е.А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966.
- Давыдова А.С. Традиционное жилище таджиков верхнего Зеравшана // СЭ. 1969. № 6.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока. Л., 1976.
- Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. М., 1991.
- Джураева Г.А. Мир-и Араб и политическая жизнь в Бухаре в XVI в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
- Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.
- Егоров В.Л., Жуковская Н.Л. Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.
- Егорова Н.П. Жилые дома Отрара XVI-XVII вв. // Национальное своеобразие зодчества народов СССР. М., 1979.
- Ержигитова А.А., Смагулов Е.А., Демиденко С.В. К происхождению одной чачской династии // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2009. № 1.
- Ерзакович Л.Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
- Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986.
- Ерзакович Л.Б. Об одном типе жилого дома Отрара XVII века // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1993. № 5.
- Жилина А.Н. О некоторых древних чертах жилища оседлого населения Средней Азии // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых работ 1972 года: Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973.
- Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Жилина А.Н., Томина Т.Н. Народы Средней Азии. Традиционное жилище народов Средней Азии (XIX-начало XX вв. Оседло-земледельческие районы). М., 1993.
- Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. СПб., 2008.
- Заднепровский Ю.А. Дальверзинское селище // КСИА. Вып. 69. 1957.
- Заднепровский Ю.А. Средневековая расписная керамика Ферганы // КСИА.

Вып. 120. М., 1969.

Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии // Труды КАЗЭ. Т. 4. М., 1960.

Зиливинская Э., Васильев Д. Городище в дельте Волги // Восточная коллекция. 2006. № 2 (25).

Зиливинская Э.Д. Усадебные дома в городах Золотой Орды // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М., 2006.

Золотая Орда в источниках. М., 2003.

Иванов А.А., Кожомбердыев И.К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе // Киргизия при караханидах. Фрунзе, 1983.

Имажанов Н., Бейсенбаева Л. Геометрия мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави (о методах проектирования) // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. 2002. № 1.

Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. Душанбе, 1980.

Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. ГЭ. Л., 1935.

Керамика как исторический источник: Сборник научных трудов М., 1989.

Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1972.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный С.Г., Левина Л.М. Об одной рунической надписи с городища Алтын-Асар (Восточное Приаралье) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.

Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 176. М., 1983.

Ковалевская В.Б. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА. Вып. 199. М., 1990.

Кожа М. Походы арабов в районы Ферганы, Чача и Средней Сырдарьи в VIII веке // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. Бишкек, 2009.

Кореневский С.Н. Культ стопы у племен юга восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древнейших верований) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.

Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.

Крадин Н.Н. Современные этнические интерпретации в археологии // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сборник материалов Международной научной конференции. г. Алматы, 23-24 апреля 2009г. Алматы: Print-S, 2010.

Крыласова Н.Б. Разновесы из коллекции Рождественского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М., 1985.

Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983.

Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2. М., 1991.

Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 1. М., 1991.

- Кызласов И.Л. Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.
- Кызласов И.Л. Экспертное заключение о характере надписей на обломках глиняного сосуда, обнаруженных в 2008 г. на городище Каратобе (Древний Сауран (Республика Казахстан)). М., 2009, Архив ТАЭ.
- Левина Л.М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыясарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетыясарской культуры в первой половине тысячелетия н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э.- I тысячелетие н.э. М., 1996.
- Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.
- Литвинский Б.А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой // ТИИЭА АН ТаджССР, XXIV, 1954.
- Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
- Лунина С.Б. Расписная керамика X-XI вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) // СА. 1987. № 3.
- Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т. II. Душанбе, 2004.
- Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв. // Археологический сборник ГЭ. Вып. 4. Ленинград, 1962.
- Маликов А.М. Тюрки на средней Сырдарье // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
- Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII вв. // Труды ГЭ. Т. V. Л., 1961.
- Маршак Б.И. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1973.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990.
- Массон В.М. Системный анализ в археологических исследованиях // Предмет и объект археологии, и вопросы методики археологических исследований. Л., 1976.
- Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930.
- Массон М.Е. Регистан и его медресе. Самарканд, 1929.
- Массон М.Е. Термезская комплексная археологическая экспедиция. 1936-1937 гг. // Социалистическая наука и техника. № 7. Ташкент, 1938.
- Массон М.Е., Горячева В.Д., Бурана. Фрунзе, 1985.
- Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави // Города Туркестана. Алматы, 1999.
- Матбабаев Б.Х. К вопросу изучения подземных склепов и погребений в камышовых гробах Ферганы // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
- Матбабаев Б.Х. К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент: «Tafakkur», 2009.
- Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Археологические исследования в юго-

западной части шахристана Кувы (Кубы) // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.

Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Кувинские усьмадоны // ИМКУ. Вып. 34. Самарканд, 2004.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1, Арабские и персидские источники. М.-Л., 1939.

Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. III. Раскопки в Пайкенде в 2001 г. СПб, 2002.

Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. «Археологические исследования Кампыртепа». Ташкент, 2000.

Матюшко И.В. К вопросу о погребальном обряде кочевников золотоордынского времени на Южном Урале // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов. М., 2006.

Могильников В.А., Конилов Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2.

Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М.

Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Настич В.Н. Монетные дворы средневекового Казахстана // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 4. Алма-Ата, 1989.

Неразик Е.Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986..

Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – пер. пол. II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.

Нургельдыев Я.Х. Кяризы Северного Хорасана // Мерв в древней и средневековой истории Востока V: «Мерв древний – Мары современный». Тезисы докладов международной научной конференции. Мары, 1994.

Ольховский В.С. Поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991.

Омельченко А.В. К вопросу о технике домостроительства Средней Азии в эллинистический период (по материалам поселений долины Кашкадарьи) // ИМКУ. Вып. 34. Самарканд, 2004.

Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. М., 2001.

Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Л., 1983.

Пачкалов А.В. Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии // Восток-Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8. Казань, 2007.

Петров П.Н. Очерки по нумизматике могольских государств XIII – XIV веков. Нижний Новгород, 2003.

Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств // Казахстан в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1969.

Плетнева С.А. На славянско-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

По Великому Шелковому пути. «Крамдс-реклама», Алма-Ата, 1991.

- Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Птицын Г.В. К вопросу о географии «Шах-наме» // ТОВЭ. Т. IV. 1947.
- Пугаченкова Г.А. Мервские геммы-инталии // Труды ЮТАКЭ. Т. 12. Ашхабад, 1963.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1961.
- Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.
- Раскопки в Пайкенде в 1999-2007 гг. Материалы Бухарской экспедиции, вып. IX, СПб., 2000-2008.
- Распопова В.И. Жилище Пянджикента. Л., 1990.
- Ртвеладзе Э.В. О численности населения кушанских населенных пунктов северной Бактрии // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Сазонова М.В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
- Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
- Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994.
- Семенов Г.Л. Город и замок в раннесредневековом Согде // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и связь их с культом огня // СА. 1968. № 1.
- Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Синенькая Н.И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара (X-XI вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Смагулов Е.А. Некоторые проблемы арабского завоевания Южного Казахстана // Отан тарихы. 2004. № 2.
- Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. Астана, 2004.
- Смагулов Е.А. Архитектура Саурана // Промышленность Казахстана. 2006. № 1.
- Смагулов Е.А. Город Сауран: перспективы исследования, консервации и музеефикации // Отан тарихы, 2000. № 1-2.
- Смагулов Е.А. К вопросу об этнической атрибуции культуры позднесредневекового Отрара // Позднесредневековый город Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Смагулов Е.А. К вопросу об этнической принадлежности позднесредневековой культуры древних городов Южного Казахстана // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 70-летию организации Чимкентского обл. историко-краеведческого музея. Алма-Ата, 1990.

Смагулов Е.А. К изучению знаковой системы позднесредневекового Отрара // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1979. № 6.

Смагулов Е.А. К разработке системы понятий фиксации массового материала при раскопках «широкими площадями» // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

Смагулов Е.А. Катакомбный могильник Чоон-капка в долине р. Талас // ИМКУ. Вып. 34. Самарканд, 2004.

Смагулов Е.А. Крепость в степи // Промышленность Казахстана, 12, 2005.

Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. 2003. № 1.

Смагулов Е.А. Находка и исследование мазара на дне Аральского моря // Отан тарихы. 2001. № 4.

Смагулов Е.А. Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1998.

Смагулов Е.А. Некоторые итоги исследования Древнего Саурана (городище Каратобе) // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. Алматы, 2008.

Смагулов Е.А. Новые данные к реконструкции комплекса культовых атрибутов на средней Сырдарье // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1991. № 5.

Смагулов Е.А. Проблемы исследования средневековых городов в Уральской области // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. 2002. № 1.

Смагулов Е.А. Раннесредневековый храмовый комплекс на цитадели Сидака (Средняя Сырдарья) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М., 2008.

Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Известия МОН РК. 2007. № 1.

Смагулов Е.А. Сидакский культовый центр в системе межрегиональных связей // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008г. Шымкент, 2008.

Смагулов Е.А. Средневековый Сауран: на перекрестке проблем и мнений // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летию юбилею г. Астана. 2 июля 2008 г. Астана, 2008.

Смагулов Е.А. Продолжение исследования стратиграфии Древнего Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2008 г. Алматы, 2009.

Смагулов Е.А. К истории происхождения и развития «жилища отрарского типа» // Известия МОН РК. 2010. № 1.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Архитектурные памятники Саурана // Музеи Казахстана. 2006. № 8.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследование Древнего Саурана 2 // Известия МОН РК. 2010. № 1.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследование Древнего Саурана // Известия МОН РК. 2009. № 1.

Смагулов Е.А., Столярова Н.П. Городище Каратобе – древний Сауран //

- Материалы международной научно-практической конференции «Древний Тараз и тюркская цивилизация». Тараз, 2007.
- Смагулов Е.А., Столярова Н.П., Ержигитова А.А., Кумисбаева У. Научный отчет по итогам археологических исследований городища Каратобе (Древний Сауран) в 2007 году. Алматы, 2008. Архив ИА.
- Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Ясы-Туркестан-Шавгар: археологические данные к исторической идентификации // Известия МН-АН РК. Серия общественных наук. 1997. № 1.
- Смагулов Е., Яценко С. Тамги и рисунки на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан, 2006.
- Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VIII. до н.э.- VII в. н.э. Самарканд-Ташкент, 2000.
- Ташходжаев Ш.С. Самаркандский жилой дом IX-X вв. // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л., 1941.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Туякбаев М. Позднесредневековые города Туркестанского оазиса // Известия МОиН. Серия общественных наук. 2002. № 1.
- Усманова З.И. Расписная керамика из Ахсикета // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.
- Усманова З.И., Кабанов С.К. К стратиграфии верхних (VIII-IX вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
- Фазлаллах ибн Рузбихан Исфагани. Михман-наме-йи Бухара (записки бухарского гос-тя). Перевод, предисл. и примеч. Р.П. Джалиловой. М., 1976.
- Федоров Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Филанович М.И. К вопросу о путях движения ранних номадов (Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизации. Материалы Международной конференции. СПб., 1999.
- Филанович М.И. К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Филанович М.И. К типологии святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
- Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв. Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб, 2001.
- Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы

прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.

Халяпин М.В., Моргунова Н.Л. Новые материалы среднесарматской культуры с территории Южного Приуралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005.

Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. Изд. Этнографического отдела Императорского Общества Любителей Естественного, Антропологии и Этнографии. Год 8-й. Кн. XXVIII. М., 1896. № 1.

Ходжаев М.Б. Инструменты сапожника из Отрара // Города Туркестана. Сборник научных статей. Алматы, 1999.

Чவர்ь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв. М., 2006.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М., «Рукописные памятники Древней Руси», 2009.

Шер Я.А. О развитии языка археологии // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.

Шәлекенов У.Х. V-XIII ғасырлардығы Балсағұн қаласы, Алматы, 2006.

Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.

Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.). СПб., 2009.

Ямпольская Н.М. Металлические подставки под светильники из коллекции А.Н. Смирнова в собрании ГМИИВ // Сообщения ГМИИВ. Вып. 5. 1972.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья, Домонгольский период. М., 1956.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

Яценко С.А., Байтанаев Б.А. Глиняный амулет-сапожок из Сайрама XI-XII вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии» (выпуск 8) (Отв. ред. А.А. Бурханов). Казань, 2007.

Deom J.M., Sala R. The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы, 2005.

Maier T. Sylloge Numorum Arabicorum Tubingen. Nord- und ostzentrasien. XV b. Mittelasien II. Berlin, 1998.

Paul Ward English. Qanats and Lifeworlds in Iran Plateau Viladges // Yale f & es bulletin 103.

Schlumberger D. Le palais ghaznevide de Lakshkari Basar // Syria. - Vol. 29, 1952.

Список принятых сокращений

АКД – Автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук.
АН КазССР- Академия наук КазССР.
АСГЭ — «Археологический сборник Государственного Эрмитажа». Л.
ГМИНВ – Государственный музей истории искусств народов Востока. М.
ИАН – Известия Академии наук.
ИИАЭ АН Турк.ССР- Институт истории, археологии и этнографии АН ТССР.
Ашхабад.
ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана». Ташкент.
КазГУ- Казахский государственный университет им. С.М. Кирова.
КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». М., Л.
КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». М.—Л.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР». М.—Л.
МКТ — «Материальная культура Таджикистана». Душанбе.
МОН РК, НАН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан, Национальная Академия наук Республики Казахстан.
СА – Советская археология. М.
САИ — «Свод археологических источников». М.—Л.
СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа». Л.
СЭ – «Советская этнография», М.
ТГЭ — «Труды Государственного Эрмитажа». Л.
ТИИАЭ АН КазССР - Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата.
ТИИЭА АН ТаджССР - Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Душанбе.
ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
ТОВГЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
ТХАЭЭ — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». М.

Научное издание

Ербулат Акижанович СМАГУЛОВ

ДРЕВНИЙ САУРАН

Дизайн и верстка: Турганбаева Л.Р., Бектиярова Д.С.

АО «АБДИ Компани»
050050, г. Алматы, пр. Сейфуллина, д. 465/191
e-mail: office@abdi.kz
www.abdi.kz

Заказ №

ISBN 121212

Красная Звезда
Томенарык
Жаилма
руд Шалкия
449 м. г. Оғизмүйіз

ЖАНАКОРГАН
Яны Нурган
Жанааул
Карасопе
Биррестик
Бирлик
Кызылмашы

Тогускен
Миялы
Сырдарья
Талап Боздала
Беш-Арык

Келитобе
Караатобе
Туркестанский
Калгансыр

Коктобе
Жалантос
Акколь
Балтаколь
Кызылшаруа

сауран - Каратобе

сидак

ЯСЫ